

АННА ДЖЕЙН

**РАЗРЕШИ
ЛЮБИТЬ**

Позволь мне быть рядом

18+

Навсегда в моем сердце

Анна Джейн

**Разреши любить. Позволь
мне быть рядом. Книга 2**

«Автор»

2026

Джейн А.

Разреши любить. Позволь мне быть рядом. Книга 2 / А. Джейн — «Автор», 2026 — (Навсегда в моем сердце)

Он потерял любимую и поклялся, что никогда больше никого не полюбит. В его сердце навсегда останется лишь она, его нежная девочка. Но однажды он встретил девушку, которая неуловимо напоминает ему о первой любви. У нее тот же запах, та же фигура и тот же голос, только лицо другое. Она дочь опасного человека. Какой секрет она хранит? И сможет ли заменить ту, которую он так сильно любил? Он пойдет на все, чтобы узнать правду.

© Джейн А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Последний шанс	7
Часть 1. Возрождение чувств. Глава 1. Спасение	10
Глава 2. Шестое чувство	14
Глава 3. Одержимость	22
Глава 4. Неслучайный диалог	30
Глава 5. Загадочная коллега	34
Глава 6. Ужин на высшем уровне	40
Глава 7. Поцелуй в библиотеке	50
Глава 8. Откровенный разговор	54
Глава 9. Точка кипения	62
Глава 10. Лучшие друзья	64
Глава 11. Она изменила себя	68
Глава 12. Неожиданная встреча	74
Глава 13. Предстоящая поездка	79
Часть 2. Непростой выбор. Глава 14. Страшный сон	82
Глава 15. Опасная сделка	85
Глава 16. Ошибка ценою в жизнь	88
Глава 17. Я должна увидеть маму	90
Глава 18. На кладбище	93
Глава 19. Встреча с мамой в логове врага	95
Глава 20. Решение бороться до конца	98
Глава 21. Встреча подруг	100
Глава 22. Разговор в самолете	104
Глава 23. Ссылка на море	108
Глава 24. Выбор сделан	111
Глава 25. Тени прошлого	114
Глава 26. Разрыв помолвки	118
Часть 3. Никогда не сдаваться. Глава 27. Неожиданная встреча на море	122
Глава 28. Свидание на пляже	125
Глава 29. Волшебная ночь вдвоем	129
Глава 30. Жить настоящим	134
Глава 31. Страшная потеря	136
Глава 32. Свидетель	140
Глава 33. Стать невидимой	149
Глава 34. Подслушанный разговор	152
Глава 35. В ловушке у монстра	157
Глава 36. Романтическое свидание	162
Глава 37. Смелый поступок	169
Глава 38. Важное решение	176
Глава 39. Возвращение в родной дом	180
Часть 4. Все становится на свои места. Глава 40. Поездка в дом с красной крышей	185
Глава 41. Правильный выбор	193
Глава 42. Под подозрением	197
Глава 43. Вместе мы справимся	200

Глава 44. Подстава	205
Глава 45. На грани	209
Глава 46. Выстрел в сердце	213
Глава 47. Отчаянная любовь	222
Глава 48. Тайна, ставшая явью	226
Глава 49. Утонуть в нежности	229
Глава 50. Секреты Мэри	232
Глава 51. Маленькая Маша	236
Глава 52. Мы снова семья	238
Глава 53. Любовь возвращается	244
Глава 54. Быть счастливой	247
Глава 55. Покушение	250
Глава 56. Любить и быть любимой	255
Глава 57. Предложение	260
Эпилог	263

Анна Джейн
Разреши любить. Позволь
мне быть рядом. Книга 2

*Посвящается друзьям и единомышленникам,
благодаря которым эта история увидела свет.*

Ненавидеть — это легко, любить — это прекрасно.

*Искра любви становится пламенем
и разгорается в большой огонь.
(8:6) Песнь Песней Соломона*

Пролог. Последний шанс

Самолет приземлился в аэропорту города, с которым связаны не самые лучшие воспоминания. Мне стало не по себе, появилась тревога. Отец ведь предупреждал об опасности, которая может подстергать меня, если с ним что-то случится. Неужели он знал, что с ним произойдет? Его фраза «это запасной план» крутилась у меня в голове, а следом — слова Марка о наследниках и Игната о грозящей нам опасности. Если раньше я не принимала сказанные предостережения и не понимала их, то теперь сполна ощутила всю опасность и осознала риски происходящего. Мне стало нехорошо, но вернуться я не могла. Оставалось идти только вперед.

Через час, обойдя несколько однотипных улиц, я наконец подошла к нужному дому. Пришлось поплутать, так как точного адреса я не знала. Но мне повезло, красная крыша выделялась на фоне серых зданий, да и пышный куст сирени у забора выглядел примечательно. Я сделала все так, как говорил Вальзер: нашла ключ под этим самым кустом и вошла в дом.

Внутри было пусто и холодно. Меня встретила тишина, тяжелая, почти осязаемая. На удивление в доме было электричество: когда я без надежды нажала на выключатель, зажглась огромная люстра и небольшой холл осветился тусклым желтым светом. Я не стала долго разглядывать окружающее пространство. Чужие стены давили, пустота казалась бездонной. Здесь было так тягостно, что хотелось развернуться и бежать, но я не могла этого сделать, отступить было нельзя.

В доме давно никто не жил, и это было видно с первого взгляда. На стенах и роскошной мебели поселилась пыль, скрывая следы прошлого присутствия хозяев. Из-за железных решеток на окнах снаружи и тяжелых алых штор внутри в доме царил полумрак. Тусклый свет в небольшом холле, стены которого были выкрашены в мрачные тона, не мог разогнать тягостное ощущение, что с хозяевами случилось нечто неладное. Дом казался вымершим. Словно кто-то начал здесь новую жизнь, но по какой-то причине был вынужден сбежать, так и не успев привести жилище в порядок. На душе стало тоскливо. Я заметила, что у меня похолодели руки.

Я обошла весь первый этаж, чувствуя, как от напряжения разболелись все мышцы, и наконец-то обнаружила дверь в подвал. Вниз вела узкая деревянная лестница. Темнота, словно живая, обволакивала ступени, и мне показалось, что внизу меня ждет что-то страшное. Все это напоминало сцену из фильмов ужасов. Я сделала шаг, чувствуя, как холодные мурашки пробегают по спине.

Подвал оказался просторным, но почти пустым. Лампа в углу бросала слабый свет, едва помогая разглядеть, что находится передо мной. Старые доски, поломанная мебель, какие-то коробки, в беспорядке разбросанные по полу. Все выглядело так, будто вещи в подвале оставили в спешке. Я начала поиски. Мне пришлось осмотреть все помещение, прежде чем за горой мусора, в самом углу, я нашла металлический сейф. Большой, массивный, он был похож на неприступную крепость.

«Какие тайны ты скрываешь?» — подумала я, проводя ладонью по холодной металлической поверхности.

Я набрала код, который назвал мне Вальзер, и затаила дыхание, но... ничего. Щелчка не было. Попробовала еще раз — и снова ничего не произошло. Я не могла ошибиться. Неужели я забыла слова Вальзера, своего нового отца? Нет, не могла! Я хорошо их помнила. Паника подступила к горлу. Сжав кулаки, я в отчаянии пнула сейф, будто это могло помочь.

«Что я здесь делаю?» — думала я, дрожа всем телом, и обхватив себя за плечи. — Последний шанс сделать хоть что-то значимое — и я с ним не справилась. Я потеряла столько лет, похоронив себя и надежду. Смирилась, не сумев бороться. На кону стояло слишком многое. И теперь, когда жизнь дала мне возможность снова стать счастливой и свободной, я не справилась».

Слезы, которые я так долго сдерживала, потекли из глаз, оставляя на щеках соленые следы. В поисках ответа я металась по подвалу из угла в угол.

Выбившись из сил и потеряв надежду, решила подняться на верхний этаж, чтобы отдышаться. В гостиной почти не было мебели: лишь большой диван из черной кожи, два кресла, обитые бархатом, овальный стол да заваленные коробками углы.

Я подошла к окну и слегка отодвинула тяжелую штору — окна гостиной выходили во двор. Время пролетело незаметно, и уже стемнело, на улице было удивительно тихо. Только где-то вдалеке еле слышно напевали свои мелодии ночные птицы. Полная луна освещала двор, создавая игру теней от деревьев и кустарников. Я задумалась, снова прокручивая в голове комбинацию цифр, вспоминая код от сейфа. Вдруг мне показалось, что в кустах промелькнул еле заметный силуэт.

Испугавшись, я отшатнулась от окна и спряталась за тяжелой шторой. Что это было? Игра моего воображения? Или во дворе действительно кто-то находился?

Я прислушалась, но дом ответил лишь зловещей тишиной. Сделав глубокий вдох, снова выглянула в окно. Но снаружи ничего подозрительного больше не происходило, листья деревьев шелестели от ветра, наполняя двор сонным спокойствием. Отодвинувшись от окна, я еще плотнее задернула шторы. Тревога не покидала меня. В отчаянии побродив по дому, снова спустилась в подвал, перебирая в голове возможные комбинации. «Должно быть, я что-то упустила. Ответ где-то рядом», — уговаривала себя, но не могла вспомнить ничего нового. И тут на ум пришла бредовая мысль, настолько простая и ужасная одновременно, что мне даже стало страшно за себя, если она окажется верной. И все же я решила попробовать и дрожащими пальцами набрала код.

В тишине раздался щелчок, словно выстрел. Я вздрогнула. То, что произошло, не могло быть реальностью. Неужели Вальзер все узнал? Меня бросило в жар, а потом обдало холодом. Казалось, что я угодила в ловушку и за мной кто-то наблюдает. Может, Вальзер специально заманил меня в капкан, чтобы убить без свидетелей? Я не могла поверить, выдохнула, собираясь с мыслями. Сейчас или никогда.

Дверца сейфа поддалась. Внутри было слишком много всего: пачки денег, какие-то документы, банковские карты с указанием кодов. Среди бумаг я нашла паспорта — мой и Мэри. В документах — наши фотографии, но имена чужие. Последним лежало письмо. Оно словно ждало меня. Я взяла его в руки, чувствуя, как колотится сердце.

Прочитав письмо, я сложила документы, банковские карты и часть денег в свою дорожную сумку и почувствовала, как она стала тяжелой. Я аккуратно закрыла сейф. На душе стало тошно, будто его железные двери заперли и мои надежды. Слезы, которые я больше не могла сдерживать, обжигали щеки.

Долго оставаться здесь было нельзя, но идти в ночь с деньгами мне казалось еще более опасной затеей. С каждым шагом туман в голове становился гуще. Я поднялась наверх, глотая слезы.

Я остановилась у окна и, отодвинув штору, с опаской посмотрела наружу. Темнота, густая, как чернила, меня пугала. Двор пустовал, но ощущение, что кто-то бродит рядом, не покидало. Сердце замирало от каждого шороха. Через пару часов наступит рассвет, и я смогу выбраться отсюда незамеченной. Но сейчас мне хотелось спрятаться. Закрыться от всего мира, хотя бы ненадолго.

От всего пережитого меня потряхивало, я забралась в кресло и свернулась клубком, как ребенок. Мысли путались. Я думала о будущем, о том, как пережить эту ночь, и о том, что ждет меня дальше. Усталость взяла верх, тяжелые веки закрылись, и я погрузилась в беспокойный, тревожный сон.

Сквозь дремоту я слышала, как открывается входная дверь. Кто-то медленно и осторожно поворачивал ключ. Сердце замерло, но сознание продолжало убаюкивать меня словами:

«Это всего лишь сон». Затем — шаги. Тихие, но уверенные, разрывающие тишину ночи. Звуки становились все ближе и отчетливее.

Я чувствовала, как страх окутывает меня липкой паутиной, словно паук тянет свои невидимые нити, сковывая каждое движение. Сердце начало колотиться, бешено, гулко. Казалось, оно сейчас выпрыгнет из груди. «Кто это?» — зазвучало в голове, но ответа не было. Только шаги. Они становились ближе. Я чувствовала на себе чей-то взгляд и хотела проснуться и спрятаться, но не могла. Не понимала, это происходит со мной во сне или наяву? Я не знала, что мне делать. Бежать, укрыться? Но тело не слушалось. Ноги будто заковали в цепи. Хотела закричать, но тоже не могла. Рот словно заклеили, голос отказывался подчиняться.

Шаги замедлились. Потом начали удаляться, становясь тише. Я поняла: кто-то спускается в подвал. Казалось, что вместе с удаляющимися шагами мои последние шансы на спасение утекают в темноту. Ночная тишина снова накрыла дом. Грудь сдавило от безысходности.

«Ну все, мне конец», — подумала я, готовясь к худшему, и вцепилась в подлокотник кресла, словно это могло меня спасти...

Часть 1. Возрождение чувств. Глава 1. Спасение

Два месяца назад.

От ужаса я дернулась и почувствовала острый укол лезвия в шею. По коже потекло что-то теплое.

— Не дергайся, — приказал мужчина, не отпуская меня. — Будешь вести себя хорошо, останешься живой. Поняла?

В ответ я промычала в его ладонь что-то неразборчивое. Ужас, сковавший меня, был такой силы, что я с трудом осознавала реальность. Это все происходило будто не со мной, а с кем-то другим. Я просто смотрю какое-то страшное кино...

— Идешь со мной, стерва. Никаких звуков и лишних движений. — Мужчина плотнее прижал лезвие к моей шее, делая еще больнее. А затем рывком поднял меня на ноги, которые подкашивались, как у сломанной куклы. — Может быть, твой папаша тебя спасет. — И он хрипло рассмеялся.

Я вдруг снова услышала шум и подняла взгляд. За полураскрытой дверью находилась еще одна тень. Это был Игнат, и когда я поняла, кто там, страх и отчаяние отступили. Стало спокойно, несмотря на то что к моей шее какой-то ублюдок прижимал лезвие ножа — так, что по ней текла кровь. Я знала, что мой мальчик не оставит меня в беде. Спасет. Как спасал раньше.

Наши с Игнатом взгляды встретились, и он покачал головой, давая понять, чтобы я не выдавала его. Это заняло буквально две или три секунды — проникший в мой номер мужчина ничего не заподозрил. Он грубо поволок меня в сторону двери, совершенно не ожидая нападения. Игнат появился внезапно, набросился на похитителя со спины, и тот на мгновение потерялся. Выпустил меня и накинулся на Изната. Завязалась борьба — жестокая и молчаливая, без криков и гулких ударов, как это обычно бывает в фильмах.

Дальнейшие события сохранились в моей памяти как обрывочные картинки, наполненные страхом — не за себя, а страхом за Изната. Я выбежала в коридор и стала звать на помощь. Кричала так истерично и громко, что почти тут же появились люди — постояльцы и охрана Вальзера. Они забежали в номер, не давая мне возможности последовать за ними. А спустя несколько минут вышли, волоча за собой небритого мужчину с окровавленным лицом. Моего несостоявшегося похитителя. Увидев меня, он ухмыльнулся:

— Фартовая ты.

Но тут же получил под дых от одного из охранников и замолчал. Только до него мне дела не было — я хотела знать, что с Игнатом. Он все еще оставался внутри. А вдруг охрана Вальзера решила, что они заодно?! И что-нибудь с ним сделала? Или этот урод ранил Изната?..

Я рванула обратно в номер, не слушая ничьих криков. Теперь всюду горел яркий свет, на полу краснели капли крови. В прихожей и гостиной все было перевернуто вверх ногами — видимо, из-за борьбы. Бледный Игнат сидел на полу, привалившись к стене и откинув назад голову — так, что на шее выступал кадык. Темные волосы полукольцами прилипли ко лбу, дыхание казалось тяжелым, а на рубашке виднелись пятна крови. Рядом валялся окровавленный нож. Господи, Игнат ранен... Ранен из-за меня! Он увидел меня и попытался улыбнуться.

— Влада, ты в порядке? — В его голосе было столько нежности, что она опалила сердце.

— Да... А ты?.. А ты как?!

Совершенно не контролируя себя, я бросилась к Игнату, упала на колени рядом, обхватила ладонями его лицо, заглянула в глаза и спросила странным тонким голосом:

— Тебе... Тебе больно?

Глядя мне в глаза, Игнат медленно кивнул.

— Где? — прошептала я, перепугавшись так, что удавкой сдавило горло. — Где больно? Скажи...

Он молча прижал ладонь к левой стороне груди. От ужаса внутри все перевернулось. Сердце? Его ранили в сердце? Что теперь будет? Игната ждет... смерть?

Смерть. Слово-стрела, пронзающее насквозь. Слово-боль, после которого хочется выть. Слово-вечность, в которое вмерзает душа. Слово, после которого больше ничего нет.

Лучше бы это меня ранили. Только не его. За что ему эта боль?..

— Тебя ранили в сердце? — прошептала я, сжимая лицо Игната и вглядываясь в янтарные глаза. Каждое слово давалось с трудом.

Наверное, на моем лице отразился такой ужас, что Игнат замотал головой, накрыв мои ладони своими.

— Нет-нет, ты не так поняла, Влада... Так, несколько царапин, ничего страшного, — заговорил он. — Я в порядке. Все хорошо. А ты... У тебя порез на шее. Больно, моя девочка?

— Нет... Я тоже в порядке, — с трудом произнесла я.

Игнат подался вперед, привлекая меня к себе и обнимая, а я и не сопротивлялась. В его объятиях было тепло и безопасно. Я положила голову ему на его плечо и зачем-то вцепилась в его широкое запястье.

— Все хорошо, малыш, — шептал Игнат, крепче прижимая меня к себе. — Все хорошо. Ты так дрожишь... Не бойся, маленькая, все позади. Никто больше тебя не тронет. Веришь?

— Верю, — проговорила я с трудом, зарываясь носом в его плечо и вдыхая знакомый запах. Ты мой, только мой, Игнат. Мой...

Мне хотелось просидеть с ним так целую вечность, но уже спустя минуту меня подняли на ноги люди Вальзера. И, не давая больше ничего сказать Игнату, куда-то повели. Я в панике оглядывалась на Игната, не желая уходить от него, даже кричала что-то, но мне все равно не позволили остаться. Сказали, что должны следовать указаниям отца. Меня посадили в машину, в которой спустя несколько минут оказалась перепуганная Мэри, явно переборщившая с алкоголем, и нас повезли домой. День рождения закончился несостоявшимся похищением.

С Вальзером я встретила только на следующий день, вечером — все это время он отсутствовал. Я так и не смогла уснуть, воспоминания о случившемся не давали мне сомкнуть глаз. Просто лежала в кровати, сжимая одеяло, и думала об Игнате. А еще почему-то о маме. Плакать и кричать не хотелось — хотелось спрятаться. Забиться поглубже в нору и закрыть глаза, чтобы утонуть в вечности.

Когда в комнате появился Вальзер, я сидела у окна и смотрела на окрашенное закатом небо.

— Дочка, ты как? — осторожно спросил он, встав рядом. Какой-то небритый и уставший. И злой, очень злой. Хотя Вальзер и казался спокойным, от него исходила агрессия, а мне оставалось лишь радоваться, что она направлена не на меня.

— Все хорошо, — тихо ответила я.

— Сильно испугалась?

— Сначала да... Сейчас уже в порядке. А что хотел этот человек?

В глазах у Вальзера промелькнула лютая ненависть, которая на мгновение заострила черты его лица. Но он взял себя в руки и попытался спокойно ответить:

— Одни твари... то есть, нехорошие люди хотели украсть тебя, чтобы надавить на меня. Мой промах. Недогадал. — Вальзер на несколько секунд замолчал. — Я многим как кость в горле. Боятся задохнуться, но и выплюнуть не могут. Пытаются сожрать всеми способами. Но я их всех поломаю, дочка. Каждого. Не бойся, защищу. Пока не разберусь с этими людьми, рядом с тобой будет охрана. Постарайся никуда не выходить, побудь дома, хорошо?

— Хорошо. А что с Игнатом? — живо спросила я. — Он спас меня...

— В порядке, — коротко ответил Вальзер. — Есть пара царапин, но пустяки.

Я облегченно выдохнула. С моим мальчиком все хорошо. И это главное.

— А с тем мужчиной что?

— Тебе лучше не знать, дочка, — усмехнулся Вальзер.

Я похолодела. Они его пытали? Убили? Действительно, лучше не знать.

— Игнат говорит, возвращался в свой номер и увидел, как дверь к тебе взламывает какой-то тип. Ну и пошел следом. Только... Влада, откуда Елецкий знал, что номер твой? — Глаза Вальзера сделались пытливыми. Может быть, он что-то заподозрил?

— Кажется, мы встретились на этаже, — пожала я плечами, стараясь быть равнодушной. — Плохо помню, голова болела после праздника.

Вальзер кивнул. Видимо, Игнат сказал то же самое. Это ведь действительно так. Почти.

— Буду честен. Не ожидал от него. Но благодарен. Если бы не Елецкий, кто знает, что бы случилось. Охрану, которая должна была тебя защищать, в шею погнал. С тобой новые парни будут. Не бойся. И да, помнишь про дом, Влада? С красной крышей.

— Помню, — вздохнула я.

Вместо ответа Вальзер прикрыл глаза, словно говоря: «Хорошо». Неумело погладил меня по голове и ушел. Только после этого разговора я смогла заснуть.

На следующий день из гостиницы мне привезли подарок Игната и визитку, которая так и лежала на подоконнике. Я специально звонила и просила управляющего об услуге. Слава Богу, и визитку, и подаренную Игнатом бабочку не выкинули при уборке номера. Я нацепила брошь на домашнее платье — так сильно она мне нравилась — и долго вертела в пальцах визитку Игната. Его номер. Новый, не тот, что был когда-то прежде. Может быть, я могу ему позвонить? Услышать голос... Тем более, у меня есть официальный повод — поблагодарить за спасение.

Несколько дней я кружила вокруг телефона, словно девочка-подросток, не решаясь набрать номер Игната. Но все-таки сделала это. Гудок, еще один гудок, еще... Трубку, наконец, подняли. Только вместо голоса Игната я услышала другой голос — женский и тонкий, смутно знакомый.

— Слушаю вас, — сказала девушка.

— Здравствуйте. Я, наверное, ошиблась номером, — запаниковала я, решив, что неправильно набрала, но она произнесла:

— Вам нужен Игнат Константинович?

— Да, — ответила я. — Вы его секретарь?

В ответ раздался хрустальный смех.

— Нет, я его невеста. Игнат в душе, а я взяла телефон, потому что он лежал рядом с нашей кроватью.

Алекса. Вот кто со мной разговаривает! Ее слова резали по живому. «Наша кровать»? Значит, они живут вместе? И спят вместе... Я облизнула пересохшие губы. А что я хотела? Она его невеста...

— А кто вы? — продолжала Алекса, даже не представляя, что происходит у меня на душе.

— Сотрудница центрального офиса, — соврала я зачем-то.

— Вот оно что! Может быть, мне что-то передать Игнату? — спросила девушка.

— Нет, не нужно, — быстро ответила я. — Я перезвоню Игнату... Константиновичу позднее. Когда он будет свободен.

— Он будет свободен завтра, — снова раздался хрустальный смех Алексы. — Сегодня у нас особый день.

— Простите, что побеспокоила, — пробормотала я, чувствуя себя идиоткой.

— Все в порядке.

Мы попрощались, но трубку Алексы успела положить не сразу. Я услышала, как она говорит:

— Милый, ты такой красивый. Иди ко мне.

После этого снова раздались гудки, а я отбросила телефон в сторону. Это была плохая идея.

Неделю ничего не происходило. Все было спокойно, никаких новостей. Размеренная привычная жизнь. Привычная золотая клетка. Разве что звонил Стас, чтобы в подробностях расспросить, что произошло. Он был так зол, что даже не язвил, как обычно. А в конце предупредил:

— Ты должна жить, Владочка. Ты же знаешь это? Хватайся за свою жизнь обеими руками, чтобы и твоя мать жила.

— Знаю, — выдохнула я в трубку.

— Ну и молодец. Как все не вовремя, — выругался Стас и бросил трубку. А я вернулась за стол, на котором лежали листы бумаги, карандаши, фломастеры и мелки. Мэри подсадила меня на нейрографику, которую ей посоветовал психотерапевт. Мачеха заявила мне, что это способ работы с подсознанием. Мол, ей помогает снять напряжение. Я быстро освоила этот метод — сначала рисовала на листке непрерывную произвольную черту, затем сглаживала острые углы плавными линиями и закрашивала сегменты. Странно, но пользоваться хотелось только черным и красными карандашами. Другие цвета не привлекали меня. Я будто не видела их. Только черный и красный. Тьма и кровь. Ничего больше.

Еще через несколько дней Нина, ведущая хозяйство в доме Вальзера, предупредила меня, что ужин сегодня будет раньше и на него приглашены гости. Я решила, что, как бывало обычно, за редкими исключениями, придут Стас и Марк, и надела обычные джинсы и легкую белоснежную блузку, на воротник которой зачем-то прицепила брошь, подаренную Игнатом. Бабочка так нравилась мне, что не хотелось ее снимать. Она напоминала о моем мальчике.

Однако меня ждал сюрприз — вместо Стаса и Марка в гостиной я встретила Игната и Алексу, которая держала его под руку. И смотрела на него так, как смотрит влюбленная женщина на своего мужчину.

Глава 2. Шестое чувство

Игнат стиснул зубы, пытаясь подавить бушующие внутри эмоции. В этом номере, в присутствии Влады, он снова почувствовал себя тем человеком, которым был шесть лет назад, — молодым, счастливым и жаждущим любви. Игнат безошибочно распознал ее одиночество, когда Влада, не дав ему уйти, обхватила за пояс и прижалась, словно в поисках спасения. Он вдруг понял: она боится своего отца. Он чувствовал этот страх, но также ощущал ее покорность обстоятельствам и какую-то надломленность. Происходящее казалось наваждением, но Игнат внезапно осознал, что если спасет Владу, то и сам спасется. «Ты моя. Почему ты этого не видишь?» — хотелось выкрикнуть Игнату.

Когда она вывела его из номера, Игнат хотел схватить ее за руку, прижать к себе и просто забрать с собой. Неважно куда. Хотел спрятать, укрыть от всего — от жестокого мира, от чужих глаз и холодных прикосновений. Укрыть от мира, в котором они оба были одиноки. Но Влада была ему запрещена!

Она казалась воплощением всего, что он потерял. И в этом таилась невыносимая боль. Ее глаза, движения, даже отчаянный жест, когда она ударила его по щеке за дерзкие слова о Вальзере, — все напоминало ему Ярославу. Владислава сделала то, что ни одна женщина себе не позволяла. Но стоило ей коснуться его щеки, и он словно оказался в прошлом, когда Яра была рядом, гладила его лицо, а он любовался ее глазами. «Прекрати смотреть на меня так. Твои глаза сводят меня с ума!» — кричала душа Игната.

Она касалась его лица, а перед глазами стоял образ Яси. В глазах Влады он видел, любовь и боль, точно такие же, какие видел шесть лет назад в глазах Яси. Мир после ухода Ярославы казался ему выцветшим. И как бы Игнат ни пытался отгородиться работой, встречами с девушками на одну ночь и даже фиктивным браком с Алексой, ощущение пустоты внутри не покидало его. Только после встречи с Владой он вновь почувствовал себя живым. Пусть и ненадолго. Таким живым, что сердцу становилось тесно в груди, бросало в жар и холод от одного взгляда девушки. Таким живым, что хотелось дышать до разрыва легких и при том задышаться от нежности. Таким живым, каким чувствовал себя рядом с Ясей.

«Почему ты? Почему именно ты?» — отчаянно думал он, глядя на Владу. Стало нестерпимо больно, так, что хотелось сложиться пополам и зареветь диким зверем. За что ему это проклятие? Почему память о Ярославе оживает так ярко и сводит его с ума рядом с дочерью Вальзера?

В тот момент он принял решение. Узнать Владу поближе, разгадать ее. Хотя Игнат понимал, что Влада права: у него не было шансов. Она ясно дала понять, что не подпустит его к себе. Но это не останавливало его. Он привык получать то, чего хотел. И он хотел Владу.

Игнат покинул номер с ощущением пустоты от безысходности. Его сердце ныло, будто кто-то сжал его в тисках. Все, что ему оставалось — ждать ее звонка. А он не привык переступать через свою гордость ради женщины, которая в нем не заинтересована. Не желая оставаться наедине с гнетущими мыслями, от которых снова начнет сходить с ума, Игнат спустился вниз, и зашел в бар в поисках Сержа. Он надеялся, что тот сможет отвлечь его от страданий, которые раздирали душу. Но сам же понимал — ничто не поможет. Ни Серж, ни алкоголь, ни работа, ни другие девушки. Все его мысли теперь принадлежали только ей. Друга он нашел быстро, но компания, в которой тот проводил время, оказалась неожиданной. Серж вел оживленный разговор с женихом Влады.

Игнат сжал от злости зубы так, что они закрипели. Марк его откровенно раздражал. Дело было не только в ревности к Владе — Игнату почему-то казалось, что ее предстоящий брак с Марком основан скорее на расчете, чем на любви. Дело было в другом — этот тип был подозрительным, в его поведении чувствовалась фальшь.

Хорош Серж, нашел себе компанию! Игнат понимал, что, если подойдет к ним и вмешается в разговор, ничего хорошего из этого не выйдет. В таком настроении он мог наговорить лишнего, да и кулаки сжимались при воспоминаниях о Владе, сказавшей, что любит Марка всей душой, хотя ее глаза выдавали обратное. Желание Игната хорошенько врезать по его наглой физиономии только усиливалось, отчего сводило мышцы и пальцы сжимались сами собой. Но устроить драку в баре было бы слишком мальчишеским и опрометчивым поступком. О таком непременно донесут Вальзеру. Игнат решил не показываться парням на глаза и устроился в самом конце барной стойки, так чтобы его не было видно.

На душе было тоскливо. Разговор с Владой не принес желаемого результата, но Игнат не ощущал себя проигравшим. Он оставил ей свой номер телефона и подарок. Вопрос только в том, откроет ли девушка его, или выбросит, даже не посмотрев?

Подарок Игнат выбирал сам — редкий случай, ведь обычно такими вещами занималась его секретарь. Но в этот раз он захотел лично купить подарок. Заехав в ювелирный магазин, долго разглядывал витрины и присматривался к украшениям. Когда взгляд зацепился за брошь в виде бабочки, он понял: это то, что нужно, идеальный вариант. И купил не раздумывая.

Бабочка. Удивительно хрупкое и осторожное создание. Она опускается лишь туда, где чувствует себя в безопасности. Игнат хотел, чтобы Влада тоже ничего не боялась, могла свободно порхать. Или, лучше, летела к нему. Он все еще помнил серьги Ярославы в виде бабочек из белого золота. Они были подарком его отца и ее матери на день рождения Яси, изящные, подчеркивающие утонченность девушки. Такими же были их отношения. Образ Яси всегда незримо присутствовал в жизни Игната, на осколках его сознания. Но с появлением Влады он стал вспоминать о Ясе чаще. Думать об этих двух, казалось бы, совершенно разных девушках было странно, даже неправильно. Но Игнат ничего не мог с этим поделать.

Бармен подал ему бокал виски со льдом, но он даже не пригубил. Хотелось сохранить голову ясной, а сознание трезвым. Игнат пришел сюда не для того, чтобы забыться, а чтобы не оставаться в гостиничном номере. Ирония заключалась в том, что среди чужих людей он ощущал себя особенно одиноко.

Как бы ни возросли его сила и влияние, рядом не было человека, которого хотелось бы прижать к груди, почувствовав покой и умиротворение. Шло время, но он остался тем, кто однажды нашел уют и тепло с Ясей и с тех пор закрывался от всего мира, погрузившись в работу. С Владой было иначе. Никаких нежностей она бы не потерпела. Игнат даже усмехнулся, представляя, как быстро она поставила бы его на место за что-то подобное.

В конечном счете Игнат оказался на празднике в честь Влады не для того, чтобы весело провести время. Он был здесь ради нее. Пусть на расстоянии, через стену гостиничного номера и на разных кроватях — ему было важно оставаться рядом. Игнат словно предчувствовал, что он может понадобиться ей, защитить ее. И он не ошибся.

Расплатившись с барменом, Игнат направился в свой номер, отгоняя прочь грустные мысли. Но как только он оказался на нужном этаже, его внимание тут же привлекло движение в конце коридора. Возле двери Влады возился какой-то незнакомец. Незнакомый мужчина пытался проникнуть в ее номер, и его поза, жесты вовсе не казались дружескими, это был не случайный посетитель. От его фигуры исходила опасность.

Игнат замер, мышцы напряглись, а разум тут же понял, действовать надо быстро. Он мог бы попытаться схватить мужчину прямо здесь, в коридоре, но не успел, тот оказался проворнее — бесшумно открыл дверь номера и исчез внутри. Игнат двинулся следом, стараясь перемещаться настолько тихо, насколько мог.

В комнате было темно, но даже сквозь полумрак Игнат уловил, как блестит нож в руках у мужчины. Тот прижимал к горлу Влады холодное блестящее лезвие. Лицо девушки, обычно уверенное и немного дерзкое, сейчас выглядело неестественно бледным, почти прозрачным. А взгляд — полный страха и отчаяния — говорил больше, чем любые слова.

Мужчина что-то шептал, требуя подчинения. Он приказал ей идти вслед за ним. Игнат замер у двери, чувствуя, как кровь пульсирует в висках, разгоняя в нем ярость. Но он знал, что должен сохранить ледяное спокойствие, потому что не мог позволить себе совершить ошибку, допустить еще одну потерю в своей жизни. Не сейчас. Но ради нее.

«Держись, малышка», — мысленно повторил он, когда мужчина, схвативший девушку, грубо рванул ее за плечи. Игнат решил: если действовать, то быстро. Молниеносно. И без промахов. Он двигался бесшумно, словно хищник, стараясь оставаться в тени. И тогда их взгляды встретились. Влада увидела Игната и ее глаза мгновенно наполнились решимостью. Она едва качнула головой, понимая — ему нельзя выдавать себя. Игнат сделал знак: ждать. А потом напряг мышцы, готовясь к броску.

Мужчина потянул Владу ближе к двери, не догадываясь, что они не одни. Его лицо перекосило от злорадства, словно он уже победил.

Рывок — и Игнат оказался за его спиной, крепко обхватил мужчину за шею и блокировал руку. Тот покачнулся, опуская нож, что дало Владе возможность вырваться.

Испуганная девушка побежала к двери и стала громко звать на помощь. Злые, налившиеся кровью глаза блеснули в темноте, и в следующее мгновение мужчина бросился на Игната. Игнат смог уклониться от прямого удара, но нож полоснул его по груди, оставляя мгновенную и резкую боль. Адреналин бушевал в крови, не давая Игнату остановиться. Все, что сейчас имело значение, — это Влада и ее безопасность.

Нож с глухим звуком вылетел из пальцев нападавшего и упал на пол. Тот попытался рвануть к двери, но Игнат не дал ему шанса — бросился вперед, поймал его за плечи и с силой повалил на пол. Между ними завязалась борьба, дикая и бессловесная. Мужчина не сдавался, но Игнат был готов умереть, лишь бы не дать этому уроду снова приблизиться к Владе. Все происходило как будто в замедленной съемке, хотя в реальности прошло всего лишь пару минут. Когда охрана Вальзера ворвалась в номер, Игнат едва держался на ногах. Телохранители оттащили его и крепко скрутили нападавшего. Елецкий успел увидеть, как того уводят, а затем почувствовал, что силы начинают покидать его. Он опустился на пол, привалившись к стене, заметив, что кровь пропитала рубашку.

Влада, вбежавшая в номер после охранников, несмотря на их крики, упала на колени перед Игнатом и обхватила его лицо ладонями.

— Влада, ты в порядке? — Игнат не удержался и через боль улыбнулся ей.

— Да... — ответила она дрожащим и невероятно знакомым голосом. — А ты?.. А ты как? Тебе... тебе больно? — Ее голос вошел под кожу Игната глубже, чем нож.

— Все хорошо ... — ответил он слабым голосом. Он смотрел на Владу, бледную, с большими испуганными глазами, но невероятно красивую. Ему казалось, что перед ним Яся, его любимая девочка. Ее голос, прикосновения, взгляд — все напоминало ему о ней.

Он увидел порез на шее девушки, и взгляд мгновенно прояснился. Игнат потянулся к Владе, притянул к себе, не думая о том, что кто-то может войти, обнял и вдохнул аромат. Этот запах был знаком до одури. Как у Яси. Землянично-медовый.

Влада дрожала в его объятиях, а он все повторял:

— Не бойся, маленькая, все позади. Никто больше тебя не тронет. Веришь?

— Верю, — отвечала Влада едва слышно.

Они могли сидеть так вечно, ему не хотелось ее отпускать, но в номер снова ворвались охранники, подняли Владу и потащили прочь, не обращая внимания на ее крики. Игнат хотел остановить их, но не мог. В глазах потемнело, и он почти потерял сознание.

Вскоре в номер вошел Вальзер. Его тяжелые шаги, резкие движения и пронзительный взгляд сразу наполнили комнату ледяным напряжением. Увидев Игната, Вальзер нахмурился.

— Жив? — сурово произнес он, похлопав парня по щекам, чтобы тот открыл глаза.

— Да, — хрипло ответил Игнат, силясь удержаться в сознании.

Вальзер, не отводя глаз, задал следующий вопрос:

— Как тут оказался?

Игнат быстро собрался с мыслями. Он знал, что каждое слово будет проверено.

— Шел в свой номер и заметил, как чужой вскрывает номер Влады, — ответил он ровным голосом.

На лице Вальзера не дрогнул ни один мускул. Но его следующий вопрос заставил Игната напрячься.

— Откуда знал, что это ее номер?

Это был допрос, который Игнат должен был выдержать. Он не мог сказать, что заранее выяснил, где остановится Влада, поэтому сослался на случай, едва заметно сжав зубы.

— Случайно видел, когда она заходила, — отозвался он.

Вальзер коротко кивнул, не заметив ничего подозрительного.

— Спасибо, парень! Век не забуду. Держись, лекаря скоро доставят.

Он крепко сжал плечо Игната — этот жест показался даже теплее слов. А затем широким шагом покинул номер, явно направляясь раздавать распоряжения.

Оставшись в одиночестве, Игнат отключился. Но вскоре вновь пришел в себя. У входа в номер раздался требовательный голос Сержа:

— Пропустите, там мой друг! — требовал Серж и пытался протолкнуться через охрану.

— Не велено, — железно заявил охранник.

— Что значит не велено? Вы в своем уме? Что с ним? — голос Сержа звучал тревожно, ничьих велений он не принимал.

Охранники не отвечали и горой стояли у входа в номер.

— Я кому сказал, впустите меня, иначе пожалеете! — Серж перешел к угрозам.

Игнат усмехнулся. «Какой упрямый», — мелькнуло в голове. Но тут же его улыбка сошла на нет, послышались глухие удары. Серж пытался прорваться через охранников. Обычно он предпочитал не ввязываться в драки. Как сам говорил, его душевная организация слишком тонкая, чтобы действовать грубо. Однако это был исключительный случай, несмотря на то что против подготовленных ребят он бы точно не устоял.

— Отпустите его, — крикнул Игнат из последних сил. — Это мой друг, пусть войдет. Иначе я доложу Илье Васильевичу, что у него тупая охрана. Пусть гонит вас к чертям, — пригрозил он.

Охранники переглянулись, понимая, что рисковать своей работой не стоит, и нехотя пропустили Сержа.

Тот пулей влетел в номер, и сразу же бросился к Игнату.

— Что с тобой? Ты ранен? Где Влада? Я слышал, что ее хотели похитить?

Серж непрерывно осыпал друга вопросами, но, увидев кровь, побледнел. Он всегда плохо переносил вид крови. Игнат заметил его реакцию и, несмотря на собственное состояние, не удержался от подкола:

— Попей водички, а то сейчас в обморок шлепнешься. — Эти слова слегка успокоили Сержа. Он понимал, что, если Игнат шутит, значит, все не так уж плохо.

— Ты всегда был идиотом, — проворчал он, усаживая друга на кресло.

Игнат усмехнулся, но затем его взгляд потемнел. Он думал о том, сколько раз судьба давала ему шанс уйти, но все же оставляла в живых. Почему? Игнат не боялся смерти, но и не мог понять, почему она обходила его стороной, забирая вместо него любимых людей — младшую сестренку, на долю которой выпала страшная болезнь, хотя он мог точно так же заболеть, и Ясю, погибшую в аварии, хотя именно он не боялся скорости и часто гонял на тачке. Даже матерый уголовник с ножом не смог его убить. Игнату не давали уйти, словно он должен сделать что-то значимое. Было ли это даром или наказанием? Ответа у него не было.

Игнат вкратце обрисовал другу события, которые развернулись в номере Влады. По ходу его рассказа лицо Сержа становилось все более мрачным.

— Ну ты герой, — наконец выдохнул Серж, прикрывая глаза. — Зачем ввязался в драку с вооруженным типом? Мог бы позвать охрану или хотя бы ее отца!

— У меня не было времени, — спокойно отозвался Игнат, хотя в его голосе чувствовалась усталость. — Владе угрожала опасность, и я не мог оставить ее одну.

— Эта девушка сведет тебя с ума, — сухо подытожил Серж.

Игнат не стал отвечать. Он был согласен с другом как никогда.

Разговор прервал вошедший доктор, за которым проследовал мрачный Вальзер. В его глазах читалось напряжение, а широкие плечи словно налились сталью. Он молча остановился у стены, наблюдая за тем, как медики суетятся вокруг Игната.

Доктор, осмотрев ранение, уверенно заявил:

— Угроза жизни отсутствует, но рану нужно зашить. Необходима госпитализация для более тщательной обработки и обследования.

— Фартовый ты, — задумчиво произнес Вальзер.

То же самое похититель сказал Владе. Игнат усмехнулся, но ничего не ответил. Вальзер выделил машину и отдал строгий приказ охранникам сопроводить Игната. Серж помог другу добраться до больницы и, убедившись, что все в порядке, вернулся в отель.

Игнат же провел почти всю ночь в палате. Ранение не было тяжелым, но после обезболивающих и пережитых эмоций у него закрывались глаза. Защищенный и перевязанный, Игнат вышел из больницы только под утро. Он поднял глаза в безмятежную небесную даль, сделал глубокий вдох. Утренний воздух был прохладным и чистым, небо едва начинало светлеть, окрашиваясь в пастельные тона. Рядом цветы в клумбах благоухали медовым ароматом. Игнат, вдохнув их запах, остановился, чтобы полюбоваться рассветом. Улыбнулся. Он не чувствовал себя героем. Однако последние события помогли осознать, что спустя столько лет в нем появилось искреннее желание жить.

Грудь тянуло от боли, но в душе впервые за долгое время появилось ощущение света. Возможно, настало время дать себе шанс разобраться с новыми чувствами. Разрешить себе любить. А шрам на груди останется не просто отметиной, — а символом чего-то нового. Его сердце не остановилось. Оно все еще билось — ради Яси, а теперь ради Влады.

Серж забрал из гостиницы вещи, и парни отправились в аэропорт. Вернувшись в родной город, Игнат сразу окунулся в работу. Деловые встречи, совещания и контракты занимали весь день, но мысли о Владе не оставляли его даже в повседневной суете. Она не выходила у него из головы. И хотя со стороны его увлеченность могла показаться одержимостью, он так не считал. Влада была живой и настоящей. И Игнату хотелось быть рядом с ней, чтобы тоже почувствовать вкус жизни.

Его тревожили мысли о том, что около нее находится Марк. Он ревновал, представляя, как Марк касается Влады, шепчет ей на ухо разные глупости, целует, а возможно, позволяет себе что-то большее. Игнат ненавидел даже идею, что кто-то, кроме него самого, может быть с ней рядом. Даже намеки на это приводили его в бешенство. Он не понимал сам себя — какая-то случайная встреча с незнакомкой, и вот он, как подросток, не может выбросить девушку из головы и ревнует, как будто имеет на это право.

Вечером, находясь в одиночестве в своей квартире, он подошел к окну и посмотрел на ночной город, распростертый под ним, на сверкающие огни, играющие с прохладной тьмой. Игнат достал телефон и нашел фото. Той, которая сумела перевернуть его мысли, взбудоражила сердце и поразила куда-то в душу. Она улыбалась ему с экрана телефона. В ней было все: свет, нежность, необъяснимая сила, которая захватывала его целиком.

И он ответил ей едва заметным движением губ. Она пока не его. Но это пока.

Игнат смотрел на фотографию Влады, чувствуя, как его сердце бьется быстрее. Ее глаза сияли мягким светом, будто хранили в себе солнце. Волосы, убранные в высокий хвост, открывали тонкую шею, их кончики игриво касались плеч. Красивое платье лишь подчеркивало ее хрупкость и женственность.

Он провел пальцем по экрану телефона, будто мог прикоснуться к ней. Мягко усмехнулся — глупо, но это движение казалось почти реальным. Его взгляд задержался на впадинках над ключицами, таких нежных, таких манящих. Игнат позволил себе представить, что проводит по ним пальцами, чувствует под ними тепло ее кожи. На миг закрыл глаза, позволяя фантазии захватить его. Он хотел близости — не только физической, но и душевной. Хотел ощутить ее рядом, чувствовать, что она с ним, что она — его.

Ему виделось, как он касается ее лица, как Влада улыбается, чуть наклоняя голову. Ее взгляд — дерзкий, но доверчивый — заставлял сердце сжиматься и биться чаще. Игнат представлял, как она мягко прикасается к его плечу, словно случайно, и этот простой жест вызывал взрыв эмоций.

Дыхание стало тяжелее. Он не мог сдержаться, думая о том, какая мягкая у нее кожа, какое тепло исходит от тела. Каково это — услышать ее тихий смех, почувствовать, как у нее бегут мурашки по коже от его прикосновений? Мысли о том, как он проводит пальцами по руке, а затем легко касается губами шеи, возбуждали его все больше.

Ее женственность будоражила. Фантазия разгонялась все сильнее: интересно, как она целуется? В постели она горячая и страстная или, наоборот, нежная и мягкая? Творит такое, от чего сносит крышу, или лишь позволяет ласкать себя?

Мышцы Игната затвердели. Тело налилось тяжестью. С полуоткрытых губ сорвался едва различимый стон. Картинки перед глазами тоже стали меняться быстрее. В какой-то момент он почувствовал девушку, будто она была рядом. Ощутил жар ее тела, лаская в тех местах, которые она не открывала никому, но сейчас, в видениях, позволяла Игнату делать все, что ему хочется. Воздуха перестало хватать. Сердце стучало молотом в груди, и Игнат понял, что не может больше сдерживаться...

Спустя несколько минут, дыхание Игната выровнялось. Открыв глаза, он отложил телефон и усмехнулся. Странно осознавать, что всего лишь фантазии могли так возбуждать его. Или фантазии — это все, что ему осталось?

Плотская любовь... Надо же. Любовь может быть только любовью. Плотская или романтическая, порочная и платоническая — это все чушь. Есть только равнодушие или желание. А желать можно или тело, или душу, или все вместе. Когда желаешь человека целиком, всего без остатка — это и есть любовь. — Вспомнил Игнат строчки из романа, который когда-то прочитал. И он полностью с ними был согласен.

Игнат встал и отправился в душ, позволяя горячей воде смыть оставшееся напряжение. Но мысли о Владе оставались с ним. Ее образ — живой, теплый — возникал в сознании чаще, чем он хотел это признать.

— Ты даже не представляешь, что со мной делаешь, малышка, — прошептал он.

Неделю спустя Игнат получил приглашение от Вальзера на частную встречу. Эта встреча сулила не только деловой разговор, но и возможность снова увидеть Владу. И он не раздумывая согласился.

Однако в планы вмешалась Алекса. В тот день она приехала в офис Игната в обеденное время и, как оказалось, услышала его телефонный разговор с Вальзером. Под предлогом того, что хочет обсудить какие-то дела, Алекса потащила его на прогулку.

Появление невесты в момент разговора с Вальзером вызвало у Игната глухое раздражение. Они еще не поженились, а она уже позволяла себе заходить без приглашения в кабинет и

подслушивать его переговоры по телефону. Ему было неприятно видеть ее, и он еле сдерживал себя, мечтая побыстрее от нее избавиться. Игнат согласился прогуляться в надежде, что таким образом ему удастся побыстрее отправить ее домой.

Они шли по оживленному проспекту, и шум бизнес-квартала только усиливал желание Игната сбежать в тишину набережной. Ему хотелось думать о предстоящей встрече, а не слушать легкомысленные речи своей фиктивной невесты.

— Кстати на встречу я поеду с тобой, — вдруг заявила она, глядя на него с милой улыбкой.

— Это встреча с деловым партнером. Ты не обязана сопровождать меня на таких мероприятиях, — Игнат ответил сухо, давая понять, что приглашения от него не поступало.

— Тебя ведь Вальзер пригласил? — спросила Алекса с деланным любопытством. — Я верно поняла?

— Да, откуда ты его знаешь?

— Я? Совсем не знаю, — звонко рассмеялась она, элегантно прикрыв рукой губы. — Просто слышала от отца, что ты готовишь удачную сделку. Все говорят, ты не боишься работать с людьми с криминальным прошлым. Ты у меня такой смелый, горжусь тобой.

Игната передернуло от того, что Алекса считала его своим. Она держала его под руку, но эта близость раздражала. Он никогда не хотел брать ее руку в свою. Алекса казалась идеальной девушкой: утонченная, элегантная, всегда со сдержанной улыбкой на лице. Но она была чужой, не его.

— Твой отец знает о моих делах? Откуда?

Ее улыбка чуть дрогнула, взгляд метнулся в сторону.

— Константин Михайлович рассказал, — ответила она с легким замешательством.

Игнату показалось, что она что-то скрывает.

— Не знал, что наши отцы так близко общаются, — заметил он.

— После болезни Кости, прости, Константина Михайловича, — Алекса по-свойски назвала отца Игната, чему сама смутилась, — наши семьи сблизилась, — взяв себя в руки, объяснила Алекса. — Ты же знаешь, что мой отец один из акционеров. Он всегда поддерживал Константина Михайловича, когда тот оказывался в сложных ситуациях, — пояснила девушка и добавила: — Думаю, будет правильным, если я поеду. У нас скоро свадьба, и никто не должен заподозрить, что наш брак фиктивный. Игнат скептически приподнял бровь. Он прекрасно помнил, кто из акционеров тогда поддерживал их семью, а кто пытался расшатать их позиции, даже заметки сделал в своей записной книжке. Недаром отец называл акционеров ближним кругом врагов. Гордеев же был в числе тех, кто относился лояльно, но его поведение больше походило на дальновидный расчет, чем на искреннюю поддержку. Сейчас Игнат в который раз пытался убедить себя, что его решение заключить фиктивный брак для поддержки влияния отца в бизнесе было правильным.

Прогулка вскоре подошла к концу. Прощаясь, Алекса трогательно поцеловала его в щеку и произнесла:

— Спасибо за чудесную встречу.

Что в ней чудесного, Игнат не понимал. Он с безразличием смотрел на девушку, которая затаив дыхание явно надеялась на продолжение, встречный жест. Может, нежный поцелуй в губы или хотя бы теплый взгляд, но не дождавшись, смущенно опустила глаза. Игнат же думал о другой. Его мысли устремлялись к Ясе, а затем к Владе.

— И кстати, не забудь, скоро день рождения моей подруги, — напомнила Алекса, спрятав за своей безупречной улыбкой обиду.

— Помню, — сухо ответил он.

— Если не против, я заеду за тобой, и мы вместе поедem на праздник, — предложила Алекса невинным тоном.

— Не против, — бросил Игнат, потому что ему было все равно.

Ему оставалось лишь выполнять условия договора. Но мысль о том, что на встрече с Владой он будет в сопровождении невесты, отягощала. Игнату претило играть по чужим правилам. И эта фальшь, как всегда, выводила его из себя.

Глава 3. Одержимость

Прогулка с Игнатом принесла Алексе результаты, которых она не ожидала. Но не дала того, к чему девушка так долго и упорно шла.

Прощаясь, она намеренно дружески поцеловала парня в щеку, надеясь на ответный жест. Она хотела увидеть в его глазах интерес, получить хоть какое-то проявление ласки. Алекса мечтала, чтобы он посмотрел на нее как на женщину, как на свою невесту. Но сколько бы она ни предпринимала попыток сблизиться с Игнатом, все было тщетным. Игнат сторонился ее и неизменно оставался холодным.

Алекса могла бы подумать, что он вовсе охладел к женщинам, но слишком хорошо знала: иногда он позволяет себе мимолетные встречи. Разовые, ни к чему не обязывающие свидания с девушками на одну ночь.

В их семье наличие любовницы у мужчины не считалось чем-то из ряда вон выходящим. «В светском обществе это нормально, — говорила ее мать. — Ты либо закатываешь истерики своему мужу, либо получаешь в свои руки еще один инструмент давления на него. Сама выбираешь, с кем он будет спать».

Алекса не разделяла жизненную философию матери, но и противопоставить ей ничего не могла. Девушка вела себя расчетливо, хотя в глубине души негодовала: почему Игнат выбирает кого угодно, но только не ее? Правда, признаться, что поведение Игната ее задевает, она не могла даже самой себе.

Алекса ревновала его, но не позволяла себе слабости. Скорее, относилась к поведению Игната с пониманием, оправдывая его (или, может быть, себя?) тем, что мужчине нужны женские ласки. Желательно разные, чтобы не застрять ни с кем надолго. Единственной, кого Игнат впустил в свое сердце, была его сводная сестра.

Но даже эти отношения длились недолго. Их разрушила не судьба, а люди, причастные к гибели Ярославы и ее матери.

Когда Алекса узнала от Яны Шленской, что Ярослава боится отца и дрожит при одном его упоминании, она даже посочувствовала ей. Настолько, насколько вообще была способна на сочувствие. Отец Алексы обожал дочь, исполнял все ее желания и оберегал от проблем. Он делал все, чтобы влияние семьи Гордеевых в обществе постоянно росло.

А вот отец Яры, судя по всему, был тем еще подонком, издевался над близкими. Человек с туманным прошлым, о котором и думать неприятно. Но именно этим и воспользовалась Алекса. Помогла воссоединить их семью. С одним лишь нюансом — посмертно.

Изначально Алекса рассчитывала, что если ей удастся найти отца Ярославы, то она сможет заполучить компромат на Елену. С помощью пикантной информации девушка надеялась разрушить или хотя бы пошатнуть отношения этой женщины с Константином Елецким. Если бы Игнат узнал, что Елена порочит имя его отца, он возненавидел бы не только мачеху, но и Ярославу. И разорвал с ними любые связи.

Алекса сумела убедить мать Игната, что ее план сработает. Алина боялась, что новая супруга Елецкого отнимет все, что принадлежит сыну по праву. Она тревожилась, что Игнат потеряет наследство, а она лишится хорошего содержания.

Мать Алексы и Алина поддерживали дружеские отношения — или делали вид, что поддерживают. Даже после развода с Елецким Алина оставалась полезной фигурой, а семья Гордеевых ценила связи в обществе. Поэтому мать Алексы не выпускала Алину из поля зрения, иногда приглашала на кофе, но все чаще на бокал вина, чтобы посплетничать об общих знакомых. В такие моменты она как бы с сочувствием напоминала Алине о подлой измене Елецкого, подводя к главному:

— Если Игнат женится на Алексе, — намекала мать девушки, — это защитит и тебя, и твоего сына от происков новой жены Елецкого.

Так мать Алексы планировала, что у их семьи появится дополнительный рычаг влияния на Елецких, а у Алины — новый шанс восстановить положение в семье. И все это должна была обеспечить Алекса. Девушка была готова сыграть свою роль в задуманной игре, потому что в конечном счете надеялась заполучить сердце Игната.

К несчастью для Алексы, из-за зависимости Алины от алкоголя, ее истерик и частых срывов, Игнат давно вышел из-под контроля матери. Более того, он ужился с отцом и его новой женой под одной крышей, что для Алины было равносильно предательству. Отношения Игната с Алексой продлились недолго — вскоре он без сожаления переключился на другую.

Мимолетная интрижка Игната вряд ли могла бы выбить Алексу из колеи. Но Игнат, по-настоящему влюбился в свою сводную сестру — Ярославу. Для Алексы это было отвратительно, а его отказ она и вовсе посчитала унижением для себя.

Алекса не собиралась сдаваться. Воспитанная в семье, где каждый был уверен в своей исключительности, она считала себя выше остальных. Не только выше Ярославы, но и других девушек своего круга. Именно с таким подходом и во многом благодаря чувству полного превосходства над другими их семье удавалось достигать того, что иным казалось невозможным. Алексе всегда хотелось большего, и она привыкла получать желаемое.

Изначально она просто мечтала вытеснить Ярославу из жизни Игната. Но со временем это желание трансформировалось в нечто более мрачное — ей захотелось уничтожить соперницу. Не физически, конечно, но сделать все, чтобы Яра исчезла из жизни Игната раз и навсегда. Однако, когда ее желание исполнилось и Ярослава погибла, Алекса не чувствовала себя виноватой. Она просто считала себя катализатором, запустившим цепь непоправимых событий. И все же после случившегося ее еще долгое время терзали кошмары. Больше всего она боялась, что Игнат узнает правду о ее причастности к аварии.

Шесть лет назад через людей своего отца она выяснила, что Михаил — бывший гражданский муж Елены и биологический отец Ярославы — до сих пор одержим поисками своей семьи. В каком-то смысле он жил этой идеей, даже спустя годы. Михаил был готов на все, чтобы найти жену и дочь.

Алекса навела о нем справки. Никакого криминала за ним не числилось, разве что несколько приводов за бытовые ссоры, ничего серьезного. Но было в нем что-то маниакальное. Он был готов бросить все, даже сорваться в другой город, чтобы узнать, где находится его бывшая жена.

Всю информацию ему предоставила Алина. Алекса же предусмотрительно осталась в тени, Игнат ни в коем случае не должен был узнать о ее причастности.

— Вы заботитесь о своем сыне, — внушала Алекса матери Игната мягким, но настойчивым голосом. — Только вы можете уберечь его от таких, как эта Елена. Вы защищаете свою семью, свои интересы. Это ваш долг.

Алина верила. Ее состояние после частых запоев и нервных срывов было нестабильным. Она знала, что Константин любит свою новую жену, а сама она потеряла все, что могло ее с ним связывать. Оставался лишь Игнат, ради которого она решилась претворить в жизнь план Алексы.

Когда Елена и Ярослава погибли, Алина оказалась в ловушке собственной вины. Она звонила Алексе несколько раз, сначала радовалась, что женщины, разрушившей ее семью, больше нет, но позже, опомнившись, рыдала, осознав, что трагедия унесла и жизнь Ярославы. Вдобавок Константин попал в больницу с сердечным приступом, и женщина переживала за его состояние.

— Я не хотела, чтобы так вышло, — говорила Алина, вцепившись в руку приехавшей к ней как-то Алексы. Ее глаза бегали из угла в угол, как у загнанного зверя.

— Но вы же мечтали, чтобы эта женщина исчезла? — спросила Алекса, сохраняя спокойный тон.

— Да... Нет... Не знаю. — Алина замотала головой. — Я ненавидела ее, но не желала ей смерти, а тем более ее дочери. Я сама потеряла дочь. Это так несправедливо... Что мы наделали? Как теперь с этим жить?

— Тогда молчите! — резко прервала ее Алекса. Она выдернула свою руку из холодных пальцев женщины, и тут же натянула надменную улыбку, как этому учила мать. Ее улыбка была лишена радости, удовольствия или счастья, в ней сквозили лишь высокомерие и превосходство над Алиной. — Молчите, и я никому не скажу, что вы сделали.

— Что ты имеешь в виду? — прошептала Алина, вскинув на нее испуганные глаза.

— Это вы передали Михаилу информацию. Вы, а не кто-то другой, — тихо, но твердо произнесла Алекса, сверля взглядом мать Игната.

— Я? — испуганно повторила Алина и уставилась девушке в глаза.

— А кто же еще? Это вы, только вы, — повторяла Алекса, от чего Алину начало потряхивать. — Вы сделали это, чтобы защитить Игната, вы заботились о нем.

— Да-да, конечно, ради моего мальчика. Я позаботилась о нем. Как не смогла о Катюше, — как в бреду, повторила Алина.

Ее губы дрожали, но она соглашалась. Она сама убедила себя, что сделала это ради Игната. Ведь только так она могла приглушить чудовищное чувство вины.

— Именно. Ради него, — подтвердила Алекса, отводя взгляд.

Больше они никогда не возвращались к этому разговору. Алекса избегала встреч с Алиной, лишь иногда что-то слышала о ней от матери. Однако мать Алексы продолжала ненавязчиво внушать Алине, что ее сыну нужна «хорошая девочка из хорошей семьи», и словно мимоходом подчеркивала, что лучше Алексы никого быть не может.

Прошло шесть лет, но Алекса продолжала ненавидеть Ярославу, даже понимая, что той больше нет. Нет для всех, кроме Игната. А иначе почему он до сих пор не строил серьезных отношений ни с одной девушкой, словно по-прежнему был привязан к Яре? Алекса была уверена, что разберется с этим, ведь она всегда была умной и настойчивой.

Сейчас, вооруженная свежей информацией о встрече Игната с Вальзером, девушка не стала медлить. Она тут же набрала отца, зная, что его наверняка заинтересуют новости. Ведь Гордеев внимательно наблюдал за сделкой с Вальзером, а любые контакты с этим человеком могли открыть новые перспективы.

Для семьи Гордеевых брак Алексы с Игнатом — продуманный коммерческий проект. И старший Гордеев лично следил за всеми бизнес-сделками, в которые был вовлечен его будущий зять. О предстоящей встрече с Вальзером Гордееву сообщил, конечно, не Константин, а другой человек — информатор, с которым он имел определенные договоренности.

Алекса оказалась права: отец немедленно вызвал ее к себе в офис, чтобы обсудить подробности.

Ей всегда нравилось радовать отца. Он говорил, что гордится дочерью, называл ее умницей. Алекса считала себя его любимицей. Совсем иначе обстояли дела с матерью.

Мать Алексы, Инга Гордеева, имела репутацию «железной леди». Она занимала высокую должность в политических кругах, была уверенной, надменной и влиятельной женщиной. Инга привыкла настаивать на своем и редко оставалась довольна. Алексу с самого детства готовили к тому, что она станет преемницей матери, и цена любой ошибки девушки могла быть слишком высокой.

Когда Алекса вошла в кабинет, отец встретил ее тепло, обнял, отодвинул стул, чтобы она могла удобно расположиться. Мать, также приехавшая на разговор, даже не поднялась со своего места. Она не допускала, чтобы важные вопросы решались без нее, не могла не кон-

тролировать ситуацию. Инга лишь бросила на дочь придирчивый взгляд и заговорила глухим, ровным тоном, от которого у Алексы пробежал холодок по спине.

— В таком виде ты встречалась с Елецким?

Алекса быстро опустила глаза на свое платье. Дорогое, от модного бренда. Воздушное, легкое, светло-персиковое, оно выглядело идеально: подчеркивало стройную фигуру, длинные ноги, добавляло образу свежести и невинности. Мужчины оборачивались, когда она проходила мимо.

— Ты должна выглядеть как уверенная в себе женщина. Не как побрякушка или аксессуар, а как алмаз, ограненный руками любящего тебя мужчины. Игнат должен чувствовать свою власть и силу, находясь рядом с тобой, — продолжила мать.

Алекса сдержала желание рассмеяться. Надо бы напомнить маме, с какой «серой мышью» встречался Игнат до нее! Но вслух девушка только произнесла, кивнув:

— Ты права, мама.

Затем она кратко пересказала разговор с Игнатом.

— Я настояла на том, чтобы поехать с ним на встречу, — завершила Алекса. — Игнат считал, что это лишнее, но я не согласилась.

— И правильно сделала, — удовлетворенно кивнул отец. — Ты должна быть рядом с ним. Узнай все, что сможешь, о намерениях Вальзера. Этот человек не станет приглашать кого-то к себе в дом просто так. Я тоже займусь этим вопросом. Есть люди, которых эти связи могут заинтересовать. Мы должны знать все о партнерах и их контактах.

Инга, до этого молчавшая, наконец заговорила:

— Не забудь, Алекса, ты должна быть не просто рядом. Ты должна быть лучшей. Игнат должен понять, что без тебя он не сможет ни сохранить, ни преумножить свое влияние.

Алекса вновь кивнула, не подавая виду, насколько ее тяготили такие разговоры. Она хорошо знала, что в этой семье от нее всегда требовали быть на высоте. И ошибок не прощали.

Как обычно, отец обнял дочь на прощание, а мать даже не проводила взглядом.

— Что ты будешь делать дальше? — Ее голос, ровный и требовательный, остановил Алексу.

Она обернулась, понимая, что этот вопрос касался Игната. Инге хотелось убедиться, что дочь делает все, чтобы достичь поставленной цели.

— Через два дня мы с Игнатом идем на день рождения моей подруги. На этом мероприятии мы предстанем парой на широкой публике, — уверенно ответила девушка.

Мать едва заметно пожала плечами, словно эти слова ее разочаровали:

— Считаешь, этого достаточно?

Алекса крепче сжала сумочку в руках, но внешне оставалась спокойной.

— Что я должна сделать, мама? — спросила она, демонстрируя покорность и скрывая за маской истинные эмоции.

Мать, наконец, подняла на нее свой холодный взгляд.

— Найти к нему подход. Ты женщина и должна понимать, что нужно твоему мужчине. — Голос Инги звучал как приказ.

— Да, конечно, — быстро ответила Алекса и натянула привычную улыбку, скрывая раздражение.

«Легко говорить, когда вы с отцом вечно думаете только о власти», — мысленно огрызнулась она, но ни один мускул на ее лице не дрогнул.

Разговор закончился, но слова матери продолжали преследовать девушку. «Ты должна быть лучшей», — они звучали как мантра в ее голове.

Алекса шла по коридору офиса отца, ощущая, что мать возложила на нее груз ответственности за чувства Игната, которые она не могла контролировать.

Инга то и дело напоминала дочери, что женщина должна уметь пробуждать в мужчине желания, чтобы он стал податлив и контролируем. Алекса и сама была не против ощутить страсть в объятиях Игната, видеть, как его глаза загораются огнем, но он оставался холоден, словно уже сгорел дотла, словно внутри него не было ничего, что могло бы вспыхнуть.

Это не просто раздражало Алексу, это ее ранило, а порой даже злило. В скором времени они должны стать мужем и женой, но между ними не было ни любви, ни намека на страсть. Только расчет и обязательства. И что бы девушка ни предпринимала, Игнат был безразличен, а Алексе оставалось лишь, кусая губы, представлять, как глупо она вновь будет выглядеть, отчитываясь перед матерью.

Красивая, умная, изящная, блистательная, лучшая во всем — так считали многие, но только не родная мать. Инга желала, чтобы Алекса приносила пользу, раз в нее вложено так много сил и денег. И Алекса из кожи вон лезла, стараясь угодить родителям, которые вовсе забыли о том, что девушка имеет право просто быть счастливой.

Правда в том, что в безупречном имидже Алекса испытывала всепоглощающее одиночество. Она завидовала тем, кто мог быть счастлив просто так, без условий, без договоров, без планов. Алексе же приходилось выгрызать свое счастье, порой жертвуя человечностью.

Игнат был выгодной партией для ее семьи, но Алекса иногда сама не понимала, кому в действительности он больше нужен — ей или родителям. И все же Игнат стал для нее мнимым воплощением любви, которой так жаждала девушка. Поглощенная собственной страстью, она желала получить от него чувства, в которых сама остро нуждалась. Его холодность доводила ее до иступления, почти помешательства. Но этими мыслями Алекса ни с кем не делилась.

Следующие дни после встречи с Игнатом в его офисе Алекса провела в приготовлениях. Она была уверена, что этот вечер станет для нее маленькой победой. В конце концов, она сделала все, чтобы выглядеть идеально: ее платье, расшитое пайетками и бисером, было изысканным, но в то же время смелым и дерзким. Плечи открыты, длина не скрывала ног, ее образ получился даже несколько порочным. Босоножки на высоком тонком каблуке подчеркивали изящество щиколоток, а яркий, но не кричащий макияж добавлял магии взгляду. Девушка в который раз старалась обратить на себя внимание, удивить, искусить Игната.

Алекса приехала к Игнату точно в то время, на которое они договорились. Парень открыл девушке дверь, впустил в свою квартиру и, занятый деловым разговором, сказал, что ей придется подождать. На Алексу он бросил лишь мимолетный взгляд и сразу вернулся к переговорам по телефону. Вопросы бизнеса его интересовали гораздо больше, чем ее короткое платье.

Алекса вошла в гостиную. Вид из окна пентхауса элитного комплекса был впечатляющим. Из панорамных окон отчетливо просматривалась паутина улиц города, плеяда вечерних огней. Девушка подошла поближе к окну и почувствовала головокружение. Высота ее пугала.

Вскоре она услышала шум воды, доносившийся из ванной комнаты, видимо, Игнат закончил разговор, и отправился в душ. Алекса решила, что это подходящий момент для того, чтобы перебраться в спальню и попробовать сблизиться с Игнатом.

В его спальне окна были плотно завешены тяжелыми шторами. Алексе понравился царивший в комнате полумрак. Она устроилась на кровати, грациозно вытянув ноги и позволив себе немного расслабиться. Закрыв глаза, девушка разрешила воображению взять верх. Представила, как Игнат склоняется над ней, как его горячее дыхание касается ее шеи. Она проводит рукой по его влажной коже, ощущает твердость мышц под ладонями, обвивает руками его шею, поддаваясь непреодолимому желанию. Ее пальцы впиваются в его плечи, оставляя следы...

Фантазия заполнила все ее сознание, заставляя тело предательски откликнуться. Но тишину комнаты нарушил резкий звонок. Телефон, оставленный Игнатом на тумбе, вспыхнул экраном. Номер неизвестный. Поддавшись любопытству, Алекса решила ответить. Она подняла трубку, звонившая представилась сотрудницей офиса. И это была очевидная ложь — у

Игната два телефона, рабочий и личный. Девушка звонила по личному номеру и явно не ожидала, что трубку возьмет Алекса. Разговор получился коротким, и еще до того, как экран погас, дверь ванной распахнулась, и в комнате появился Игнат. Вода стекала с его волос, а белый халат едва прикрывал мощную фигуру.

— Милый, ты такой красивый. Иди ко мне, — звонко произнесла девушка, садясь на край кровати. Она решила сыграть сценку, чтобы на другом конце услышали ее слова, а затем сразу сбросила вызов.

Игнат холодно смотрел на нее с мрачным выражением лица. Вместо огня желания в его глазах клубилась тьма.

— Что ты здесь делаешь? — Его голос прозвучал низко и резко, словно удар. — Кто позволил тебе зайти в мою спальню?

Фантазия разбилась вдребезги, оставив лишь пустоту на душе. Алекса поспешно опустила глаза, ощутив себя уязвимой под его пронизывающим взглядом.

— Прости, — начала она, виновато улыбувшись, ее голос дрогнул. — Я не хотела нарушать твои границы... Просто подумала...

— Твои мысли меня не интересуют, — отрезал он. — Выйди.

И сам скрылся за дверью, не давая ей возможности опомниться и ответить. Пальцы Алексы невольно сжались, но она подавила в себе мгновенную вспышку гнева. Вместо этого незаметно вернула телефон на тумбу, где он лежал раньше, предварительно удалив звонок из журнала вызовов, и тихо вышла из комнаты. Игнат и не подозревал, что во время одной из их последних встреч Алекса, наученная опытной матерью, смогла подсмотреть пароль от его телефона и теперь умело этим воспользовалась. Через несколько минут Игнат появился в гостиной в строгом костюме, сделав вид, что инцидента в спальне и вовсе не было.

— Пора ехать, — бросил он, даже не взглянув на свою «невесту».

Алекса кивнула и обворожительно улыбнулась. Пока они спускались к машине, в ушах еще стояло эхо его жесткого, холодного приказа. Она смогла взять себя в руки, лишь когда оказалась среди других гостей на званом вечере. Алекса изящно поздравила виновницу торжества с днем рождения и быстро перетянула на себя все внимание, как и планировала. Натянув маску приветливой невесты, обворожительно улыбалась знакомым и принимала поздравления, будто ее счастье было неоспоримым. Игнат, напротив, казался чужим на этом празднике. Он держался отстраненно, не вступал в разговоры, а все слова об их помолвке принимал безразлично, лишь иногда раздраженно морщась.

Алекса с трудом держала лицо. Ее бесило поведение Игната. Если ему все равно на благополучие его бизнеса, почему бы просто не разорвать их помолвку? Зачем согласился на договорной брак, если не хочет играть по правилам общества? Но на эти вопросы она не хотела искать ответов — слишком страшно было признать, что Игнат вовсе не ее мужчина, его сердце принадлежит другой и он не будет играть на публику.

Алекса отделилась от компании очередных знакомых, чтобы немного перевести дух и взять еще один бокал шампанского, как вдруг услышала за спиной знакомый голос.

— Какие люди! Алекса, дорогая!

Приторный возглас Яны Шленской отвлек Алексу от мрачных мыслей. Эта встреча была не из приятных для обеих девушек.

Шленская бросилась к Алексе, рассыпая поцелуи в воздух возле щек, как будто они были лучшими друзьями.

— Как же я рада тебя увидеть здесь! — провозгласила Яна, чуть покачиваясь на каблуках.

Алекса натянула на лицо дежурную улыбку, искусно скрывая неприязнь.

— И я, — ответила она, голосом, столь таким же сладким, как у собеседницы. — Какими судьбами? Я думала, вы с женихом в круизе.

— Устала я от этих Мальдив, — драматически вздохнула Яна, склонив голову набок, словно раздумывая, кого еще может удивить этим заявлением. — Захотелось местной экзотики. — Она перевела взгляд на Игната, стоявшего в стороне. Ее глаза вспыхнули неподдельным интересом: — Игнатик-то все так же хорош, как и в универе. Я бы многое отдала, чтобы снова на нем прокатиться, — пьяно захихикала Яна. — Ой, прости, я это вслух сказала? Ты же не обижаешься, правда?

— Нет, — процедила Алекса, сжимая руки в кулаки, но сохраняя ледяное выражение лица. — Только больше так не говори.

— А почему? — невинно захлопала ресницами Яна, делая вид, что не понимает. — Помнится, ты раньше была не против разделить Игната на двоих.

— Это были юношеские глупости, — твердо ответила Алекса, голос звучал подчеркнуто спокойно. — Сейчас я не намерена делить своего жениха ни с кем.

— А я вот не против тряхнуть стариной, — не унималась Яна, наклоняясь ближе. — Знаешь, я за эти годы такого набралась, что уверена: Игнат оценит. Так что подумай. Сама понимаешь, лучше самой выбрать любовницу для мужа. По крайней мере будешь знать, чего от нее ждать.

Алекса ощутила, как внутри все закипает. Эти слова эхом повторяли наставления матери.

— Заткнись, — произнесла она сквозь зубы.

— Ой, иначе что? — Яна усмехнулась, наслаждаясь ситуацией.

— Иначе тебе не поздоровится.

— Смотри, как бы самой не пришлось пожалеть, дорогуша, — язвительно отозвалась Яна, глядя прямо в глаза Алексе. — Если я расскажу Игнату, кто слил информацию о его драгоценной сестре, он тебя точно не простит.

Улыбка исчезла с лица Алексы, сменившись ледяным выражением.

— Кто ты такая, чтобы он тебе поверил? — с презрением бросила она, понижая голос до угрожающего шепота.

— А я не дура. — Яна покрутила в руках телефон. — У меня все записано.

Алекса сделала шаг ближе, угрожающе прищурился глаза.

— Послушай меня сюда, — прошипела она, окончательно теряя терпение. — Что тебе нужно? Деньги? Назови сумму и проваливай. И закрой свой рот, иначе даже пожалеть не успеешь. Я о тебе могу такое рассказать твоему женишку, что он тебя бросит, сбежит, не оглянувшись.

Алекса вытащила из сумочки несколько крупных купюр и резко сунула их Яне в руку.

— Держись подальше от Игната. Шалавы не в его вкусе, — бросила она на прощание и, резко развернувшись, ушла.

Яна осталась стоять на месте, сжимая купюры, ее лицо исказилось от злости. Алекса совершила серьезную ошибку, недооценив соперницу. Врага всегда нужно держать в поле зрения, никогда не поворачиваясь к нему спиной.

Вечер был в самом разгаре, но Игнат сидел чуть в стороне, потирая переносицу, явно уставший и измотанный. Подойдя к нему с бокалом вина, Алекса одарила жениха самой светлой улыбкой.

— Милый, почему ты скучаешь? Пойдем потанцуем? — Она наклонилась к нему, в надежде привлечь внимание.

Игнат медленно поднял взгляд.

— Я не танцую, — сухо ответил он, не скрывая равнодушия.

— Но ведь это наш вечер, — с легким упреком произнесла девушка.

— Нет, Алекса, это твой вечер, — подчеркнул он, вставая. — Тебе нравится играть роль счастливой невесты? Пожалуйста. Только меня оставь в покое.

Эти слова прозвучали тихо, но в них было больше боли, чем злости. Игнат направился к выходу, не оставив Алексе возможности продолжить показную демонстрацию отношений.

По дороге домой она обдумывала все произошедшее за вечер. Игнат сидел рядом в машине, молчаливый, погруженный в свои мысли. Он словно был где-то далеко, и Алекса ненавидела эту его способность отстраняться. Хотелось встряхнуть его, заставить посмотреть на нее, увидеть, что она рядом, что она та, кто готова быть с ним до конца. Наконец Игнат нарушил тишину:

— Алекса, зачем тебе это все? Свадьба, договор... Зачем тебе жить такой жизнью? Ты ведь могла бы найти что-то настоящее, свое.

Его слова ранили больше, чем она готова была признать. Но Алекса мгновенно справилась с собой. Ее лицо смягчилось, взгляд стал открытым, а губы тронула мягкая, почти нежная улыбка. Она надеялась, что это зацепит его. Образ ангела всегда был ее главным оружием.

— Настоящее, Игнат, — начала она тихо, словно искренне. — Это то, что я чувствую сейчас. Я знаю, что могу быть рядом, могу поддерживать тебя. Это и есть мое настоящее.

Ее голос был настолько убедительным, что сама Алекса почти поверила своим словам. Она медленно положила руку на его ладонь, и Игнат не отстранился. Этот жест казался таким простым, но для нее это была маленькая победа.

Он не ответил, просто взглянул на ее руку. Возможно, его тронула эта видимая искренность. Возможно, он просто устал от борьбы.

Алекса знала одно: она сделает все, чтобы он поверил в нее. Использует каждую возможность, каждую слабость, чтобы стать для него незаменимой. Она привыкла играть роль, но с каждым разом ее маска становилась все прочнее.

Игнат позволил ей коснуться его души. Она почувствовала, что в отношениях ему важны доверие и откровенность, и не собиралась упускать этот шанс. В ее глазах снова вспыхнула решимость. Игнату, возможно, казалось, что он держит ситуацию под контролем, но Алекса умела ждать и готова была вести свою игру до конца. Она не собиралась быть проигравшей.

Глава 4. Неслучайный диалог

После возвращения в родной город Серж не виделся с Игнатом около недели, каждый был занят своими делами. Серж ждал, когда друг окончательно оправится после ранения и разделается с навалившейся работой, чтобы наконец встретиться и рассказать кое-что важное.

В пятницу они привычно пересеклись в любимом баре. Игнат первым заговорил про день рождения Влады. То, что Серж так мило беседовал с Марком в тот вечер, казалось ему предательством со стороны друга. Это раздражало, но злиться долго на него он не мог.

— Интересная компания у тебя была в баре, — хмуро заметил Игнат, и его глаза потемнели.

Серж с улыбкой оторвался от экрана телефона, в котором просматривал какую-то переписку.

— Не ревнуй, — сказал он примирительно. — Это было всего лишь нужное нам знакомство. Ты для меня все равно единственный друг.

Он хлопнул Игната по плечу и захохотал. Игнат раздраженно отбросил его руку. Другого он бы уже послал, но Сержу простились многое.

— Твоя беседа с женихом Влады выглядела как маленькое предательство, — буркнул Игнат. — Не находишь?

— Признайся, кого ты больше ревнуешь — Владу или меня? — не унимался Серж. Его искренне радовало, что Игнат снова проявляет хоть какие-то эмоции. — Если видел нас, почему не подошел?

— Не хотел мешать вашей милой беседе, — недовольно пробормотал Игнат.

— И правильно сделал, — весело кивнул Серж. — Ты бы только все испортил. А так... стал настоящим рыцарем. Спас принцессу, защитил ее от монстра. Идеальный образ! Одни плюсы, если не считать того, что тебя едва не прикончили.

— С моими плюсами все ясно, — нахмурился Игнат. — Твои где?

— А я выяснил кое-что важное, — с ухмылкой ответил Серж. — Про Марка и, конечно, про твою Владу. Нам же нужно понимать, с кем имеем дело и как устранить твоего соперника, — хотя я все еще думаю, что это дурацкая затея.

— Неужели твой новый друг был так разговорчив? — Игнат напрягся, чувствуя, как в душе загорается интерес. Он отставил бокал и повернулся к Сержу.

— Умение слушать, задавать правильные вопросы и умно молчать — вот секрет, — с легкой усмешкой произнес Серж. — Никакого волшебства, Игнат. Только интеллект.

— Тогда делись своим магическим интеллектом.

— О, с удовольствием! — Серж склонился к Игнату, предвкушая, что его новости удивят друга. — Но учти, это будет стоить тебе очень дорого.

* * *

Как только Игнат, бросив короткий взгляд через плечо, исчез в коридоре вслед за Владой, Серж только усмехнулся. Он слишком хорошо знал своего друга, чтобы вмешиваться или задавать лишние вопросы. Сунув руки в карманы, Серж развернулся и направился в сторону лифта. Бар на первом этаже манил приятной музыкой и приглушенным светом — идеальное место, чтобы скоротать время, пока Игнат занят своими делами. «Если понадобится, он меня найдет», — пробормотал Серж себе под нос.

Серж размышлял о Владе. Она действительно напоминала Ярославу. Это было настолько поразительно, что с трудом укладывалось в голове. Конечно, вероятность встретить похожих людей существует, но ее голос, фигура, рост, жесты были до странности знакомы. Хотя с их недолгого общения прошло уже много лет, Серж все еще хорошо помнил образ Славы. И все же он не понимал Игната, который буквально потерял голову из-за Влады. Сам Серж такого

по отношению к этой девушке не чувствовал — ни намек на желание или романтический интерес. Возможно, он был более рациональным и не поддавался иллюзиям. А может, просто переживал утрату Славы иначе, не пытался искать знакомые черты в других девушках. В любом случае, Серж понимал, что у него действительно были чувства к Славе, но к Владе — нет. Зато он ясно видел, чем Влада покорила Игната.

Некоторое время Серж сидел в баре в одиночестве, уткнувшись в телефон. Но вскоре рядом за стойкой устроился Марк. Выглядел он мрачным и усталым, заказал виски с содовой и залпом выпил. Очевидно, тоже не находил мероприятие особо приятным. Как и Серж, Марк сидел, уткнувшись в телефон.

Серж вспомнил свою давнюю забаву — разгадывать тайны незнакомцев. Он внимательно посмотрел на Марка. Тот выглядел безупречно, одет с иголочки, идеально подстрижен, но чувствовалось в его безупречности что-то ненатуральное. По нему было видно: Марк умеет хранить тайны — свои и чужие. Но в его движениях, в напряженных плечах и взгляде читалась усталость человека, которого заставляют играть по чужим правилам. Парень выглядел так, будто его настоящее «я» запрятано где-то глубоко.

Серж бросил взгляд на экран его телефона. Марк читал новости об IT-технологиях. Уловив, что у них могут быть общие интересы, Серж легко завязал разговор с Марком. К счастью, Марк и не вспомнил, что собеседник — друг Игната, стоявший рядом с ним, когда их представлял Вальзер. Тогда он был слишком сосредоточен на назойливом Елецком и состоянии Влады.

Серж с легкостью расположил Марка к себе, начав с нейтральной темы. Он рассказал о своей работе и проектах, затронул пару технических вопросов. Марк слушал внимательно, заинтересованно, казалось, ему самому хотелось бы заниматься чем-то подобным, но его профессиональная жизнь явно шла в другом направлении. Когда разговор перешел на более частные темы, Марк пояснил, что он больше бухгалтер, а программирование — это его увлечение, хобби, которое иногда приносит пользу.

Для Сержа этого было достаточно. Он тут же нащупал направление, в котором стоило двигаться, и как бы невзначай упомянул, что ищет специалиста, который мог бы помочь вывести часть бизнеса в офшоры. Марк задумался, а потом сказал, что может дать консультацию на эту тему. Они обменялись контактами.

После этого Серж плавно перевел диалог на личные вопросы. Выпив достаточно, чтобы расслабиться, Марк разоткровенничался. Серж внимательно слушал, все глубже проникая в чужую жизнь и незаметно вытягивая нужные ему детали.

— Твоя невеста красивая, настоящая королева, — с явным одобрением сказал он. — Вы идеальная пара.

Марк усмехнулся, но его взгляд стал мрачным.

— Вот и я ей говорю — королева. Все при ней — и фигура, и личико, бабок и власти немерено. Только вот свободы — никакой. Истинная королева! За нее! — Он поднял бокал и, не чокнувшись с Сержем, одним глотком опустошил его, добавив шепотом: — Земля ей пухом.

Серж едва сдержал удивление, но не стал уточнять, правильно ли расслышал. Возможно, из-за алкоголя Марк ляпнул какую-то ерунду, возможно, как-то неудачно пошутил. Серж слегка пригубил и поддержал тост.

— Давно знакомы?

— Шесть лет.

— А как познакомились?

Марк напрягся — несмотря на действие алкоголя, он насторожился, явно почувствовав, что собеседник выпрашивает слишком много.

— С какой целью интересуешься? — спросил он резко, но без угрозы.

— Просто любопытно, — непринужденно ответил Серж. — У всех отношения начинаются по-разному. Кто-то встречает любовь с первого взгляда, а кто-то говорит о магии, что людей тянет друг к другу магнитом. А мне вот интересно, какая ваша история. Сам я ничего подобного не испытывал, чтобы решиться на брак. Я скорее за свободные отношения.

Марк немного расслабился и, поколебавшись, начал рассказывать:

— Да, я тоже... думал так до встречи с Владой. У нас с ней было все: и тянет друг к другу, и любовь с первого взгляда. Только вот встреча была неслучайной. Я ее нашел.

— Нашел? — заинтересовался Серж, изображая удивление.

— Да. Ее искал Вальзер. Хотел найти свою дочь, поручил эту задачу одному человеку. Но в итоге поисками занимался я. Когда Влада была еще ребенком, Вальзера закрыли. Мать Влады, схватив дочь, сбежала куда глаза глядят. Им нужно было спрятаться, чтобы не убили. Потом Вальзер вернулся, поднялся на ноги, снова стал «уважаемым» человеком и решил, что пора вернуть то, что потерял. Семью. Я покопался в полицейских архивах и кое-какие сведения раздобыл. По крупицам собрал информацию. Так и вышел на нее.

Серж слушал внимательно, стараясь не выдавать ни удивления, ни напряжения.

— Кому же Вальзер поручил искать Владу? — Он хотел знать каждого в этой цепочке.

— Моему славному дядюшке, — с неприязнью ответил Марк. — Но он ни на что не способен, даже не смог...

Только Марк так и не успел закончить мысль, неожиданно за его спиной возник незнакомец — угрюмый тип с неприятным выражением лица. Несмотря на дорогой костюм и холерный вид, было в его внешности что-то отталкивающее. На первый взгляд мужчина выглядел молодожаво, но в глаза бросался блеск залысин.

— Что ты делаешь здесь, гаденыш? — резко бросил мужчина, хватая одной рукой Марка за грудки, и сминая ворот пиджака пухлыми короткими пальцами. Другую руку он занес для удара, но замер. Вокруг было слишком много свидетелей.

Марк, казалось, не собирался сопротивляться, но и особого страха перед незнакомцем не испытывал. Он бы мог дать отпор, был выше и на вид сильнее, но спокойно снял очки и убрал их в карман, чтобы не повредить, если удар придется по лицу. Похоже, для него это было привычным.

— В чем дело, Стас? — ровно спросил он. В голосе парня звучали усталость и неприязнь.

— Твою невесту хотели похитить, — прошипел Стас, склоняясь ближе, чтобы не услышали посторонние. Его тон был вкрадчивым, угрожающим. — Как ты посмел оставить ее одну? Вальзер в ярости. Молись, чтобы выжить.

Марк мгновенно напрягся, глаза зажглись тревогой.

— Где Влада? Что с ней? — Голос его дрогнул, и спокойствие исчезло.

— Все обошлось, — отмахнулся Стас, будто это была мелочь. Но в его взгляде читалась злость. — Свадьба не отменится. Папаша отправил ее домой вместе с мачехой. А теперь иди к Вальзеру и объясни, что ты к этому не причастен. Убедительно объясни.

Он резко отпустил Марка, и тот поправил ворот рубашки, натянув на лицо прежнюю маску невозмутимости.

— Я и так не при чем, — холодно произнес он и, надев очки, направился к выходу.

Серж заметил, как взгляд Стаса на мгновение задержался на нем, но, видимо, мужчина не нашел поводов для беспокойства — только посмотрел на золотые часы, красовавшиеся на запястье. Это был редкий экземпляр и стоили они целое состояние. Парень однажды видел такие... И тут все встало на свои места. Стас... Стас... Стасик... Это было как наваждение: знакомый образ, от которого веяло опасностью. Появилось неприятное ощущение, что они встречались прежде. Серж вспомнил его, но не подал вида, что узнал мужчину. И когда тот скрылся, следуя за Марком, быстро оценил ситуацию. Если Влада была с Игнатом и ее пытались похитить, значит, Игнат тоже мог оказаться в опасности. Сердце подскочило к горлу. Парень

мгновенно сорвался с места. «Пусть только окажется цел, пусть только будет жив!» — молился он, чувствуя, как от ужаса сводит дыхание.

Игнат слушал друга, обдумывая все, что тот рассказал. Каждая новая подробность добавляла детали в очень интересную, но пугающую картину. Было очевидно: брак Влады и Марка договорной, возможно, планируется против воли Влады.

— Нужно выяснить, на кого работает Марк, — раздумывал Игнат. — И как ему удалось найти Владу? Кем она была до того, как оказалась у Вальзера?

— Я кое-что еще вспомнил, — задумчиво прищурился Серж. — Я уже встречал человека, который пришел за Марком. Его зовут Стас, а Вальзер называл его Стасик. Это было давно. Помнишь ту ночь, когда ты решил быть с Ярославой? Я ждал тебя в нашем баре, ты опаздывал. Пробки, точно весь город стоял в пробках. Помнишь, ты рассказывал, что в холле столкнулся с каким-то бандитом с серьезной охраной? Очевидно, это и был Вальзер?!

— Да, — Игнат кивнул, припоминая. — Взгляд у него был такой, что я решил промолчать, хотя еще не знал, кто он.

— И это спасло твою жизнь, — серьезно продолжил Серж. — Вальзер встречался в ресторане с тем самым Стасом. Я узнал его по часам. Я видел, как Вальзер передал ему фотографию женщины с маленькой девочкой и велел их найти. И Марк нашел. Все сходится! Марк работает на Стаса.

— Так вот как все началось, — нахмурился Игнат.

— И на Вальзера, — добавил Серж. — Он явно нужен им обоим. Только вопрос — для чего? И зачем Вальзеру выдавать Владу замуж за Марка?

Игнат задумчиво сжал кулак.

— Отец говорил мне, что Вальзер был главарем Кировской ОПГ. Думаешь, он до сих пор связан с криминалом?

— Скорее всего. Такие связи просто так не разрывают, — усмехнулся Серж. — Но мы можем покопаться в архивах. Найдем информацию и про Стаса и его прошлое. Наверняка всплывет что-то интересное.

Игнат поднялся с кресла и посмотрел на друга.

— Ты должен показать мне этого Стаса. Лично. Хочу знать, с кем имею дело.

— Хорошо, — понимающе кивнул Серж, — но пока не нарывайся. Нам нужно больше информации. Я посмотрю, что удастся накопать в сети, а ты передай все Антону. Пусть пробьет, откуда появилась Влада и кем она была до встречи с Вальзером.

— Уже пытался это сделать, — усмехнулся Игнат. — Она как чистый лист. Никаких следов. Это даже странно.

— Значит, лист просто вычистили, — пожал плечами Серж. — Кто-то тщательно поработал, чтобы стереть ее прошлое.

— Девушка-загадка, — задумчиво произнес Игнат. — Девушка-мечта.

Серж неодобрительно хмыкнул, но его лицо оставалось серьезным.

— Скоро я ее вновь увижу. Вальзер пригласил меня на деловую встречу, — продолжил Игнат.

— Когда поедешь на встречу к нему, будь осторожен. Не лезь на рожон. Мы еще не знаем, с кем имеем дело.

Игнат кивнул, на секунду задержав взгляд на друге.

— Справляюсь, Серж. Не волнуйся.

Но Серж все равно волновался. Он привык быть тылом для Игната и в этот раз чувствовал, что должен быть готов прикрыть друга.

Глава 5. Загадочная коллега

Серж готовился к запуску нового крупного проекта. За последние годы он понял, что бизнес требует не только финансовых вливаний, но и глубокого погружения в процессы. Успех требовал держать руку на пульсе, продумывать каждый шаг и, что важнее всего, уметь читать людей. С новым проектом было полно неожиданностей. Постоянные переносы релизов, перестановки в команде, адаптация новых сотрудников — для сферы гейм-разработок это обычное дело, но нервы все равно трепало. Компания расширялась, привлекала все больше пользователей, а вместе с масштабированием росли и проблемы. Часть задач Серж уже передал заместителям и руководителям проектов, однако полностью отпустить контроль не мог. Он считал, что нужно не просто понимать, что происходит, но и стараться держать руку на пульсе и вникать в ход работы изнутри. Это давало ему возможность быть на несколько шагов впереди.

Поэтому последние несколько недель Серж участвовал в рабочих совещаниях, в основном просто слушая и наблюдая, как выстраиваются взаимоотношения сотрудников и как это влияет на проект. Зачастую они проходили в онлайн-формате, без видеосвязи, потому как многие члены команды работали удаленно и могли находиться в любой части земного шара. Для Сержа это не имело значения. Главное, чтобы сотрудники ощущали свободу и могли раскрыться в работе, чем сидели бы в офисе строго отмеренное время. Собственная работа Сержу была в кайф, и он хотел, чтобы люди в команде с ним тоже получали удовольствие от того, что делают.

Знакомство с новой сценаристкой он пропустил, но, подключившись на очередной созвон, с первой же минуты обратил на нее внимание. В списке участников она числилась под ником «Мила». На аватарке — невзрачный пейзаж, который никак не раскрывал характер человека. Но ее голос... Голос был особенным. Он показался странно знакомым, и Серж не мог понять, кого он ему напомнил. Руководитель проекта давно нахваливал работу девушки и, кажется, не зря. Она, как оказалось, была довольно популярной в своей нише писательницей, но решила попробовать себя в смежной сфере. Мила умела удивлять. Идеи, которые она продвигала, были тем самым глотком свежего воздуха, который и поручал найти Серж при подборе нового сотрудника. Предложения Милы были оригинальными, она мыслила неформатно и тонко чувствовала сюжет, будто по-настоящему проживала визуальные новеллы, которые казались не вымышленными, а реальными историями, талантливо приукрашенными богатой фантазией девушки.

Чем больше Серж наблюдал за работой Милы, тем больше убеждался, что эта девушка станет ключом к успеху проекта. Атмосфера в команде изменилась. Появился азарт, новые идеи рождались почти на каждом собрании. Люди заряжались ее энергией. Серж мог больше не подключаться к совещаниям — команда справлялась и без него. Но он продолжал приходить, убеждая себя, что просто наблюдает за процессом, хотя в глубине души понимал: его тянет нечто большее. То, что пряталось за незамысловатым пейзажем на аватарке и знакомым голосом, который никак не давал покоя.

Серж никогда не видел Милу, но ее голос и манера общения будто рисовали перед ним живой образ. Она казалась солнечной, звонкой, естественной. У нее было то редкое душевное обаяние, которое невозможно подделать. Открытая и легкая, она без застенчивости могла пошутить или метко подколоть, удивляла своим умом, широким кругозором и уверенностью. Но при всем этом оставалась комфортной в общении. Она умела выслушать, поддержать и ненавязчиво направить в нужное русло. Каждый раз, слыша ее голос, Серж ловил себя на том, что невольно улыбается. Хорошо, что камеры на совещаниях были выключены, — никто не мог заметить выражения его лица. Обычно он молча слушал, что обсуждает команда, но однажды решил вступить в дискуссию. Тема была ключевая — сценарий требовал ответа на непростой

вопрос: что выберет главный герой — быть с любимой девушкой или запретить себе любить? Все участники, кроме Милы, высказали свое мнение. Но именно ее точку зрения хотелось услышать Сержу.

— Почему вы молчите, Мила? — неожиданно обратился он напрямую.

— Потому что этот вопрос не имеет смысла, — ответила она, и ее голос прозвучал тихо, но уверенно.

— Поясните, — заинтересованно попросил Серж, приподняв бровь.

— Спрашивается, может ли герой запретить себе любить. Верно?

— Верно.

— А разве он спрашивал у себя разрешения, когда полюбил?

Ее тон был дружеским, но с истиной, которую она озвучила, сложно было поспорить. Серж молча обдумывал ее слова. Любовь действительно не спрашивает разрешения. Так может ли она подчиниться запрету? Он невольно улыбнулся. Эта мысль была простой и очевидной, но почему-то казалась ошеломляющей. Их разговор продолжился. Сначала Серж хотел обсудить сюжетный поворот, но диалог быстро перерос в личный — глубокий, философский, захватывающий. Остальные участники молча наблюдали за их беседой, словно за игрой двух мастеров, которые говорили совсем не о работе, но ход их мыслей зачаровывал слушателей. Серж даже не заметил, как забыл о коллегах. Об этом напомнила ему сама Мила.

— Простите, кажется, мы слишком увлеклись, — мягко намекнула она.

Он опомнился и услышал, как в наушниках раздался добродушный смех коллег. На мгновение Серж почувствовал себя мальчишкой, которого поймали за чем-то непопуганным. Легкое смущение охватило его. Он не мог вспомнить, когда в последний раз кто-то заставлял его испытывать подобные чувства. Но Миле это удалось — непринужденно, легко, ненавязчиво. И ему это понравилось.

После того совещания Серж чувствовал себя странно. Что-то в нем щелкнуло, будто запустился механизм, действие которого он сам не понимал. Мысли крутились вокруг одного — ее голоса, ее слов. Он брался за дела, пытался сосредоточиться, но едва начинал, как отвлекался, теряя нить. Даже отказался от предложения друзей встретиться в баре. Шумные разговоры и пустой смех были совсем не тем, в чем он нуждался.

Серж хотел тишины. И... возможности вновь услышать Милу. Но что написать? Как найти повод? Это было похоже на наваждение. Раньше все было просто. Долгое время он не верил в любовь — она приносила только боль, в чем еще больше убедился после смерти Славы. Подпуская человека ближе, ты лишь увеличиваешь шансы на новые страдания, теряя его. Поэтому в жизни Сержа все было просто: он хотел удовольствия — и получал его, не обещая своим спутницам ничего большего. Те, кто соглашался на эти условия, оказывались в его постели, получая наслаждение друг другом, но никто из них не рассчитывал на глубокие чувства. Все было взаимно.

Сейчас картина изменилось. Этот голос — звонкий, легкий, чуть насмешливый — вызывал у него необъяснимый интерес. Серж не испытывал подобных чувств очень давно. Он в растерянности осознал, что не знает, как поступить. Интуиция подсказывала: подходить к этому нужно осторожно, все-таки речь шла о его коллеге. Серж представил, что бы он посоветовал своему другу в подобной ситуации. Он уселся прямо на пол в гостиной, прислонившись спиной к дивану, взъерошил волосы и набрал сообщение Миле. Решив не усложнять, просто задал вопрос, касающийся одной из сюжетных линий. Подобное начало диалога казалось приемлемым, не вызывало лишних подозрений и не переходило черту дозволенного в общении начальника и подчиненного.

«Добрый вечер, Мила. Простите за внезапность, но не отпускает одна идея по поводу сюжета. Надеюсь, не слишком поздно?»

Отправлено. И теперь оставалось только ждать. Минуты тянулись невыносимо медленно. Пять. Десять. Ответа все не было, и Серж начал корить себя за глупость. Конечно, она не ответит — уже поздно, да и зачем ей это? Но вдруг экран мигнул. Собеседник набирал сообщение. Серж глубоко вздохнул, сердце застучало быстрее.

«Добрый вечер. Все в порядке, ничего страшного. О чем идет речь?»

Ответ был приветливым, но официальным, и Серж почувствовал легкое разочарование. Однако не собирался сдаваться.

«Знаю, что мое сообщение могло вас удивить, особенно в такое время. Просто не хотел потерять вдохновение. Решил поделиться идеей насчет главного героя. Все-таки его выбор между любовью и страданием — довольно тонкий момент».

Отправил и тут же подумал, как это нелепо звучит. Что за чушь он несет? Но долго ждать ответа не пришлось.

«Поняла. Видимо, судьба героя вас сильно волнует ##», — пришел короткий ответ, украшенный задорным смайликом.

Серж невольно усмехнулся. Следующее сообщение пришло почти сразу.

«Не переживайте, я как раз сейчас работаю над этим!»

«Прямо сейчас?» — удивился он.

«Кажется, ко мне вдохновение приходит в то же время, что и к вам ##».

Ее слова — легкие, с доброй иронией — выбили его из равновесия. Серж поймал себя на том, что улыбается, глядя на экран. Мила явно умела подобрать правильный тон, общалась ненавязчиво, не слишком официально, но и не переходя границы. Она, конечно, догадалась, что рабочий вопрос был лишь поводом начать диалог. Чтобы сократить дистанцию, Серж предложил перейти на «ты» — в компании это было обычной практикой. Затем он задал несколько вопросов, которые могли бы помочь разговору пойти легче: как ей работаете на новом месте, почему она решила заняться сценариями, будучи успешным автором книг, и удалось ли сдружиться с командой.

Мила отвечала дружелюбно, но сдержанно. Ее лаконичность могла показаться равнодушием, но Серж чувствовал: дело не в этом. Возможно, она просто не хотела выглядеть излишне откровенной в общении с руководителем. Они переписывались некоторое время, но вскоре девушка, пожелав спокойной ночи, вышла из диалога.

Сержу этого не хватило. Ощущение недосказанности подогрело его интерес, и он придумал план, откровенно шитый белыми нитками. Он перестал появляться на совещаниях, поручив руководителю проекта передать Миле, что любые ее вопросы и отчеты лучше обсуждать с ним напрямую. Это дало ожидаемый результат — они начали переписываться чаще.

Хотя разговоры оставались преимущественно рабочими, Мила постепенно раскрывалась. Чем больше времени они проводили за обсуждением сюжетов и персонажей, тем больше Серж узнавал о ней самой. Девушка не рассказывала о своей жизни, но Сержу удалось нарисовать картинку, основываясь на отдельных деталях. Писательство было ее отдушиной — в нем девушка могла быть любой, пусть даже ранимой и уязвимой, и не стесняться этого. Она погружалась в любимое дело с головой, проживая каждую сцену. Именно поэтому ее сюжеты завораживали — они были искренними. Богатство ее внутреннего мира создавало не просто миры, а целые вселенные. Мила умела задавать простые вопросы, на которые хотелось давать честные ответы.

«Расскажи, почему ты занялся своим делом? Чем тебя заинтересовали геймдев и новеллы?» — однажды спросила она.

Этот вопрос возник в ходе спора о том, где персонаж их истории должен найти свое призвание, но Серж почувствовал, что за ним стоит что-то большее.

«Это хороший прибыльный бизнес, ниша которого еще не захвачена титанами. Даже у небольшой студии, как моя, есть шанс найти свою аудиторию и развиваться, — ответил он. Но

затем, едва заметив, как подбирает более личные слова, добавил: — И потом, мне нравится психоанализ. Новеллы — это проекция жизни. Интересно наблюдать, как выстраиваются отношения между людьми».

Ответ казался честным, но Мила не была бы Милой, если бы не вывела его на новую грань откровенности.

«Чужие отношения — замена своим?»

Серж перечитал сообщение и засмеялся. Мила его поймала. Кажется, она так же хорошо разбиралась в психоанализе, как и в романтических историях.

«Можно сказать и так. Был неудачный опыт», — коротко признался он, не вдаваясь в подробности.

«Неудачный опыт дает хорошую основу для знаний», — ответила она с легкостью.

«Тогда я могу считать себя ученым», — с самоиронией парировал Серж.

«Но только если не избегаешь трудностей и не ищешь легких путей», — ответила Мила, не поддавшись на его шуточный тон.

Серж почувствовал, как очередная улыбка тронула его губы. Эта девушка... заставляла его смотреть на себя иначе. Он задумался. Можно ли назвать легким путем ту жизнь без обязательств, к которой он привык? И если он избегал серьезных отношений, не значило ли это, что он на самом деле бежал от трудностей? Всего лишь пара фраз Милы — и она разобрала его внутренний мир на части. Он никогда никому не рассказывал о своих чувствах к девушке лучшего друга, делился этим лишь с психотерапевтом, пытаясь разобраться в себе. Он считал, что никто не сможет его понять, кто-то осудит, а кто-то и вовсе посчитает предателем. Но сейчас ему почему-то захотелось открыться. Ее слова прозвучали так, будто она могла понять его. А признаться в переписке было куда проще, чем произнести это вслух.

«Несколько лет назад я полюбил девушку, которая нравилась моему другу. Он сходил по ней с ума, и я знал, что она испытывает к нему те же чувства. Я не хотел терять друга, не хотел ставить их перед выбором. Я сохранил свои чувства в тайне и остался в стороне. Они стали парой — пусть недолго, но все же были счастливы. Для них это была истинная любовь, та, что предначертана судьбой. А для меня... я так и не понял, что это было. Моя любовь осталась ничем. Я не решился признаться ей».

Эти слова дались нелегко, но, отправив их, Серж почувствовал неожиданное облегчение. Будто сбросил с души камень, годами тяготивший его. Пусть Ярославы больше нет, его признание ничего не изменит, но, кажется, оно все равно было нужно. Самому Сержу. Он был влюблен, но не сумел это выразить, запретил себе любить. Хотя, как Серж понял гораздо позже, это тоже было своего рода бегство от искренних чувств и себя самого.

Ответ Милы пришел быстро.

«Мне очень жаль. Потеря любимого человека ранит душу. Но твоя любовь, как и твое решение не разрушать их отношения, несмотря на собственные чувства, говорят о твоей силе. Ты поступил как искренне любящий человек и как настоящий друг для них обоих. Только мужественный человек способен на такое».

Слова Милы заставили Сержа замереть. Почему-то он не решился упомянуть, что девушки, о которой он говорил, уже нет в живых, но слова о потере все равно отозвались в его сердце. Он ожидал другого ответа — осуждения за то, что позволил себе влюбиться в девушку друга. Слишком часто он осуждал себя за это сам. Но Мила приняла его историю иначе, разделив с ним горечь утраты.

«Ты действительно считаешь, что я имел право ее любить? Разве я не должен был запретить себе эти чувства?» — спросил он, почти не надеясь на понимание.

«Ты смог ее полюбить, и это прекрасно, — ответила Мила. — Тебе не стоит корить себя. Поблагодари судьбу за то, что это чувство хотя бы на миг наполнило тебя и вдохновило. Возможно, вы не были предназначены друг другу, но это не делает твою любовь менее значимой».

Серж перечитывал ее слова снова и снова, не в силах поверить. Мила, эта почти незнакомая девушка, смогла принять его историю так, как не мог принять он сам. Ее ответ разбудил в нем воспоминания — теплые, светлые, те самые моменты, когда он смотрел на Славу, любившая ее, зная, что не имеет права любить ее. Впервые за долгие годы он посмотрел на это чувство не как на запретное, а как на что-то настоящее. Он улыбнулся. Может быть, настало время перестать осуждать себя?

Эта переписка словно вывела их на новый уровень общения. Они продолжали писать друг другу, обсуждая все подряд: книги, музыку, любимые фильмы. С каждым сообщением дистанция сокращалась, а диалог становился все теплее. Откровение Сержа создало между ними удивительное чувство доверия. Наступила ночь. Загорелись звезды. Но ни Серж, ни Мила не думали о времени. Лишь когда первые золотые оттенки залили горизонт, он с сожалением заставил себя прервать переписку и пожелал ей добрых снов.

Мила, возможно, и заснула под утро, но сам Серж не смог. Он лежал на кровати, заложив руки за голову, и улыбался. Ему было по-настоящему хорошо. Не физически, но душевно. Впервые за долгие годы он чувствовал, что внутри не пустота, а что-то светлое.

За всю свою жизнь ни одной девушке Серж не открывался так, как открылся Миле за одну ночь. Прежние отношения были простыми, даже поверхностными: девушки интересовались его статусом, деньгами, внешностью — но не им самим. И он не винил их. Ведь сам выбирал тех, кто не требовал большего, не хотел проникать в глубь его души, не нуждался в его любви. Да и он сам не хотел влюбляться. Мила оказалась права: шел по легкому пути, избегая трудностей, избегая чувств.

Думать о ком-то другом этой ночью Серж не мог. Он никогда не видел Милу, не знал, как она выглядит, но сознательно избегал искать ее в сети. Между ними что-то зарождалось, неуловимо хрупкое и чистое, и он не хотел разрушить это лишней информацией, которая могла стереть очарование его фантазий. Ему пока хватало ее голоса, слов, и того теплого чувства, которое неожиданно поселилось в его душе.

Психотерапия научила Сержа разбираться в себе, и он понимал: возможно, это всего лишь бегство от реальности. Но сейчас не хотел ничего анализировать. Он позволил себе просто быть, наслаждаться моментом без планов на будущее. Ведь в этом будущем могло ничего не быть. Он думал лишь о том, что еще мог бы ей рассказать, о чем спросить, и с нетерпением ждал, когда новый день даст ему повод написать: «Доброе утро».

Но, прежде чем он успел отправить сообщение, на телефон пришло новое уведомление. Сердце Сержа вздрогнуло. Он быстро взглянул на экран, ожидая увидеть что-то от Милы, но вместо нее прочитал сообщение Игната.

«Есть инфа о госте Вальзера?» — коротко спросил он.

Серж почувствовал досаду, но тут же сосредоточился. Игнат был настойчив. Серж действительно провел неделю в поисках информации, которая могла пролить свет на загадочного дядюшку жениха Владиславы. Пока все попытки оказались тщетными. Он не хотел разочаровывать друга, и потому ответил уклончиво: «Я продолжаю искать».

Закрыв мессенджер, Серж снова углубился в архивы и старые электронные сводки новостей. Но чем дальше он копал, тем больше понимал: искать информацию о том времени, когда интернет был еще в зачатке, — бесполезное занятие. В какой-то момент он настолько устал, что решил подключиться к рабочему совещанию, лишь бы отвлечься. Он жаждал услышать знакомый голос Милы. Он мало участвовал в обсуждении, оставался больше слушателем. Но Мила заметила его состояние.

«Что-то случилось?» — пришло сообщение в личку.

Серж не мог не улыбнуться. Чуткость девушки продолжала удивлять его.

«Ничего особенного. Почему ты спросила?»

«Твой голос изменился. Стал тревожным», — последовал быстрый ответ.

Серж вздохнул. Это было сложно объяснить, но Мила всегда находила способ заглянуть в душу.

«Есть одна проблема, которую я уже неделю не могу решить», — признался он, почти надеясь, что она предложит что-то дельное.

«Расскажи. Если смогу, помогу».

Ее готовность быть полезной тронула его. Серж не хотел впутывать Милу в поиски информации, связанной с опасным окружением Вальзера. Но в какой-то момент понял, что взгляд со стороны может быть ценным. Он объяснил проблему максимально абстрактно. И девушка нашла простой, но гениальный выход.

«Когда я была на студенческой практике, мы с подругой оцифровывали старые выпуски газет. Попробуй обратиться в газетный архив. Многие старые выпуски до сих пор не выложили в сеть, но они хранятся на внутренних серверах. Если повезет, ты сможешь получить доступ через запрос».

Серж воспользовался ее советом, и вскоре результат оказался у него на руках. Он получил документы, которые наконец пролили свет на загадочного человека из окружения Вальзера. Информация пришла вовремя — прямо перед тем, как Игнат направился на встречу с ним.

Серж волновался за друга, ощущая опасность этого визита. Ему не нравился Вальзер. В этом человеке все было пугающим, но особенно его звериные глаза. Это был настоящий хищник в человеческом облике.

Чтобы отвлечься от тревог, Серж снова написал Миле. Их переписка уже стала привычной частью вечеров. Они говорили часами, делились мыслями, обсуждали все подряд — от работы до случайных наблюдений. И чем дольше они общались, тем больше казалось, что между ними нет никакого расстояния. Серж никогда раньше не ощущал такого. Ему было легко, тепло, и главное — он чувствовал, что его понимают.

В эту ночь звезды за окном светили ярко, но Серж их не замечал. Ему было все равно, сколько времени на часах. Он был поглощен бесконечным диалогом, который приносил ему радость.

Глава 6. Ужин на высшем уровне

Званных гостей встречали Вальзер и Мэри. Мужчины крепко пожали друг другу руки, и Вальзер похлопал Игната по плечу, показывая расположение. Этот сдержанный жест в мире Вальзера значил многое. Мужчина коротко представил свою супругу, а Игнат — свою спутницу. Только по имени, не уточняя, кем ему приходится Алекса, но девушка не смогла удержаться от пояснения:

— Невеста Игната, — нарочито громко произнесла она, погладив парня по плечу.

Игнат небрежно сбросил ее руку со своего плеча. Проявления нежности со стороны Алексы в доме Вальзера выглядели неуместными. Глазами он осматривал комнату, будто кого-то искал и надеялся встретить.

Неужели меня? Я замерла на лестнице, ведущей в гостиную, на секунду поддавшись панике. В моем распоряжении было несколько секунд, чтобы шагнуть назад, исчезнуть, сослаться на недомогание и избежать ужина с гостями. Но что-то удерживало меня на месте. Что-то, чему я не могла противиться.

Игнат поднял глаза, будто почувствовав мое присутствие, и наши взгляды встретились. На моей рубашке он заметил свой подарок — бабочку, приколотую к вороту. Он пристально посмотрел на меня, и я увидела, как его лицо на миг смягчилось. От этого взгляда моя душа или то, что от нее осталось, сжалась от страха в комок. После всего, что со мной было, я едва ли чувствовала себя живой, выстроив высокую стену между собой и миром. Но с появлением Игната эта стена дала трещину. В ней хрупким ростком пробивалась надежда. Этот цветок тянулся к свету, исходявшему от моего мальчика. Он словно чувствовал, что только Игнат может защитить, укрыть и спасти меня. Но я не могла разрешить этому ростку пробиться наружу.

Игнат улыбнулся, тепло и открыто, как тогда, в наши самые счастливые дни. Я машинально сжала кулаки, стараясь унять дрожь в теле. Не могла позволить себе надеяться на спасение. Понимала, что, если Игнат окажется рядом, ему тоже будет грозить опасность. Он и так далеко зашел, решив вести дела с Вальзером. Нужно его остановить, заставить отступить и забыть меня. Навсегда. Судорожно сделав глубокий вдох, я приказала израненному сердцу затихнуть. Расправила плечи, с трудом сдерживая подступившие слезы, и, вздернув подбородок, невозмутимо спустилась к гостям. В какой-то момент я почувствовала, как дрожат руки, но, стиснув пальцы, пошла дальше.

Вальзер обернулся, заметив напряжение во взгляде Игната, и его лицо стало настороженным, волчьим. На миг он нахмурился, как будто уловил нечто странное, но я быстро переключила на себя его внимание, и он смягчился.

— Влада, дочка, подойди ко мне, — Вальзер протянул мне руку, и я послушно подошла, вставая рядом. — Я пригласил твоего спасителя в наш дом, чтобы выразить благодарность. Хотел сделать тебе сюрприз, ты ведь рада его видеть? — спросил он, не столько интересуясь моим мнением, сколько присматриваясь к моей реакции.

Если бы он предупредил, что собирается пригласить Игната, я бы предложила ограничиться формальностями, подарить ему что-то дорогое — коллекционный виски или часы. Но, разумеется, это решение Вальзер принял без моего участия, лишь для видимости поинтересовавшись моим мнением уже при гостях. Разум велел мне держать чувства под контролем, но один факт я не могла не признать — Игнат спас меня. Мой мальчик снова спас меня, хотя понятия не имел, что, сделав это, подвергал себя новой опасности. И за это я была бесконечно благодарна. Только вот спасение для меня было не столько чудом, сколько продлением пытки, жгучим напоминанием о боли. Игнат не знал, даже не догадывался об этом. Он был готов рисковать собой ради той, кого когда-то потерял, кого оплакивал, но кто воскрес под чужим именем и с чужим лицом. Стараясь не выдать себя, я отвела взгляд и смахнула незаметно подступу-

пившие слезы. За годы, проведенные в доме Вальзера, я научилась держать себя в руках, но рядом с Игнатом все мои маски давали трещины, обнажая истинные чувства, которые я так старательно прятала.

Как же я мечтала искренне сказать Игнату, что благодарна ему! Не за то, что жива, но за то, что могу вновь видеть его и почувствовать себя рядом с ним настоящей. Пусть и ненадолго.

— Хорошая идея, отец, — холодно ответила я, не глядя на Игната. Если посмотрю ему в глаза, остановиться уже не смогу. Это заметят все, особенно Алекса. А так непозволительно смотреть на мужчину, которого за руку держит невеста.

Чтобы отвлечься от захвативших эмоций, я перевела взгляд на Алексу. Та с удивлением прислушивалась к словам Вальзера, не понимая, почему Игната называют моим спасителем. Она попыталась скрыть удивление, но в ее глазах все же мелькнуло что-то, напоминающее недовольство, которое тут же сменилось дежурной улыбкой. Когда-то Алекса притворялась милой перед Ярославой, а теперь точно так же пыталась казаться милой перед Владиславой. Только я знала, что и тогда, и сейчас она терпеть меня не может. Алекса явно улавливала невидимое притяжение, которое влекло нас с Игнатом друг к другу. И это злило ее, ведь я все еще любила Игната, а он, кажется, начинал влюбляться во Владу.

Алекса почти не изменилась. Все так же стильно, дорого и со вкусом одета: летний брючный костюм — пиджак и брюки-палаццо в стиле олд мани. Светлые волосы стали короче, и теперь обрамляли лицо аккуратным прямым срезом, едва доходя до плеч. Новая стрижка делала Алексу старше. А вот ее идеальная фигура была девичьей, Алекса скинула пиджак, оставшись в открытом топе, персиковый цвет которого подчеркивал ее точеную талию и загорелые плечи. Однако Алекса сохранила и не проходящую с возрастом фальшь, она впиталась в ее кожу, как и приторно сладкий аромат ее дорогих духов.

Вальзер решил представить нас друг другу.

— Моя дочь — Владислава, — объявил он Алексе.

Я сдержанно кивнула и услышала в ответ:

— Алекса, невеста Игната, — заявила девушка, снова напомнив о своих правах. Она вела себя ужасно назойливо, но совершенно этого не смущалась, прикидываясь милой. — Приятно познакомиться!

Ее манеры так раздражали, что хотелось скорчить рожицу и, кривляясь, передразнить, но я лишь глухо ответила:

— Взаимно, — едва не добавив, что мы знакомы.

— Я правда рада нашему знакомству, — приторно улыбнулась Алекса. — Как я понимаю, Игнат и ваш отец ведут деловые переговоры, а значит, мы будем часто видеться и можем стать подругами, — добавила она с преувеличенной доброжелательностью.

Теперь мне захотелось покрутить пальцем у виска. Алекса явно переигрывала роль невесты, пытаясь во что бы то ни стало всем понравиться. Моя бровь невольно взметнулась вверх, а губы искривились, не сумев изобразить улыбку. Даже для приличия я не могла вытянуть из себя вежливый ответ, поэтому промолчала. Однако меня укололо, что она в курсе планов Игната. Неужели он ей так доверяет? Благо нашлась Мэри — уловив мое напряжение, она кивнула Алексе, чтобы сгладить неловкость. Мэри, одетая в красное облегающее платье, выглядела немного вульгарно, и уж точно не могла понравиться Алексе.

— Конечно, вы обязательно подружитесь, — мило подхватила она, расплываясь в широкой улыбке. — Знаете, мы с Владой очень близки, но, боюсь, она уже устала от меня, — весело добавила мачеха, всем видом показывая Вальзеру, как она исполняет его распоряжение. — Нашей девочке не мешают новые знакомства, а то она так любит читать книги, что мне начинает казаться, будто Влада избегает людей.

Я не успела и глазом моргнуть, как из формального знакомства беседа перетекла в обсуждение моей персоны. Да еще с Алексой! Я ждала, что Вальзер прервет Мэри, как делал каждый раз, когда был с ней не согласен, но в этот раз он почему-то молчал.

— Вы любите читать? — поинтересовался Игнат, уловив любимую тему, которая когда-то была нашим общим интересом. — Какие книги вам нравятся?

Он втягивал меня в разговор, а я сдерживала себя, чтобы не ответить, но, переведя на него взгляд, невольно почувствовала тепло. Волна светлых эмоций накрыла меня, когда я представила, что могу обнять его, как это было несколько лет назад.

— Разные, — как можно холоднее ответила я, снова отводя взгляд.

— А авторы? Есть любимые? — не сдавался он.

— Всекие, — опять бесцветно ответила я, желая закончить разговор.

Я с трудом играла роль равнодушной холодной девицы, делая все, чтобы Игнат отказался от затеи меня добиться. Это был мой долг перед ним.

— Влада покажет вам свою библиотеку, но позже, — твердо произнес Вальзер, прерывая неловкую паузу. — Сейчас ужин, — добавил он, приглашая гостей к столу.

Ужин был организован на высшем уровне. Вальзер явно хотел создать атмосферу роскоши и изысканности для гостей. На столе были различные закуски, икра, дорогие вина. За все годы, проведенные с ним, я не видела, чтобы он старался произвести на кого-то впечатление или пытался кому-то понравиться. Напротив, с гостями, что появлялись в доме, Вальзер всегда был сдержан и даже суров, оставаясь собой. Но на этот раз он, казалось, держался иначе, пытаясь расположить к себе Игната, и производил впечатление радушного хозяина. К Игнату он был настроен дружелюбно, впустил его в свой круг. И это меня настораживало.

Вальзер всегда был немногословен, но сейчас не скупился на слова благодарности. Он поднялся во главе стола, и все взгляды обратились к нему. Мы с Мэри сидели слева, Игнат и Алекса — справа.

— Игнат, я не ожидал, что ты рискнешь собой ради спасения моей дочери. Не каждый решится с голыми руками броситься на человека с ножом. Но ты это сделал, и никаких других доказательств не нужно, чтобы понять: ты надежный и крепкий человек. Свой, — подчеркнул Вальзер, намеренно делая паузу.

Он благодарил Игната, но от его сухого, шершавого голоса, в котором чувствовалась сталь, и от этой многозначительной паузы у меня по рукам побежали мурашки.

— Знай, — продолжал Вальзер, — что за спасение Влады я готов сделать для тебя многое. В любой передрыге прикрою, из любой ямы вытащу. Никакой платы не пожалею, по закону или по понятиям. Она — самое ценное, что у меня есть. — Он осекся и добавил: — Что осталось.

Эти слова прозвучали странно, ведь у Вальзера было все — деньги, власть, связи. Но, кажется, все это для него ничего не значило по сравнению с жизнью дочери. Он действительно хотел быть хорошим отцом, но уже не мог, сам не зная, что давно потерял дочь.

— Проси что хочешь. — Вальзер смотрел на Игната с непоколебимой серьезностью. — Я у тебя в долгу.

Вальзер был человеком понятий и никогда не бросал слов на ветер. Выражаясь иначе, он предлагал Игнату свою крышу, защиту во всех доступных ему кругах. Это было сильным жестом. Губы Алексы тронула легкая улыбка. Очевидно, ей было приятно, что такой человек, как Вальзер, считал себя обязанным перед ее мужчиной. Воображение уже рисовало возможные выгоды, которые можно будет извлечь от этого союза. В бизнесе всегда найдутся конкуренты, которых нетрудно устранить руками такого человека. Однако, ее ничуть не волновало то, с каким риском для себя Игнат получил это расположение. Коснувшись руки Игната, она выразила ему свое молчаливое одобрение, словно подбадривая его.

Лицо Игната оставалось непроницаемым, он научился владеть эмоциями, и невозможно было определить его отношение к Вальзеру. Не обращая внимания на Алексу, Игнат перевел

взгляд на меня. И в этот момент он прочитал в моих глазах ужас, немой крик: не принимай! Не соглашайся, не протягивай ему руку! В тебе самом достаточно силы, чтобы выстоять перед чем угодно. Беги, уноси ноги отсюда, пока не поздно. Я слегка покачала головой, делая вид, что поправляю волосы, чтобы никто не заметил этот немой сигнал.

— Есть кое-что, что я хотел бы обсудить наедине, — решительно произнес Игнат, глядя прямо на меня.

Его слова прозвучали как приговор. Единственным успокоением все эти годы было то, что он сможет быть счастлив, подальше от меня и от этого дома. Но теперь он лишил меня и этой надежды. Если я не могу спасти себя, то хотя бы должна попытаться спасти его.

— Идет, — подтвердил Вальзер, хлопнув Изната по плечу, и сел обратно.

— Нет, — выдохнула я, резко поднявшись на ноги. Мои пальцы дрожали, но я решила говорить твердо. Впервые я осмелилась перечить Вальзеру. — Ты слишком щедр, папа. Со мной ничего страшного не произошло, поэтому незачем расплачиваться так дорого. Слов благодарности было бы вполне достаточно. Если хочешь отблагодарить, можно ограничиться подарком. Что вы хотите, Игнат? Валюта, машина, недвижимость? Сколько возьмете?

Это звучало гадко, я предложила расплатиться за поступок Изната, обесценив его мужество. Не так благодарят за спасение. Мои слова терзали меня саму, и, с трудом сдерживая боль, я прикрыла глаза, мысленно прося его о прощении. Я была готова отдать за Изната больше — свою жизнь, если понадобится. Я не позволю ему попасть в лапы к монстру. Не позволю ему стать монстром. Пусть лучше сама стану им в его глазах! После моих слов повисло молчание. Присутствовавшие явно были в недоумении. Игнат напряженно выдохнул, не спуская с меня глаз.

— Вы неправильно меня поняли, Влада, — проговорил он сдержанно, его голос звучал ровно, хотя, несомненно, это требовало усилия. — Я здесь не ради вознаграждения за спасение. Я сделал это не из выгоды, а потому, что не мог оставить вас в беде. Ваш отец пригласил меня на ужин, поэтому я здесь.

— Вот и ужинайте, — раздраженно ответила я и тяжело опустилась на место.

— И вам приятного аппетита, — ответил Игнат, продолжая неторопливо орудовать ножом над стейком. Он даже улыбнулся мне, как будто мои слова ничего не значили.

Я вынудила его оправдываться, и была готова пойти дальше — закатить истерику, устроить скандал, если понадобится. Но его уверенность в себе обезоружила меня сильнее, чем моя дерзость могла его задеть. Игнат повзрослел и уже не был пылким юношей, который считал мир игрушкой в своих руках. Он стал мужчиной, умел взвешивать свои решения и никому не подчинялся.

— Сумасшедшая, — шепнула мне Мэри с опасением глядя на реакцию мужа.

Вальзер отложил приборы, и, кажется, я напрочь испортила ему аппетит. Поразмыслив, он отодвинул свой стул, поднялся и позвал меня.

— Влада, на пару слов, — приказал он сухо.

Отец вышел из гостиной, а я нехотя встала и последовала за ним.

— Вляпалась, — снова прошептала Мэри, будто я сама не понимала. — Молчи, пока он будет отчитывать, смотри в пол и кивай, — по-свойски дала она совет.

Я чувствовала на себе взгляд Изната, пока выходила. Вальзер уже ждал в библиотеке, привычно держал руки за спиной, скользя взглядом по ряду книг. Я остановилась в нескольких шагах, не собираясь, вопреки наставлениям мачехи, опускать взгляд.

— Ты прочитала много книг, Влада. Книги нравятся тебе больше, чем люди? — неожиданно спросил Вальзер, не оборачиваясь.

Я ожидала, что наш разговор будет о другом, и поэтому несколько растерялась от его вопроса:

— Порой книги действительно лучше некоторых людей.

Вальзер хмыкнул. Смеяться он, похоже, не умел, но мой ответ позабавил его.

— Чем же?

— Книги могут рассказать тебе о чем угодно, но они не в силах заставить принять точку зрения автора. Читатель всегда сам решает — какой книге и насколько верить.

Вальзер обернулся и внимательно посмотрел на меня, его взгляд был тяжелым, но в нем не было осуждения или холода. Несмотря на жестокий характер, он, видимо, по-настоящему любил ту, кого считал своей дочерью. И я, впервые за много лет, не испытывала перед ним страха и не собиралась допустить, чтобы он втянул Игната в свою игру.

— Тебе не нравятся наши гости? — Вальзер изучающе посмотрел на меня.

Лгать ему не имело смысла — он все равно почувствовал бы.

— Скорее, я не ожидала их встретить сегодня в нашем доме.

— Но они здесь. Так почему ты грубишь Игнату? Будто он не спас тебя, а обидел. Скажи, если я чего-то не знаю.

Вальзер вызвал меня на разговор не для того, чтобы научить вежливости. Как заботливый родитель он хотел понять, что творится в душе его ребенка, понять, что побудило меня вести себя так дерзко. От его взгляда не скрылось, что я искрю эмоциями, как оголенными проводами. Я молчала, не зная, что ответить.

— Я узнал его, — проговорил он после паузы, словно раздумывая. — На дне рождения Рустика это он, Елецкий, стоял рядом с тобой на балконе. Он неприятен тебе? Может, позволил себе лишнего? Если так, скажи — я разберусь.

— Нет-нет, — быстро перебила я, чтобы Вальзер сам не придумал чего-то лишнего.

— Тогда в чем дело, Влада?

— Он... — Я замялась, но у меня не было выхода. Моя холодность уже заставила Вальзера насторожиться, а сгущать тучи над Игнатом и далее было опасно. Я должна была действовать осторожно. — Он нравится мне, — произнесла я растерянно, чувствуя, как собственные слова отзываются болью в душе. Я действительно была силой разлучена с тем, кого всем сердцем любила. И решила позволить Вальзеру узнать кое-что обо мне настоящей. — Мы встретились случайно, и он сразу заинтересовал меня. На следующий день Игнат вернулся в гостиницу, хотел поговорить, но я отказалась. Рядом был Марк, ему это не понравилось. Потом, после обеда, я вышла прогуляться в сквер рядом с гостиницей, и когда на обратном пути собралась переходить дорогу после дождя, не знала, как обойти лужи. И тут появился он, подхватил меня на руки и перенес. Переживал, что могу простудиться, если промочу ноги, — вспомнила я, прикрыв глаза, ощущая трепет в душе от того, что могла касаться его тела, чувствовать аромат любимого одеколона. — Но тут снова появился Марк с охраной, и они чуть не подрались. Позже произошла встреча на дне рождения. Но я провела вечер со своим женихом, запрещая себе и думать об Игнате. А потом... потом был тот момент с похищением, лезвие ножа у моего горла. И тут снова он. Игнат. Он не думал, просто накинулся на похитителя, ничего не боясь. Ведь он мог не рисковать, пройти мимо, позвать охрану или тебя, но не спасовал. Я ему благодарна. Скажи, разве можно не влюбиться в такого?

Слова слетали с губ сами собой... Я забылась в своем рассказе, будто разговаривала не с Вальзером, а с кем-то из родных, с мамой или Стешей. Или просто сама с собой. Видимо, я не заметила, как и Вальзер стал мне родным, или же я просто к нему привыкла?

Он слушал внимательно и молчал, о чем-то задумавшись, в его глазах промелькнули отблески каких-то светлых воспоминаний. На мгновение уголки губ приподнялись, и Вальзер даже слегка зажмурился, словно пытаясь сохранить этот свет.

— Ты не любишь Марка? — Его голос был спокойным, но пытливым.

Ответ дался мне непросто.

— Люблю, но... по-другому.

— Как же нам поступить? — Вальзер потер подбородок, словно всерьез раздумывая над какой-то задачей, кажется, он терялся в решении вопросов, касающихся чувств. — Вести дела проще, в деньгах есть счет, у законников — законы, у людей — понятия, но ни того, ни другого нет в любви. Ни счетов, ни правил.

— Я знаю, что должна сделать, — решительно заявила я, и Вальзер замер, слушая. — Я должна забыть Игната, будто никогда его и не встречала. Не хочу его видеть, не хочу, чтобы он появлялся в нашем доме. — Мой голос прозвучал слишком требовательно, и Вальзер удивленно вскинул брови. — Пожалуйста, папа! — чуть мягче добавила я.

— Хорошо, дочка. — Он погладил меня по голове, словно маленькую девочку, и одобрительно кивнул. — Но я уже дал слово и не могу не отблагодарить его за твоё спасение. От этого не отступлю — дело чести.

Я рано обрадовалась, решив, что Вальзер меня поддержит и больше не выпустит Игната в нашу жизнь. Но даже не представляла, что ещё он может придумать. Мы вернулись в гостиную, где Мэри, как всегда, беззаботно щебетала. Атмосфера казалась непринужденной, почти праздничной. Вальзер вновь занял место во главе стола, а я решила, что должна извиниться перед Игнатом.

— Игнат, прошу прощения за резкий тон, — сказала я уже своим привычным, спокойным голосом. — Я искренне благодарна за то, что вы сделали для меня. Вы смелый и благородный человек. Я в этом не сомневаюсь, а мои слова, сказанные ранее, были глупыми.

Вальзер одобрительно кивнул, явно довольный моими словами. Игнат выслушал меня и тоже кивнул, приняв извинение и благодарность. Я ждала, что он ответит улыбкой, быть может, в последний раз, но вместо этого в его глазах отразилась бескрайняя, немая тоска, а уголки губ чуть заметно опустились. Казалось, его янтарные глаза стали темнее, в них не видно было дна, в них отразилась горечь.

Оставшийся вечер прошел спокойно. Вальзер и Игнат обсуждали деловые вопросы, делились наблюдениями и мыслями о том, какой бизнес перспективен для будущего. Мэри откровенно скучала и налегала на красное вино. Алекса, сложив изящные пальцы под подбородком, делала вид, что внимательно слушает мужчин, хотя время от времени я ловила на себе ее колющий взгляд.

Я сидела с отстраненным видом, слушала, но не слышала, глядя на присутствовавших как бы издалека. Этот вечер стал для меня настоящим испытанием, обнажившим слишком много чувств, и я старалась вновь погрузиться в привычное равнодушие, стать тенью Владиславы. Мысленно я уже была в другой реальности — в своей книге, в истории о девушке-звезде, и обдумывала, каким должно быть продолжение ее судьбы. Так погрузилась в свои мысли, что не сразу заметила, как Вальзер и Игнат вышли из-за стола. Я потеряла их из виду и поняла это, когда Мэри начала оживленный разговор с Алексой. Они обсуждали дом и обстановку.

— Мне нравится ваш дом, дизайн интерьера. Наверное, его проектировал талантливый архитектор? — с интересом спросила Алекса.

— Да, француз. Илья пригласил его из столицы, где он строил дома для высокопоставленных лиц. Архитектор предложил несколько эскизов на выбор. Мне больше нравился другой вариант, но Илья выбрал этот — не дом, а крепость со стражей, такой же холодный и скрытный, как он сам, — с легким вздохом ответила Мэри. Алкоголь расслабил ее, а в таком состоянии она могла сболтнуть лишнего. — Но кое-что из обстановки сделано по моим запросам. От скуки я перелистала сотни журналов по интерьеру. Вот, например, картины в гостиной выбирала я. Их привезли из галереи на Елисейских полях. Боже, эти картины видели Эйфелеву башню, а я до сих пор нет.

Мэри говорила о полотнах, что висели в гостиной. Массивные, тяжелые рамы цвета охры украшали репродукции известных полотен. На одном из них были изображены летящие ангелы — пухленькие, розовощекие младенцы с кудрями, тянущие руки к невидимому свету. На дру-

гом — девушка прощалась с крылатым возлюбленным, склонив в печали голову и отвернувшись от него. Свет падал на юношу, озаряя его мужественное лицо и простую одежду. Взгляд девушки был устремлен в противоположную сторону, где царила тьма, и лишь смутно угадывалась фигура другого мужчины, сурового, жесткого, чем-то похожего на Вальзера. В руке он держал украшение, был явно богат и властен, потому девушка и выбрала его. Признаться, эти картины никогда не привлекали моего внимания. Я считала, что они развешаны просто так, потому что Вальзер любил роскошь и не скупился на обустройство дома. И не знала, что они отражают скрытые мысли Мэри.

Алекса подхватила тему и заговорила об искусстве, в котором, как оказалось, отлично разбиралась. Даже мне стало интересно ее слушать, разговор оживился. Мэри предложила показать Алексе дом, и та с радостью согласилась. Мне пришлось следовать за ними. Пока они осматривали комнаты, я мучительно раздумывала, о чем разговаривают наедине Игнат и Вальзер.

Мэри, оживленно жестикулируя и указывая на детали, провела Алексе по гостиной, показала помпезную столовую с обеденной группой и дизайнерскими сервантами из резного дерева, окрашенного под слоновую кость, несколько гостевых спален, библиотеку, которая негласно считалась моей комнатой, и вывела гостью на мансарду, где можно было отдохнуть и подышать вечерней прохладой.

Мы устроились в мягких креслах, и Мэри распорядилась подать чай.

— Обожаю такие загородные резиденции, — продолжила разговор Алекса. — У моего жениха есть похожий дом на берегу реки, красивый и просторный. В нем уже несколько лет никто не живет, но я надеюсь, что после свадьбы мы туда переедем.

Я вздрогнула, услышав о доме, где жила вместе с Игнатом, Костей и мамой. Одни из самых приятных воспоминаний моей жизни связаны с этим местом, с людьми, что стали моей семьей. Я не знала, что в Костином доме никто не живет. Должно быть, после случившегося им обоим было тяжело там находиться. Странно, что Алекса этого не понимала.

— Почему там никто не живет? — спросила я, вступив в разговор.

Алекса коснулась губами края чайной чашки и обожглась.

— Из-за последней жены отца Игната. Не хочу сплетничать, поэтому расскажу без подробностей — это невероятно трагичная история, многих она шокировала. Едва ли смогу говорить об этом без слез, — Алекса превосходно лицемерила и искусно играла на эмоциях, пробуждая в Мэри еще больший интерес. Она явно искала к ней подход, ведь было очевидно — ту заинтересуют сплетни о чужой жизни, потому что собственная скучна.

— Кажется, мы что-то об этом уже слышали, — подхватила Мэри, в глазах ее горело любопытство. — Помнишь, Влада? Когда мы приезжали на торжество Рустика, девушка из салона рассказывала эту историю, а ты ее перебила и велела замолчать.

— Я и сейчас не хочу ничего об этом слышать. — ответила я, как можно равнодушнее.

Чашка с горячим чаем совершенно не согревала мои ладони, в пальцах я чувствовала только холод.

— Странно, — пропела Алекса, прикрывшись своей фирменной вежливой улыбкой. — Вы же сами меня об этом спросили. Значит, вас все-таки что-то интересует.

— Я спрашивала про дом, а не про тех, кто в нем жил, — холодно уточнила я.

— Стены всегда запоминают своих хозяев. Они как книги. Ведь вы любите книги, Влада? — Алекса умело использовала против меня те крупницы информации, что успела узнать. — Значит, вам интересны чужие истории. Дома, однако, правдивее — они хранят тайны реальных людей, а не вымышленных.

— Влада, действительно, не будь ханжой. Дай послушать, — вмешалась Мэри.

Я уступила, понимая, что не могу вечно убегать от страха, что кто-то узнает правду обо мне. Хуже всего было то, что моя история, пересказанная другими людьми, была наполнена

ложью. Я вновь почувствовала себя заложницей обстоятельств и не могла вымолвить ни слова, чтобы опровергнуть клевету о моей маме. Отставив чашку с чаем, я поднялась и, не покидая мансарду, отошла к окну. Хотела скрыть от всех свое немое страдание, разрывающий душу крик, застывший на губах, и горькие, но невидимые слезы.

Алекса начала рассказ, а Мэри подалась вперед, жадно ловя каждое слово.

— Эта женщина намеренно стала женой Елецкого, чтобы украсть информацию для конкурентов. Никто не знает, как ей это удалось, но Константин ради нее бросил жену. Многие его отговаривали, предупреждали, но он будто лишился рассудка и твердил, что влюблен. Она даже ждала ребенка, но намеренно избавилась от него, — добавила Алекса с осуждением, и в ее голосе зазвучала ядовитая интонация.

Мэри ахнула, едва не выронив чашку, и прошептала ругательство. Я же себя чувствовала так, будто меня поразила молния. Боль пронзила каждый нерв, и мне хотелось закричать, что мама ждала этого ребенка, мы все его ждали, я читала ему сказки и выбирала имя. Но мне оставалось только молча повторять это про себя, удерживая в памяти то чудесное, что было с нами.

— Константин не замечал ее лжи, он был ослеплен ею, — продолжила Алекса с холодной усмешкой.

— Да-да, мужчины вообще не особо внимательные, — легко подхватила Мэри, как будто они обсуждали банальную ошибку.

— Но вскоре эта женщина украла из его дома ценную информацию и передала конкурентам. Империя Елецких тогда едва не рухнула, и моей семье пришлось их поддержать, — подчеркнула Алекса, с гордостью вздернув подбородок. — Сам Константин оказался в больнице с сердечным приступом. Эта ужасная женщина едва не убила его. Недаром говорят, что каждому воздастся по заслугам. Она не стала исключением.

— И как он ее наказал? — живо спросила Мэри. — За такое ведь могут и... порешить, — выдала она, нахватавшись жаргона.

Мне хотелось заорать на них обеих, но я лишь зажала рот ладонью. Нет, мама не предавала Костю. По крайней мере она всегда говорила мне правду. Это Стас подставил ее...

— О ее смерти ходит много слухов. По официальной версии, она погибла в автокатастрофе вместе с дочерью и бывшим мужем. Следствие установило, что аварию устроил как раз ее бывший муж. Она сбежала от него много лет назад. Он издевался, избивал ее, а дочь так и вовсе боялась своего отца, даже когда стала взрослой, все равно тряслась от одного лишь упоминания о нем. — Алекса поджала губы, как будто эта история ее искренне возмущала.

— Откуда такие только берутся? — с осуждающим вздохом произнесла Мэри, как будто ее собственный муж был лучше. Да, Вальзер не трогал ее, но все знали, насколько жесток он бывал с другими. — И как же он их нашел?

Мэри интересовало то же, что мучило и меня все эти шесть лет. Я полагала, что Алекса не может знать всех деталей, но ей удалось меня удивить:

— Помогли добрые люди.

— И ты знаешь кто? — глаза Мэри загорелись жадным интересом.

Я резко обернулась к Алексе. Она ничего не ответила, лишь пожала плечами, но в ее улыбке читалась дерзкая уверенность. И в этот момент мне показалось, нет, я была уверена — она знает. Знает, кто вернул в нашу жизнь монстра. Это подозрение выбило почву у меня из-под ног. Откуда она столько знала про отца? Что он бил маму и издевался над ней, что я боялась его до ужаса. Я делилась этим лишь с самыми близкими, — со Стешей, Игнатом... Кто еще мог об этом узнать? Вряд ли Алекса могла вывести это у Стеш. Тогда остается Игнат. Неужели он рассказал ей то, что было моим личным, самым сокровенным? То, что я доверила ему? Нет, не мог. Он не мог! Нужно вспомнить, обязательно вспомнить, кому еще я говорила о монстре.

В сознании мелькнули слова отца, когда он насильно затащил меня в машину: «Помогла одна милая дама. Твоя мать увела у нее мужчину. Нашла меня, пригласила сюда, дала всю необходимую информацию...». Сейчас я поняла: он упоминал Алину, бывшую жену Кости. Речь шла о матери Игната. Но она не могла действовать одна — кто-то ей помог, кто-то навел ее на монстра. Ни я, ни мама почти не говорили о нем. Мы скрывались от него, доверяя свои страхи только узкому кругу людей. И именно этим воспользовался враг. Но кто это был? Неужели Алекса? Для чего? Чтобы забрать Игната? Или есть другая, более коварная причина?

Я и представить не могла, что все это окажется настолько запутанным. Встреча с Алексой пробудила неприятное ощущение, словно мы с мамой не просто жертвы обстоятельств, а пешки в чьей-то тщательно продуманной игре. Игре, правила которой нам даже не известны. Эти мысли металась в голове, пока я не очнулась от размышлений, осознав, что пропустила часть разговора.

— С тех пор Константин так и не может оправиться, — с оттенком превосходства продолжала Алекса. — Врачи поправили его здоровье, но морально он разбит. Мужчинам лучше не любить, — заявила она с усмешкой, открыто выразив осуждение. — Любовь делает их слабыми и уязвимыми. А самое привлекательное в них — власть и сила.

От ее слов, пропитанных лицемерием и холодом, меня передернуло... Она лукавит, и я больше не могу молчать. Сделав глубокий вдох, я сумела совладать с собой — я ни перед кем ни должна оправдываться. Да, моя мама совершала некрасивые поступки. И даже то, что она раскаивалась и страдала из-за этого, не уменьшает ее вины, но она отказалась подчиняться Стасу, отказалась совершить подлость, и это стоило ей семьи. Я вернулась за стол и устремила взгляд на Алексу.

— Ну что, тебе тоже стало интересно? — спросила Мэри, явно надеясь, что я присоединюсь к их обсуждению, чтобы потом перемывать эту историю со мной.

— Да, стало... — Я не отрывала взгляда от Алексы, и та, почувствовав мое напряжение, повернулась ко мне с легким удивлением. — Мне тоже стало интересно, рассказывает ли тот, кто виновен в трагедии, унесшей жизни этих людей, в том, что он сделал?

— Вы не поняли меня, — ровным тоном ответила Алекса, — виновный погиб в аварии.

— Я говорю о тех, кто помог этому человеку найти жену Константина и ее дочь, — спокойно добавила я, не желая отпустить ее взгляд.

Я не сводила глаз с Алексы. Она почувствовала опасность и ответила уклончиво:

— Эта женщина сама виновата в случившемся, слишком боялась и все время бежала от страха, — сказала она, делая глоток чая, но поперхнулась.

— Думаете, что от страха невозможно убежать? — Я продолжала давить, чувствуя, что она знает больше, чем говорит.

— Нет, страх всегда преследует нас, как охотник свою жертву, — ответила Алекса, поглядывая на меня с легкой усмешкой. — Он — наша тень. История, которую я рассказала, хороший тому пример.

Алекса, казалось, мастерски сохраняла внешнее спокойствие, но ее пальцы невольно теребили салфетку, лежавшую на столе. Я заметила это, и, уловив мой взгляд, она тут же ее отпустила. Страх промелькнул в ее светлых глазах, прежде чем она снова взяла себя в руки. Наверное, поняла, что я разгадала ее маленькую тайну.

— Чего вы боитесь, Алекса? — резко спросила я.

Алекса, чтобы скрыть дрожь в пальцах, аккуратно поставила чашку на столик и коснулась волос, легким движением убирая прядь, словно отгоняя от себя волнение.

— Почему вас это интересует? — ответила она вопросом на вопрос.

Из окна тянуло вечерней прохладой, запахом хвойного леса, но щеки Алексы вспыхнули, будто в помещении внезапно стало душно. Даже Мэри не встревала в разговор, только и успевала крутить головой, следя за нашей беседой.

— Хочу понять, вы боретесь или бежите?

— Я всегда борюсь, — с вызовом заявила Алекса.

Я усмехнулась, не поверив ни единому слову. Хорошо знала, как выглядит ложь, которая скрывается за безупречным гримом, ведь и сама научилась жить во лжи за последние годы.

— А мне кажется, вы бежите. Бойтесь потерять Игната, и этот страх толкает вас к чему-то. Из-за этого вы готовы пойти на все. Но это не борьба, — ответила я твердо.

Я сама удивилась своей дерзости, но в тот момент чувствовала, будто видела ее насквозь. Возможно, я плохо знала Алексу, но в эту минуту мне казалось, что я сорвала с нее маску.

Алекса нацепила дежурную улыбку, но в ней было больше злобы, чем дружелюбия. На щеках и ключицах выступили красные пятна, словно наружу прорывалась скрытая ненависть.

— Почему вы решили, что я боюсь потерять Игната? — Ее голос звенел от едва сдерживаемой злости.

— Потому что считаете, нет, вернее, успокаиваете себя мыслью, что мужчина не должен любить. Но человек может и должен любить — именно это делает его сильным и живым, — выпалила я.

Внутри у меня разгоралась борьба за Игната, и в этот момент никто и ничто не могло меня остановить.

— Влада, да какая муха тебя укусила? — возмутилась Мэри.

Я пожалала плечами. Со стороны мое поведение могло показаться грубым, но я не сожалела ни на миг.

— В чем-то я соглашусь с вами, Алекса, — проговорила я, делая шаг назад, но не отказываясь от своего мнения. — Книжные герои, хотя они и вымышленные, могут быть более настоящими, чем некоторые реальные люди. — Я проницательно посмотрела на незваную гостью. — Прошу прощения, что не смогла поддержать вашу беседу, лучше вернусь к своим книгам.

Я поднялась и покинула мансарду, поставив точку в этом разговоре, а если признаться, попросту сбежала. Не могла больше находиться рядом с Алексой. Все, чего мне хотелось, — схватить ее за горло и заставить говорить правду о том, кто призвал в наши с мамой жизни монстра. Я скрылась в доме, и последнее, что услышала, были слова Мэри:

— Ужасная девушка, мне стыдно за ее поведение, к счастью, она не моя родная дочь.

Я с усмешкой подумала, что стоит порадоваться за мачеху: наконец-то ей будет с кем меня обсудить. Этот вечер полный накала страстей, определенно станет ярким событием в ее скучных буднях.

Глава 7. Поцелуй в библиотеке

Я хотела сбежать, но сбежать мне было некуда. Покинуть этот дом и чужих людей было нельзя. Вернуть Игната — невозможно. И хуже того — опасно. Поэтому я спряталась в единственном месте, где мне становилось спокойно, куда, кроме меня, почти никто не заходил. Я сбежала в библиотеку.

Книги стали моей отдушиной. За последние годы мне казалось, что я не просто читаю чужие истории, а сами книги слушают и понимают меня лучше других. Знают меня настоящую. Когда становилось особенно тяжело и больно, я доставала с полки любимые романы, водила пальцем по знакомым строкам, закрывала глаза, прижимала книгу к груди и на память перечитывала ее. Многие строки я знала наизусть.

Я подошла к полке с книгами Донато Карризи. Среди прочих выделялась одна, с затертым корешком. Это было одно из полюбившихся Игнату произведений, которое я посоветовала, когда мы столкнулись в университетской библиотеке. Сколько бы ни прошло лет, я не забуду тот день. Помню каждую деталь, будто это случилось вчера: внезапно погас свет, и мы с Игнатом оказались среди стеллажей в полной темноте, а затем, словно две потухшие свечи, потянулись друг к другу за той единственной искрой, что могла нас зажечь. Среди всех желаний, что упрямо возникали в моей голове, два были особенно острыми, почти невыносимыми. Первое — избавиться от чужого лица, что смотрело на меня из зеркала. Второе — повторить тот поцелуй с Игнатом.

Желать этого сейчас, когда он находился в одном доме со мной, было нестерпимо больно. Я прижала книгу к груди, словно пытаясь затянуть кровоточащую рану, и остановилась напротив картины, на которой была изображена девушка с закрытыми глазами. Она казалась мертвой или спящей? Я никак не могла решить, но чувствовала с ней странное родство. Я, как и она, закрыла глаза. Мы обе застыли на границе между сном и смертью. Этот сон будет вечным, пока одна из нас не откроет глаза. Я стояла перед холстом, гадая, какой будет моя смерть. Мучительной от рук Стаса? Или скорой от Вальзера?

— Она проснется, — раздался за моей спиной уверенный мужской голос. — Потому что молодая, красивая, сильная. И мы тоже проснемся.

Родной, пробуждающий голос. Я резко распахнула глаза и обернулась. В библиотеку вошел Игнат. Его волосы были слегка взъерошены, плечи обтягивало черное поло с небрежно расстегнутым воротником. Он был один, и я не поняла, как он здесь оказался. Мне было сложно вымолвить хоть слово. Я должна была его прогнать, но не могла. Это было выше моих сил. Заметив мою растерянность, Игнат подошел ближе.

— Извини, если снова тебя напугал, Влада, — произнес он мягко, но с легкой тревогой, словно пытался меня успокоить.

Я не боялась его, как в прошлые встречи. В груди трепетали бабочки, заставляя забыть о дрожи. Я нестерпимо хотела коснуться его и машинально сделала шаг вперед. Но тут же остановилась. Он понял меня и тепло улыбнулся. Я же, напротив, нахмурилась, пытаясь скрыть нахлынувшие чувства. Игнат остановился в шаге от меня, скользнув взглядом по книге, которую я сжимала в руках.

— Можно? — осторожно спросил он, протянув руку.

Его пальцы коснулись моей кожи, и меня пронзило, словно током. Руки бессильно разжались, и я едва не выронила книгу. Игнат успел подхватить ее, развернув обложкой к себе. Он резко вдохнул и чуть дрогнувшим голосом прочитал вслух:

— Карризи «Девушка в тумане». — Его глаза блестели, он не пытался скрывать свою боль. В уголках его глаз выступили слезы. — Мы всегда стремимся спасти других...

Он попытался продолжить фразу из книги по памяти, но голос предательски сорвался, дыхание сбилось. Тогда я тихо подхватила:

— ...чтобы спасти самих себя.

Мой мальчик изменился... Он не стал забирать книгу, как это было в прошлый раз, а протянул ее обратно мне, но я не взяла. Вместо этого я осторожно коснулась ладонью его лица, словно стремилась запомнить каждую черту, запечатлеть это мгновение, вновь ощутить ту волну чувств, что поднималась во мне от малейшего прикосновения. Но внезапно в доме погас свет. Секунда. Другая. Удар сердца — и громкий, тревожный голос Вальзера, раздавшийся откуда-то из коридора:

— Всем отойти от окон!

Он был где-то рядом с библиотекой, но войти не успел. Его шаги быстро удалялись. Игнат схватил меня за руку и рывком притянул к себе, подальше от окна. Плотные портьеры не пропускали свет, поэтому без электрического освещения здесь наступила крошечная тьма. Игнат не знал, куда двигаться, и мы, спотыкаясь, врезались в книжный шкаф. Он прижал меня к полкам и заслонил своей спиной. Рядом со мной Игнат был в опасности. А мне хотелось спасти его и закрыть собой. Хотелось защитить его, и я прижалась к нему сильнее. Как только я почувствовала жар его тела сквозь рубашку, мой пульс участился так, словно я только что пробежала марафон.

— Хочу тебя поцеловать, — прошептал он хрипло. — Можно?

Меня накрыло дежавю, я будто вновь стала Ярославой, той, кто по-настоящему дорога Игнату. Я не могла согласиться. Но и отказаться была не в силах. Поцелуй с Игнатом был моей роковой мечтой, спасением и гибелью одновременно.

— Да, — выдохнула я и сама потянулась к нему.

Я коснулась его волос — мягких, густых, темно-кофейных, чуть короче, чем прежде, — и порывисто запустила в них пальцы. Прижалась ближе и глубоко вдохнула любимый аромат хвои и кашемира. Воспоминания окутали меня, голова закружилась, и я поддалась наваждению, безумию, охватившему нас обоих. Я гладила его волосы, нежно проводила рукой по его скулам, векам, подбородку, стараясь разглядеть сквозь темноту, запомнить каждую черту.

Игнат притянул меня ближе, не торопя и давая мне привыкнуть к нему. Он убрал книгу на полку, обхватил мою талию и медленно провел пальцами выше, крепче прижимая к себе. Его дыхание становилось прерывистым и горячим, оно согревало меня, пробуждая волнение и желание.

Я ждала этого поцелуя не меньше, чем он. Чуть привстав на носочки, я подалась навстречу ему, прижавшись так, что между нами не осталось и сантиметра. Он мягко коснулся моих губ, а затем чувственно углубил поцелуй, наполненный болезненной нежностью. Нам обоим приходилось сдерживать себя, но темнота прятала нас и поглощала, укрывала от всего мира, растворяя страх и оставляя лишь одно желание — никогда не отпускать друг друга. Тьма помогала, но при этом безжалостно выворачивала наши души наизнанку.

Теплой ладонью он нежно провел по моей шее, приподняв подбородок, а пальцы другой руки запустил в волосы и, сжав на затылке, чуть потянул назад. Из моей груди невольно вырвался тихий стон, и Игнат прижался сильнее, лаская меня своим дыханием и губами. Его нежность была такой глубокой, такой сильной, что, казалось, захлестывала нас, как бурный поток. Игнат проложил влажную дорожку к шее и ниже к ямочкам на ключице, заставляя меня трепетать. Ощущения переполняли, и я не в силах дышать, еще сильнее сжала его плечи, боясь отпустить хоть на мгновение.

Наши тела тонули во мраке комнаты. Огонь, горевший внутри нас, разгорался все жарче с каждым прикосновением. Игнат снова прильнул к моим губам, и поцеловал — неистово, жадно, утопая в страсти и боли.

Я остро ощутила его боль, мучительную тоску по той, кого больше нет. Ярославы больше нет. Я — лишь тень прошлого. Не в силах признаться или объяснить, я только желала утешить его, забрать его боль себе, даже сильнее, чем спасти себя. Слезы навернулись на моих глазах, стекая по щекам к уголкам губ. Игнат целовал их.

Если бы мне предложили умереть прямо сейчас, это было бы лучшим решением. Игнат, сам того не зная, касался моих самых глубоких ран, и его поцелуи будто исцеляли меня. Шрамы на душе затягивались, и вдруг я с ужасом поняла: что будет, если он узнает, кто я на самом деле?

Эта мысль испугала и отрезвила меня. Я резко отстранилась от Игната и требовательно прошептала:

— Это неправильно! Так не должно быть! Нам нужно остановиться и забыть друг друга.

Его глаза горели в темноте, и в них плескались упрямство и желание. Влечение, охватившее нас, было безумием. Опасным безумием. Я не могла позволить Игнату узнать меня. Это могло стоить жизни — ему, мне, моей маме.

Я была в плену у тьмы и не имела права тянуться к свету. Но едва я ухватила за эту мысль, как в доме вспыхнул свет, ослепив нас. Мы зажмурились, пытаюсь привыкнуть к пространству.

— Не смогу. Даже пытаться не стану, — упрямо ответил он.

Его слова разозлили меня. Я едва удержалась, чтобы не назвать его глупым, неосторожным мальчишкой. Игнат, будто прочитав мои мысли, усмехнулся и снова потянулся ко мне за поцелуем. Но при свете я инстинктивно отстранилась, опасаясь, что он разглядит больше, чем следовало. Я сделала пару шагов от него, как оказалось, вовремя: в следующую секунду в библиотеку заглянул человек из охраны.

— Владислава Ильинична, мы вас искали. Все в порядке?

— Да. — Я постаралась ответить спокойно, приняв отстраненный вид. — Что случилось? Почему погас свет?

— Автомат выбило, — объяснил охранник, переводя внимательный взгляд на Игната. Его лицо стало жестким, он изучающе смотрел на гостя. — У вас точно все в порядке? — зачем-то переспросил он.

— Да, в полном, — ответила я уверенно. — Наш гость заинтересовался библиотекой, и я показывала ему книги, когда погас свет.

— Понял, не беспокою, — учтиво кивнул охранник и удалился.

По рации он сообщил, что нашел меня и Игната Елецкого в библиотеке, добавив, что со мной все в порядке. Видимо, после попытки похищения Вальзер велел охране следить за мной. Этот короткий диалог с охранником позволил мне привести мысли в порядок и вернуть независимый вид.

— Все, уходи, — приказала я Игнату. — Не хочу, чтобы отец видел нас вместе.

Он не хотел уходить, но понимал, что настаивать не стоит. Игнат первым направился к выходу, но на пороге оглянулся.

— Рад, что мой подарок тебе понравился, — сказал он, искренне улыбнувшись.

Словно опомнившись, какую еще совершила ошибку, я коснулась броши на воротнике рубашки, пытаюсь сохранить холодность в голосе.

— Забыла, что это ваш подарок, — произнесла я сухо, стараясь изобразить безразличие, но слова прозвучали фальшиво.

После его ухода я тоже покинула библиотеку, но перед этим на мгновение задержала взгляд на картине. Прикоснулась к все еще горящим от его поцелуя губам и заметила, что губы девушки на картине тоже алели, словно после страстного поцелуя. Значит, она жива и проснется. Эта мысль наполнила меня надеждой, хотя я корила себя за опрометчивый поступок.

Вскоре Игнат и Алекса покинули дом Вальзера. Я провожала гостей, не глядя на них, запретив себе вспоминать поцелуй и прикосновения Игната — иначе я не смогла бы держать себя в руках. Произошедшее в библиотеке подарило мне вдохновение: теперь я точно знала, как продолжить свою книгу о девушке-звезде.

При прощании Алекса вновь взяла Игната за руку. Мы встретились с ней взглядом всего на миг, и я почувствовала: уверенность, с которой она вошла в дом Вальзера, куда-то исчезла. Я надеялась, что отныне она будет вспоминать наш разговор всякий раз, когда решит пустить слухи о моей матери.

После их ухода мы с Вальзером и Мэри остались на террасе. Был теплый летний вечер, пахло сосновой смолой и травами. Я сидела неподвижно, словно окаменевшая статуя, слепленная из страха и глины. Я не бежала и не боролась, только наблюдала.

Мэри потянулась, изогнувшись, и, словно невзначай, произнесла:

— Как же хочется на море. У нас даже негде позагорать, все солнце закрывают сосны.

Она заводила речь про отдых при каждом удобном случае в присутствии Вальзера, надеясь, что он однажды отправит нас на море. В отличие от нее, я не питала подобных иллюзий. Единственная надежда была на то, что я больше не увижу Игната.

Глава 8. Откровенный разговор

Игнат и Алекса прилетели в город Вальзера. Их встретили его люди на машинах бизнес-класса и отвезли в лучшую гостиницу, где был забронирован роскошный номер. Игнат уступил его Алексе, решив, что жить вместе неуместно, чем явно огорчил ее.

Перед новой встречей с Владой Игнату нужно было подумать и побыть одному. Мысли о девушке с первой встречи не отпускали его, а теперь к ним добавилось странное ощущение. Он чувствовал, что Влада в опасности, от которой он должен заслонить ее, но пока не понимал как. Серж обещал добыть информацию о группировке Кировских, и Игнат с нетерпением ждал результатов. Когда на его телефон пришло долгожданное сообщение, ему показалось, что он скоро получит ответы. Но позже понял, что поторопился с выводами.

Сержу удалось отыскать архивный выпуск газеты двадцатилетней давности, на первой полосе которой была фотография участников Кировской ОПГ. Они сидели в ресторане, в деловых костюмах, с самодовольными улыбками на лицах, и смотрели в объектив камеры, как в непроглядное будущее — жесткими, лютыми взглядами. Каждый из них держался за свое место, но большинство не пережило тяжелых нулевых с их бандитскими разборками.

Игнат мгновенно узнал на снимке Вальзера: казалось, за годы он почти не изменился. Но больше его поразило, что он увидел и другого знакомого человека. Даже прежде того, как Серж успел указать на него. Игнат узнал Стаса.

Станислав Далевский, старый знакомый. Игнат недобро усмехнулся, глядя на молодое, но уже тогда неприятное лицо. Интересно, что их пути вновь пересеклись. Игнат крепко сжал в руке телефон, не сводя глаз со снимка. Теперь, когда судьба снова свела их, все будет иначе. В прошлый раз Далевский легко отделался, Игнат не смог с ним разобраться из-за свалившихся на его плечи проблем, но теперь-то он возьмет его за горло.

Отложив телефон, Игнат откинулся на спинку дивана и закрыл глаза, прикидывая дальнейшие шаги. Он был уверен, что Далевский ведет двойную игру, пользуясь доверием Вальзера, и что племянник Стаса стал женихом Влады неспроста. Игнат не сомневался, что Далевский — гнилой человек. И он не позволит ему навредить Владиславе. Теперь Игнат понимал, кто его враг.

В назначенное время Игнат и Алекса направились в дом Вальзера. Хозяин и его супруга лично встречали гостей.

Они производили неоднозначное впечатление: мужчина в возрасте в дорогом костюме глубокого синего цвета казался дружелюбным, но от него незримо исходила угроза. Его молодая жена была чересчур приветлива. Ее пышную фигуру обтягивало короткое красное платье, что выглядело немного вульгарно.

Игнат пожал руку Вальзеру, представил Алексу и с нетерпением ждал, когда увидит Владу. Он заметил ее раньше остальных — появление девушки было бесшумным, словно едва уловимый взмах крыльев бабочки. Влада замерла на лестнице и смотрела на него. В ее глазах он прочитал столько эмоций. Удивление. Смятение. Страх. Нежность. И что-то еще — тревожное, почти отчаянное, но не поддающееся расшифровке. Игнат сразу заметил у нее на воротнике свой подарок, и это его обрадовало.

Вальзер вслед за Игнатом обернулся к Владе и попросил ее подойти ближе. Она явно не ожидала сегодня таких гостей, и когда Вальзер назвал Игната ее спасителем и сказал, что позвал его поблагодарить, Влада смахнула с ресниц что-то, что Игнат принял за слезу. В тот миг его накрыло желание — такое же острое, как в вечер похищения — обнять ее, погладить по волосам и сказать, что все будет хорошо, что бояться нечего. Но он оставался на месте, соблюдая ненавистные рамки приличия, одновременно проклиная их, и не мог сделать и шага.

— Хорошая идея, отец, — с усилием ответила Влада, но на Игната даже не посмотрела, обратив внимание на Алексу.

В ее лице промелькнула немая боль — та же, что он видел, когда у ее горла был нож. Но Игнат не смог понять, что именно так задело Владу.

Алекса тем временем представилась Владе и с улыбкой сказала, что будет рада подружиться. Влада, однако, не сумела ответить Алексе взаимностью даже из вежливости и просто промолчала. Этим она вновь напомнила Ярославу, ведь когда та стала падчерицей Елецкого и многие хотели завести с ней выгодную дружбу, девушка сторонилась повышенного внимания. Когда в разговор вступила мачеха Влады и упомянула о ее любви к книгам, Игната, конечно, это заинтересовало. Но Влада отвечала скупой, всем видом показывая, что не намерена продолжать разговор. Ему хотелось слушать ее голос, почему-то такой родной и словно до боли знакомый.

Во время ужина Вальзер первым взял слово и, поднявшись, поблагодарил Игната за спасение дочери. Его речь не была ни высокопарной, ни лишенной искренности. Он говорил открыто, от всей души. Игнат понимал, что цена его слов немыслимо высока, такой человек юлить не станет. Алекса слегка коснулась его руки, давая понять, что это расположение можно использовать в своих интересах, но Игнат проигнорировал ее жест. Он сделал свой выбор, он будет бороться за Владу — вместе с Вальзером или один против всех.

Когда Вальзер захотел отблагодарить Игната, в бездонных, как омут, глазах Влады промелькнули страх и боль. Но в то же время Игнат прочитал в них непоколебимую уверенность. Делая вид, что поправляет волосы, она едва заметно покачала головой, давая знак, что нужно отказаться от предложения ее отца. Как и в их прошлую встречу, Влада пыталась удержать его от общих дел с Вальзером, будто хотела уберечь от какой-то опасности. Игнат же мысленно повторял: «Не бойся. Положись на меня, я все сделаю правильно». Он бы многое отдал, чтобы она могла прочесть его мысли, но вместо этого Влада решила поспорить с отцом при всех. Ее слова прозвучали высокомерно и капризно, и, если бы не ее взгляд, Игнат решил бы, что вызывает у нее отвращение. Но он знал правду: ее тянуло к нему, как бы она ни пыталась это скрыть. И попытки защитить его лишь усиливали чувство нежности. Когда Вальзер позвал дочь на личный разговор, Игнат напрягся, опасаясь, что тот может проявить жесткость. Его беспокойство заметила Мэри.

— Не волнуйтесь, Илья слишком мягок с дочерью, поэтому Влада позволяет себе лишнее. Точная копия папочки, знает, где может надавить, — с улыбкой заметила она.

Веселый тон Мэри несколько успокоил Игната. Алекса подхватила разговор:

— Мой отец тоже всегда меня балует. Мне кажется, отцы любят дочерей больше всех.

Мэри на этих словах сделала большой глоток вина и даже слегка поперхнулась. Игнат же не согласился:

— Мой отец любил нас с сестрой одинаково, — твердо произнес он, вспоминая, с каким теплом отец всегда относился к Катюше, как ни разу не называл ее чужой.

Когда Игнат узнал семейную тайну, что отец Кате не родной, он понял: настоящая любовь определяется не по крови, она рождается сплетением взаимных чувств.

— Извини, я не так выразилась. — Алекса попыталась яснее донести свою мысль, но Игнат заметил, как ее взгляд то и дело скользит по Мэри, словно оценивая реакцию. — Конечно, отцы, особенно такие замечательные, как Константин, одинаково любят своих детей. Но те, у кого только одна дочь, относятся к ней с особой заботой. Именно поэтому Илья Васильевич пригласил нас в свой дом. Уверена, для Влады он сделает все. Гораздо больше, чем для кого-то другого.

Мэри залпом осушила бокал и, не дожидаясь помощника, обслуживавшего гостей, налила в него еще вина. Далее развивать эту тему не стали и разговор плавно перешел в другое русло.

Алекса обратила внимание на украшение Мэри и поинтересовалась, из какого оно ювелирного дома. Затем перешли к обсуждению моды и прочих женских штучек, которые Игната совершенно не интересовали. Погруженный в свои мысли, он ждал возвращения Влады и Вальзера. Их отсутствие оказалось недолгим. Когда они вернулись, Игната успокоило выражение лица хозяина дома. Вальзер был сдержан и, похоже, удовлетворен. Влада тоже выглядела увереннее, и голос у нее стал мягче, пропали бунтарские нотки, и как будто появилось какое-то умиротворение. Игнату пришлось бороться с нарастающей тоской — тоской по Ярославе. Голос Влады напоминал ему давно забытый голос его девочки. Он выпустил бокал из рук, сжав кулаки так сильно, что побелели костяшки. Игнату было бы проще сражаться с кем угодно. Но в борьбе с самим собой неизменно проигрывал, не в силах преодолеть собственную душевную боль.

Ужин продолжился, и Игнат сосредоточился на разговоре с Вальзером, отмечая для себя качества собеседника, которые выдавали в нем сильного бизнесмена. Время от времени он бросал взгляд на Владу, но она оставалась отстраненной, будто мыслями была далеко отсюда.

Наконец, Вальзер пригласил Игната на личную беседу. Этот разговор мог изменить все, перечеркнуть все предыдущие усилия Игната и навсегда отдалить его от Влады. Но Игнат не колебался — он принял решение.

Кабинет Вальзера оказался небольшим и строгим, с одним узким окном в пол и деревянной отделкой в темных тонах. Свет был тусклым, приглушенным, он едва освещал массивный стол, на котором одиноко стояли только лампа и счетчик банкнот. Никаких бумаг, документов и папок. То ли владелец кабинета обладал феноменальной памятью, то ли никому не доверял, предпочитая не оставлять следов, и хранил самое важное в другом месте. Правда, в углу кабинета стоял огромный сейф, явно хранивший тайны хозяина. Подойдя к нему, Вальзер достал небольшую черную коробку и положил ее на край стола перед Игнатом.

— Я решил отблагодарить тебя подарком, достойным твоего поступка, — сказал он, чуть склонив голову. — Я дал тебе свое слово, но хочу, чтобы у тебя было и это.

Игнат открыл коробку и увидел часы известной швейцарской марки — настоящий шедевр часового искусства, прекрасный в своей утонченности и эксклюзивности.

— Благодарю вас, — Игнат достал часы и повертел в руках, — но они слишком дорогие. Я спас Владу не ради награды, а потому что не мог иначе.

— Бери, — твердо ответил Вальзер. — Жизнь моей дочери бесценна, и это лишь малый знак благодарности.

Поблагодарив его еще раз, Игнат вернул часы в коробку и, заняв широкое кожаное кресло напротив Вальзера, приготовился к разговору.

— Для начала я хотел бы послушать тебя, — кивнув, произнес Вальзер, — а затем обсудим земельную сделку.

Игнат не стал тянуть время и сразу перешел к сути.

— Илья Васильевич, Влада не должна выходить замуж за Марка. Мне кажется, он может использовать вашу дочь для весьма сомнительных целей. Именно про Марка ничего плохого сказать не могу, но его родственник, Стас Далевский, другой разговор. Этому человеку нельзя доверять, — сдержанно, но твердо произнес Игнат.

Вальзер смотрел на него сосредоточенно, не мигая, дыхание оставалось ровным, но холод в глазах становился все сильнее, это чувствовалось так, словно температура в комнате опустилась на несколько градусов.

— Что можешь предъявить ему? — его металлический голос прозвучал так, словно, резал воздух.

Игнат знал, что каждое его слово должно быть четким и безупречно точным. Сейчас на кону стояло слишком многое, возможно, даже его жизнь. Он не знал, что именно связывает Вальзера и Далевского, не исключено, что Вальзер крышует Стаса или у них есть другой общий

интерес. Но для него было ясно: если он выступает против Далевского, то будет противостоять каждому, кто с ним заодно, даже если это Вальзер.

Поступок Игната был несколько рискованным. Но у него не было возможности придумать что-то другое. До свадьбы Влады оставалось не так много времени. Поэтому Игнат решил пойти ва-банк.

— Далевский вмешался в дела моей семьи, — спокойно начал Игнат. — Он ведет грязный бизнес, использует своих «работниц» не только в эскорт-услугах. Это только прикрытие, основная его цель — воровство и слив информации конкурентам. Он занимается мошенничеством и делает это женскими руками. Попросту использует тех, кто приходит к нему за работой, а после вышвыривает как отработанный материал. Так было со второй женой моего отца, и после его подставы погибли она и ее дочь.

Вальзер пристально смотрел на Игната.

— Да, эскорт — грязный бизнес. Мне он не по душе. Но, к сожалению, сейчас им занимаются многие, — ледяным, пробирающим до костей тоном произнес Вальзер.

Он резко замолчал, явно обдумывая услышанное, отчего выражение его лица поменялось, как будто он вспомнил что-то свое, личное, давно терзающее его. Тишина в кабинете стала тяжелой, давящей.

— Есть уголовный кодекс, а есть воровской закон. И в нем, Игнат, свои понятия и правила. По воровскому закону, своих не трогают, за них глотку грызут. Если Стасик бабу сделал подельником и в дело взял, так ему за нее и отвечать. Ты уверен, что он этих девочек потом сам лично сдаст? — Его голос стал еще более жестким.

— Да, — твердо ответил Игнат.

Открытая неприязнь отразилась в глазах Вальзера. Игнату на миг показалось, что воспоминания о личном, до боли пронзающие сердце, и определили его дальнейшее отношение к Стасу.

— Тогда Стас не вор, а гнида, — заключил он, и его лицо исказила гримаса отвращения.

Наступила долгая, напряженная пауза. Игнат заметил, что Вальзер явно не повязан общими делами с Далевским, что придавало ему некоторую уверенность.

— Я должен проверить твои слова, — произнес Вальзер. — Как звали ту женщину?

— Елена Черникова. Несколько лет она работала на Далевского. Он заставил ее украсть документы у Евгения Борисова, это стоило ему состояния. Затем подослал ее к моему отцу. Встреча была спланирована так, что отец не заподозрил подставу. Елена привлекла его: красивая, умная, с хорошими манерами, умеющая поддержать беседу. Отец женился на ней, даже зная о ее прошлом. Все выглядело идиллией. Я сам видел и никогда не считал отца дураком, чтобы его можно было так легко провести. Стасу заказали документы по крупной сделке отца. Он шантажом заставил Елену выполнить заказ, но она ослушалась — принесла неполную информацию и не согласилась доводить дело до конца. Тогда Далевский стал давить на нее, угрожал. Она отказалась выполнить его требования, и он ее наказал.

Игнат замолчал, чтобы Вальзер мог переварить услышанное, затем продолжил:

— Стас отправил отцу видео, как его жена приносила ему информацию по заданиям, снятое скрытой камерой. В тот день, когда Елена узнала о подставе и поехала к Далевскому, чтобы разобраться с ним, она погибла в аварии. Стас уверял меня, что не причастен к этому, в аварии якобы был замешан бывший муж Елены — он погнался за ней. Вместе с ней также погибла ее дочь, Ярослава Черникова. Она боялась за мать и поехала к Далевскому вслед за ней. И я не хочу, чтобы Владислава оказалась в опасности из-за приближенного Далевского. Кроме того, когда Марк войдет в вашу семью и станет мужем вашей дочери, Стас сможет подобраться к вам и вашему бизнесу, а затем легко сольет информацию конкурентам.

Вальзер внимательно, ни разу не прерывая, выслушал Игната, оценивая каждое слово.

— Мне нужно время, чтобы проверить твои слова, — повторил он и прямо спросил: — Тебе нравится моя дочь?

Разговор с Вальзером оказался более откровенным, чем Игнат планировал, поэтому скрывать чувства к Владе не имело смысла.

— Да, очень, — признался он. — Меня тянет к ней, я чувствую, что Влада в опасности, но я могу защитить ее.

— У тебя есть невеста, — напомнил Вальзер, ведь, как и говорила Влада, на отношения ее отец имел консервативный взгляд.

— Это фиктивный брак, между нами ничего нет, — объяснил Игнат. — Поддержка семьи Алексы важна для отца в бизнесе.

— Делаешь это для отца?

— Да.

— А для себя как бы поступил?

— Пригласил бы Владу на свидание, — прямо ответил Игнат.

— Не спеши, парень, — усмехнулся Вальзер. — Вижу, ты уверен в себе, и силу имеешь крепкую, и хватку особую. Да и смелость твоя лихая. То ли дурость, не пойму. Сам таким был, от того дел и наворотил. Но дочь у меня одна, радость моя. Поэтому слова твои без внимания не оставлю, все проверю.

Затем они перешли к обсуждению сделки и предстоящего подписания договора. Ранее Игнат предложил Вальзеру купить у него землю, на которой он хотел построить крупный торговый комплекс. Этот контракт был выгоден обоим. Но Вальзер в последний момент решил внести коррективы в предварительные соглашения.

— Есть предложение, — начал Вальзер. — Пусть моя земля станет вкладом в твой проект, а вы с Владой — партнерами.

Игнату пришлось на время отключить чувства и рассуждать как бизнесмен. С точки зрения финансов, это могло оказаться выгодно, поскольку экономия на земле позволила бы реализовать более масштабный проект, увеличивая доход. Игнат решил не торопиться с ответом: для оценки предложения требовался расчет, но перспектива казалась ему многообещающей. Мужчины завершили разговор и покинули кабинет. Перед тем как вернуться к дамам, Игнат вспомнил о желании взглянуть на библиотеку Влады — он надеялся, что ее книги помогут лучше понять девушку. Вальзер не возражал. Когда они подошли к нужной двери, главу дома позвал начальник охраны.

— Мне нужно отойти на пару слов, — сказал Вальзер. — Осмотрись сам, я закончу и вернусь.

Игнат не ожидал встретить Владу в библиотеке. Девушка стояла напротив картины, прижимая руки к груди. Тонкая, уязвимая, хрупкая. Игнат будто почувствовал, что она изранена тоской и спасается одиночеством. Он мог излечить ее раны.

Он обратил внимание на полотно, которое захватило внимание Влады. На нем была изображена девушка. Яркие краски и алые губы делали ее живой, но холодный серебристый свет луны в ночных водах придавал сцене грустный оттенок, будто лейтмотивом всего произведения была смерть и вечность. Образ вызвал у него мысли о тех, кто ушел молодым и остался в памяти прекрасным и живым. Игнат решил, что девушка на картине спит — безмятежно и мирно. Его объяснение было простым: в жизни и так достаточно смертей, чтобы еще одной посвящать картину.

— Она проснется, — тихо произнес он, зная, что Влада услышит.

Игнат и сам хотел пробудиться, вытащить Владу из ее сна, вернуть к свету. Девушка резко обернулась, когда он приблизился. Желая успокоить ее, он сделал шаг вперед, и она непроизвольно двинулась навстречу, но тут же себя остановила.

В руках она держала книгу, которая сразу привлекла внимание Игната. Когда-то общие интересы сблизили его с Ярославой, и он хотел понять, совпадут ли его литературные предпочтения с теми, что были у Влады. Он осторожно коснулся руки девушки, та вздрогнула от неожиданности, едва не выронив книгу, но Игнат подхватил ее и развернул обложкой к себе. В этот момент его оглушила немая, пронзительная боль. Он замер, а глаза наполнились слезами. Это было то самое произведение, которое посоветовала ему Ярослава, когда они впервые встретились в библиотеке. После ее смерти он перечитывал его, словно надеясь найти в нем что-то, что могло бы вернуть любимую девочку. Теперь судьба подкинула ему этот роман снова, но в руках Влады. Какая жестокая насмешка.

Игнат начал цитировать строки, что навсегда врезались в память, но не смог, болью сдавило горло. Тогда Влада продолжила, словно читая его мысли.

Ее мягкая ладонь вдруг коснулась лица Игната — бережно, нежно, исцеляюще. Он замер, чувствуя, как сердце пропустило удар. Перед ним стояла Влада, но он ощущал Ярославу. Он знал, что это сумасшествие, самообман, но готов был на миг поверить своим иллюзиям. Его фантазия не могла быть правдой, лишь сном, сном над вечностью.

И вдруг все погрузилось во мрак, как уже было однажды в библиотеке, когда свет внезапно погас. За дверью раздался громовой голос Вальзера:

— Всем отойти от окон!

Он был рядом с библиотекой, но не зашел, двинувшись дальше по коридору.

Игнат мгновенно оценил ситуацию, схватив Владу за руку, потянул ее от окна. В темноте они наткнулись на книжные полки, и он прижал ее к ним, заслоняя собой. Она не оттолкнула его, напротив прижалась крепче.

Тьма с ним играла, и вновь среди книжных полок поймала в ловушку с той, кто влекла немислимой силой. Игнату казалось, что реальность слилась с тем днем из его прошлого, когда он точно так же был близок с Ярославой, также среди книг, в библиотеке. Сейчас здесь, совсем рядом, была Влада — та самая девушка, которая раз за разом притягивала к себе сильнее, чем он мог позволить. Игнат чувствовал, как теряет контроль. Опасность? Нет, это было нечто другое. То, что билось в груди и сжигало изнутри. Желание.

С тех пор, как он впервые коснулся ее губ, ему хотелось умолять о поцелуе. Это звучало безумно, но разве сейчас имело значение? Главное — не напугать ее, не сделать хуже. Она уже несколько раз отталкивала его, и он боялся снова получить отказ. Ему было важно понять, что она хочет того же. И Влада позволила себя поцеловать.

Темнота укрыла их, словно союзник, позволяя слиться в поцелуе, о котором он так давно мечтал. Но Игнат не спешил, он хотел насладиться. Ее губы были теплыми, пьянящими. Она прикасалась к его волосам, ласкала лицо, и даже не представляла, как заводи́ла. Игнат чувствовал, как дыхание становится неровным, мышцы наливаются тяжестью и пульс стучит в висках.

Он целовал ту, которую любил. Она перестала быть призраком, тьма вернула ее. Это был не просто поцелуй — это было освобождение. За все годы без нее, за все слова, которые он не успел сказать, за все ночи, которые провел в одиночестве, держа в сердце ее образ. Он знал, что этот миг был хрупок и опасен, но, ощущая ее губы, близость, не хотел думать ни о чем.

Его любовь стала осколком прошлого — порождением тоски, оплотом одиночества, терзанием себя за то, что он живой. Иссеченная, изуродованная его душа потеряла лик, обратившись в печаль. Ни к кому Игнат не испытывал таких чувств, как к Ярославе. Он любил девушку-призрака, оставив в памяти ощущение ее мягких губ.

И сейчас, осторожно целуя Владу, он испытывал знакомое головокружительное чувство. Вкус этих губ ему был знаком. Вкус пломбира. Вкус наваждения. Поэтому целовал неистово, отдавая сполна себя за годы, что провел во мраке, за годы не жизни, а существования. Он жадно хватал воздух, будто все это время не дышал. Таким было его покаяние за ту, которую потерял. Таким было его искупление за ту, которую обрел.

Игнат считал, что, пережив утрату, внутри стал пустым, до пепла выгоревшим, но рядом с Владой из пепла возрождалось пламя. Будто во тьме вспыхнули потухшие свечи. Иначе, чем в книге Карризи.

Окутавшая их темнота играла с ними, но не обманывала. Влада искренне отвечала на поцелуй, а касания ее рук были запредельно нежными. Неожиданно на глазах у девушки появились слезы. Перед ним раскрывалась настоящая Влада, она словно скинула невидимую маску, под которой пряталась измученная душа. Игнат ясно почувствовал — он ее уже знает. Влада прервала поцелуй. Резко отстранившись, она прошептала, что они должны остановиться. В этот миг вспыхнул свет, заставив его на мгновение закрыть глаза. А снова открыв их, он вернулся в реальность. Все стало прежним, в этом мире не было места призракам. Игнат протянул руку, чтобы дотронуться и убедиться, что она не исчезнет, но Влада отстранилась, закрыв лицо руками.

Вскоре Игнат с Алексой покинули дом Вальзера. Игнат так и не смог выбросить из головы образ Влады, нежность ее губ отпечаталась в его памяти, и он понимал, что не сможет переключиться на что-то другое. Даже когда они с Алексой оказались вдвоем в машине, его мысли витали далеко.

В салоне воцарилась тишина, которую прерывал лишь шелест колес. Охрана и водитель сидели впереди, за звуконепроницаемой перегородкой, и Алекса, не боясь, что их услышат, осторожно начала разговор.

— Она тебе нравится, правда? — спросила, нервно теребя браслет на тонком запястье. Игнат только сейчас вынырнул из своих мыслей, обратив на нее внимание.

— Кто? Ты о ком?

— Ты знаешь, о ком я. — Алекса не собиралась отступать. — О Владе.

— С чего ты взяла?

— Брось, Игнат. — Она чуть приблизилась, положив руку ему на плечо. — Со мной ты можешь быть откровенным, ведь мы давно знаем друг друга. Мы, конечно, не лучшие друзья, — с ноткой сожаления добавила она, — но скоро станем мужем и женой. Ты можешь мне доверять. Я не стану требовать больше, чем прописано в договоре, просто хочу, чтобы мы могли быть честными друг с другом.

Игнат не понимал, зачем Алексе нужна эта откровенность, но отчасти был согласен с ней. Их отношения носили сугубо договорной характер, и обманывать ее было бы нечестно.

— Да, нравится, — ответил Игнат прямо.

— Я рада, что ты смог мне довериться. — Алекса слегка улыбнулась. — Обещаю, что тоже буду с тобой откровенна. Если тебе интересно мое мнение, Влада мне понравилась: симпатичная, но скрытная, конечно, и не так хорошо образована, как девушки в нашем кругу, но ведь мужчинам это нравится.

— Что ты имеешь в виду? — нахмурился Игнат.

— Чувствовать себя завоевателем, — пояснила Алекса и добавила, словно между прочим: — Ты должен знать, у Влады есть жених. Их свадьба состоится вскоре после нашей, и тебе не стоит забывать...

— Достаточно, — резко оборвал ее Игнат, раздраженный вмешательством в его мысли.

— Извини, милый, — проворковала она, сменив тон на более мягкий и примирительный. — Просто хотела дать тебе дружеский совет.

— Я за ним не обращался, — ответил Игнат сухо, стараясь держать дистанцию.

— Да, конечно, — согласилась Алекса, потупив глаза, но тут же добавила: — Просто я волнуюсь за тебя, не хочу, чтобы ты страдал... как твой отец...

— Хватит, — перебил Игнат резко, не позволяя ей продолжать.

Никто не знал, что пришлось пережить его отцу и как он до сих пор переживает. Но слова Алексы посеяли в нем сомнения, он задумался. Что с ним происходит? Если он любил только Ясю, то, может быть, с Владой действительно только страдает?

Алекса с горечью вздохнула. Игнату пришлось извиниться.

Глава 9. Точка кипения

Эта поездка далась Алексе с трудом. Возвращаясь домой, она прокручивала в голове события последних дней. Сохраняя вежливую улыбку, сама закипала внутри от злости. Ей надоели бесконечные поучения родителей, наставления, каким должен быть ее внешний вид, что говорить, как держаться. Разве ей нужны эти нескончаемые нотации? Она сама прекрасно знала, что ей нужно для счастья.

Себя Алекса считала идеальной. У нее было все: и ум, и красота, и тонкая хрустальная фигурка. Лишь одного ей не хватало для завершенной картины — идеального мужчины рядом. Она знала, кто им должен быть. На нее обращали внимание многие — влиятельные, успешные, богатые, но всем им она противопоставляла Игната Елецкого, и ни один не выдерживал конкуренции. Только он казался по-настоящему достойным. Только он мог стать ее спутником жизни.

Алекса жила одной целью — завоевать сердце Игната. Она готова была дать ему все, что он пожелает, и ради этого пойти на любые, даже безрассудные поступки. Она боролась за него как могла. Но как бы она ни старалась, Игнат словно не замечал ее усилий. А теперь к этому добавилась еще и мерзавка Влада!

Отец настоятельно рекомендовал ей подружиться с дочерью Вальзера. Алекса умела заводить выгодные знакомства, но гораздо сложнее было создать видимость дружбы с этой нахалкой. Влада напоминала ей другую девицу из прошлого Игната — его покойную сводную сестру, ту самую «серую мышь», как она ее про себя называла. Но в случае с Владой дело обстояло еще хуже. Влада отличалась упрямством и самоуверенностью и, в отличие от Ярославы, обладала статусом и деньгами. Алекса едва переносила мысль, что эта девушка воображает себя равной ей. Ее самолюбие было задето, она злилась — на Игната, на Владу, на всех, кто ставил их в один ряд. Оказывается, эту девку хотели похитить, а Игнат, любимый Игнат, спас ее, рискуя собой. Разве он должен был поступать так ради нее?

Кто она вообще такая? Всего лишь дочь Вальзера, которую держат взаперти, нахалка без манер и воспитания, а по сути никто без криминального авторитета своего папочки. Как сказал отец Алексы: «Дочь Вальзера — всего лишь пешка в грязных играх. Когда Вальзера уберут, ее тоже сотрут в порошок». И как же Алекса желала, чтобы это случилось поскорее.

Ей не давал покоя один момент в самом начале ужина. Влада проявила себя с отвратительной стороны, когда наперекор отцу предложила Игнату вознаграждение за свое спасение. Ее высокомерие поразило Алексу. И хотя Игнат выглядел внешне сдержанным, она видела, что он не мог отвести от Влады взгляда. Алекса сразу заметила странную и необъяснимую связь между ними. Она почувствовала нечто, чего никогда не было между ней и Игнатом, как бы она ни старалась быть к нему ближе.

Заметив притяжение между ними, Алекса вознегодовала. Она обладала природной интуицией и не зря начала ревновать Игната к Владе. Она будто вернулась на шесть лет назад, когда Ярослава была жива. И сейчас ревность стальной стрелой снова пронзила ее сердце. «Он мой, и я его никому не отдам», — твердо решила Алекса, сжимая пальцы в кулак так сильно, что ногти впились в кожу. Внутри нарастала ненависть, но внешне она продолжала изображать милую, покладистую невесту.

Алексе пришлось еще и любезничать весь вечер с этой Мэри, женой Вальзера, вульгарной куклой, оказавшейся явно не на своем месте. Она вызвала у нее чувство брезгливости. Однако Алекса была стратегом: заиметь дружбу с Мэри могло оказаться полезным. Она намеренно завела разговор об отцовской любви к дочери, желая прощупать, как мачеха относится к падчерице. Ведь только они вдвоем были претендентками на состояние Вальзера. А оно было достаточно большим, чтобы им захотелось делиться.

Сама мачеха рассказывала о Владе с пренебрежением. И хотя она знала о падчерице не так много, но вспоминала о ее матери, угодившей в психушку, а также добавила, что у девушки есть жених. Алекса зацепилась за эту информацию, приберегая для Игната, чтобы проверить, как он отреагирует. Если он узнает, что Влада не так чиста и наивна, как он думает, это, возможно, оттолкнет его от нее.

Но Влада, оказывается, не так проста, Мэри отметила ее ум и сдержанность, что лишь укрепило подозрения Алексы. Ведь если Влада что-то скрывает, то нужно узнать ее слабые места. Окончание вечера было и вовсе отвратительное. Когда свет в доме внезапно погас, спокойствие Алексы окончательно рухнуло. В ту же секунду Вальзер скомандовал всем отойти от окон. Но куда прятаться на мансарде, где окна окружали со всех сторон? Они с Мэри повалились на пол, пытаясь укрыться за небольшим чайным столиком, который явно не справлялся с этой задачей. Столкнувшись в панике, Алекса нечаянно ударила Мэри в глаз, а та от неожиданности заехала Алексе в челюсть.

Затем выяснилось, что Игнат, вместо того чтобы искать и защищать невесту, находился в библиотеке с Владой. «Несносная девка!» — зло подумала Алекса, представляя, что они могли делать наедине в темноте. Это стало точкой кипения. Такого унижения девушка не могла пережить и злилась еще больше на себя, Игната, родителей, Владу. Если родители, особенно мать, узнают, что жених Алексы открыто бежит за другой, ее поднимут на смех. Укажут Алексе на несостоятельность по всем фронтам. Все эти мысли обуревали Алексу и разъедали ее изнутри. Ей нужно все хорошо обдумать, чтобы решить, что делать дальше.

Наконец, после долгого вечера, по дороге в гостиницу Алекса попыталась разговорить Игната, сдерживая бурю обиды и возмущения, накипевших с самого ужина. Она напомнила Игнату об их договоренности быть откровенными друг с другом и что их связывает только договор. Это сработало, и Игнат признался, что Влада ему нравится. На мгновение улыбка слетела с лица Алексы, но она быстро взяла себя в руки, сообщив между делом, что Влада помолвлена. Правда, должного эффекта на Игната эта новость не произвела. Выходит, он знал - у Влады есть жених, но его это не волновало, что разозлило Алексу еще больше. Охваченная негодованием, она выстрелила последним аргументом — упомянула о страданиях Елецкого-старшего.

Ей хотелось, чтобы Игнат почувствовал хотя бы частичку той боли, что сжигала ее. И, кажется, последние слова возымели эффект. Игнат погрузился в задумчивое молчание. Будто опытный хакер, Алекса подбирала ключи к сердцу Игната и не собиралась отступать.

Глава 10. Лучшие друзья

Уже поздним вечером Серж получил сообщение от Игната: «Не стоило так переживать, моя вторая мамочка. Все прошло лучше, чем я мог ожидать. Влада будет моей, это решено. И еще зацени, какой мне вручили презент». Следом за сообщением пришло фото. На снимке Игнат сжимал часы, стоявшие целое состояние. Когда Серж осознал, чей это подарок, его пробил холодный пот. Он тут же перезвонил Игнату.

— Ты в своем уме? Как ты мог такое принять? Ты в курсе, сколько эти котлы стоят? — В его голосе звучала тревога.

— Без паники, чел, — хмыкнул Игнат. — Все под контролем. Вальзер предложил партнерские отношения. А это подарок за спасение дочери.

— Ты хоть понимаешь, что говоришь? Вальзер и его окружение — это не просто деловые партнеры, Игнат. Все эти подарки, роскошные часы, да и сотрудничество... Это не выглядит как обычное деловое предложение, — продолжал причитать Серж, а после добавил, не удержавшись от шутки: — Ты все-таки не в себе! Но если еще пару раз спасешь ее, то сможешь купить крутую тачку.

— Поверь, никакая тачка меня не интересует так, как эта девчонка, — усмехнулся Игнат.

— Я понимаю, что она тебе небезразлична, — снова посерьезнел Серж, — но стоит ли так рисковать. Я нашел информацию о тех людях, что крутятся рядом с Вальзером. Они опасны. И когда тебе вручили часы, это не было просто подарком, Игнат. Возможно, это проверка твоей лояльности.

— Знаю, в этом мире не бывает ничего бескорыстного. Но мне нужно разобраться в том, что происходит. Влада... она чего-то боится, а это значит, что ей угрожает нечто серьезное. Если я могу защитить ее, то сделаю это.

Серж услышал в голосе друга твердость, которая не позволяла сомневаться в его решимости.

— Только, пожалуйста, не забывай, с кем имеешь дело. Вальзер — человек, который не прощает ошибок и слабостей. Ты рискуешь больше, чем думаешь.

— Спасибо, что напоминаешь. Ты — мой голос разума, всегда был им, — добавил Игнат с едва заметной улыбкой. — Влада теперь моя, и я никому не дам ее в обиду.

— В каком смысле?

— Мы целовались.

— Что?! — воскликнул Серж. — В доме Вальзера? У тебя крыша совсем поехала? Как ты вообще вышел оттуда живым?

— Нас никто не видел. Во всем доме вырубил свет. Это было умопомрачительно, — ответил Игнат мечтательно. — Между нами так искрило, по-настоящему... Ее ко мне тянет.

— Не играй с огнем, Игнат. Это может плохо кончиться, — предостерегающе произнес Серж. — Когда ты возвращаешься?

— Завтра.

— Нам нужно встретиться и поговорить.

— Да, обязательно. Кстати, спасибо тебе за инфу. Она мне пригодилась. Теперь я знаю, кто мой враг. На этот раз он легко не отделается.

— Ты его знаешь?... Откуда? — не ожидал Серж.

— Это бывший... — Игнат хотел крепко выругаться и, зло сжав зубы, выговорил: — ...работодатель Лены.

— Уверен?

— Абсолютно.

Завершив разговор с другом, Серж тяжело выдохнул, пытаясь унять накотившее волной напряжение. Кто бы мог подумать, что одно событие потянет за собой целую цепочку, будто все эти люди — Влада, Стас, Лена — связаны какой-то невидимой нитью. Серж не хотел, чтобы Игнат угодил в эту паутину. При мысли об этом холодок бежал по коже. Игнату и так хватало шрамов — слишком много боли причинило прошлое, слишком мало шансов на исцеление обещала Влада. Но он знал друга. Упертый, как паровоз на полном ходу. Если Игнат выбрал свой путь, то ни за что не свернет с него. Никогда.

Друзья встретились на следующий день, как только Игнат вернулся в город. Серж заехал к нему на работу. Офис Игната располагался в бизнес-центре на одном из верхних этажей небоскреба. Из панорамных окон как на ладони, открывался вид на город, так же, как и из окон его квартиры. Сержу казалось, что такое расположение Игнат выбрал не столько ради простора, сколько ради возможности отстраниться от всех, уйти на свою высоту.

Игнат был загружен срочными делами и бесконечными совещаниями, но сделал передышку, чтобы встретиться с другом. Он рассказал, как прошел ужин с Вальзером, поделился в деталях, какой была встреча с Владой, и с особым удовольствием поведал о поцелуе. Серж слушал его с задумчивым видом, не упуская ни одной мелочи, обдумывал и анализировал услышанное. Когда Игнат закончил, Серж произнес:

— Ты не должен видаться с этой девушкой. Ни к чему хорошему это не приведет.

— Дружище, не ревнуй, — с усмешкой обратился к нему Игнат. — Ни одна девушка не сможет помешать нашей дружбе.

— Это не смешно и это не шутка, — без тени веселья ответил Серж. — Влада опасна для тебя! Она вскрывает твои старые раны и делает уязвимым. Этим легко могут воспользоваться твои недруги.

Ухмылка сошла с лица Игната. Серж был единственным, кто мог быть с ним настолько откровенным.

— Предлагаешь мне разлюбить ее?

— Один человек мне сказал, что для любви не нужно ни разрешения, ни запрета. Я прошу тебя здраво оценивать ситуацию, не поддаваться эмоциям. Влада никогда не заменит тебе Ярославу. Она другая. И ты рядом с ней другой.

Игнат нахмурился и отвел взгляд к окну. Некоторое время он сидел молча, неподвижно разглядывая город. Небо в этот день было пасмурным, солнце скрывалось за облаками, но лучи пробивались сквозь неплотные тучи.

— Яра была единственной, кто согревал меня, — произнес он вдумчиво, продолжая смотреть вдаль. — Но мне не дали другого выбора, я не умер вместе с ней, хотя был близок к этому.

Перед глазами Сержа мелькнуло воспоминание — в тот вечер, когда случилась авария, он застал Игната на берегу реки возле дома. Тогда друг был на грани, и Серж это знал.

— Я живой, и мне нужно тепло, — продолжил Игнат, обернувшись к Сержу. Его глаза покраснели и стали влажными, но он научился держать боль в себе. — Понимаешь, мне кажется, что я предаю ее, выбирая другую. Не знаю, как правильно это объяснить, но я поступал глупо, когда запрещал себе любить Ярославу. А потом я безвозвратно потерял ее, — с горечью произнес парень, — и не хочу совершить ту же ошибку снова. Не могу сказать, что эта девушка могла бы меня зацепить, если бы ее лицо, манеры и что-то неуловимое не напоминало черты моей Яси. Но что-то во Владе не отпускает меня. И когда я смотрю ей в глаза, то чувствую, что Владе нужна защита. Она никогда не скажет об этом открыто, но смотрит на меня так, будто я — единственный, кто может услышать ее немую мольбу. И я не отступлю. Уж прости, дорогой.

Игнат хотел закончить бойкой ухмылкой, но на лице застыло сожаление. Его слова прозвучали как исповедь. Серж убедился, что друг мыслит в меру рассудительно, а его чувствами

движет не столько страсть, сколько тоска. Он перестал настаивать на своем и беречь старые раны.

— И ты прости, но я буду смотреть на Владу другими глазами. — Серж оставил за собой право на иное мнение. — И если я пойму, что она не та, кто тебе нужна, ты снова выслушаешь меня.

— По рукам, — согласился Игнат и протянул руку для скрепления «договора». — Вот только интересно, как ты будешь определять, кто мне подходит. С собой сравнивать? — Не дожидаясь реакции Сержа, Игнат рассмеялся первым, разрядив обстановку. — Как твои дела? — продолжил он. — На работе все в порядке?

— Да, запустили новый проект, команда работает слаженно, увлеченно, — ответил Серж, почувствовав, что разговор переходит в более спокойное русло.

— Рад за тебя, — ободряюще кивнул Игнат. — Может, сегодня вечером заползем в бар? Серж взглянул на часы. Рабочий день приближался к завершению, а у него еще оставались некоторые дела. Да и был запланирован разговор.

Не сегодня. Нужно пораньше вернуться домой.

— Тебя ждут? — прищурившись, с намеком спросил Игнат, даже не заметив, как слегка изменяется интонация.

— Да, — машинально ответил Серж, не уловив подвоха.

— Кошку завел? — поднял бровь Игнат.

— В смысле? — отреагировал Серж.

— Кто еще может тебя ждать? — Игнат вновь рассмеялся.

Серж не обиделся, а, наоборот, решил признаться другу, что его мысли заняты одной девушкой, хотя пока он не мог сказать, к чему ведет их общение.

— Не могу тягаться с тобой, моя жизнь — не остросюжетный блокбастер, скорее романтическая новелла.

— Уже интереснее, — Игнат подался вперед, глаза заискрились. — Выкладывай.

Серж рассказал об общении с девушкой, обладавшей живым умом, тонким чувством юмора и комфортным характером. Упомянул, как долгие их ночные переписки стали привычными и никому из них не хотелось прерывать общение и прощаться первым.

— То есть ты хочешь сказать, что поплыл от девчонки, которую даже не видел? — переспросил Игнат, подводя итог услышанному.

— Я не поплыл... — Серж замолчал, словно вдруг осознав, что именно так и произошло. — Ее голос — вдохновляющий и спокойный. Когда слышу его, мне кажется, будто мы знакомы давным-давно, но только теперь, пройдя разные жизненные пути, наконец, понимаем друг друга с полуслова. Я был с разными девушками, но такой голос услышал только у нее одной.

— Звучит так, будто ты всерьез влип, парень! — усмехнулся Игнат, уловив по лицу друга, что все намного глубже. — Почему не встретишься?

Вопрос был настолько очевидным, что Сержу казалось, будто он уже задавал его себе сотню раз.

— Я... — он отвел взгляд в сторону. — Не готов.

— Это как? — не понял Игнат, поднимая бровь. — Ты сам сказал, что она для тебя особенная. Может, она и есть та самая?

Настал черед Сержа для честных признаний, не только Игнату, но и самому себе.

— Сам знаешь, у меня не было серьезных отношений.

— Знаю, но не понимаю почему, — пожал плечами Игнат, глядя на друга.

— Если не считать мальчишеской влюбленности в школе, то всерьез я влюблялся лишь раз... но в ту, которая не могла быть со мной. Это было давно, и я решил оставить свое чувство в тайне.

— Ну и дурак, — искренне отозвался Игнат.

— Как знать. — Серж испытующе посмотрел на друга. — Зато я не стал мешать тем, кто по-настоящему любили друг друга. И сохранил дружбу с лучшим другом.

Игнат застыл, даже дышать перестал. Взгляд его стал сосредоточенным и серьезным.

— Хочешь сказать, что... любил Ярославу? — с трудом выдавил он из себя вопрос.

— Да, — наконец признался Серж. — Я влюбился в Славу. Не так одержимо, как ты, по-своему.

— Почему не сказал раньше? — спросил Игнат, в голосе которого мелькнул оттенок обиды и боли.

— Я же сказал. Не хотел мешать вашим отношениям, — тихо ответил Серж. — Боялся потерять нашу дружбу. Помнишь, я решил вернуться в Лондон? На самом деле не из-за учебы. Хотел оставить вас, чтобы не видеть вместе.

Игнат кивнул, взгляд его отражал целую гамму чувств: непонимание, сочувствие, удивление. Он не ожидал услышать подобных откровений от друга и был поражен.

— Когда она ушла, тебе тоже было больно?

— Очень больно.

— И ты молчал...

— Тебе было плохо. Я не мог оставить тебя, — Серж отвел глаза, затем вновь собрался с духом. — Извини, я не должен был ее любить. И наверное, не должен был тебе об этом рассказывать. Но лучше, чтобы ты знал правду. Можешь считать меня предателем.

Серж опустил голову, чувствуя себя полным кретином. Он не был уверен, что Игнат сможет простить такое. Ярослава была для Игната всем, и мысль о том, что его лучший друг тоже ее любил, могла показаться ему предательством. Игнат не мог терпеть чужие мужские взгляды, обращенные на девушку, не то что внимание со стороны Сержа. Однако, к его удивлению, Игнат твердо произнес:

— Я могу и буду считать тебя лучшим другом. — Его голос звучал с искренней благодарностью. — Спасибо, что сказал. Но не делай так больше.

Серж удивленно поднял голову.

— Идет. Даю слово, что не буду влюбляться во Владу, — с грустной улыбкой ответил он.

— Я о другом, — уточнил Игнат, подходя ближе. — Не молчи, если снова влюбишься в мою девушку. Мы друзья, и я не хочу оставлять тебя одного ни в какой беде.

Игнат поднялся из-за стола и, подойдя к Сержу, крепко пожал его руку. Парни хлопнули друг друга по плечам и обнялись, словно делили между собой горечь утраты, облегчая взаимную боль.

— Знай, я всегда верю тебе, — твердо сказал Игнат, глядя ему в глаза.

Серж почувствовал себя свободнее, словно давний груз упал с души. Признавшись другу в своих чувствах, он отпустил прежнюю любовь. Отпустил Ярославу, чтобы вновь позволить себе любить.

Игнат решил вернуться к прежнему разговору и слегка насмешливо спросил:

— Так что с той девушкой? Почему ты не предложишь ей встретиться?

— Не хочу портить наши отношения, — смутившись, ответил Серж. — Если я ей не понравлюсь, то потеряю то комфортное общение, которое сейчас есть.

Игнат рассмеялся и откинулся на спинку стула.

— У вас нет отношений, Серж! Сплошные буковки да смайлики! — с иронией, тоном знатока произнес он. — Не повторяй свою ошибку. Дай себе шанс.

Серж невольно улыбнулся, почесав затылок. Игнат, как ни крути, прав. Серж уже и сам думал об этом.

Глава 11. Она изменила себя

Стефания до сих пор не могла поверить, что ее сценарий прошел отбор в компании по разработке игр. Хотя она уже несколько лет была успешным автором, ощущение, что все это происходит не с ней, не покидало. Шесть лет назад, когда не стало лучшей подруги, Яры, ее жизнь кардинально изменилась. С уходом Ярославы, казалось, исчезла и часть Стешиной души. Мир потускнел, лишился красок, а жизнь скорее напоминала бессмысленное существование.

Она отчаянно нуждалась в поддержке, но не могла никому довериться. Ее съедало чувство вины. Каждый день она вспоминала необдуманные, глупые слова, что сказала Ярославе, и не могла избавиться от угрызений совести, снова и снова прокручивая в голове их последнюю встречу. Брошенные в порыве эмоций фразы, оказались наихудшими, что услышала от нее Яра перед смертью. Осознавать это было просто невыносимо.

Когда-то казалось немыслимым, что их дружба может оборваться так внезапно и трагично. Еще вчера они строили планы и верили, что будущее — в их руках. Теперь же осталась только Стеша и щемящее чувство пустоты, которое не утихало ни днем, ни ночью. Мысли о том, что Яра больше нет, преследовали ее. Они первыми приходили в голову после пробуждения, и последними — перед сном.

Бывали дни, когда воспоминания о Яре захлестывали ее, и тогда она писала Насте — общее горе сплотило их. Стеша помнила о Настином предательстве, которое хотя и казалось теперь далеким, но не позволяло полностью раскрыть перед ней свои чувства. Они могли смеяться и плакать, вспоминая Ярославу, но даже в этом было что-то незавершенное, словно душевная боль не находила выхода.

Стеша начала заедать свое горе, пытаясь заполнить едой пустоту, которая поселилась внутри. Ей приходилось скрывать это от матери, чтобы не слышать очередных нотаций. Но с каждым съеденным кусочком в ней нарастала ненависть к себе, жестокие слова эхом звучали в голове: «Ты глупая, безвольная корова, — говорила она себе ужасные слова, которые разрушали ее изнутри. — Последнее, что ты сказала лучшей подруге, было то, что она променяла тебя на любимого парня. Ничего умнее не могла придумать? А теперь ты никогда не сможешь извиниться перед ней. И все, что тебе остается, — заедать свое горе. Это ты должна была умереть, а не она. Ты всегда была посмешищем. Яра бы справилась со своей болью, а ты только и можешь, что жрать». Эти слова Стеша повторяла все чаще и чаще. И в какой-то момент поверила, что действительно недостойна жить в мире, где нет Ярославы. Боль внутри обернулась жестокостью к самой себе и наносила душевные раны.

В университете Стеша стала безликой тенью. Настя была рядом, но Стеша словно и не замечала ничего вокруг. Все, о чем она думала — это как-нибудь дотянуть до конца дня, не сорваться и не заплакать при всех этих безразличных людях. Шленская и ее компания держались в стороне, но Стеша знала, что за ее спиной они находили новые поводы для насмешек и сплетен, уверенные, что она окончательно «поехала».

Стефанию не волновали их домыслы, да и сама она порой думала, что действительно сошла с ума. Ее комната превратилась в убежище, где она могла скрыться от всего мира и выплакаться. В один из таких дней — Стеша уже сбилась со счета — взгляд ее упал на маленький белый прямоугольник, валявшийся на полу. Она хотела выбросить бумажку, но в тот же миг почувствовала, как по телу пробежал холодок. Это была визитка, которую ей дал Серж во время их последней встречи — они случайно столкнулись через пару недель после похорон Ярославы. Тогда он, говоря о потере, просил позаботиться о себе, подчеркнув, что утрата близкого — это сложный путь, по которому не стоит идти в одиночку. Стеша молчала, в тот момент она думала лишь о том, как побыстрее закончить разговор, и потому машинально сунула кар-

точку в карман. Теперь же та лежала перед ней как напоминание. Эта находка будто вернула ее к реальности, словно кто-то обрушил на нее ушат холодной воды. «Что ты делаешь с собой, Стеша? За что так жестоко себя наказываешь?» — словно прошептал в голове знакомый голос подруги.

— Я не знаю, Яра, слышишь, не знаю! Не понимаю, как мне жить без тебя, — выдохнула она, чувствуя, как по щекам снова катятся слезы.

И в этот момент ей стало по-настоящему страшно. Она поняла, что уже почти потеряла желание жить. Мысль об этом отрезвила ее. Оказаться без смысла жизни было невыносимо. Но потерять себя окончательно — этого она боялась еще больше.

Девушка даже не догадывалась, какой потенциал скрывается внутри нее.

Дрожащими пальцами Стеша набрала номер, указанный на визитке, и почти сразу захотела сбросить вызов, но не успела: на другом конце раздался приятный женский голос:

— Добрый день! Приемная психотерапевта Татьяны Ивановны Яровой. Чем могу помочь?

— Мне... Мне нужна ваша помощь, — едва слышно произнесла девушка, осознавая, как непривычно и в то же время освобождающе это прозвучало. Этот звонок стал поворотной точкой.

На первых сессиях она почти ничего не могла сказать. Едва начинала рассказывать о Яро-славе — как воспоминания захлестывали ее и слезы подступали снова. Но Татьяна Ивановна была терпелива. Она объясняла Стеше, что утрата — это рана, которую нужно прочувствовать и пережить, даже если потребуется много времени. Она мягко помогала находить слова, учила говорить вслух о своей боли, вместо того чтобы носить ее в себе, как камень. А этой боли было безмерно много.

Стеша то обвиняла себя за глупые слова, брошенные Яре, за которые не успела извиниться, то злилась на жестокую несправедливость, что забрала такую молодую жизнь, а порой просто сидела молча, погруженная в свое горе. В эти моменты Татьяна Ивановна становилась девушке опорой, мягко побуждая ее излить свои душевные терзания, не давая им скопиться внутри. Тем самым вытягивала ее из мрака отчаяния, возвращая хотя бы на краткий миг к жизни.

Стеша отчаянно нуждавшаяся в поддержке, нашла ее в своем психотерапевте. Между ней и Татьяной Ивановной постепенно выстраивалась доверительная связь, но девушка никак не могла решиться рассказать о том, как справляется со своим горем вне стен кабинета. Признаться в том, что порой она совершенно теряет самоконтроль и объедается, казалось невозможным. Слишком часто она слышала в свой адрес насмешки и обвинения из-за недостатков фигуры, за неправильное питание, а потому привыкла стыдиться себя такой, какая она есть. Однако Стеша понимала, что так больше продолжаться не может. В какой-то момент она собрала всю свою решимость и, пусть сбивчиво, но все-таки рассказала психотерапевту правду. Она ждала осуждения и упреков, боялась услышать, что удержаться от лишнего кусочка — это просто, и, значит, с ней что-то не так. Но ответ Татьяны Ивановны ее ошеломил. Психотерапевт выслушала девушку внимательно, доброжелательно и постепенно, сеанс за сеансом, помогала Стефании выстраивать здоровые отношения с едой.

— Вы не чувствуете свое тело. В минуты, когда не знаете, что испытываете, вы действуете по привычке, чтобы заполнить внутреннюю пустоту едой, — мягко сказала она. — Чем лучше вы научитесь распознавать свои эмоции, Стефания, тем проще будет отличить истинное чувство голода от ложных импульсов.

Эти слова стали для Стеши своеобразной мантрой, которую она повторяла каждый день. Она даже сохранила в телефоне специальную табличку со списком эмоций, чтобы лучше осознавать, что происходит в ее душе в трудные моменты. Это было невероятно сложно, но Стеша хотела найти новые смыслы.

Ей пришлось научиться вести дневник питания, определять размер порции, не винить себя за срывы, если таковые случались. Постепенно она стала прислушиваться к себе, понимать, что ей на самом деле нужно. Одним из самых сложных этапов было избавиться от навязчивого контроля над весом, прекратить оценивать свои формы. Она не любила смотреть на себя в зеркало, раз за разом отмечая недостатки, но, выполняя упражнения психотерапевта, училась смотреть на свое отражение без оценок и с каждым разом чуть легче мирилась с тем, что видела. Работа над собой была нелегкой, и временами хотелось сдаться, но она все равно упорно двигалась вперед. В этот период большую поддержку ей оказывала сестра, покрыв часть расходов на терапию.

Теперь Стеша могла говорить о своих проблемах и чувствах открыто. Она начала улыбаться и строить планы на будущее.

— Знаете, я ведь пообещала себе дописать книгу в память о Яре, — поделилась как-то Стеша на одной из встреч. — Но не могу продвинуться. Все кажется таким глупым. Как я могу писать о жизни других, если не могу разобраться в своей?

— А если рассмотреть книгу как возможность написать свою историю — такой, какой вы хотите ее видеть? — предложила Татьяна Ивановна.

— В ней точно никто бы не умирал так рано, — грустно усмехнулась Стеша.

— Вы можете сделать ее любой, Стефания. Здесь все в ваших руках. Такая возможность не всегда выпадает в реальной жизни.

— Я попробую, — задумчиво ответила девушка. — Но что, если снова не получится?

— Не будьте строги к себе и не ставьте невыполнимых задач, — мягко ответила Татьяна Ивановна. — Не все получается с первого раза, даже реализация того, чего очень сильно хочешь, может потребовать много времени. Но не забывайте: написание книги не должно стать способом избежать реальности.

Стеша старалась не требовать от себя слишком многого, но и это было непросто. Она все время вспоминала Яру, мечтая написать идеальную историю, такую, какая точно понравилась бы ей. Но это только давило сильнее. Однажды, устав от своих тревожных мыслей, Стеша просто открыла файл и начала писать. Она создавала мир, которого ей не хватало в настоящей жизни, и описывала героев, в которых нуждалась сама. Писательство стало для нее одновременно отдушиной и испытанием. Стеша много плакала и смеялась, погружаясь в каждый эпизод. После завершения очередной главы ей хотелось рассказать обо всем Яре, и только тогда она вспоминала, что подруги больше нет.

Стеша устроилась работать внештатным сотрудником в газету, что дало ей определенную финансовую независимость, работала над книгой, ходила к психотерапевту, а потом решила записаться на йогу — это тоже было одним из предложений психотерапевта, которое пришлось девушке по душе. Ее вдохновлял подход тренера: «Прислушивайтесь к телу, делайте все в своем темпе. Не сравнивайте себя с другими, благодарите тело за то, что оно помогает вам каждый день жить». Стеша почувствовала, как важно для нее такое бережное отношение.

Однажды, выходя из студии после занятия, она заметила буклет с приглашением на танцевальную аэробику. Сначала прошла мимо, но потом вернулась, взяла буклет и решила сходить на пробное занятие. Танцы захватили ее, и, недолго думая, она купила абонемент. Новое увлечение принесло ей невероятное удовольствие — Стеша открывала свое тело заново, ощущая свободу и раскрепощение, о которых раньше не думала.

Теперь она больше не считала, что для того, чтобы нравиться людям, нужно быть «идеальной» или соответствовать чужим стандартам красоты. Стеша позволила себе выглядеть так, как нравится ей, пробовать то, на что раньше не решилась бы. Она больше не пыталась подстраиваться под чужие ожидания.

На свои первые самостоятельно заработанные деньги она отправилась на море и провела там самые счастливые дни, все больше влюбляясь в жизнь. Глядя на бескрайний простор моря,

вдыхая соленый аромат волн, она больше не ощущала границ, чувствовала себя живой. Там, на морском берегу, Стефания пообещала себе сохранить это чувство счастья и впервые призналась себе в любви.

Ее боль утраты никуда не исчезла. Память о Яре даже спустя годы отзывалась тихим, заунывным нытьем в сердце. Но теперь Стеша умела с этим жить без вины и больше не пыталась подавить горе. Она приняла свое одиночество, когда писала истории, поняла, что в создании новых миров нашла свое призвание — то, что помогает двигаться дальше.

Стеша заканчивала университет и одновременно дописывала свою первую историю. Она совершенно не представляла, что с ней делать. Отношения с родителями к тому времени наладились, но довериться им в таком личном деле она была не готова. Как и друзьям — так, как с Ярославой, ей ни с кем не удалось сблизиться. Некоторое время история просто лежала в столе, скрытая от всех. В день памяти подруги Стеша достала рукопись и начала читать вслух, словно была уверена, что Яра услышит. Мимо ее комнаты в этот момент проходила мама. Услышав голос дочери, она приоткрыла дверь и тихонько села на диван. Потом к ней присоединилась сестра, а чуть позже — и отец. Стеша не замечала их, полностью погрузившись в чтение, но, когда подняла взгляд и увидела родных, ее глаза наполнились слезами. Она так давно мечтала, чтобы кто-нибудь ее услышал и поддержал. А теперь это стало реальностью. Мама осторожно погладила дочь по голове и назвала роман чудесным.

Более бойкая старшая сестра предложила выложить книгу на электронную платформу, где публиковались начинающие авторы. Стеша сомневалась, но сестра Мария настаивала: нельзя было скрывать такой талант от мира. Так в сети появилась новая писательница — Мила Феникс. Стеша выкладывала свои работы под псевдонимом, не решаясь открыть настоящее имя.

Ее история неожиданно для всех набрала популярность. Читатели хотели узнать, как сложились судьбы главных и второстепенных персонажей, и эти отзывы вдохновили Стешу на целую серию книг. Ее фандом разрастался, среди своих читателей девушка нашла множество единомышленников и через пару лет не могла поверить, что раньше всего этого не было в ее жизни. Первая тысяча читателей, первые восторженные отклики, первый негатив — каждое «впервые» приносило новые эмоции, будоражащие и удивительные. Как же трудно было не делиться своими победами с Ярославой...

Стеша иногда приходила на могилу подруги и рассказывала ей о самых важных новостях. О том, как издательство предложило опубликовать ее первую рукопись. Или о том, как кто-то прислал смешной мем про ее персонажей. Жизнь продолжалась, но Стеша не могла избавиться от ощущения несправедливости, что это происходит уже без Яры. Она лишь надеялась, что подруга все видит и знает, что ее любят и помнят те, кто остались.

Временами Стеша вспоминала Сержа, с которым давно потеряла связь. Прежняя влюбленность казалась далекой, почти наивной. Но именно он когда-то помог ей начать путь к настоящей себе, научиться верить в свои силы. Она мысленно благодарила парня, потому что обрела возможность двигаться дальше, к своей новой, счастливой жизни.

За шесть лет Стеша изменилась и внутренне, и внешне. Она стала жить отдельно от родителей. Ее облик все еще не соответствовал модельным стандартам, но девушка больше не гналась за этим. Благодаря психотерапии она поняла важную истину: быть и казаться — не одно и то же. Любовь к себе никак не связана с внешностью, хотя раньше ей казалось иначе.

Стеша всегда думала, что красивым людям любить себя легче. Но это оказалось заблуждением. За прошедшие годы она поняла, что все с точностью до наоборот — именно любовь к себе делает человека прекрасным. Она стала увереннее, чувствовала себя цельной и гармоничной. Иногда ходила на свидания, но серьезные отношения так и не складывались: каждый раз не хватало той самой искры, того чувства, которое заполнило бы всю ее жизнь. И вот сейчас,

отправляя очередное сообщение своему руководителю на новой работе, она, наконец, поняла, чего именно ей не хватало.

Общение с Сержем вышло из-под контроля. Они явно увлеклись друг другом по-настоящему. Но она продолжала гадать, знает ли Серж, кто на самом деле устроился к нему в компанию? Если сначала Стеша думала, что он просто притворился, что не узнает ее, то потом засомневалась.

Когда она увидела объявление о наборе сценаристов в известную компанию, то сразу загорелась желанием попробовать свои силы. Девушка всегда обожала игры, где ее решения влияли на судьбу персонажа, а возможность стать частью команды, которая создает такие миры, казалась пределом мечтаний. Отправляя тестовое задание, Стеша ужасно волновалась. И когда ее заявку одобрили, буквально прыгала от счастья. Но чего она точно не ожидала, когда искала информацию о компании, так это того, что ее основателем окажется Сергей Майер. Человек, которому она когда-то призналась в своих чувствах и который, возможно, до сих пор помнит ее той самой неуверенной, неуклюжей девушкой, нуждающейся в чьей-то помощи.

Стеша надеялась, что они не пересекутся по работе — она ведь всего лишь рядовой сценарист, а он — глава компании. Но судьба распорядилась иначе. На одном из созвонов Серж неожиданно присоединился к обсуждению. Услышав его голос, девушка сразу поняла, что перед ней тот самый Серж, который был ее приятелем и тайной любовью несколько лет назад. В душе вспыхнуло смущение. Но когда он обратился к ней, назвав псевдоним, Мила Феникс, Стеша решила, что парень все же не узнал ее. А может, и вовсе не догадывался, что та самая, когда-то знакомая Стеша, работает в его компании. Бывают ли такие совпадения?

Стефания решила поддержать иллюзию и сделать вид, что они незнакомы. Тем более что обсуждать с Сержем прошлое и беречь старые раны она не хотела. Для нее это стало своеобразной игрой и шансом начать с чистого листа — оба они после стольких лет стали другими людьми, оставив позади много боли.

Но, кажется, Серж не воспринимал их общение как игру. Их переписка, начавшись как рабочая, постепенно перешла на личные темы. Стешу даже забавляло, что он называет ее Милой, — это напоминало о времени, когда псевдоним служил ей защитой и придавал уверенности. Под именем Мила Феникс она позволяла себе быть смелой, жизнерадостной и дерзкой. Теперь же, спустя годы и большую внутреннюю работу, она научилась быть такой, оставаясь собой, Стефанией Раевской.

В начале общения с Сержем Стеша не планировала раскрывать ему свое имя, полагая, что переписка сама собой сойдет на нет. Но чем больше времени проходило, тем чаще ее посещала мысль, что она должна ему открыться. Девушка ждала подходящего момента, но каждый раз, когда собиралась назвать свое настоящее имя, ее что-то останавливало. Возможно, в глубине души просыпалась та самая неуверенность, которая раньше заставляла ее чувствовать себя неловко рядом с ним. А может, она боялась узнать, что он и не помнит никакой Стешы, что было бы сильным ударом по ее самолюбию. И Стеша решила просто плыть по течению, стараясь не думать о будущем и о последствиях своего обмана, не замечая, как ее все дальше затягивает в водоворот чувств.

Вскоре их разговоры стали обретать опасную глубину. Неожиданным поворотом стало признание Сержа в том, что он любил Ярославу. Его слова поразили Стешу до глубины души, будто вернув в ту, прошлую жизнь. Тогда, шесть лет назад, она впервые влюбилась. Она думала, что у нее нет шансов на взаимность из-за внешности. Но на самом деле ее любовь была обречена по иной причине: Серж был влюблен в другую. В ее лучшую подругу.

Девушка с трудом могла поверить в услышанное. Ей казалось, что она проигрывает в памяти не события прошлого, а сюжет какой-то трагической истории любви. Но только на самом деле их роман закончился не любовным треугольником, а смертью лучшей подруги.

Стеше было невыразимо жаль, что Серж столько лет скрывал свои чувства за стеной вины. В ее глазах он был удивительно мужественным человеком, пожертвовавшим своей любовью ради счастья дорогих людей. Никто теперь не узнает, как сложилась бы жизнь Ярославы и Игната, если бы Серж в свое время поступил иначе. И еще страшней казалась Стеше мысль, что она могла бы поссориться с Ярой и потерять ее раньше, чем это случилось по роковому стечению обстоятельств.

Теперь, спустя столько лет, Стеша по-настоящему осознала масштаб чувств Сержа, его самопожертвование и душевную стойкость. Любовь к Яре осталась в прошлом. С каждым новым разговором они постепенно открывались друг другу, доверяли сокровенные воспоминания, что помогало им освободить место для чего-то нового, что медленно начинало зарождаться между ними.

Глава 12. Неожиданная встреча

Серж понимал, что так больше не может продолжаться. Он все сильнее привязывался к Миле. Ему стало мало виртуального общения с девушкой, он должен был с ней встретиться. В последнее время Мила стала частью его жизни, и он уже не представлял без нее своих будней. Их общение было настолько откровенным, что порой напоминало ему эффект попутчика: гораздо проще раскрыть всю правду незнакомому человеку, которого больше не увидишь. С одной лишь оговоркой: Серж хотел увидеть Милу так же отчаянно, как и боялся этого. Он уже давно выяснил, что они находятся в одном городе, но сделать шаг и назначить встречу все никак не решался, чем очень веселил Игната, который взял в привычку каждый день писать сообщения из разряда: «Здравствуй, прекрасный принц! Хочешь, я буду твоим конем, который отвезет тебя в башню к принцессе?», «Доброе утро, дружище, ты уже готов признаться в любви своей таинственной незнакомке? Я благословляю тебя, друг мой!» В один из дней он написал: «Если ты, наконец, не назначишь свидание своей подруге по переписке, мне придется записать тебя на прием к психологу, чтобы он проверил, не сломалось ли чего в твоей черепушке».

«Иди к черту», — привычно написал Серж и отправил не слишком приличный стикер.

«Не злись, малыш, я готов на все ради лучшего друга», — прилетело в ответ сообщение, приправленное веселыми смайликами. А следом Игнат ему позвонил и задал неожиданный вопрос:

— А как ты себе ее представляешь? — даже не здороваясь серьезно спросил Игнат.

— Понимаешь, не могу разобраться в своих чувствах. Но у меня такое ощущение, как будто мы знакомы. — последовал ответ Сержа. — Только не могу понять, откуда? Я, наверное, заразился от тебя подозрительностью.

— Ты меня интригуешь. Давай, разберись уже как-нибудь. Не тормози! Вдруг она вообще не твой типаж! Пора выяснить.

Пожалуй, телефонный разговор с Игнатом стал тем самым «волшебным пинком», который вывел Сержа из ступора. Повесив трубку, он неожиданно даже для самого себя отправил Миле сообщение: «Не хочешь сегодня выпить кофе? Я хотел бы лично обсудить пару вопросов по сценарию».

Ответ не приходил довольно долго, что заставило Сержа мысленно себя обругать за очередную глупость. Что, если он только что разрушил лучшее общение, которое было в его жизни? Мила прочитала сообщение, но молчала. А вдруг Игнат прав, может быть, она совсем не его типаж? И вся магия рухнет, если они встретятся?

Спустя какое-то время Мила написала: «Я не против. Где встретимся?». Ее короткий ответ заставил Сержа выдохнуть и занервничать еще больше.

У них будет свидание? Конечно, рабочую встречу коллег вряд ли можно было бы назвать свиданием, он же позвал ее обсудить сценарий. Серж загуглил адрес уютной кофейни и отправил Миле геолокацию.

Через пару часов он уже сидел у окна за небольшим столиком, критически осматривая помещение. Все здесь было слишком уютным и романтическим — словно кто-то нарочно пытался напомнить, что чувства важнее логики, а душевность выше рабочих рамок. Он нервничал. И все потому, что это не просто встреча с коллегой или пункт в его ежедневном расписании. Это точка отсчета чего-то нового, что плавно входило в жизнь Сержа, чтобы навсегда ее изменить.

Однако надолго погрузиться в тревогу ему не дали. Дверь кофейни распахнулась, впуская прохладный вечерний воздух. На пороге появилась девушка, ее лицо показалось смутно знакомым. Красиво уложенные светло-рыжие волосы спадали аккуратными волнами на плечи. Изумрудное платье, струящееся по фигуре, мягко подчеркивало ее женственность. Она, улыбаясь,

скользнула взглядом по залу, и заметив Сержа, подошла. Легко, уверенно, без тени сомнения. А он подскочил навстречу слишком резко, ощутив, будто на него накатывает волна воспоминаний из прошлого, каких-то смутных, неясных образов.

— Привет, — сказала она, и в этом простом слове было так много оттенков тепла, уюта, нежности...

На ее лице играла легкая улыбка. И в этот момент Серж почувствовал, что девушка изучает его так же пристально, как и он ее. Краем глаза он заметил, что некоторые посетители кофейни тоже ее рассматривают. В ней было что-то — не вызывающее, нет, скорее загадочное, будто она знала себя и мир вокруг лучше, чем остальные. Ее взгляд — не пронизывающий, а открытый, мудрый, таил в себе притягательную недосказанность, без тени холодного превосходства. Все в ней было таким живым и настоящим, что он на секунду просто перестал дышать.

Мысли путались. Серж не мог избавиться от ощущения, что он знал ее, точнее — чувствовал, что они были раньше знакомы. И вдруг в голове что-то щелкнуло. Словно память вытащила из самых потаенных уголков нужный образ. Стефания?! Подруга Ярославы! Да, точно... Это она.

Серж подошел ближе, воскликнув:

— Не могу поверить... Стефания, это ты? — и коснулся ее руки, чтобы убедиться, что ему это не кажется.

— Здравствуй, Серж, — с волнением в голосе ответила она.

Это была действительно Стеша. Серж замер, пытаясь осознать происходящее. Их взгляды снова встретились. В ее глазах читалось сдержанная усталость — та, что остается, когда острая боль уже поутихла, но по-прежнему живет внутри. В его — потрясение — сильное и неожиданное, но и вместе с тем такое приятное.

Стефания. В ней изменилось абсолютно все. Картины прошлого замелькали в его голове: как они потеряли Ярославу и как каждый проживал горе по-своему. Он остался с Игнатом, потому что тот был на грани и нуждался в крепком дружеском плече. А Стефания... она сразу отстранилась, выстроив стену между собой и окружающим миром. Ни слез, ни разговоров — только непроницаемая тишина. Он попытался достучаться до нее, даже оставил визитку своего психотерапевта, на случай если... если станет невыносимо тяжело. Но она так и не позвонила ему. И это, пожалуй, было ее самым громким «нет».

Все эти воспоминания пронеслись за секунды. Боль, сожаления, прошлое, которое всегда напоминает о себе в самый неподходящий момент. Серж снова взглянул на Стефанию, пытаясь сосредоточиться на настоящем.

— Мы так давно не виделись. Ты изменилась... Выглядишь счастливой, — тихо проговорил он, не сводя с нее глаз.

Она улыбнулась, но в этом было что-то почти успокаивающее.

— Спасибо, Серж. А вот ты... все тот же. Выглядишь прекрасно. Как и всегда.

Она на секунду отвела взгляд и добавила:

— Если честно, я думала, ты меня уже не помнишь.

Ее голос. Он всегда хорошо запоминал голоса. А этот — был ему знаком. Знаком до боли.

— Почему не помню? — удивился он, жестом приглашая ее сесть. — Ладно, я сейчас спрошу кое-что очень странное... если я спрошу, нет ли у тебя раздвоения личности, ты же не ответишь утвердительно? — включил свой юмор Серж.

Стефания рассмеялась, звонко, по-настоящему — и в этом смехе звучало давно забытое озорство.

— Ох, кажется, пора раскрывать карты, — проговорила она, склонив голову набок и лукаво улыбаясь. — Видимо, мое альтер-эго было не слишком осторожно. В общем... Мила — это я. Та самая Мила, с которой ты переписывался в последнее время.

Она замолчала на секунду, сцепив пальцы.

— Я правда думала, что ты меня не узнаешь. И теперь даже не знаю... радоваться ли мне или провалиться сквозь землю от смущения. Я и так сгораю со стыда, если честно.

Серж молчал, переваривая услышанное, какие удивительные вещи порой случаются. Слишком много эмоций он пережил за последние несколько минут: удивление и... узнавание, и кое-что еще — совсем неуместное сейчас — нежность.

Мила. Стеша. Один и тот же человек. Пазл сложился. Он чувствовал, как в груди медленно, со скрипом что-то поворачивается. Мила — это Стеша. Та, с кем он делился самым сокровенным, та, кому писал длинные сообщения ночами. Та, чьи ответы заставляли его улыбаться даже в самые непростые дни, когда казалось, что воздух слишком тяжелый, чтобы дышать.

Стефания. Девочка из прошлого с неуловимым внутренним светом.

Он смотрел и не мог понять, как не узнал ее раньше. Почему не вспомнил этот голос, который сразу показался ему знакомым. Он мог бы проверить. Запросить документы, наугад-листь псевдоним, задать всего пару вопросов. Но ничего не сделал.

Именно это позволило так открыться в переписке, рассказать историю о Яре. Быть собой настолько, насколько он давно себе не позволял. Он смог поделиться болью, что носил годами, которую сам не мог объяснить до конца. Догадалась ли Стеша тогда, о ком шла речь?

Мысли кружились в голове, сбивая с толку. Он пытался собрать в одно целое образ той милой, неуверенной в себе и ранимой Стеши — и незнакомки, к которой его тянуло словно магнитом, захватившей все его мысли.

Он не знал, что сказать. Стеша, заметив его замешательство, все-таки задала вопрос, который витал в воздухе:

— Ты злишься, что я не открылась тебе сразу?

Серж чуть заметно улыбнулся. Все встало на свои места. Он наконец почувствовал, как его отпускает напряжение, и, пристально посмотрев на нее, сказал:

— Знаешь, Стеша... Мне кажется, все сложилось так, как надо. Я очень рад тебя видеть. Что будем заказывать? — его слова звучали искренне, и эта честность, смешанная с легким удивлением, еще больше расположила ее к нему.

Он облокотился на стол, будто хотел быть как можно ближе, хотя и сам не до конца понимал — к Стеше или к той загадочной Миле, которую ждал сегодня в кофейне.

— Если честно, не думала, что ты предложишь встретиться, — она тихо рассмеялась. — Тем более так скоро.

Он кивнул, чуть наклонив голову, будто хотел ее хорошенько рассмотреть. — Рад, что ты согласилась. Не был уверен, что найдешь для меня время.

— Я и сама удивлена, — ее плечи чуть приподнялись от волнения, которое она мастерски прятала за легкостью общения. — Ты интересовал меня задолго до этой встречи. Еще когда написал по поводу сценария. И вообще...

Она замялась и отвела взгляд. Сержу показалось, что она с ним флиртует и тут же он почувствовал, как в груди просыпается предвкушение. Он смутился и разволновался, как неопытный мальчишка, поэтому специально попытался выдержать серьезный тон.

— Рад, что интерес не пропал, — ответил он с улыбкой. — Мы, конечно, можем обсудить пару вопросов по сценарию, но... Буду честен, я позвал тебя на встречу совсем по другой причине.

Мила подняла на него взгляд, в котором заискрился озорной огонек.

— Забавное совпадение, потому что я тоже пришла сюда, чтобы узнать о тебе... немного больше, чем можно узнать в переписке, — мягко проговорила она, внимательно наблюдая за его реакцией.

Серж поймал себя на мысли, что ему легко и непринужденно. Напряжение, сковывавшее его с самого утра, будто испарилось, как роса под первыми лучами солнца. Все стало просто и

понятно. Ее присутствие не пугало — наоборот, дарило спокойствие. Как будто не было всех этих недосказанностей.

Они столько времени провели в переписках, в бесконечных ночных диалогах, когда весь остальной мир стихал... что за это время она стала для него близким человеком. Не просто аватаркой и набором слов, не просто голосом по ту сторону экрана. А родственной душой.

И теперь, глядя на Стешу, он понял: все, что между ними было в виртуальном мире, не может считаться выдумкой. Их шутки, общение до глубокой ночи, откровенность — все было настоящим. Он был сам собой настолько, насколько давно себе не позволял. Беседа, сначала слегка неловкая, вскоре стала совсем непринужденной. Серж и Стеша обсуждали работу, детали сценария, вспоминали общих знакомых, делились новостями. Стеша рассказала о своем писательском пути — о книгах, что ее увлекали, о вдохновении, которое помогало создавать истории. Серж пообещал прочитать хотя бы одну из Стешиных книг, несмотря на предостережение, что ему могут не понравиться романтические сюжеты.

— Я, конечно, тот еще брутальный красавчик, но — только это между нами! Иногда люблю смотреть дорамы и грущу, что в жизни какая-нибудь красотка не врежется в меня, рассыпав стопку книг. Мы не начнем неловко их собирать и, встретившись взглядами, не влюбимся друг в друга, — пошутил он, хитро прищурившись.

— Если хочешь, могу случайно уронить на тебя свой ноутбук, в котором хранятся все мои книги. Тогда получится так, словно на тебя обрушилась целая библиотека, — рассмеялась Стефания.

— Заманчивый вариант. Но, между прочим, наша история знакомства не менее романтична, дорогая Мила, — подмигнул Серж, все еще называя девушку по псевдониму, словно это имя было частью той новой истории, что возникала между ними.

— Ты правда не догадывался, что это я? — с легким сомнением спросила она.

— Ни на секунду, — покачал он головой. — Но точно не жалею об этом, — добавил Серж и снова улыбнулся, тепло и искренне.

Они непринужденно болтали обо всем на свете. Так, словно их дружба длилась годами, и сейчас не существовало никаких преград. Время пролетело незаметно, и вскоре город медленно укрылся вечерним светом. Серж предложил отвезти ее домой, и Стеша согласилась.

Когда они подъехали к подъезду, Серж вышел, чтобы открыть дверь и подать девушке руку. И только пройдя несколько шагов до подъезда, он осознал, что все еще держит ее ладонь. Стеша не пыталась высвободиться, а он не торопился отпускать, это ощущалось так естественно и правильно.

Их взгляды снова встретились, и его с необратимой силой потянуло к ней. Но Серж позволил себе лишь пожелать Стеше приятных снов, нехотя отпуская ее руку.

Вернувшись домой, он почти сразу написал: «Надеюсь, это не последний наш вечер. Мне невероятно комфортно с тобой. И не только в переписке».

Игнат тем временем получил другое сообщение: «Я победил дракона. Надеюсь, эта принцесса будет моей».

Серж вновь мысленно вернулся к сегодняшней встрече, вспоминая искорки в Стешиных глазах, задорную улыбку, едва уловимый аромат ее духов. Он понял, что раньше воспринимал девушку неправильно. Тогда, шесть лет назад, он видел в Стеше только ту сторону, что напоминала ему его самого, неуверенного подростка, озабоченного мнением окружающих. Он хотел помочь ей справиться с переживаниями, не отдавая себе отчета, что движет им не только дружеское участие. Возможно, уже тогда он чувствовал к ней нечто большее.

«Чувствует ли Стеша то же, что и я?» — мелькнула в голове мысль, оставляя его в легком смятении. Не желая показаться навязчивым, он решил потратить вечер на знакомство с ее творчеством. Обычно предпочитал бумажные книги, но в этот раз без колебаний купил электронную версию одной из книг Милы Феникс, и тут же открыл ее.

Он случайно нажал куда-то не туда и перелистнул почти к середине. И уже собирался вернуться к началу, как взгляд невольно зацепился за строчки...

«Его глаза горели, а взгляд исследовал ее обнаженное тело. Он ждал этого момента так долго, что теперь с трудом верил в реальность происходящего. Ему хотелось насладиться каждым сантиметром ее тела, целовать ямочки на ключицах, оставлять влажные следы на коже от поцелуя — снова и снова убеждаясь, что она теперь с ним, она его девушка. Ему хотелось всего и сразу. Но сначала он нежно провел ладонью по ее щеке и невесомо коснулся пальцем приоткрытых губ. Они были пухлыми и чувственными, манящими к бесконечному поцелую...»

Серж перевел дух и попытался отогнать от себя внезапные образы, но его мысли упрямо возвращались к прочитанному. Покачал головой, удивленный и сбитый с толку, пытаясь разобраться. Он знал Стешу как милую, скромную девушку, всегда немного неуверенную в себе. А теперь... ее слова оживали в его воображении с возрастающей яркостью, и каждая новая строка лишь разжигала фантазию.

— А ты повзрослела за эти годы, малышка Стефания. — пробормотал он. — Мне срочно нужен холодный душ. И постараться не вообразать себя на месте этого парня. А тебя... на месте главной героини.

Этой ночью он не смог отложить книгу. История захватила его не только откровенностью, но и той глубиной чувств, что Стеша вложила в строки. Она не просто описывала сцены — она передавала страсть, нежность и ранимость так, что у него перехватывало дыхание. Серж чувствовал, что с каждой строчкой лучше понимает ее внутренний мир, который раньше был для него закрыт. Ему хотелось узнать все, что эта история сможет рассказать ему о Стеше.

Стеша тоже не могла уснуть. Ее мысли настойчиво возвращались к Сержу. Она раз за разом прокручивала в голове их немногочисленные встречи в юности. И теперь, получив приглашение на свидание, не ожидала от себя такого волнения. Да, Стеша стала уверенной и знающей себе цену девушкой, способной поддержать любой разговор, но в этот раз искренне испугалась.

Как пройдет их разговор? Узнает ли ее Серж? Как посмотрит на нее теперь? О чем они будут говорить после того, как она ему откроется?

Она знала, что вокруг Сержа постоянно вьются красивые девушки. Да, и он не прочь пообщаться с ними. И все же приняла предложение, потому что чувствовала его неподдельный интерес. И потому что сама ждала этой встречи, хотя она и вызывала тревогу. Как он отреагирует, узнав в ней девчонку из студенческой юности?

Глава 13. Предстоящая поездка

Встреча с Игнатом далась мне нелегко. Я сделала все, чтобы мы больше не пересекались. Наш поцелуй был ошибкой, но я о нем не сожалела.

После ухода гостей из нашего дома все изменилось. Хотя нет — все осталось прежним. Изменилась я, вновь пережив минуты своей прошлой, но такой настоящей жизни. И пусть на короткий миг, но я вновь стала Ярославой.

Я поняла, почему все еще жива. Не только ради мамы и надежды спасти ее. Если бы меня не стало, возможно, ее мучениям тоже пришел бы конец.

Я жива потому, что жива моя любовь.

Теперь она другая — не девичья, не воздушная, что воодушевляла и заставляла пылать. Эта любовь повзрослела вместе со мной. Она стала крепкой и глубокой, выдержав все утраты. Тонкой, но неразрывной нитью, связывающей меня с прошлым миром, в котором жила Ярославла. Любовь не позволила мне исчезнуть, стала единственной опорой.

Если раньше я боялась признаться себе в этом, то после прикосновений Игната и того поцелуя бабочки внутри ожили. Теперь я знаю: мои чувства к нему останутся со мной навсегда, хотя он об этом никогда и не узнает. Я люблю его — и это не изменится до моего последнего вздоха. Пусть для него Ярослава мертва, но мою любовь это не сломило.

В сказках поцелуй пробуждает спящую царевну, но наш поцелуй не смог воскресить меня. Меня сдерживали не только «сонные» чары, но и желание выяснить, кто их наложил. С подачи Алексы я решила узнать обо всех, кто причастен к моему заточению. Как провести собственное расследование, я пока не представляла, но понимала, что должна использовать любую возможность, чтобы докопаться до правды. Найти в себе решимость стало моим первым шагом к активной борьбе со Стасом и его поделниками.

Как бы мне ни хотелось мгновенно изменить свою жизнь, последовали однообразные будни. Мэри развлекала себя тем, что пыталась выведать у меня подробности встречи с Игнатом в библиотеке. Однажды утром, громко зевая, она спустилась к завтраку в ночном пеньюаре и устроилась за столом напротив меня. Вальзера не было дома, и она, чувствуя себя свободно, болтала без умолку. Ее любопытство вылилось в череду прямых вопросов.

— Ну же, Владочка, колись, как тебе удалось остаться наедине с этим красавчиком тогда в библиотеке? Специально его караулила?

Я едва не поперхнулась чаем и округлила глаза.

— С чего ты это взяла?

— Ой, да не отнекивайся, — закатила глаза Мэри. — Я слышала, как твоему папочке сообщила об этом охрана. Мне интересны все подробности. Что между вами было?

— Ничего! — спешно ответила я, стараясь скрыть волнение.

Я надеялась, что охранник не видел лишнего, — он заглянул только после того, как включили свет, а я к этому времени отстранилась от Игната.

— Мне ты можешь рассказать все. Я хотя и мачеха, но, можно сказать, твоя единственная подружка, — хитро сверкнули ее глаза. — Да, конечно. Особенно после того, как назвала меня ужасной девушкой и радовалась, что я не твоя родная дочь — ухмыльнулась я, припомнив ее слова.

Признаться, меня это совсем не задевало, но, вероятно, зацепило бы настоящую Владиславу. Мэри махнула рукой и кокетливо рассмеялась.

— Ты совершенно не так все поняла. Я хотела показать этой зазнайке Алексе, что на ее стороне, чтобы выведать у нее побольше информации.

— И что тебе удалось узнать? — спросила я скорее из вежливости, но Мэри явно была настроена посплетничать.

— Она много расспрашивала о тебе. Уверена, Алекса заметила, как искрит между тобой и ее женишком. — Мэри снова хихикнула.

— Между нами ничего нет, — отрезала я, зная, что Мэри не отвяжется.

Ей, лишенной собственных интриг и увлечений, так не хватало красок в жизни, что она готова была подстрекать меня к любым вымышленным сумасбродствам.

— Ага, конечно, — фыркнула мачеха. — Значит, не расскажешь?

— Мне нечего рассказывать, — покачала я головой.

— А зря, — заговорщически проговорила Мэри, подаваясь вперед. — Мы обменялись с Алексой контактами, так что могу вывести для тебя кое-какую полезную инфу про Игнатика. — Мэри не столько предлагала помощь, сколько торговалась.

Я бы, конечно, хотела узнать побольше об отношениях Алексы и Игната. Он назвал их брак фиктивным, и мне было интересно, считает ли его «невеста» так же, или она всерьез рассчитывает заполучить его. Алекса умела притворяться милой, и не все замечали ее фальшь. Я очень надеялась, что Игнат не попадет в ее ловушку.

Несколько дней я избегала разговоров с Мэри. Она заходила ко мне с разных сторон: то пыталась казаться милой подружкой, то предлагала «женский» совет, считая себя более опытной, то опускалась до шантажа, угрожая, что все расскажет Марку. Последнее меня лишь позабавило.

— И что ты расскажешь? Что мы случайно столкнулись в библиотеке, когда я не захотела слушать ваши сплетни?

— Не только. У меня богатая фантазия. — Она прищурила глаза, но ее уверенность в успехе была недолгой.

— Если ты что-то наплетешь про меня Марку, я сделаю то же самое и навру что-нибудь про тебя. Только расскажу про твои похождения не Марку, а сама знаешь кому, — намекнула я на Вальзера. Мэри прекрасно поняла, куда я клоню, ее глаза полыхнули злостью. — Как думаешь, кому из нас он поверит?

— Неблагодарная! — прошипела она и, резко развернувшись, ушла.

Мы больше не возвращались к этому разговору, и она не упоминала про Игната. Но явно затаила злобу. А когда Вальзер объявил, что на подписание документов в город моей прежней жизни мы отправимся без нее, разозлилась еще сильнее. Поездка планировалась лишь для меня. Отец отказался брать Мэри с собой.

— Посидишь дома, — резко ответил он на ее возмущение. — Здесь охрана, так будет надежнее.

— Почему тогда Влада едет? Это ведь ее хотели похитить, — попыталась спорить Мэри.

— Так надо, — холодно ответил Вальзер, и его взгляд заставил Мэри замолчать. Посмотрев на меня с ненавистью, она молча удалилась из гостиной, в которой мы сидели вечером.

У меня перехватило дыхание. Что будет, если я снова увижу Игната? Нет, нам нельзя больше встречаться — я этого не выдержу. Но возразить Вальзеру не могла.

После ужина мне пришлось позвонить Далевскому и сообщить, что вместе с Вальзером я поеду в свой город.

— Зачем он берет тебя с собой? — прозвучал его кислый голос.

— Я должна подписать документы.

— Какие? — допрос начался мгновенно. Далевский хотел контролировать ситуацию.

— Не знаю.

Он хмыкнул, не скрывая недоверия, и жестко добавил:

— Сообщишь, как узнаешь. А лучше сделай фотку. Хочу быть в курсе всего, что задумал твой папаша. — За спиной Вальзера он позволял себе грубый, даже пренебрежительный тон, а при нем пресмыкался и угождал, становясь еще противнее. — Как себя вести, знаешь. Без глупостей. Тебе прекрасно известно, кто будет отвечать за это.

Он вновь мерзко хмыкнул. Как же я устала от бесконечных угроз — и за прошедшие годы еще больше его возненавидела. Но сейчас лишь сжала зубы, чтобы не послать к черту. Промолчала ради мамы, чтобы ей не пришлось терпеть худшего.

— Я хочу увидеть маму, — решительно сказала я. — Ты обещал.

Стас замолчал, слышалось только хриплое дыхание. Как же мне хотелось схватить его за горло и задушить. Он явно думал, как отказать.

— Твоя мать заболела, — бросил он наконец.

— Что? Чем? — мой голос сорвался от волнения.

— Ничего серьезного.

— Я должна быть с ней! Должна увидеть ее! — почти закричала я дрожащим голосом.

— Не ори, дура! — рявкнул он в ответ. — Ладно, увидишь, чтобы успокоилась. Я же сказал, с ней все в порядке. У нее был доктор, назначил пару процедур и обследование. Мать твоя слишком много мне должна — будет жить, пока не рассчитается. — Он снова отвратительно захрюкал от смеха. — Марку скажу, чтобы привез тебя.

Я чуть было не поблагодарила его, но вовремя остановила себя. Как можно говорить спасибо человеку, разрушившему нашу жизнь. Разговор с ним всегда вызывал отвращение — к нему, к себе, к необходимости терпеть и молчать. Но сейчас я как никогда понимала, что должна действовать, что необходимо что-то предпринять.

Часть 2. Непростой выбор. Глава 14. Страшный сон

Я с волнением ожидала поездки в свой город. Вальзер ничего не говорил о том, какие документы мне предстоит подписать, да и, честно говоря, меня мало интересовало. Я думала только о встрече с мамой, которую не видела уже больше года. Слова Далевого не выходили у меня из головы. Что, если она действительно серьезно больна, а я, как всегда, ничем не могу ей помочь? Этот человек лишил нас нормальной жизни, и боюсь, что он заберет у меня последнее — маму. Без нее и Игната я останусь в этом мире совсем одна.

Мы вылетели в начале недели на частном самолете. Вальзер усилил охрану, и я обратила внимание, как тщательно проверяли пилотов и стюардесс. Он был хмур и за весь полет обронил от силы пару фраз. Марк летел с нами. Я пыталась выяснить у него детали поездки, но он ничего не знал, лишь покачал головой. Он нужен был, чтобы перевести крупную сумму по итогам сделки, но для кого и за что — оставалось тайной.

Небо над городом затянули тяжелые тучи, сверкали молнии. При посадке самолет бросало и трясло из-за усилившегося ветра. Я судорожно вцепилась в подлокотники, а Марк раздраженно пробормотал что-то нелестное в адрес пилотов, будто виноваты были они. Он был одет в спортивное. Едва ли не впервые сменил свой безупречный костюм на что-то поудобнее, видимо, относился к тем людям, которые предпочитают комфорт во всем.

Вальзер, казалось, ничего не замечал вокруг, и я подумала, что он, должно быть, не боится даже смерти. Когда самолет наконец приземлился, небо расколол оглушительный раскат грома и хлынул крупный косой дождь. Я чувствовала — впереди нас ждет что-то плохое. Мысли, что в поездке может что-нибудь произойти, не покидали меня.

— Ты так боишься грозы? — спросил Марк, глядя мне в глаза. — Белая как мел.

— Ничего, дочка, не бойся, мы еще поживем, — заметил Вальзер, услышав наш разговор.

Тут же небо пронзил новый раскат грома, словно возражая против того, что Вальзер называет меня дочерью. Я посмотрела в иллюминатор — в нем отражалось мое лицо. Нет, не мое. Лицо Влады. Она смотрела на меня и была мне не рада.

Вскоре мы добрались до гостиницы. Дождь не утихал, и мне казалось, что он нашептывает что-то важное, словно разговаривая со мной, то, чего я еще не понимаю.

— Что будешь делать? — спросил Марк, провожая меня.

Наши номера располагались по соседству. Предполагалось, что жених и невеста будут жить рядом. Он вошел со мной, внимательно осмотрел комнату, проверяя, нет ли посторонних.

— Голова разболелась, пойду отдохнуть, — ответила я, не в силах скрывать усталость.

На чайном столике посреди номера стояла ваза с шикарным букетом алых роз. Марк заметил их раньше меня.

— От него? — спросил он с легкой усмешкой.

— От кого? — не сразу поняла я. Мне показалось, что розы — просто комплимент от отеля. В конце концов, Вальзер выкупил целый этаж — почти все люксы в этой гостиницы.

— Елецкого. Ты сообщила ему, что приезжаешь?

— А должна была? — удивилась я, приподняв брови. — К чему вопросы? Ревнуешь?

— Не смейся, — он потер лоб, его глаза сверкнули за тонкой оправой дорогих очков. — Ладно, если захочешь с ним встретиться, можешь рассчитывать на меня. Прикрою.

Его слова меня удивили. Марк был со мной честен, ему незачем меня подставлять. Кажется, мы действительно смогли стать, если не парой, то хотя бы партнерами.

— Нет, не нужно, — я покачала головой. — От этого будет только хуже.

— Правда думаешь, что может быть еще хуже? — спросил Марк с ноткой грусти в голосе, но настаивать не стал.

Он ушел в бар, а я осталась одна — хотела отдохнуть перед завтрашним днем. Дождь не унимался, небо сверкало, раскаты грома становились тише, но я вздрагивала от каждого звука, словно в этом была моя вина.

Я пыталась заснуть, но сон, как и мысли, был тревожным. Засыпала ненадолго, часто просыпалась, перебирая в голове возможные сценарии завтрашнего дня. Мой пульс частил, будто я не отдыхала, а гналась за кем-то. Тревога и страх забрались в мои сны. Урывками видела маму, ее изможденное бледное лицо. Я пыталась приблизиться, бежала к ней — и вновь просыпалась, снова засыпала и оказывалась в том же месте своего тревожного сна. Я теряла маму, кричала, искала ее во тьме и, осознавая с ужасом, что ее нигде нет, бежала снова.

Но мрак рассеялся, и я нашла. Ее тело казалось тонким и иссохшим, в сером платье, похожем на больничную робу. Она сидела на краю кровати. Я подошла и села рядом и тут же поняла, что это не моя мама, а Виола. Она снова и снова спрашивала, где ее дочь, где Влада, проклинала, плакала, просила отвести ее к ней. Я повторяла, что я и есть Влада. Но Виола лишь раскачивалась из стороны в сторону, ровно так же, как бывало в больнице.

— Чего ты ходишь и ходишь ко мне? Ты не моя дочь. Я не жду тебя, мне нужна моя дочь. Что ты с ней сделала? — не переставая твердила она.

И вдруг появилась та, кого она так ждала.

Сердце застучало в горле. Я вцепилась ладонями в спинку кровати, и увидела, как у двери скользнула тень — тонкая, стремительная, словно кто-то впелся в темноту и растворился в ней. По позвоночнику пробежал холодок. Я не сразу осознала, что дышу слишком часто. И очень громко.

Затем — снова шум. Смех. Женский. Легкий, чуть слышный. Но в нем не было ни радости, ни печали — лишь что-то тревожное.

— Кто здесь? — прошептала я, но голос сорвался и утонул в тишине.

Она вышла из темноты. Девушка. В черном. Стройная, уверенная. Ее лицо освещал блеклый лунный свет, и я вдруг поняла, почему у меня трясутся руки.

— Влада? — выдохнула я, не веря самой себе.

Она остановилась у кровати и медленно опустилась рядом. Прямая спина. Взгляд — настороженный, но живой. Живой. Я смотрела на нее и видела новую себя! Влада разглядывала меня моими же глазами.

— Привет, Яра, — произнесла она с кривоватой полуулыбкой, от которой в груди резко похолодело. — Не ожидала? Думала, я погибла тогда, да?

Мир закружился. Я вцепилась в простыню.

— Не бойся. Ты — это ты, а я — это я.

— Но как? Где ты была все это время? Что с тобой произошло?

Она проигнорировала мой вопрос и молча села с другой стороны от матери, взяла ее руку в свою.

— Я пришла, мама, — сказала Влада уверенным, хриловатым голосом.

Виола тут же затихла, внимательно посмотрела на дочь и коснулась ее лица.

— Влада, милая моя девочка, я так ждала тебя. Я так скучала. — Она посмотрела на меня полными боли и безумия глазами и прохрипела. — Вот! Вот моя дочь. Не ты, а она моя дочь.

— Знаю, мама. Прости, что не могла прийти раньше, я была далеко.

— Я надеялась, что ты появишься в свой день рождения, хотела поздравить. Ты получила мой подарок?

Влада покачала головой и посмотрела на меня, словно точно знала, что это я получила его.

— Очень жаль, — вздохнула Виола.

На ее глазах выступили слезы, и она склонила голову, обнимая свою девочку. Сон становился все реалистичнее. Виола исчезла, а мы с Владой остались вдвоем. Она поднялась и про-

шла по комнате, осматривая свои владения, будто все, что здесь находилось, принадлежало ей. Остановилась у столика. Там стояли те самые алые розы.

— Красивые. Такие отец дарил маме. Он и мне обещал, если буду хорошей. — Она чуть склонилась, коснулась лепестков. — Он попросил поставить их в моей комнате. Можно, я их заберу?

Я молча кивнула. Не потому, что не могла сказать хоть слово — просто не было сил сопротивляться происходящему.

Она снова взглянула на меня — уже мягче, без осуждения или злости. И прежде, чем я смогла задать хоть один вопрос, произнесла:

— Я тебе потом все расскажу. Но сейчас нельзя. Меня не должны видеть рядом с тобой.

Влада взяла охапку цветов, развернулась — и растворилась в дверном проеме. Бесшумно.

Я открыла глаза. В номере было темно, но я разглядела цветы, которые все так же стояли на столике. Мне стало так жаль Владу, жаль ее оборванную жизнь. Она нужна своим родителям, которые даже не могут прийти к ней на могилу и оставить этот роскошный букет для нее... которого она так ждала. Я села на кровати, обхватила колени и тихо заплакала.

Заснуть больше не удалось — тревожные мысли не отпускали. Меня начало лихорадить, я с головой закуталась в одеяло, но дрожь не унималась. Мне казалось, что обжигающий холод проник в каждую клеточку моего тела. Дотянувшись до тумбочки, я взяла бутылку с минеральной водой и с жадностью начала пить. Но страх, тоска и боль не отпускали.

Рассвет медленно заливал комнату нежным светом, в нем все отчетливее проступали очертания цветов, присланных Вальзером. Я смотрела на них и чувствовала себя виноватой — будто оставила Владу совсем одну.

Утром в дверь постучался Марк. Он пришел, чтобы сопроводить меня на завтрак. Для Вальзера мы все еще пара и должны появляться вместе. Марк в светло-сером костюме и голубой рубашке выглядел безупречно. Я выбрала светлый летний сарафан и открытые босоножки с кожаными ремешками.

— Что с тобой? — Он внимательно посмотрел на меня сквозь тонкие стекла очков.

— Все в порядке, — пожала я плечами, опустив тревожный взгляд.

— Ты вообще спала? — Марк подошел ближе, легко коснулся моего подбородка и заставил посмотреть в глаза.

— Немного, — ответила я коротко, снова отводя взгляд. Не хотела рассказывать о том, что происходило ночью.

— Говори, в чем дело, — не отступал Марк. — Твое зареванное лицо может создать мне лишние проблемы.

И я решила ему все рассказать.

— Стас сказал, что у мамы проблемы со здоровьем, а я ничего не могу для нее сделать. Не могу помочь. Я просила его о встрече с ней. Он обещал. Сказал, что ты отвезешь меня.

— Да, только если это не вызовет подозрений у Вальзера. Сначала я должен выполнить его поручение.

Я кивнула, ощущая, как сильно хочу увидеть маму. Быть с ней в одном городе и не иметь возможности встретиться казалось невыносимым.

— Это все? — спросил Марк, взглянув на часы.

Пора было спускаться в ресторан. Помедлила, но все же кивнула, и он понял, что я что-то недоговариваю.

— Ладно, расскажешь потом. Нанеси побольше косметики, иначе твой отец может решить, что я тебя обидел.

Аккуратно скрыв темные круги под глазами тональным кремом, мы с Марком спустились вниз. Вальзер уже ждал нас.

Глава 15. Опасная сделка

В кабинете Игната собрались ключевые руководители нескольких отделов, начальник службы безопасности и финансовый директор. Обсуждали предстоящее подписание договора. Обстановка была напряженной. Игнат, окруженный командой сотрудников, внимательно выслушивал мнение каждого, но его лицо оставалось непроницаемым.

В отличие от Влады, Игнат прекрасно знал, какие документы готовятся на подпись. На кону стояли не только финансы, но и репутация компании, ответственность перед коллективом и собственной семьей. Антон, долгие годы возглавлявший место главы службы безопасности, пристально посмотрел на Игната, прежде чем снова заговорить:

— Игнат, подумай хорошенько, перед тем как подписывать документы. Возможно, финансисты со мной не согласятся, они рассчитывают на большую прибыль. Но ты должен понимать, с кем имеешь дело. Один неверный шаг — и нас просто выдают из проекта.

— Отнюдь, Антон Владимирович, финансовый отдел полностью на вашей стороне, — вступила в разговор Инесса Евгеньевна, известная как строгий и расчетливый руководитель. — Считаю слишком большим риском закладывать настолько крупную сумму в договор. Заморозка таких средств в проекте с непредсказуемым партнером создает для нас опасный прецедент. Вы должны учитывать, что деньги будут внесены одновременно каждой из сторон, и вы не сможете в случае необходимости вывести их в оборот. Они будут недоступны, а расход возможен только по целевому назначению. Но ведь может случиться и такое, что вторая сторона будет намеренно затягивать реализацию проекта.

— Понимаю ваши опасения, — Игнат обвел взглядом собравшихся, — Но сомневаюсь, что Вальзеру это на руку. Он вкладывается наравне со мной и рискует не меньше. Ему нужен результат, он заинтересован в том, чтобы проект был исполнен оперативно. Если это ускорит реализацию и повысит окупаемость, то логика Вальзера мне понятна.

— С вашими аргументами не поспоришь, — ответила Инесса Евгеньевна, поправляя очки, — но в таких условиях мы обязаны думать не только о потенциальных доходах, но и о подстраховке. Риск слишком велик, Игнат.

Юрист, хранивший молчание до этого, открыл папку с договором:

— Да, изначально мы рассматривали покупку земли под личное владение и планировали реализацию без участия Вальзера. Не понимаю необходимость партнерского соглашения. Порой надежнее действовать в одиночку.

— Это было предложение Вальзера, — честно ответил Игнат. — С его участием мы сможем реализовать более масштабный проект и быстрее достичь окупаемости. Верно, Инесса Евгеньевна?

— Верно, — подтвердила финансовый директор. — Но, повторю, в случае форс-мажора эта сделка может ослабить вашу позицию в бизнесе и даже обернуться банкротством компании.

Игнат не стал заявлять, что не боится последствий — это прозвучало бы по-мальчишески. Он повзрослел. Решение требовало не только зрелого подхода, но и уверенности в своих силах. Однако Игнат не собирался предпринимать такой важный шаг без совета отца. Вместе их капиталы давали стабильность каждому: опираясь друг на друга, они твердо стояли на ногах. Но в случае «шторма» одному без другого будет сложнее устоять.

Обговорив с отцом все условия и риски сделки, Игнат ожидал, что тот примет решение за него. Но Елецкий-старший, внимательно изучив документы и выслушав доводы, не стал вмешиваться в окончательный выбор сына.

— Я понимаю, что для тебя это не просто проект ради прибыли, — сказал он, пристально глядя на сына. — Если ты действительно уверен в своих желаниях и целях, действуй. Я поддержу твой выбор.

Игнат никому не рассказывал о том, что у него был личный интерес — обезопасить Владу. Зная, что она наследница крупного состояния и на нее уже совершалось покушение, он понимал: это может повториться. Об этом же, вероятно, думал и Вальзер.

Отец оставил решение за ним, и Игнат ощутил всю меру ответственности за собственное будущее. В глубине души он знал, что стремится к чему-то другому, чем финансовая выгода. За свою жизнь он терял куда больше, чем просто деньги, — тех, кого любил.

Он не мог вернуть Катюшу и Ярославу, но теперь у него был шанс защитить Владу и быть рядом с ней. Сделка для него означала шаг к тому, чтобы стать для нее надежной опорой. Упустить этот шанс Игнат не мог.

Более того, Игнат был в курсе проблем Вальзера с законом. Он полагал, что тот вкладывал средства в совместный бизнес для подстраховки, себя и дочери, если что-то пойдет не так. Было очевидно, что если с Вальзером что-то случится, найдутся охотники за его состоянием, и тогда Владислава пострадает. Однако вряд ли кто-то посягнет на деньги, зарезервированные на совместном счету, ведь немногие рискнут сунуть нос в дела Елецких. Игнат чувствовал, что Вальзер доверял ему не только как партнеру, а как человеку, способному защитить Владу в случае непредвиденных обстоятельств.

— Я осознаю риски, — твердо заявил Игнат, поставив точку в своем решении.

В назначенный день Вальзер появился в офисе Игната вместе с Владой и несколькими доверенными лицами для заключения сделки. Влада держала Марка под руку, со стороны их пара смотрелась гармонично. Но Игнат предполагал, что это всего лишь видимость. Он чувствовал, что девушку тянет к нему так же, как и его к ней.

Влада явно не ожидала увидеть его. Вальзер решил не посвящать дочь в детали сделки до последнего момента, чтобы у нее не было возможности отступить. Влада ни о чем не знала, и это читалось в ее тревожном взгляде. Она волновалась и, хотя находилась с Марком и отцом, казалась абсолютно беззащитной. Игнату хотелось ее обнять, но, понимая, что это невозможно, он был вынужден сдерживаться.

Встреча проходила в кабинете за круглым столом, где традиционно заключались самые важные сделки. Одним из требований договора было полное неразглашение его условий, поэтому присутствовали лишь непосредственные стороны и их юристы. Марка, несмотря на статус жениха, попросили подождать в лобби за чашечкой кофе.

Юристы сразу перешли к делу, раздав заранее подготовленные документы и озвучив ключевые пункты. Договор предусматривал партнерство в строительстве торгового центра, предполагая совместное владение бизнесом в будущем. Стороны вносили на общий счет равные суммы, вывод которых в одностороннем порядке был невозможен, только по обоюдному согласию. Руководителем проекта назначался Игнат Елецкий, а Владислава Вальзер официально закреплялась как партнер второй стороны.

Когда пришло время подписывать документы, Игнат уверенно завизировал каждую страницу и посмотрел на Владиславу. Та выглядела напряженной, будто не понимала, что от нее требуется. Держала ручку над листом бумаги, но подпись не ставила. Она была испугана и на секунду Игнату даже показалось, что он увидел слезы на ее глазах. И что она хочет сбежать.

Пауза затягивалась и Вальзер положил ей руку на плечо, подталкивая к действию.

Влада наконец опустила дрожащую руку на лист и аккуратно вывела свою фамилию. Но, подписывая следующую страницу, вдруг замерла. Было видно, что она запаниковала, а рука задрожала еще сильнее. Внезапно она резко перечеркнула свою подпись. Игнат подумал, что она намеренно испортила документ, чтобы сорвать подписание.

— Если ошиблись, ничего страшного, — поспешно заметил юрист, подавая запасной экземпляр.

Но Влада, не отрывая взгляда от своей фамилии, продолжала нервно и настойчиво зачеркивать подпись, будто не в силах остановиться. В следующий миг она резко обмякла и начала медленно сползать со стула, закатив глаза.

Игнат раньше остальных понял, что Влада теряет сознание. Даже раньше ее отца, который сидел рядом, уставившись на испорченный документ.

Игнат подскочил к ней и поймал ее на руки, удерживая безвольно свесившуюся голову. Лицо ее было бледным, словно неживым.

— Влада, — тихо позвал он, но ответа не последовало.

Легкий румянец исчез с ее лица, кожа стала болезненно бледной, губы приоткрылись, дыхание едва ощущалось.

— Воды! Скорее воды! — громко и решительно приказал Игнат, не понимая, что так напугало девушку.

Глава 16. Ошибка ценою в жизнь

Я не могла объяснить, как допустила такую ошибку. Тревожное предчувствие, ночные кошмары, новая встреча с Игнатом и условия сделки — все это нахлынуло разом, сдавило виски, и я потеряла контроль. Я не могла поставить подпись, зная, на какой риск идет Игнат, как мне казалось, из-за меня. Не могла его подвести, подвергнуть опасности. Договор должна была подписывать Владислава Вальзер, но в тот миг я снова ощутила себя Ярославой Черниковой. И именно эту фамилию я неосознанно вывела на очередном листе. От собственной ошибки меня охватил ужас. Голова закружилась еще сильнее, перед глазами поплыли черные круги. Перед тем как потерять сознание, я успела несколько раз перечеркнуть свою фамилию, чтобы никто ее не увидел.

Очнулась я быстро: холодное влажное полотенце обжигало лицо. Пришла в себя на мягком диване в приемной, где надо мной суестились несколько человек. Игнат сидел рядом, держа мою руку, и, заметив, что я открыла глаза, мягко мне улыбнулся. Я попыталась приподняться, но голова снова закружилась.

— Тебе нужно отдохнуть, Влада, не спеши, — заботливо сказал Игнат.

— Со мной все в порядке, — упрямо ответила я, делая усилие, чтобы сесть. — Просто стало душно.

— Понимаю почему, — тихо произнес Игнат, так, чтобы слышала только я. — Нам нужно поговорить.

Я молча кивнула. Игнат попросил всех выйти из приемной. Мне показалось странным, что Вальзера не было рядом.

— Где отец? — спросила я, чувствуя, как тревога разгорается с новой силой.

— Он испугался и пошел за охраной, решив срочно везти тебя в больницу. У нас есть пара минут, чтобы поговорить наедине. Мои люди сообщат ему, что ты пришла в сознание. И если чувствуешь себя лучше, можем завершить сделку.

— Нет! — вырвалось у меня. Я схватила его за рубашку, притянув к себе и ударила в грудь — один раз, второй, вложив в эти удары все свои эмоции, все свое несогласие и отчаяние.

Он был слишком упрямым, чтобы выслушать мои аргументы, и только так я могла выразить свой протест. Игнат крепко обнял меня, не давая отстраниться.

— Все хорошо, правда, все хорошо. — Его голос звучал успокаивающе. — Просто верь мне, малышка.

Я уткнулась ему в плечо и прошептала:

— Я не подпишу. Это слишком рискованно для тебя, ты можешь пострадать.

— Ничего не бойся, моя девочка. — Он погладил меня по голове, успокаивая. — Мне нужно одно — чтобы ты доверяла мне. Тогда я все смогу.

Я хотела его оттолкнуть, но только сильнее сжала в кулаке ткань рубашки.

— Ты не должен этого делать, — произнесла я дрожащим голосом. — Слишком огромная сумма, ты рискуешь всем. Не делай этого из-за меня.

— Это всего лишь деньги, — упрямо ответил он. — И мы рискуем одинаково с твоим отцом. Я не обижу тебя, но буду защищать.

В этот момент в приемную вошел Вальзер и застал нас врасплох, Игнат все еще обнимал меня. Взгляд отца сразу же стал колючим, брови нахмурились. Я отскочила от Игната и поднялась навстречу Вальзеру.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил он, не спуская с меня внимательного взгляда.

Он был всерьез обеспокоен состоянием дочери, и это читалось даже на его всегда бесстрастном лице. Он никогда не показывал своих эмоций, но теперь в его глазах можно было увидеть тень волнения.

— Лучше, — коротко ответила я.

— Илья Васильевич, Владе нужен покой, — вступил Игнат, поднимаясь на ноги. — Мы можем перенести подписание договора на завтра.

Вальзер не отводил от меня взгляда.

— Если Влада не может, я подпишу сам. Что скажешь, дочка? Справишься?

Выбор есть только у тех, кто свободен, а я знала — его у меня нет. Но мне хватило решимости ответить за себя, я уж точно не причиню вреда Игнату. В намерениях Вальзера я не была уверена до конца, и, значит, полностью доверять ему не могла.

— Справлюсь, — тихо сказала я.

Мы вернулись к столу. Испорченного документа там уже не было. Я не понимала, кто мог его забрать. Возможно, юрист избавился от него, и я надеялась, что зачеркнутую фамилию никто не разглядел. Игнат, похоже, ничего не заметил, а Вальзер вел себя как ни в чем не бывало.

После подписания Вальзер разрешил мне вернуться в отель с охраной. Марк остался с ним — видимо, для перевода средств для исполнения условий договора. Я не до конца понимала всех деталей, но страх за Игната не отпускал. Единственное, что я могла сделать для него, — стать гарантом со стороны Вальзера. Если потребуется, Игнат всегда сможет вывести свои средства с закрытого счета, обратившись ко мне.

Игнат пытался поговорить со мной после завершения сделки, хотел встретиться, но я отказалась. Сослалась на плохое самочувствие и желание отдохнуть. К тому же вечером мы улетали обратно в свой город. Ему пришлось принять мой отказ.

Человек, державший в руках испорченный документ, вглядывался в перечеркнутую фамилию. Свою подпись девушка успела несколько раз зачеркнуть так, чтобы ничего нельзя было разобрать. Но он догадался, что скрывается под чернилами. Аккуратно сложил лист и убрал его во внутренний карман пиджака. Пока Владу приводили в сознание, его действия остались незамеченными.

Глава 17. Я должна увидеть маму

После того как я покинула офис Игната и немного постояла на свежем воздухе, мне стало легче. Машина с охраной доставила меня в отель. Вальзер планировал поездку всего на два дня, так что вечером мы должны были вернуться домой. Я даже не знала, смогу ли увидеться с мамой, — все зависело от того, когда придет Марк. К счастью, Вальзер его не сильно задержал, и Марк появился в отеле уже после полудня. Он выполнил поручение и перевел крупную сумму на указанный счет. Марк устало плюхнулся на диван в моем номере и вытянул ноги.

— Ну и денек, — вздохнул он, снимая очки и потирая переносицу. — Впервые занимался переводом таких больших сумм.

— Зачем это Вальзеру? — поинтересовалась я мнением Марка.

— У меня есть несколько предположений, но тебе лучше о них не знать, — ответил он, понижая голос. — Главное, чтобы Вальзер так и не узнал, кто ты на самом деле, иначе он точно тебя убьет. Ты для него теперь живая ячейка его капитала, впрочем, как и для Елецкого.

Если честно, я боялась. Боялась за свою жизнь, за свое будущее. Я крепко сцепила пальцы, стараясь скрыть дрожь. Марк заметил это.

— Мы можем поехать к Стасу? Я должна увидеть маму, — попросила я, и в голосе прозвучала то ли мольба, то ли требование.

— Спрошу у твоего отца, если он захочет сейчас со мной говорить. Я не могу увезти тебя без его ведома, — ответил Марк после небольшой паузы. В его голосе звучало сомнение. Он явно опасался Вальзера и не собирался рисковать из-за меня.

— Вальзер здесь? — я удивилась, что он не зашел ко мне.

— Да, просил его не беспокоить.

— Тогда спрошу сама, — не желая ждать, я направилась к двери.

— Стой, он не велел... — окликнул Марк, но я уже вышла в коридор.

Номер Вальзера находился на этом же этаже. Перед дверью, как всегда, стояли телохранители. Не останавливаясь и не спрашивая у них разрешения, я обошла их и хотела постучать. Но один из охранников схватил меня за руку.

— Илья Васильевич велел, чтобы его не беспокоили, — сухо сказал он.

— Он не один? — спросила я, не понимая, почему меня не пускают.

Телохранители лишь повторили приказ, не вдаваясь в подробности. Надежда увидеть маму таяла, слезы подступали к горлу, но я не собиралась сдаваться.

— Мне нужно поговорить с отцом, — настаивала я.

Охранники обменялись взглядами.

— Мне нужно поговорить с отцом. Немедленно! — Я повысила голос, поэтому охранники снова переглянулись, теперь с явным недоумением. Они привыкли видеть меня тихой и послушной, проводящей все время в библиотеке, а тут услышали приказ. Но даже не сдвинулись с места.

Не сдаваясь, я сделала шаг вперед, но один из них преградил мне путь, выставив руку. Игнорируя его, я все же постучала в дверь.

Дверь открылась буквально через несколько секунд. За ней стоял Вальзер — и это был не тот человек, которого я привыкла называть отцом, не тот, что казался уставшим от своего криминального прошлого и ищущим спокойствия в семейном кругу. Передо мной стоял другой человек, о чьей жестокости слагали легенды. Верхняя пуговица рубашки была расстегнута, рукава закатаны, на руках вздулись вены. От него исходила страшная сила. Грудь тяжело вздымалась, он хрипло дышал через нос, зверь внутри него рычал и скалился.

— В чем дело? Я же сказал не мешать мне, — рявкнул он.

Охранники вытянулись по стойке смирно, а я неуверенно шагнула к нему.

— Извини, — проговорила я, волнуясь. — Это я стучала. Просто хотела спросить...

Вальзер посмотрел на меня — взгляд был тяжелым и прожигающим, в нем читалась смесь любви и ярости. Я ему явно помешала. Но он все же кивнул, пропуская внутрь.

Его номер состоял из нескольких комнат, но мы остались у входа. Дверь в гостиную была приоткрыта, и я мельком увидела ярко одетую женщину, сидевшую на кушетке. Наши взгляды пересеклись, и мне стало не по себе. Она подняла руку, словно хотела подать мне какой-то знак, но не успела, Вальзер плотно закрыл дверь. Я не желала знать подробностей, с кем Вальзер проводит время, и так узнала лишнее.

— Как ты себя чувствуешь? — Его голос был резким, а взгляд пристальным.

— Гораздо лучше, спасибо, — ответила я, опасаясь, что он откажет, сославшись на мое состояние.

— Если надо, покажись врачам, — настаивал Вальзер.

— Папа, спасибо, со мной правда все хорошо. Просто было душно, — я попыталась уйти от темы.

— Что ты хотела? Спрашивай. — В голосе зазвучала сталь, он явно не желал затягивать разговор.

Я понимала, что мешаю, и должна уйти как можно скорее.

— Если до отъезда есть время, я могу прогуляться по городу с Марком? — умоляюще взглянула я на него.

Вальзер бросил на меня суровый взгляд. Он не хотел отпускать.

— Дядя Марка приглашает нас, видимо, чтобы поговорить о свадебном подарке, — добавила я, используя имя Стаса как аргумент.

— Ладно, идите. Только передай ему кое-что. Я и сам собирался заехать, да не успею, — сказал Вальзер и на минуту вышел из комнаты. Он принес какую-то папку и вручил ее. — Пусть Марк это ему передаст. Я скажу охране, чтобы присмотрели за вами.

— Без охраны, — вырвалось у меня. Это было важно. — Я устала от постоянного надзора, с ними мне не по себе. Хочу отвлечься, забыть, что произошло. Пожалуйста.

Вальзер сцепил руки за спиной, потом кивнул.

— Пусть будет по-твоему. Но предупреди Марка, что он отвечает за тебя головой.

— Спасибо! — Я была так рада, что, позабывшись, порывисто шагнула к нему и слегка обняла.

Вальзер замер, а затем тихо произнес:

— Уходи.

Я выскочила из его номера и побежала к себе. У дверей меня поджидал ошеломленный Марк.

— Ты в своем уме? — недовольно спросил он.

— Вальзер позволил нам уйти, — радостно пропела я, затаскивая его в номер. — Просил передать, что ты отвечаешь за меня головой. А значит, должен меня слушать!

— А охрана?

— Ее не будет! Он дал нам свободу.

Марк недоверчиво хмыкнул, но посмотрел на меня с интересом. Он привык видеть только страх на моем лице, а сейчас я искренне радовалась, несмотря на тревогу внутри.

— Позвони Стасу и скажи, что мы скоро приедем. Я должна увидеть маму!

Марк неохотно исполнил просьбу, и Стасу пришлось согласиться на встречу. Перед выходом я подошла к букету роз, стоящему в вазе. Администратор подтвердила, что его заказал Вальзер. Я вдохнула аромат, вспомнив сон, Владиславу и ее несчастную мать. Рисунок Виолы все еще лежал в моей сумочке — я не смогла его выбросить. У меня не было продуманного плана, но решила довериться чувствам. Влада мечтала получить цветы от отца, значит, она их получит. Я забрала розы с собой.

— Мы могли бы купить другие цветы твоей маме, — заметил Марк, пока мы спускались в лифте. — Я не так уж беден.

— Эти не для мамы, — ответила я, не вдаваясь в подробности.

— Тогда для кого?

— Расскажу по пути.

— Такое чувство, что ты втягиваешь меня в крупные неприятности, — нахмурился Марк.

— Не волнуйся, — ответила я как можно спокойнее. — Ты сам утром сказал, что хуже уже не будет.

Мы сели в машину, и я указала дорогу. Я хорошо помнила улицы этого города. Всю дорогу Марк нервно поглядывал в зеркало заднего вида, проверяя, нет ли хвоста. Кажется, за нами и правда никто не следил.

Из новостей я знала, на каком кладбище похоронена Владислава. Мы с мамой бывали там, навещая бабушку Галю. Марк понял, куда я направляюсь, только когда мы подъехали к воротам.

— Что тебе здесь нужно? — спросил он, снова настороженно оглядываясь.

— Хочу найти могилу Владиславы, — объяснила я.

Марка охватила паника. Он подскочил как ужаленный, даже очки чуть съехали набок, и небрежно поправил их, всем видом показывая, что готов немедленно уехать. Но я уже открыла дверь, чтобы выйти.

— Ты сошла с ума? Зачем тебе это? — разозлился он.

— Влада должна получить эти цветы от отца и подарок от матери. У нее был день рождения, а она осталась одна.

Марк уставился на меня как на ненормальную. Я лишь пожала плечами и вышла из машины. Конечно, мой поступок выглядел странно. Я даже не знала точно, где искать могилу, и собиралась обратиться за помощью в администрацию.

— Вернись в машину, — сказал парень, тяжело вздохнув через открытое окно. — Я знаю, где ее могила. Так будет быстрее.

Марк не обманул: заехав на территорию кладбища и сделав несколько поворотов, он привез меня к нужному месту.

Глава 18. На кладбище

Мы подошли к могилам. Было жутко видеть свое лицо, высеченное на граните. На памятнике меня изобразили во весь рост: я улыбалась и с вдохновением смотрела вдаль, мои глаза были полны жизни и света.

Но той прежней, легкой, воздушной Яры больше не существовало. Я смотрела на себя как в зловещее зеркало, где отражалась та, кого уже больше никогда не встретишь, та, что ушла навсегда.

Молча провела рукой по фотографии, высеченной на холодном камне. Мои губы, глаза, волосы — это все что осталось от прежней Яры. Почему? За что? В чем моя вина? Вопросы без ответов терзали душу.

Но новая Яра жаждала жизни. В этот момент я четко осознала, что должна выстоять. Смогу. Не позволю чудовищу Стасу поглотить мою душу, даже если он завладел телом и использует меня в своих грязных играх. Душа — моя. И я клянусь, что спасу ее. Я не плакала — испытания закалили меня, сделали жестче. Лишь смотрела на себя прежнюю, пытаюсь запомнить каждую черту.

Марк подошел ко мне и слегка обнял за плечи.

— Яра, — глухо проговорил он. — Поплачь.

Я лишь покачала головой и положила бархатные розы к подножию памятника.

— Влада, это тебе от отца, — сказала я тихо. — Он хотел бы поздравить тебя с днем рождения, но не знает, что тебя нет. Прости, что получила их вместо тебя.

Я взяла из букета четыре розы и положила на могилу Оксаны. На памятнике — было изображено лицо моей мамы. Воспоминания всколыхнули боль: события того дня все еще отзывались холодом в душе, сжигая ее ледяным огнем.

— Как Влада оказалась в маминой машине? — спросила я, не глядя на Марка.

Он стоял чуть в стороне от меня, периодически нервно оглядываясь. Ему явно было некомфортно находиться здесь, и он заметно волновался.

— Она пыталась сбежать. Не хотела, чтобы Стас вернул ее Вальзеру, — ответил Марк, стиснув зубы. Его взгляд был потуплен, но в нем читалась боль, которой он не хотел делиться.

— Влада что-то значила для тебя? — спросила я, понимая, что это, возможно, наш первый по-настоящему откровенный разговор.

Марк коротко кивнул, избегая моего взгляда.

— Она доверилась мне, — сказал он тихо. — Я обещал, что у нее будет выбор, что она сможет решить, возвращаться к отцу или нет. Солгал. Знал, что это билет в один конец. Стас бы ее не отпустил, поэтому она попыталась сбежать.

Я молча погладила его по плечу. Мы стояли рядом, каждый в своих мыслях. Спустя несколько минут Марк нарушил тишину и рассказал все, что знал о настоящей Владе: об искроверканной жизни после того, как они с Виолой сбежали, о преследовании поделщиков Вальзера, считавших, что Виола прячет деньги мужа.

Оказалось, наши истории удивительно похожи. Им тоже помогла соседка, укрыла у себя, дала денег на первое время. Но потом Виоле пришлось бороться за выживание в одиночку. Они переехали, снимали комнату, женщина нашла работу в магазине одежды и некоторое время они жили обычной жизнью. Поначалу все шло спокойно, пока управляющий не решил, что за одинокую мать некому заступиться, и не начал приставать, может, та вовсе и не будет против. Когда Виола отвергла домогателя, он обвинил ее в краже, потребовав возместить убытки, иначе напишет заявление в полицию. Виоле пришлось заложить последнее — серьги и золотые часы, подаренные Вальзером. Она возместила лишь половину, директор согласился, но с

работы выгнал. Они с Владой остались без средств. Скитались по ночлежкам, Виола бралась за любую работу, чтобы как-то позаботиться о дочери.

Школа стала для Влады испытанием: начались проблемы сначала с успеваемостью, а позже и в отношениях со сверстниками. Дети, заметив, что она из бедной семьи, стали насмехаться над девочкой, устроив травлю. Но она не давала себя в обиду. Однажды устроила драку. Виолу вызвали к директору, и та вступилась за дочь. Назвала школьную дисциплину показухой, сказала, что сильные обижают слабых, а учителя их покрывают. Скандал закончился тем, что личное дело Влады передали на контроль в социальную службу. Проблем у Виолы становилось только больше, и выхода не было видно. Они снова переезжали, меняли школы, но трудности следовали за ними по пятам.

Влада рано научилась быть жесткой, а от горечи и постоянной борьбы Виола начала пить. Вскоре ее психика пошатнулась, и дочь оказалась в интернате. Девушка любила мать и жалела ее, но не могла смириться с тем, что мама сломалась. Внутри Влады рос подростковый протест, и иного пути, кроме драк, хулиганства и мелких краж, она для себя не видела. И даже получила год тюрьмы за воровство. Так она попала в криминальный мир, от которого мать хотела ее уберечь, но не смогла. Все закончилось тем, что Марк и его люди нашли Владу и привезли к Стасу.

Закончив рассказ, Марк от волнения расстегнул верхние пуговицы рубашки. На груди показалась татуировка: змея, похожая на ту, что была выбита на моей шее. Змея оплетала кинжал, вонзившийся в алую кровоточащую розу. Чувствовалось, что Влада была Марку не безразлична, несмотря на мимолетность их встречи. Даже после одной проведенной вместе ночи он испытывал к ней нечто большее, чем просто симпатию, считая ее своей родственной душой, и, возможно, даже тосковал по ней.

— Мы с Владой очень похожи, — сдавленно произнес он. — Наше детство — одиночество и детдом. Она доверилась мне и открылась. Я понял, почему она хотела сбросить старую кожу, начать новую жизнь. Я тоже хлебнул такого же дерьма, как она. Только отец нашел меня раньше. Впрочем, тебе не надо всего этого знать. — Он грустно посмотрел на меня. — Я не хотел быть частью этой грязи, не хотел быть причастным к ее гибели, — прошептал парень, глядя в сторону. — Как думаешь, мы еще можем что-то исправить?

— Не можем, а должны, — ответила я твердо. — У нас нет другого шанса выжить.

Марк посмотрел на меня, поджав губы, но вместо привычной усмешки на его лице мелькнула легкая улыбка.

— У тебя есть план?

Я покачала головой. Плана не было — только решимость действовать.

— Я помогу тебе, — произнес он.

Я удивленно кивнула и в знак благодарности легонько сжала его ладонь. Не ожидала, что он может стать моим союзником. Мы разделили правду на двоих.

Попрощавшись с Оксаной и Владой, я оставила рисунок Виолы аккуратно положив его между роз. Легкий ветерок, слетевший с макушек деревьев, коснулся моей руки, и я почувствовала невесомое прикосновение, словно Влада благодарила нас.

Впереди меня ждала встреча с мамой.

Глава 19. Встреча с мамой в логове врага

Мы подъехали к дому Стаса в частном секторе Андреевки. Дурная слава этого места не исчезла со временем. Былая роскошь местных бандитов уходила в прошлое — многие не нашли себя в новом мире, оказались в тюрьмах, спились или ушли в мир иной. Некогда богатые дома превратились в заброшенные и стали пристанищем для бездомных и прочих темных личностей. В этой части города оставалось лишь несколько улиц, не утративших ухоженный вид. Они выделялись среди царившего вокруг запустения и от этого выглядели еще более жуткими. На одной из них возвышался особняк Стаса. Он выкупил, а скорее отжал, несколько соседних участков и построил себе настоящий дворец: высокий дом с арочными окнами, мраморной облицовкой и пышной лепниной под золото. Здание всем своим видом пыталось подражать старинным усадьбам, подчеркивая величие хозяина.

Я не понимала, почему Стас не уехал отсюда — средств хватило бы на куда более престижный район. Но, видимо, здесь он чувствовал себя выше всех: уверенным властным, хитрым. А может, вдали от чужих глаз, ему было удобнее проворачивать свои грязные делишки.

Каждый раз, оказываясь в этом месте, мне становилось плохо, я ощущала физическую боль — словно меня выворачивало наизнанку, были невидимые шрамы. Хотелось сорвать с себя чужое лицо, но оно было намертво пришито ко мне. Роскошь дома лишь усиливала ужас. Я знала: за стенами особняка обитали не люди, а твари, вселившиеся в человеческие обличья и расставляющие сети для своих жертв. Я до сих пор их боялась. При мысли о них холодный, липкий страх расплзался по телу. Мы с мамой, словно подхваченные течением, все глубже погружались в водоворот, полностью контролируемый Стасом, против которого мы были абсолютно бессильны.

Здесь передо мной оживали картины прошлого: лицо отца-монстра, его нападение, авария, горящие машины, моя беспомощность и раздирающий душу крик в надежде, что кто-то услышит меня и поможет. В этом логове нелюдя томилась моя мама. Ее судьба была куда страшней моей, и я ничего не могла изменить. Мама, мамочка... Каждую минуту я скучала по ней.

Перестав винить ее за ошибки прошлого, научилась жалеть и поддерживать в те редкие телефонные разговоры и встречи, что позволял Стас. Она сполна заплатила за свои грехи. И было бы неправильно до сих пор корить ее за прошлое.

Переступая порог дома, я боялась увидеть маму слабой, сломленной болезнью. Стас не вышел нас встречать, чему я была только рада. Незнакомая девушка проводила меня в мамину комнату, где она стояла у окна, опираясь рукой о стену в простом, но элегантном платье. Я знала, что она с нетерпением ждала меня. Когда наши взгляды встретились, ее лицо озарила болезненная улыбка, и она протянула руку ко мне. Я бросилась к ней, обняла и крепко прижала к себе изо всех сил.

— Мамочка, ты заболела? Что с тобой? — спросила я, вглядываясь в ее лицо.

Мама и правда выглядела бледной и еще сильнее похудела. Больше всего меня встревожили ее глаза. Взгляд, когда-то живой, померк. Лицо осунулось, но все еще сохраняло красоту и привлекательность.

— Ярочка, доченька, — так меня называла только мама. — Все хорошо, не тревожься. Мне надо пройти обследование, симптомы неясные, я думаю, это нервное. Подлечат — и станет легче, я справлюсь. Лучше расскажи, как ты? — прошептала она, не отпуская меня и ласково поглаживая по голове.

Я заметила, что ей тяжело стоять, усадила на диван. Села рядом, как в прежние времена, и мы тихо разговаривали. Она гладила меня по волосам и улыбалась, а я старалась скрыть все свои страхи и тревоги, зная, что ей и без того непросто. Хотелось, чтобы рядом со мной

она почувствовала хоть немного покоя, забыла про беды. Я старалась вспомнить хоть какие-нибудь радостные моменты в нашей жизни. Мне нужно было выговориться. Слишком много накопилось чувств, событий, а поделиться ими, кроме мамы, было не с кем. Так, сама того не желая, рассказала маме обо всем, что со мной происходило.

— Мам, я встретила Игната, — прошептала я так, чтобы никто не услышал.

Мама насторожилась, ее взгляд стал обеспокоенным. Она явно этого не ожидала. Мы не успели обсудить тогда, в прошлой жизни, то, что происходило между мной и Игнатом, но она догадывалась о моих чувствах. Поняла, как много для меня значила встреча с ним.

— Девочка моя, — прошептала она, снова погладив меня. — Мне так жаль. Ты его любила?

— Любила, — не стала отрицать я, — и люблю.

— Яра... — печально вздохнула она.

Она разделяла мою участь. Мама тосковала по Косте, по той красивой истории, что была между ними. Я точно знала, она любила Елецкого-старшего больше жизни.

— Понимаю, что должна его забыть, — искренне призналась я, — но ничего не могу с собой поделать. Прошное не отпускает. Игнат тоже тянется ко мне, как бы я ни пыталась оттолкнуть его. Прости, мамочка, я не хотела.

Пока мы были наедине, я рассказала ей все, что произошло между мной и Игнатом, даже о поцелуе в библиотеке. Она слушала внимательно, а потом, взяв мою руку, произнесла:

— Яра, борись за себя. Ты сильная, моя девочка. Не повторяй моих ошибок. Ложь и молчание всегда ведут к наказанию. — Она крепко сжала мне руку. — Прошу тебя, родная, не думай обо мне. Я буду счастлива, зная, что ты в безопасности. Игнат — хороший парень. Уверена, он любит тебя до сих пор и поможет. Стас никогда не оставит нас в покое. Если с Вальзером что-то случится, он избавится от нас, мы ему больше не будем нужны, превратимся лишь в лишних свидетелей его преступлений. Поэтому пообещай, как только ты поймешь, что сможешь открыться Игнату, сделай это. Спаси себя, не думай обо мне.

— Нет, — я покачала головой, — мы будем бороться вместе!

Я пыталась сдержать слезы, не хотела плакать при маме, но они хлынули градом. Мама, нежно обнимая, успокаивала меня, а я хотела быть сильной ради нее, чтобы моя сила передавалась ей. Но вышло наоборот. Ее слова дали стойкость и уверенность мне.

— Все будет хорошо, не плачь, моя девочка, ты справишься, — шептала мама, утирая мои слезы.

— Мы справимся, — вторила я, веря ей.

Остальное время мы просто сидели, взявшись за руки, как в детстве. Мама смотрела на меня с такой любовью, что мне стало тепло и спокойно. Глаза начали закрываться, и я ненадолго задремала — всего несколько минут, но этот сон наполнил меня решимостью.

Вскоре в дверь постучали. Время встречи истекло. Прощаясь, я заметила в мамином взгляде твердость и уверенность — как в те моменты, когда она принимала важные решения. Расставаться было невыносимо тяжело, я крепко обняла ее и прошептала:

— Мамочка, спасибо за все. Ты много раз меня спасала, и я никогда не отступлю. Обещаю, теперь я спасу тебя.

Она старалась держаться, но в этот момент слезы выступили и у нее на глазах. Мы обнялись в последний раз, прежде чем нас снова разлучили.

Хотелось бежать из этого дома немедленно, но Марк сообщил, что нас желает увидеть Стас. Он сжал мое плечо, умоляя держаться всеми силами ради наших дальнейших планов. Я глубоко вдохнула, и мы отправились к Далевскому.

Кабинет был обставлен с претензией на роскошь: стены обтянуты изумрудным бархатом, с потолка свисала массивная хрустальная люстра, окна скрывали тяжелые, плотные портьеры, массивная дубовая мебель, коллекция старинного оружия на стене, широкий письменный стол

и камин. Обстановка скорее подошла бы какому-нибудь графу или князю, а не безродному бандиту, чье место за решеткой.

— Ну что, птичка, — встретил нас Стас, широко раскинув свои «грязные» руки, будто увидев давнюю подругу. — Принесла документы на красивом хвосте?

Я молча протянула ему папку в надежде, что он займется ею после нашего ухода. Стас, сально улыбаясь, начал расспрашивать о сделке с Игнатом. Он хотел знать, какой договор я подписала. Про Игната я решила не умалчивать, но соврала о деталях. Сказала, что Вальзер продавал землю, оформленную на меня, поэтому мое присутствие было необходимо. Но обмануть Стаса было нелегко. Он засыпал меня вопросами: о сумме, способе оплаты, что еще собирается продать Вальзер. Я отвечала по заготовленной с Марком легенде, уклоняясь от подробностей. Едва не сбилась, когда разговор зашел о деньгах, но, быстро сообразив, назвала сумму на порядок меньше реальной. Получилось правдоподобно. Стас, удовлетворенный информацией, наконец, оставил меня в покое.

— Любопытно. Хорошая девочка, — ухмыльнулся он. — Надо подумать, как это можно выгодно использовать!

Потом переключился на Марка:

— А ты зачем ему понадобился?

— Он хотел убедиться, что средства поступили на счет. Все прошло гладко.

Стас отпустил нас не сразу, решив проверить переданные документы. Он стал листать страницы, и вдруг его лицо исказилось гневом.

— Что это? — заорал он. — Ты что мне подсунула, стерва? — Он размахивал листами, лицо потемнело от ярости.

— Вальзер просил передать брачный договор, — ответила я, стараясь сохранять спокойствие.

— Милая моя, брачный договор — это хорошо, — ехидно произнес он. — А где документы по сделке? Ты что, душой прикидываешься? Решила меня провести? Не выйдет! Я тебя насквозь вижу, — зарычал он, готовый накинуться на меня в любой момент.

Я молчала, не собираясь оправдываться. За меня вступился Марк:

— Стас, очнись. Как она могла взять документы или сделать копии, если там были и юристы, и сам Вальзер?

Марк взглянул на часы и спокойно сказал, что нам пора — Вальзер ожидает нас для вылета. Стас все еще не мог успокоиться, сыпал угрозами, а потом резко махнул рукой, приказывая уйти, словно мы были пылью, от которой нужно избавиться. Прежде чем выйти, я набралась смелости и твердо сказала:

— Маме нужно лечение. Это мое условие.

— Ты, соплячка, еще и условия ставишь? — зашипел он, но я не отступила.

— Если с ней что-нибудь случится, я не пожалею себя и все расскажу Вальзеру.

Этот гад изменился в лице, став еще злее, но все равно в его бегающих глазах чувствовался испуг.

— Ладно, подлечу, — мерзко хмыкнул он, — ради нашей «долгой дружбы». И смотри, чтобы твой папочка не оказался раньше срока на том свете, иначе я с тобой по-другому заговорю. А теперь проваливайтесь! — он раздраженно указал нам на дверь.

В кабинете Стаса я едва могла дышать. Только покинув логово зверя, почувствовала, как спадает давящая тяжесть, и смогла вздохнуть полной грудью.

Всю дорогу до отеля мы с Марком ехали молча, погруженные каждый в свои мысли. Там нас ждала новость — вылет откладывался, а Вальзер куда-то отлучился. У охранников я спросила, ушел ли он с той женщиной, что была у него в номере. Отвечать им было запрещено, но взглядами мне дали понять, что мое предположение верно.

Глава 20. Решение бороться до конца

Елена стояла у окна, провожая взглядом дочь, и мысленно перебирала свои ошибки, одну за другой. Их было много, слишком много, и каждая — как незаживающий шрам: замужество за монстром, работа на Стаса, разрыв с мужчиной из-за ее обмана, единственным кто ее действительно любил. И последняя оказалась самой роковой, она изменила все. Из-за нее рухнули жизни ее самой, дочери и невинных людей. Стас не упускал случая возложить на нее вину за смерть настоящей Владиславы и подруги Оксаны, словно смывая таким образом собственные грехи.

Елена знала, ее главная ошибка была в том, что она не доверилась тому, кого действительно любила. И расплата оказалась суровой — она лишилась прежней жизни, свободы, себя. Болезнь окутала ее изнутри, словно тело больше не желало сопротивляться страданиям. Местный врач, осматривавший девушек, предупреждал: исцеление возможно, только если она решит сопротивляться сложившимся обстоятельствам.

Женщина долго молилась, но понимала теперь — ее молитвы должны быть не только о чудесном спасении дочери и самой себя, но и о том, чтобы появились силы перестать терпеть унижения и начать действовать. И прежде всего ради Ярославы, ради ее жизни. После встречи с дочерью она наконец решила: хватит. Она будет биться до последнего вздоха. Целью Елены стал Стас. Она стала обдумывать план, внимательно прислушиваясь, подмечая каждое его движение, любой взгляд, малейшую слабость. Как могла изучала людей, с которыми он имел дело. Стала его незримой тенью. Ждала подходящего случая.

Однажды ей удалось подслушать разговор Стаса с главным помощником. Этот мерзкий тип, в котором жестокость соперничала с подлостью, занимался самыми грязными делами Далевского, выполняя любые приказы, в том числе наказывал ослушавшихся девочек — избивал их, с жестокостью хлестал ремнем. Это были ужасные сцены расправы с жертвами. Елене самой довелось испытать его методы. Стас и его помощник не убивали, но измывались над своими жертвами. Им нужны были не просто покорные, а сломленные, лишенные воли рабыни.

В тот день Далевский велел ей явиться на «разговор». Он хотел наказать ее за проступок одной из девушек, работой которой остался недоволен клиент. Подойдя к его кабинету, она заметила, что дверь приоткрыта. Сердце застучало от острой решимости, с которой Лена теперь жила. Она больше не боялась Стаса — ненависть к нему стала сильнее любого страха. Елена, услышав голоса, замерла, прислушиваясь.

— Теперь они все будут играть по моим правилам, — раздался мерзкий, до боли знакомый голос Стаса. — Они думают, кто я? Лох какой-то? Нет уж, я покажу, что такое настоящая власть, — он сжал кулак и потряс им в воздухе. — Вальзер поплатится больше остальных. Захочу, — и он будет мне служить. Опущу его, как он мен... — Стас осекся, едва не выдав себя, а потом продолжил: — Все его состояние, недвижимость, денежки будут моими. Да что там, его золотце-дочурка всегда будет под моим контролем, работать на меня, зря, что ли, я столько бабок в ее пластику вбухал... — Его хриплый смех резанул по ушам. Елена до скрежета сжала зубы. Она так и знала, Стас никогда их не отпустит.

— Ты уверен в своих покровителях? — спросил его помощник с долей сомнения.

— Главное, чтобы они были уверены во мне, — отрезал Стас. — Пусть пока думают, что я им должен кланяться. Пусть наслаждаются этой мыслью. Но скоро я их поставлю на место, заставлю грязь жрать у меня под ногами... Они считают меня идиотом, шестеркой, но только я — единственный из нашей братвы, кого не грохнули в девяностые и не посадили в нулевые. Потому что я сумел их всех обыграть, столкнуть лбами и вовремя затаиться, уйдя в тень. Пусть и теперь они все перегрызутся твари... Рим пал, и Елецкий падет. Даже смешно, что жизнь вновь нас сводит. Не смог распотрошить его тогда, смогу сейчас. Кстати, где Ленка? Я велел

ей быть здесь! — прервался Стас и перевел взгляд сначала на часы, а потом на своего верного пса. — Приведи ее сюда!

Мужчина тут же поднялся и направился к двери. Елена быстро отступила на несколько шагов, делая вид, что она лишь сейчас приближается к кабинету.

Стас встретил ее гневной тирадой — отчитывал, угрожал, даже занес руку, будто собирался ударить. Елена была наставницей для новых девочек, одна из них провалила задание и была наказана. Но Стас посчитал, что виновата и Елена — плохо обучила. Она молчала. Его слова почти не доходили до ее сознания — в голове гулко звучала одна мысль: Косте грозит опасность! Она должна выяснить, кого упоминал Стас, кто его покровители и что задумал этот подлец.

Теперь она должна спасти не только Ярославу, но и Костю. Свою вину перед ним она уже никогда не искупит, но хотя бы сможет уберечь от нового удара. Костя и так уже пережил слишком много. Когда Стас закончил орать и немного успокоился, он наконец обратил внимание на ее болезненный вид.

— Ладно, на сегодня с тебя хватит, — пробурчал он, заметив ее состояние. — Как сама-то? Больно плохо выглядишь, — усмехнулся он с небрежным презрением.

— Справляюсь, — сдержанно ответила Елена, выпрямившись.

Она старалась держать голову перед ним высоко, но в груди нестерпимо жгло.

— Вот и справляйся дальше! — грубо бросил Стас. — Скоро поедешь к врачу, обещал твоей милой дочурке подлечить тебя. Так что не вздумай сдохнуть раньше времени, держи слово. — Он глумливо рассмеялся, словно сказал что-то действительно смешное, и жестом приказал Елене уйти.

Перед тем как выйти, она медленно обвела взглядом кабинет, стараясь запомнить каждый предмет, любую мелочь, которая могла бы однажды ей пригодиться.

Глава 21. Встреча подруг

Я так устала за прошедший день, что, коснувшись подушки, сразу провалилась в сон. Но проснулась рано — в голове роилось слишком много мыслей, которые следовало разложить по полочкам.

Первое — Игнат. Мы теперь связаны партнерскими отношениями. Он потеряет все вложенные в совместный проект средства, если со мной что-то случится. Я стала его риском и одновременно гарантом сделки. Нельзя допустить, чтобы Стас об этом узнал.

Второе — мама. Я переживала за ее здоровье и твердо решила просить у Стаса возможности чаще с ней созваниваться, а может и встречаться. Ради нее я должна продолжать искать путь к освобождению.

Мы с Марком завтракали, когда раздался телефонный звонок Мэри. Она хотела узнать, почему мы не вернулись в назначенный день. Я предложила ей спросить у Вальзера.

— Он не отвечает на мои звонки, — пожаловалась мачеха — Ты не знаешь, где он?

— Нет, — коротко ответила я, не став делиться догадками.

— Может, он там с кем-то развлекается? — прозвучал наводящий вопрос. Она явно почувствовала неладное.

— Откуда мне знать? — сдержанно ответила я вопросом на вопрос.

— Ладно, подожду, — протянула она. Мэри была не из тех, кто любит заикливаться на чем-то, и редко обременяла себя излишними подозрениями. — Чем занимаешься? Своим красавцем наслаждаешься? — она явно намекала на Игната.

Но Марк, слышавший разговор, принял вопрос на свой счет.

— Да. Мы с Марком чудесно провели вечер. И сейчас вместе.

— Поняла, голубки, — усмехнулась Мэри. Наверное, решила, что мы еще в постели. — Ладно, не стану мешать. Слушай, Владочка, — ее голос стал сладким, — можешь для меня кое-что сделать? Одну очень важную вещь. Я хотела попросить твоего отца, но, раз он, коб... — мачеха осеклась, — не отвечает, помоги ты.

— Что ты хочешь? — спросила я без энтузиазма.

— Сможешь съездить в торговый центр и забрать для меня покупку? Я присмотрела одну вещицу, но в наш «колхоз» ее не завезли, а она мне нужна. Это последний тренд! А у меня такой еще нет! Я заставила менеджера проверить наличие, и она как раз там, где ты сейчас находишься. Я скину адрес, будь зайкой, помоги мамочке. — Мэри чмокнула трубку.

Я поморщилась, хотела отказать, но Марк покачал головой.

— Соглашайся, — шепнул он. — Будет повод заглянуть в пару мест.

— Ладно, кидай адрес. Время есть, я съезжу.

Так как Вальзера не было в гостинице, и он не брал трубку, Марк посчитал, что мы спокойно можем улизнуть на несколько часов, никому не сообщая о своих передвижениях. Охрану от нас отпустили еще со вчерашнего дня, поэтому мы чувствовали себя свободно. Указанный торговый центр был мне хорошо знаком — он находился недалеко от университета, и мы со Стешей часто проводили там время.

Я сучала по подруге, и пока мы с Марком ехали по нужному адресу, вспоминала наши лучшие моменты. Как впервые встретились и сидели рядом в аудитории, как поддерживали друг друга на сессиях, как гуляли в одинаковых кедах по набережной, мечтали о будущем, делись сокровенным. Наша дружба значила для меня слишком много, чтобы ее забыть. Но я и не думала забывать.

Часто я мысленно разговаривала со Стешей. Представляла, какой она стала. Взрослой, похорошевшей, раскрепощенной, поверившей в себя, превратившейся из нежного бутона в прекрасный цветок. Я искренне хотела, чтобы Стеша приняла себя и свой чудесный внутрен-

ний мир, наполненный красотой, добротой и отзывчивостью. Я мечтала увидеть ее хотя бы издалека. Я была уверена, что узнаю ее мгновенно. И, сама того не замечая, стала вглядываться в лица прохожих.

Марк предложил разделиться, но попросил меня не ввязываться в неприятности, иначе Вальзер прикончит его раньше, чем мы доберемся до Стаса. Он отправился по своим делам, а я пошла в торговый центр, чтобы забрать из бутика «вещицу» — сумочку для Мэри. Я шла вдоль стеклянных витрин, залитых ярким светом, отмечая, какие магазины остались на прежних местах, а какие сменили новые бренды. Забрав покупку, решила заглянуть в наш со Стешей любимый книжный магазин.

Он остался на прежнем месте и даже расширился. Я хотела зайти внутрь, но времени почти не было, поэтому просто остановилась у витрины, с интересом разглядывая пространство за стеклом. Здесь стало больше стеллажей и ярких островков с популярными книгами. В глубине, у панорамного окна с видом на город, появилась уютная зона с креслами. Я представила, как мы со Стешей могли бы приходить сюда и обсуждать любимые книги. Долго задерживаться я не могла, и решив, что пора уходить, случайно столкнулась плечом с девушкой, выходявшей из магазина.

— Простите, — сказала я незнакомке, уловив знакомый аромат ее духов.

— Ничего страшного, — ответила приятным голосом девушка, едва подняв на меня взгляд.

Она уткнулась в телефон, печатая текст одной рукой, а в другой держала объемный пакет с книгами. Я направилась к эскалатору, но вдруг за спиной услышала родной, до боли дорогой голос.

— Ярослава! Яра!

Меня словно пронзила молния. *Свое имя я не забыла!* Я обернулась, словно в замедленной съемке. На меня смотрела чудесная рыжеволосая девушка, которую я узнала сразу. Это была она, моя Стеша. Только совсем другая: взрослая, уверенная в каждом жесте. Она изменила прическу — непослушные волосы теперь лежали озорными завитками, они стали короче и живее. Россыпь веснушек, точно искры, подчеркивала красоту выразительных светлых глаз и густых ресниц, а губы сияли персиковым оттенком. Теперь вместо классических очков — она носила тишейды, круглые очки в тонкой оправе. Стеша похудела, одежда подчеркивала выразительность фигуры: лимонный топ и длинная юбка кофейного цвета, легкий воздушный шарфик, золотой ремешок на талии. В ее движениях появились женственность и пластика. Я залюбовалась ею.

Но, заметив чужое лицо, Стеша замерла. Ее ноги вдруг подкосились, и она медленно опустилась на пол в нескольких шагах от меня. Я не могла оставить ее так, не могла сделать вид, что она просто обозналась. Быстро подошла и протянула руку, чтобы помочь подняться.

Стеша, все еще сраженная тем, что так ошиблась, не могла вымолвить ни слова. В ее изумленных глазах блеснули слезы, она смотрела на меня, будто видела привидение.

— Вы ушиблись? — спросила я. — Вам больно?

Стеша покачала головой, не отводя взгляда.

— Простите меня, — прошептала она, побледнев. — Я обозналась. Приняла вас за другую. Мне очень жаль. — Она опустила глаза, и слезы покатались по щекам.

Стеша узнала меня спустя столько лет разлуки, спустя вечность, что разделила нас. Я готова была разрыдаться вместе с ней, обнять изо всех сил, прижаться и сказать нужное нам обоим: «Ты права! Это я, твоя Яра!». Но все, что я могла себе позволить, побыть с ней рядом еще немного.

Я присела на корточки и коснулась ее плеча. Она вздрогнула, будто мое прикосновение обожгло ее, и подняла на меня печальные, полные тоски глаза. Я понимала: нужно дать какое-

то объяснение, чтобы она могла отпустить этот случай и не считала себя сумасшедшей. И чтобы мое поведение не казалось ей странным.

— Меня зовут Владислава. Мне показалось, что вы окликнули меня по имени.

Она кивнула, поняла. Мимо нас проходили люди, кто-то спросил, нужна ли помощь, но Стеша покачала головой. Я не хотела ее отпускать и помогла собрать выпавшие из пакета книги.

— Вы... вы другая, но так похожи на мою подругу, — проговорила Стеша дрожащим голосом, поднимаясь. — И голос похож. Боже, что со мной происходит? Я схожу с ума! Простите!

— Не переживайте. Со мной тоже бывало, что я принимала незнакомцев за близких людей, — попыталась я ее успокоить.

— Правда? — Она улыбнулась, и я снова залюбовалась ею. Милая, чуткая, красивая. — После того как Яры не стало, со мной такого еще не случалось.

Я прикрыла глаза, чтобы скрыть свою боль. Не могла допустить, чтобы Стеша вновь переживала из-за меня. Последнее, чего бы я хотела, — чтобы эта встреча принесла ей страдания. Лучше бы она меня вовсе не встречала.

— Мне пора, — вынужденно сказала я. — Вам точно не нужна помощь?

— Нет, спасибо, все хорошо. Простите еще раз, — тихо произнесла Стеша, улыбаясь. Затем заглянула в пакет, достала одну книгу и протянула мне. — Вот, возьмите. Пусть это станет маленьким извинением за недоразумение.

— Что вы, не нужно, — попробовала отказаться я.

Стеша мягко, но настойчиво вложила книгу мне в руки. Я вспомнила, как мы раньше обменивались талисманами, это была наша маленькая традиция: когда-то я отдала ей свой любимый кулон с перевернутым листиком клена, а она в ответ подарила мне брелок с пушистым помпоном. Теперь у меня в руках была только сумочка Мэри, но я вспомнила, что продавщица при покупке вложила в пакет подарок — элегантную кожаную закладку, и решила подарить ее Стеше.

— Чтобы было взаимно, — произнесла я, машинально повторив когда-то сказанную ею же фразу.

Стеша замерла, пораженная, и, пока она приходила в себя, я поняла, что нужно быстрее уходить, не наделав еще глупостей. Мы попрощались, и я спешно покинула торговый центр. Марк уже ждал меня, сразу заметив книгу в моих руках.

— Понятно, почему так долго. Опять книги, — дружески посмеялся он над моей слабостью.

Мы поболтали с ним на разные темы, и я рассказывала ему о книжных мирах, которыми восхищалась, но, несмотря на все мои старания, заразить его любовью к книгам мне так и не удалось. Марка куда больше привлекала вселенная информационных технологий. Он завел машину, включил любимый рок, и мы поехали в гостиницу.

Я с интересом разглядывала книгу, написанную некой Милой Феникс. Обложка была приятной на ощупь, с изображением черного замка под сводом темного неба и мерцанием Млечного Пути. Это была история о темной магии — любимом жанре Стеши. Открыв первую страницу, я ахнула. В предисловии значилось: «Посвящается Ярославе, которая навсегда останется в моей памяти лучшей из всех подруг». Эту книгу написала Стеша. Она исполнила свою мечту и стала писателем!

Я начала читать и не могла оторваться, не заметив, как мы с Марком вернулись в отель. Вальзер ждал нас и явно был раздражен нашим отсутствием. Я объяснила, что выполняла просьбу Мэри, и он лишь кивнул.

После прошедшей ночи он казался уставшим, будто совсем не отдыхал. Темные круги под глазами добавляли его взгляду мрачности. Он велел Марку остаться, сказав, что поручит ему новое дело. Какое именно — не уточнил.

Мы снова летели на частном самолете. Вальзер велел подать ему коньяк и пил его маленькими глотками, не закусывая, словно не ощущал горечи. Обычно он мало говорил со мной, но в этот раз попросил сесть рядом. Я собиралась почитать Стешину книгу, но он велел отложить чтение.

— Мы почти не общаемся с тобой, — произнес он, когда самолет поднялся в небо. — Расскажи, как вы жили с матерью, что с вами было, когда меня закрыли?

Я не ожидала, что он спросит об этом прямо сейчас. И совсем растерялась. Но что я могла ответить? Любая ошибка — и этот разговор станет последним в моей жизни. Я решила говорить только о том, что знала из личного опыта, что сама пережила. Ведь, как я поняла из слов Марка, моя история была удивительно схожа с жизнью настоящей Влады.

Глава 22. Разговор в самолете

Вальзер закрыл глаза и слушал. Влада рассказывала о своей жизни, когда она была Ярославой, лишь немного изменяя подробности и события. О том, как они с матерью сбежали из квартиры, когда его посадили, а бывшие приятели Вальзера стали преследовать мать, как их спрятала соседка, как они уехали в другой город. Она не лгала — просто рассказывала о себе. О людях, с которыми они поселились в одной квартире. О бабушке Гале, которая угощала самыми вкусными пирожками. О злом человеке, который требовал вернуть деньги, пропавшие в магазине, или рассчитаться «натурой». Яра прекрасно помнила, как он хотел ударить маму, а она кинула в него свою куклу.

— Кроме меня, маму некому было защитить, — произнесла Влада, ее голос дрожал, но она сдерживала себя, крепко стиснув зубы. — Ненавижу.

— Кого? — Вальзер с недоумением открыл глаза, подумав, что она говорит о нем. Ведь есть за что.

— Тех, кто считают, что могут использовать слабых, лишая их воли и свободы, будто они ничто, пыль. У мамы были гордость, смелость, решимость. Она хотела начать новую жизнь, перестать бояться, научиться радоваться. Мама могла быть другой. Но она осталась одна, а их, монстров, становилось все больше. Ей не хватило сил противостоять им. Помню, как мама закрывалась в ванной, включала воду и тихо плакала, когда уже не могла больше терпеть. Я стояла за дверью, все слышала и жалела ее. Все, что я могла тогда, — любить ее. И любила изо всех сил. Так я поняла, что монстры — это те, кто не способен на такие сильные чувства. Но и любовь не может спасти от монстров.

— Тогда зачем нам любовь? — непонимающе спросил Вальзер.

— Если любишь, значит, тебе есть за что бороться. Значит, ты не один. И никакие чудовища этого не отнимут, — уверенно ответила Влада. — От монстров не спастись и не спрятаться, их можно только победить.

Вальзер смотрел на дочь с болезненным чувством, ощущая, как в груди саднило от боли. Он редко думал о других, еще меньше — о себе. Те годы, когда его посадили, а жена с дочерью находились в бегах, были заполнены собственными проблемами. А теперь, спустя столько лет, Вальзер задумался: почему он вообще решил найти Владу? Сентиментальность? Или что-то другое? С тех пор как дочь вновь появилась в его жизни, Вальзер понял, что все эти годы выживал только потому, что ему было кого любить. Он чувствовал вину перед дочерью, перед Виолой. С чужаками мог воевать, не жалея ни огня, ни крови. Но вот своих защитить... то ли духу не хватило, то ли ума. Потеряв их, долго и упорно искал. Так долго, что исправить допущенных ошибок уже не смог. Он задумчиво посмотрел на дочь и вновь погрузился в свои мысли, осознавая, что таких промахов больше быть не должно — времени на их исправление у него не осталось. А проблем накопилось много. Одно навалилось на другое. Он ясно понимал, что теперь не должен ошибиться.

— Игнат Елецкий хочет пригласить тебя на свидание, — неожиданно заявил Вальзер, вспомнив недавний разговор. — Пойдешь?

— Нет, — покачала головой Влада.

— Строптивая, — усмехнулся он, подмечая сходство с ее матерью. — Как Виола. — Мужчина сделал глубокий вздох. Виола когда-то и ему отказывала. — И все же сходи, я не против.

Вальзер опять погрузился в размышления — не мог выкинуть из головы разговор с младшим Елецким. Игнат рассказал тогда о грязных делах Стаса, и Вальзер решил перепроверить информацию. Он знал о его сомнительном бизнесе и других делишках, но не обращал особого внимания до тех пор, пока это не коснулось его семьи. Поручил службе безопасности

собрать все, что можно, и вскоре получил доклад. Игнат говорил правду. Они разыскали бывшую эскортницу, которую Далеvский использовал, а потом вышвырнул, как ненужную вещь.

Чтобы убедиться лично, Вальзер приказал привезти ее. На вид — самая обычная женщина. Но взгляд, острый и проницательный, выдавал, что ей пришлось многое пережить. Отпечаток бывлой красоты сохранился на утомленном лице. В ней не осталось ни тени развязности и кокетства. Она держалась с достоинством. Чувствовалось влияние хороших учителей — недаром эскорт-услуги Стаса считались элитными. Вальзер доходчиво объяснил, какая информация ему нужна. Запугивать не стал — она и так знала, с кем имеет дело.

— Слушай меня, — начал Вальзер, глядя на нее испытующе. — Как тебя зовут?

— Валерия, — мгновенно ответила она, стараясь не показывать страх. Видела его у Стаса когда-то давно. Это был страшный человек.

— Скажи мне, Валерия, остались у тебя связи из прежней жизни? — спросил он жестко, но без угрозы.

Сейчас она хотела только выжить. Стас, Вальзер... Ей было плевать на всех. «Что ему нужно? Я же давно отошла от дел, — крутилось у нее в голове. — Вот привязался, расскажи ему, не утаивай. Тот еще зверюга. Даже смотрит по-волчьи. Бандит, он и есть бандит, какие бы костюмы на него ни надели». Она злилась, но виду не подавала, лишь испуганно улыбаясь.

— Нет, всех девчонок, что работали в моей «смене», погнали шесть лет назад. Видите ли, мы стали стары для такой работы, и Стас набрал новеньких, «молодую кровь». Как только мы перестали котироваться, он вышвырнул нас за ненадобностью, — добавила она с горечью. — А я думаю, что мы бы еще пригодились, — сказала она, вспоминая отчаянную молодость и добавила. Да и деньги платили хорошие. Где теперь такие заработаешь?

Валерия боялась Вальзера, да и кто не боялся бы? Сам Стас перед ним псом ходил. Но, похоже, хозяин на пса обозлился, раз вызвал ее к себе и устроил допрос. Она быстро сообразила, что Стаса прикрывать не нужно. Решила раскрыть все карты — своя шкура дороже — и рассказала, как Стас вел дела. Для Далеvского эскорт был лишь прикрытием. Основной доход ему приносила грязная работа: кража информации, подставы, лжесвидетельства. Любая мерзость, что потребует заказчик, исполнялась за большие деньги. Многие девушки сопротивлялись, не все хотели заниматься этим по доброй воле, но Стас шел на шантаж, угрозы и рукоприкладство, видя в них лишь расходный материал, которому всегда найдется замена.

— Говорят, за последние годы Стас совсем оборзел, потерял чувство меры. Превратился в скотину, — с затаенной ненавистью проговорила Валерия. Он и ее заставлял участвовать в таком не раз. — Сначала предлагал задание в обмен на «свободу», а потом использовал компромат, чтобы держать на крючке.

Вальзер слушал молча, но его взгляд становился все свирепее. Он ненавидел тех, кто унижал женщин. В криминальном мире свои понятия, которые стоят выше любых законов. Но Стас нарушил и их. За это ему предстояло ответить.

— Что про Черникову знаешь? — задал Вальзер новый вопрос.

— Черникову? — Валерия на мгновение задумалась. — Ленку, что ли? Так она давно погибла. Красивая была, мужики по ней так и сохли. Замуж за одного богатея даже вышла, все девчонки завидовали. Только я так и не поняла — то ли Стас провернул что-то, то ли она зазвездилась. Далеvский дал ей задание, но Ленка его не выполнила. Тогда он обозлился и оболгал ее. У них серьезная разборка вышла, а тут, как нарочно, и муженек ее бывший объявился и аварию устроил. По новостям передавали, что никто не выжил. Всей семьей сгорели — бывший муженек, Ленка и их дочка.

— Это Стас устроил? — Вальзер прищурился, сдерживая растущую ярость.

В этот момент их разговор прервался: Влада, не послушав охрану, настойчиво требовала впустить ее. Валерия заметила девушку и узнала. После того, как Вальзер отпустил Владу, их разговор продолжился.

— Это твоя дочь? — уточнила Валерия, когда он вернулся.

Мужчина кивнул.

— Видела ее, когда девчонку доставили к Стасу. Ох, и шуму она наделала, когда сбежала.

Валерия отвлеклась на подробности, о которых Вальзер уже знал от Стаса. Он резко прервал женщину:

— Речь сейчас не об этом. Стас специально подстроил аварию, чтобы убрать Черникову?

— Чего не знаю, того не знаю, — пожала плечами Валерия. — Может, дочка тебе больше скажет.

— При чем тут она? — нахмурился Вальзер.

— Так ведь она в машину к Черниковой забралась, так и сбежала. Одна выжила, значит, в счастливой рубашке родилась. — Валерия кивнула в сторону двери, за которой скрылась Влада.

Вальзера непросто было удивить, да он и теперь не удивился, скорее оторопел. В его ключем взгляде мелькнуло замешательство. Когда Стас докладывал ему о случившемся, то утверждал, что произошел «пустяк» — будто Влада угнала машину, не справилась с управлением и врезалась в другую машину. Стас уверял, что ей лишь рассекло лицо стеклом. Лгал, тварь. Девчонка была на волосок от смерти из-за его грязных делишек. Каждая мышца в теле Вальзера напряглась, налилась свинцом, точно пуля.

— Говори все, что знаешь об этом, — потребовал он, едва сдерживая гнев.

— Больше ничего не знаю, — пожала плечами Валерия. — Хотя... Стас сразу за дочкой вашей помчался, видно, трусил перед вами страшно. А вот другим, кто о Черниковой спрашивал, все по-другому выдал, сочинил свою легенду, якобы его на месте аварии и не было. Даже алиби подготовил. Что-то явно скрывал.

— Тебе-то откуда это известно? — прищурился Вальзер.

— Сболтнул как-то по пьяни, — пояснила она. — Нравилась я ему. Так он передо мной петухом ходил, хвастался, как лихо, будто лохов, всех развел. Если поквитаться с ним хочешь, будь осторожен, Стас не просто хитер, он сильный. За ним теперь многие стоят, кто к нему за услугами обращался.

Вальзер почувствовал себя волком, у которого шерсть на загривке встала дыбом. Он откинулся на спинку кресла, молча обдумывая услышанное. Достал телефон, отправил короткое сообщение и стал ждать. Время тянулось медленно, напряжение нарастало. Он сдвигал пальцами виски, медленно массировал их, погружаясь в размышления. Спустя полчаса телефон зазвонил.

— Где? — жестко спросил он. — Координаты?

Получив ответ, Вальзер вытащил из-за пояса пистолет. Проверил обойму — полная.

— Со мной пойдешь, — велел он перепуганной Валерии, крепко взяв ее за руку.

Они вместе покинули отель.

Самолет плавно заходил на посадку, ясная погода позволяла любоваться видом на город. Влада смотрела в иллюминатор, разглядывая очертания улиц, а Вальзер поймал себя на неожиданном желании — поцеловать ее в макушку, как делал в детстве.

— Дочка, — негромко позвал он, тщательно подбирая слова. — Ты не одна. Может, я и есть самый отъявленный монстр из всех, кого тебе довелось встретить, но тебе плохого никогда не сделаю.

Влада подняла на него взгляд. Хотела что-то сказать, но вместо этого лишь кивнула.

Из аэропорта Вальзер отправил ее домой, а сам вернулся только к ужину. Как только он переступил порог, Мэри тут же принялась щебетать, расспрашивая, где он пропадал, почему не брал трубку, и с гордостью демонстрировала сумочку, которую ей привезла Влада.

— Машка, отстань, — устало бросил Вальзер, не удостоив ее даже мимолетного взгляда.

Но Мэри, казалось, это ничуть не смутило. Она продолжала весело болтать, в сотый раз заговорив о своей мечте — побывать на море. Она привычно ныла, как капризный ребенок, и просилась на лазурные берега. А Вальзер неизменно качал головой, игнорируя ее просьбы. Каково же было ее удивление, когда в этот раз он отложил приборы и твердо, не терпящим возражений тоном, объявил:

— У вас день на сборы. Завтра улетаете. Подобрал для вас тихое место у моря.

— Как? Куда? — радостно выдохнула Мэри, не обращая внимания на его резкий тон.

— Полетите туда, куда скажу. Никаких лишних вопросов, — отрезал Вальзер.

Мэри взвизгнула от восторга, вскочила, бросилась его обнимать и смачно поцеловала в щеку. Не закончив ужин, она, воодушевленная, умчалась наверх собирать чемоданы. Влада осталась наедине с Вальзером. Есть она больше не стала — слова отца насторожили ее, но и уходить из-за стола не торопилась.

— Ты не рада? — спросил он, пристально глядя на нее.

— Рада, — тихо ответила Влада, стараясь скрыть настоящие эмоции. — Спасибо.

Вальзер задержал на ней пронизательный взгляд, потом удовлетворенно кивнул. Еще какое-то время они сидели молча, и Влада не стала уходить, решив побыть рядом с ним, чтобы не оставлять его наедине с тяжелыми мыслями.

Глава 23. Ссылка на море

Отъезд на море был неожиданным, будто Вальзер принял спонтанное решение буквально за считанные часы. Он не объяснял, куда и на сколько мы уезжаем. Однако странным это казалось только мне. Мэри, напротив, была в восторге, что покидает «золотую клетку», как она любила называть наш дом, и собрала вещи быстрее всех. Она только вздыхала, что у нее недостаточно подходящих нарядов для отдыха, но все равно набила два чемодана под завязку, упаковывая комплекты для любого случая, и даже просила кое-что положить в мой чемодан. Он был полупустым: несколько платьев, пару футболок и джинсы — для меня было более чем достаточно.

Вальзер не поехал с нами в аэропорт. Вместо него нас сопровождал мрачный глава службы безопасности. Сложив руки за спиной, он выглядел так, словно нес на плечах тяжеленный груз. Мне казалось, он не столько провожал, сколько прогонял нас. Или пытался спасти?

Что-то тревожное и неясное витало в воздухе. Только Вальзер знал, что будет дальше, куда мы летим и что ждет его самого. Дом, наполненный людскими голосами, внезапно опустеет. Люди вокруг него — охрана, партнеры, подельники — останутся, но они лишь тени в этом огромном особняке. Никто по-настоящему близкий не будет ждать его возвращения.

От этих мыслей меня не отпускало гнетущее ощущение. Я оглянулась на холодные стены, ставшие за эти годы хоть и не родными, но привычными. Больше всего было жаль библиотеку. Без меня книги останутся совсем одни.

— Влада, живее! — торопила Мэри.

Она почти бежала к машине, сияя от предвкушения. Уже на пороге дежурно спросила Вальзера, когда он к нам присоединится.

— Скоро, позже сообщу, — сухо ответил он.

Этот ответ, кажется, ее вполне устроил. Поцеловав мужа на прощание, Мэри впорхнула в машину с беззаботной улыбкой. Я же не спешила. Не хотела уезжать, не могла оставить маму, не могла быть далеко от Игната. За Вальзера тоже было тревожно. Все эти годы он был ко мне по-своему добр.

— Если хочешь, могу остаться, — предложила я, когда мы подошли к машине.

Он взглянул на меня и покачал головой. Остаться мне не позволялось. Чувствовалось, что он хочет оградить Мэри и меня от надвигающейся опасности. Тогда, не раздумывая больше, я шагнула к нему и неумело обняла:

— Спасибо за все.

— Уезжай и ни о чем не тревожься. В аэропорту вас встретят и сопроводят куда надо. Звонить тебе буду, — ответил он, мягко погладив меня по голове, как маленькую. В его взгляде появилась незнакомая душевность, которой он раньше не показывал. — И это... прости, если что.

Я не поняла, за что он просил прощения, но Мэри потянула меня за руку, усаживая в машину. Вальзер, закрыв за мной дверь, хлопнул ладонью по крыше, подавая знак водителю, что можно ехать.

Уже в аэропорту глава службы безопасности выдал нам новые пластиковые карты иностранного банка.

— Те, что использовали здесь, оставьте, — строго велел он. — Сим-карты тоже заменят.

— Зачем это? — возмутилась Мэри.

— Меры предосторожности, — не стал вдаваться в подробности он. — По старым номерам не звонить, только по экстренной необходимости. Илья Васильевич сам свяжется, когда потребуется.

Он лично проводил нас через досмотр к самолету. Вальзер заказал для перелета частный борт. В самолете, кроме экипажа и нас, не было никого. Даже охраны.

— А разве нас не будут охранять? — с недоумением спросила Мэри.

— Чем меньше людей знают, где вы, тем в большей безопасности будете находиться, — ответил мужчина.

Меня это насторожило, но Мэри, наоборот, казалась довольной.

— Свобода! — с восторгом воскликнула она, вскинув руки, едва мы остались одни, и принялась болтать без умолку, озвучивая все мысли, что приходили в голову: — Наконец-то отдых! Я так ждала! Интересно, куда мы летим? Какое побережье он выбрал? Но почему такая спешка? Даже нормально собраться не дал! — вздыхала Мэри. — Он же знает, как я хотела на море! Даже не успела к косметологу записаться, маникюр сделать, прическу...

Кажется, она хотела добавить что-то нелестное о Вальзере, но при мне сдержалась. Ее болтовня и легкомыслие были привычны. Казалось, все, чем она дорожит, — ее роскошная жизнь, за которую ей когда-то удалось ухватиться. На окружающих Мэри производила впечатление пустышки, которая повелась на деньги мужа.

Мне не хотелось поддерживать разговор. Да и что я могла сказать, если сама ничего не понимала? Мысли крутились вокруг странного прощания с Вальзером. За что он просил прощания? Почему был таким... мягким? Что произошло?

Я закрыла глаза, стараясь не слушать нескончаемую болтовню Мэри, и погрузилась в свои думы.

Ей, наверное, нужно было выговориться — при муже она не позволяла себе лишнего. Это был ее собственный способ сбросить напряжение. А я, слушая отстраненно, снова погружалась в воспоминания. Когда-то мы так же летели на отдых к океану. Я, мама, Игнат, Костя... Вся семья вместе. Мы были так счастливы! Мне казалось, впереди — целая жизнь.

Я сидела рядом с Игнатом, закутавшись в плед. До сих пор помнила тепло его тела и прикосновения украдкой, чтобы не привлекать внимание родителей. В те дни мы скрывали свои чувства, и все вокруг казалось сказкой, чудом, созданным для нас двоих. Но в глубине души жило смутное предчувствие: больше такое не повторится.

Не знаю, сколько времени прошло, — пока мы были в небе, я задремала, но сон не принес облегчения, в нем мелькали давно забытые образы. Мне снился Игнат. Когда я проснулась, щеки были мокрыми от слез, и оставалось надеяться, что Мэри ничего не заметила. К счастью, мачеха тоже была утомлена дорогой.

Наконец мы приземлились. В шумном аэропорту нас встретил мужчина средних лет с прядями седых волос. Он безошибочно подошел к нам и представился Иваном. Я вспомнила слова Вальзера, что нас встретят. Улыбающаяся Мэри сразу вручила ему свои чемоданы. Иван посмотрел на мой багаж, я перехватила его взгляд и ответила, что мне помощь не нужна, чемодан легкий. Мэри шагала рядом с мужчиной, лучезарно улыбаясь, ей хотелось поговорить. Она задавала ему разные вопросы, спрашивала, где мы будем жить. Иван был немногословным.

— Через полчаса все увидите сами, — сказал он и пригласил нас в комфортабельный автомобиль, в котором играла ненавязчивая музыка. Когда мы наконец сели в машину, он предложил нам на выбор напитки. Я попросила воду, а Мэри — вино. Вина у него, конечно же, не было. Поэтому Мэри пришлось довольствоваться яблочным соком. Дорога вилась вдоль побережья, как шелковая лента. Она петляла, и каждый поворот открывал перед нами новые пейзажи. Слева раскинулось бескрайнее море — живое, чуть мятежное, с легкой рябью на поверхности. Оно блестело под солнцем так, словно хранило чью-то давнюю тайну. Справа дорога утопала в густой зелени, откуда доносились птичьи трели. Я приоткрыла окно и наслаждалась поездкой. Ветер приносил соленый аромат воды и едва слышный гул прибоя, будто само море шептало о чем-то важном, словно оно предупреждало меня, что вот-вот все изменится.

Небольшой отель возник неожиданно — светлый, будто вписанный в пространство между небом и водой. Его корпуса, утопающие в пышной зелени, извивались вдоль берега, отражая в стеклянных фасадах блики солнца и бескрайний горизонт, где море и небо сливались в одно целое.

Нас встретили радушно. Администратор в светлом костюме улыбнулся, словно давно ждал нас.

Внутри было светло, просторно и красиво. Ненавязчивый, элегантный интерьер говорил о тихой роскоши. Как всегда, Вальзер не поскупился для нас.

Наши с Мэри комнаты оказались по соседству.

Мой номер, обставленный дорогой мебелью, был просторным, солнечным, и уютным. Я вышла на балкон, с которого открывался великолепный вид на небольшой городок, набережную и необъятное море. Но ни пейзаж, ни окружающая роскошь, меня не радовали. Воспоминания накрывали новой волной, унося в прошлое, которого уже не вернуть. Преведняя жизнь не отпускала, как бы я ни пыталась отгородиться. Жизнь раскололась на «до» и «после», и ничего нельзя изменить.

Небо над морем было таким же бесконечно голубым, как тогда, над океаном в поездке с родителями. Но безмятежности, что витала в воздухе рядом с Игнатом, не было. Ярослав больше не существовало. Она потеряла семью, любовь и саму себя. От преведней жизни не осталось ничего. А что было у Влады?

Из грустных размышлений меня выдернула Мэри. Быстро забросив свои вещи в номер, она переделалась и потащила меня к воде. Радостно, как ребенок, побежала навстречу волнам и начала плескаться.

— Наконец-то я на море! — воскликнула она, подняв руки и закружившись на месте. — Влада, ты чего такая кислая? Наслаждайся жизнью, пока нам дали эту возможность! Мы должны оторваться по полной!

Но я не могла радоваться по ее приказу. Меня тянуло туда, где я когда-то была по-настоящему счастлива, в ту жизнь, которую теперь могла видеть лишь в своих снах.

Глава 24. Выбор сделан

За последние годы отношения Игната с матерью сильно изменились, как и она сама. Алина стала спокойнее и рассудительнее. Она прекратила истерики и манипуляции, осознав, наконец, истинные ценности жизни. Смирилась с тем, что их с Костей брак остался в прошлом. Прошла курс лечения, что требовало и от нее, и от Игната немалых усилий. Но она старалась. Сын всегда оставался рядом, помогая ей с реабилитацией, стараясь, чтобы мама не чувствовала себя одинокой. Он, как и прежде, очень ее любил.

Алина больше не давила на него, не говорила о наследстве или о том, что Игнат должен продолжить дело отца. Он и так стал правой рукой Кости, который из-за проблем со здоровьем постепенно отходил от дел. После гибели Яры мать будто очнулась и стала поддерживать сына как могла. Она напоминала, что всегда рядом и готова выслушать, и он ценил эту перемену. Теперь Алина не вмешивалась в его жизнь и, казалось, приняла тот факт, что Игнат — взрослый мужчина. Их общение стало легче и душевнее. Не сразу, но Игнат простил мать за прошлые поступки. Он теперь понимал: жизнь близких может оборваться в любую минуту, и это осознание помогло ему отпустить старые обиды и попытаться начать все с начала.

Однажды, придя к Алине домой, Игнат увидел перед собой усталую женщину с потухшими глазами. Ему не понравилось, как она выглядит, а ее настроение вызвало беспокойство. Несмотря ни на что, он хотел видеть маму счастливой.

— Ты у меня такая красивая! Молодая. Посмотри какая! — Он подвел ее к зеркалу, крепко обнял и легко, будто девочку, поднял и закружил. Она испуганно взвизгнула, но тут же рассмеялась.

— Ты еще можешь быть счастливой, замуж выйти! Давай придумаем занятие, которое будет тебя вдохновлять?

Так в доме матери появились краски, кисти и мольберт. Алина вернулась к увлечению молодости — живописи. Это ей нравилось. Рисуя, она освобождалась от тяжелых, давящих мыслей, искусство стало для нее настоящей терапией. Первые картины были мрачными, серыми, но со временем в них появились яркие цвета. Игнату так понравились работы матери, что он пообещал устроить выставку. Она только смеялась и с воодушевлением продолжала писать.

Игнат рассказывал ей о работе, которая занимала его почти целиком. Но о чувствах он молчал. Однако Алина видела его насквозь. Догадалась, что у сына, кроме Алексы, кто-то появился, но расспрашивать не стала.

Раньше ей всегда хотелось, чтобы у ее мальчика была достойная его положения и статуса жена, но теперь она даже не спросила, кто его новая девушка. Ей было достаточно видеть, как Игнат тянется к ней, к своей возлюбленной, — значит, никакой другой ему и не нужно. Она мечтала, чтобы он снова почувствовал себя счастливым. Ведь когда-то сама нечаянно отняла у него первую любовь. Алина не желала смерти Ярославе, хотела лишь наказать ее мать, но это желание обернулось трагической ошибкой, которая едва не лишила и ее собственного сына. Игнат страдал так, что чуть не ушел вслед за Ярой.

Если бы он так поступил, у Алины не осталось бы никого. Она всегда думала только о себе, винила других в своих бедах, но никогда не желала смерти тем, чьи жизни оборвались с ее подачи. Не подумав о последствиях, она тогда связалась с тем человеком — отцом Яры и выдала ему адрес Елены, чтобы он смог выследить бывшую жену и дочь. Если Игнат узнает правду, он никогда ее не простит. Поэтому Алина решила молчать, ради их отношений. Чтобы не причинять сыну еще больше боли.

Но жизнь внесла свои коррективы. Однажды Алина попросила сына подвезти ее до торгового центра. Галантно, как истинный джентльмен, Игнат помог ей выйти из машины.

— Может, подождать тебя? — уточнил он.

— Нет, дорогой, езжай, — мягко ответила она, понимая, как ценна для него каждая минута.

На прощание они обнялись, он поцеловал маму в щеку. Уже садился обратно в машину, когда его окликнули.

— Игнат, здравствуй, — раздался рядом женский голос.

К ним подошла симпатичная девушка, словно красотка, сошедшая с обложки журнала в обтягивающем платье цвета пыльной розы.

— Как давно я тебя не видела! — Она улыбнулась. — Ты не один? Твоя мама? Очень рада познакомиться, — она протянула руку Алине и представилась. — Яна.

Игнат молча кивнул и, ничего не ответив, спешно сел в машину и уехал. Алине показалось, что он не хотел разговаривать с девушкой, а может, просто торопился и не стал тратить время на пустую беседу. Алина немного замешкалась, провожая взглядом машину сына, и знающая Игната этим воспользовалась. Она цепко ухватила женщину за локоть, не давая уйти.

— Боже, вы правда мама Игната? У вас такой замечательный сын! Мы с ним давно знакомы, даже встречались одно время, — тараторила Яна. Потом добавила серьезнее: — Я очень хотела с вами поговорить.

— Да? О чем же? — удивилась Алина.

— Это касается Игната. Может, присядем? — предложила Яна, указывая на скамейку неподалеку. Алина удивилась, но последовала за девушкой. Все, что касалось сына, было для нее важно.

Когда они уселись, Яна заговорила, машинально поправляя рукой волосы.

— Я хочу рассказать вам об Алексе. Она ведь скоро станет вашей невесткой, войдет в ваш дом, — сказала девушка, внимательно изучая реакцию Алины. — И я подумала, что стоит предупредить вас, кто она на самом деле.

— И кто же? — Алина насторожилась, всматриваясь в собеседницу. Она почувствовала, что дружелюбность незнакомки была обманчивой, в ней чувствовался отпечаток порочности.

Яна завела речь о событиях шестилетней давности, об аварии, которая все изменила. Рассказала, как когда-то Алекса попросила ее найти компромат на Ярославу и ее мать, как собирала слухи про отца-монстра, которого обе боялись. Для убедительности включила запись давнего разговора, где Алекса просила помощи, обещая щедрое вознаграждение и даже «возможность стать любовницей Игната».

— Вы не знаете ее... Она хитрая и жестокая. Я ее очень боюсь. Она способна на самые ужасные подлости, — тихим, вкрадчивым голосом продолжила Яна. — Если она станет женой Игната, он пропадет. Она окутает его своим коварством, сетями и уловками. Это страшный человек. Алекса готова на все ради своей цели.

Было понятно, что Яна говорила не для того, чтобы защитить Игната, а от ревности. Она ненавидела Алексу, завидовала ее семье, их положению в обществе. В свое время Алекса отобрала у нее Игната. А ведь Яна была без ума от парня и строила большие планы. Он казался надежным и настоящим. Шесть лет назад она помогла Алексе раздобыть сведения про прошлое Яры и ее матери не только из-за денег. Яна хотела разорвать отношения Игната и Яры, а потом рассказать ему про проделки Алексы. Надеялась, что, устранив обеих, добьется его расположения, считая, что такой парень, как он, должен принадлежать только ей.

— Не скрываю, я собрала информацию об отце Яры и передала Алексе. Что случилось дальше, вам известно. Конечно, я раскаиваюсь. Если бы знала, чем это закончится... что папаша Яры сотворит такое... — Она даже пустила слезу, вытирая ее рукой. — Вы меня простите, — Яна включила все свое обаяние. — Конечно, выводы делать вам. Вам решать, расскажете вы Игнату про Алексу или нет. Как видите, он не хочет меня слушать. Но я не могу больше молчать. Простите, что потревожила. До свидания.

Яна бросила на Алину внимательный взгляд и поднялась. Она не хотела задерживаться и отвечать на вопросы Алины, которые могли бы вывести ее на чистую воду. Яна видела, что женщина не готова к этому разговору. Довольная произведенным эффектом, девушка быстро удалилась. Наконец-то она отомстила и Алексе, и Игнату, который был так пренебрежителен к ней в их последние встречи и растоптал ее чувства.

Все подтверждало сомнения Алины насчет Алексы. Она понимала, насколько та хитра, коварна и какими путями добивается своих целей. Умело манипулировала людьми, в том числе и самой Алиной. Помолвка с Алексой тяготила Игната. Мать это чувствовала. В его взгляде она читала тоску, пустоту и боль. Алина боялась за него. Он так и не оправился от потери Яры, и Алекса только затягивала петлю на его шее. Он был с нею несчастлив. Алина так и осталась сидеть возле торгового центра, не в силах двинуться. Она задумалась, анализируя услышанное. Если раньше Алина была уверена, что должна молчать, то теперь начала сомневаться. Возможно, сын никогда не простит ее, но она не могла пожертвовать им ради себя. А если он узнает правду от кого-то другого, то отвернется от нее навсегда. Она сама должна все рассказать. Не могла снова поступиться его счастьем из-за собственного эгоизма.

В последнее время Игнат изменился. Он больше улыбался, в глазах зажегся свет, которого мать не видела с тех пор, как не стало Яры. Ему предстояло сделать важный шаг — совсем скоро он должен был жениться. И Алина решила: его брак может быть только по любви. Пусть это будет другая девушка, пусть даже ей незнакомая, но женой Игната не должна стать Алекса.

Глава 25. Тени прошлого

Игнат не смог встретиться с Владой после подписания документов, и это его мучило. Последняя встреча свела его с ума, окончательно вскружила голову. Ему казалось, он нужен ей, и все внутри кричало о необходимости быть рядом. Но обязанности — бизнес, партнеры — держали его, точно на привязи. Каждый день он был вынужден оставаться в центре событий, решать вопросы компании, контролировать работу сотрудников. Игнат не мог позволить себе расслабиться или сорваться.

Как только выпадала свободная минута, тут же звонила Алекса. Она словно знала, чем он занят, и всегда выбирала удачное для себя время. Ненавязчиво напоминала о встречах, о подготовке к свадьбе. Ему приходилось выслушивать пустые разговоры, хотя сил поддерживать их не было, и всякий раз он пытался побыстрее отделаться от девушки. Алекса не обижалась, но и не отступала: не оказывая явного давления, все чаще искала поводы для сближения. Сначала Игнат не понимал, чего она хочет, — ведь брак между ними должен быть фиктивным. Но потом вспомнил слова Сержа о том, что Алекса будет пытаться завладеть им. И хотя сам Игнат был уверен, что не позволит этого, но теперь насторожился. Алекса была ему чужой — улыбка, жесты, прикосновения — все казалось холодным, лишенным жизни, и лишь усиливало пустоту в душе. В девушке не было ни тепла, ни света, только красота и лоск, унаследованные от родителей.

В те же редкие моменты, когда удавалось отдохнуть, мысли Игната были о другой, о Владе. По ночам, пытаясь заснуть, он долго лежал, заложив руки за голову, и мысленно представлял ее лицо, голос, прикосновения. Эти фантазии не приносили радости, а лишь усиливали боль. Душа металась, и не находила покоя от осознания одиночества. Чем дольше он думал о Владе, тем больше в ее облике проступали черты Ярославы, его любимой девочки, которую он так и не смог забыть. Закрыв на мгновение глаза, он мысленно желал ей спокойной ночи, пытаясь забыться во сне и сбежать от мрачного прошлого, которое так и осталось его кошмаром. Нежность, которую он испытывал к Ясе, стала проецироваться на Владу, и это сбивало с толку. Как так вышло, что Влада завладела его сердцем и мыслями? Разве это не предательство по отношению к Ясе? Да, девушки были похожи. И как бы Игнат ни пытался справиться с этим наваждением, отмахнуться от схожести их жестов, голосов, облика, — все эти ощущения сводили с ума рядом с Владой. Все внутри отзывалось на ее присутствие, на ее близость. Знакомое тепло, мурашки по коже от прикосновений, землянично-медовый аромат — будто все это перенеслось из прошлого в настоящее. Как такое возможно? Этот вопрос преследовал его бесконечно. Он чувствовал, что от него ускользает нечто важное, словно ответ на поверхности, но он не может его увидеть.

Позже Игнат понял: хватит цепляться за прошлое. Ярославы больше нет. А Влада здесь — настоящая и живая. Он чувствовал, что должен быть рядом с ней. Это не было мимолетным увлечением или желанием просто заполучить ее, разгадав загадку, а затем потерять к ней интерес. К Владе его тянуло иначе, так, что захватывало дух и сводило с ума. Чувства были настоящими, глубокими и, возможно, такими, которые он уже и не надеялся испытать в своей жизни. Поэтому все чаще парень думал, как разорвать помолвку с Алексой с наименьшими потерями, не затягивая решение. А затем случилось то, чего Игнат не мог предвидеть.

Неожиданно позвонила мама и попросила о встрече. Голос у нее был растерянным и грустным, что встревожило Игната. Он сразу поехал к ней, заехал за цветами, а затем в кондитерскую, чтобы купить любимые пирожные — хотел поднять ей настроение. Алина выглядела опечаленной, и даже цветы и сладости, казалось, не сильно ее обрадовали. Она начала расспрашивать про дела, работу, но разговор не клеился.

— Мама, я вижу: что-то тебя беспокоит, — мягко начал Игнат. — Поделись со мной.

Алина сжала в руках салфетку, ее взгляд был опущен.

— Сынок, мне нужно рассказать тебе кое-что очень важное... но мне страшно, не знаю, как начать, — голос ее дрожал.

— Банально, но начни с начала. — Голос Игната звучал тепло, он был уверен, что речь пойдет о каком-то пустяке.

Алина судорожно вздохнула, глаза заблестели.

— Я знаю, ты меня не простишь... но я больше не могу молчать, — выпалила она на одном дыхании.

Игнат напрягся, почувствовав, как холодок пробежался по позвоночнику. Кажется, все-таки Алина собиралась сообщить ему нечто серьезное.

— Я виновата в смерти той девочки, Ярославы, — мать выпалила эти слова и зажмурилась, не в силах посмотреть сыну в глаза.

Эти слова, словно глыба, рухнули на него, раздавив до боли. Его обдало ледяной водой, дыхание перехватило, в глазах почернело.

— О чем ты говоришь, мама? — с трудом произнес он, ощущая, как его мир рушится.

— Сынок, послушай меня. Это тяжело, но я обязана все рассказать, — выдохнула она, борясь со слезами.

Игнат сидел и молча слушал ее рассказ. Не мог поверить, что мать, которую он любил и уважал, могла так поступить с ним, с его жизнью. Игнат не мог поверить в услышанное. Только не это. Долгое время он сидел неподвижно, глядя в одну точку, не осознавая происходящее, затем поднялся и подошел к окну. Наступили сумерки. Закрыв лицо руками, он молча плакал, его плечи вздрагивали. Алина не решалась подойти, но тоже не могла сдержать слез. Через некоторое время она снова заговорила:

— Я знаю, ты меня не простишь. Сама себе этого не прощу. Проклинаю тот день, свой поступок и себя... Я причинила тебе такую боль. Ненавижу себя за это, Игнат. Такое не прощается. — Голос ее дрожал. Алина словно смирилась с тем, что каждое слово отдаляет сына от нее все дальше. — Я должна была сказать тебе, открыться раньше. Но я была эгоисткой. Я только обрела тебя. Неужели я должна потерять тебя вновь? И еще, — она замаялась, — мне нужно предупредить тебя об Алексее. Ты должен знать, что эта девушка готова на все ради своих целей. Я не могу позволить, чтобы ты пострадал от нее так же, как когда-то пострадал из-за нас обоих. Даже если ты никогда не заговоришь со мной, ты должен узнать правду. Я люблю тебя больше всех на свете. Всегда желала тебе счастья, а сделала только хуже... — Алина закрыла лицо руками, не в силах сдержать рыданий.

Игнат молчал. Казалось, будто мир раскололся пополам. Жизнь только начала налаживаться, он влюбился, хотя считал, что никогда больше не познает это чувство. А теперь все снова рухнуло и погребено под осколками прошлой боли. Он долго обвинял мир в смерти Ярославы, в то время, когда виновница была рядом. Кто эта женщина перед ним? Как родной человек мог сотворить подобное? Игнат смотрел на нее, не узнавая. Если бы он мог, то выжег бы из своей памяти все, что связывало его с матерью. Он вспомнил, как Ярослава называла своего отца монстром. А мать, его собственная мать, оказалась чудовищем, носившем маску участия.

Выйдя из квартиры, Игнат закричал от отчаяния, как раненый зверь, и ударил кулаком по стене в подъезде. Боль не останавливала, он снова и снова обрушивал свои удары, пока не увидел кровь. Постояв в тишине, тяжело дыша, он вернулся обратно. Алина сидела на том же месте, словно статуя. Увидев сына, она закрыла руками рот, чтобы самой не закричать.

— Как ты могла? Ты хотя бы понимаешь, через что я прошел? Как жил все эти годы? Она до сих пор снится мне, и я не могу отпустить ее до конца. Мама, ты разрушила мою жизнь. Ты убила меня, понимаешь ты это или нет? — Его голос дрожал от сдерживаемого гнева. — Я думал, что встретил девушку, в которую влюбился. Думал, что могу начать все с начала!

Я начал воскресать, чувствовать вкус жизни, снова дышать. Тогда я хотел умереть вместе с Ясей, но сейчас благодаря Владе я наконец-то захотел снова любить и быть любимым, — почти потеряв голос от крика, говорил Игнат, а слезы снова лились из его глаз полных боли.

Алина всхлипывала, моля о прощении, хотела дотронуться до сына, но боялась, что он ее оттолкнет. Она повторяла, как любит его и желает счастья. Но слова не трогали Игната. Накопившийся гнев вытеснил прежние чувства.

— Нам больше не о чем разговаривать, — едва сдерживая себя, произнес он, прежде чем уйти, не оборачиваясь. Ни Игнат, ни Алина не знали, вернется ли он когда-нибудь.

Игнат не помнил, как добрался до квартиры. Очнулся только от раската грома, стоя у открытого окна с сигаретой в руке. Уже была ночь, шел дождь, и тяжелые капли стучали по карнизу. На подоконнике стоял пустой стакан и бутылка виски. Он потянулся, чтобы налить еще, но бутылка оказалась пустой. Про себя он отметил, что выпил больше половины и даже не опьянел. Игнат сел в кресло, обхватил голову руками и заплакал, не стыдясь своих слез. Те, кто говорят, что мужчины не плачут, — лгут.

Он прокручивал в голове разговор с матерью, с той, которую обожал, а теперь почти ненавидел. Сможет ли он однажды понять и простить ее? В голове царил хаос. Игнат с трудом удерживался от того, чтобы не позвонить Алексе и не сказать все, что он о ней думает. Это она задурила голову Алине, она специально все подстроила. Он знал, что никогда не простит Алексу. Ей нет прощения.

Игнат подумал о Владе. Как она там без него? Скучает ли? От воспоминаний о ней в груди немного потеплело. Пожалуй, она была единственным человеком на этой земле, кого он бы действительно хотел сейчас видеть.

В отчаянии Игнат набрал номер того, кому мог довериться. На другом конце слышалось недовольное сонное бормотание:

— Ты время видел, чел? Если это не что-то серьезное, я тебя грохну, — проворчал Серж.

Игнат устало посмотрел на телефон — начало четвертого утра. Он затянулся очередной сигаретой, тлевшей между пальцами.

— Извини... — пробормотал он.

Серж тут же уловил серьезность тона:

— Что-то случилось? Выкладывай, — Серж всегда чувствовал состояние Игната. Это была одна из причин, почему они стали такими близкими друзьями.

Игнат глубоко вздохнул, собираясь с мыслями:

— Моя мать... — Голос его сорвался. — Моя мать, Серж, оказалась предательницей. Из-за нее погибла Яся.

Серж вздохнул и выругался, а затем произнес:

— Это какой-то несмешной прикол? Ты о чем?

В голосе друга сквозило непонимание, и Игнат рассказал все — каждую деталь недавнего разговора, не скрывая свое потрясение и бессилие. Он не сдерживал эмоций, не стеснялся в выражениях и почти кричал. Когда он наконец замолчал, на той стороне телефона воцарилась тяжелая тишина. Серж нарушил ее сдавленным шепотом:

— Игнат, я... черт. Я даже не знаю, что тебе сказать, даже не могу представить, насколько тебе сейчас погано. Если хочешь, я приеду.

— Не надо... Я не хочу сейчас никого видеть. Ты и так постоянно рядом и вытягиваешь меня из любой задницы. Просто бесит, что я оказался таким слепым, — с болью усмехнулся Игнат.

Серж снова выдал нечто нецензурное, потом глубоко вздохнул — Игнат всегда поражался умению друга брать эмоции под контроль и находить правильные слова:

— Послушай. Ты не мог знать. Никто из нас не мог. Мы все совершаем ошибки, особенно когда кажется, что мы действуем из лучших побуждений. Твоя мать не могла знать, что ее

поступок приведет к таким последствиям. Сейчас, на эмоциях, все звучит максимально хреново. Пройдет время, возможно, у тебя получится если не понять, то хотя бы дать ей второй шанс. Она все же твоя мать, Игнат.

— Не знаю. Сейчас я не хочу ни видеть, ни слышать ее. И, знаешь, спасибо, что слушаешь все это дерьмо, — сдавленно произнес Игнат.

— И что ты собираешься дальше делать с Алексой? — поинтересовался Серж.

— Разорвать помолвку с этой лицемерной дрянью. Зря я не слушал тебя. Считал, что самый умный. Как же. Эта стерва обвела меня вокруг пальца. Черт, я бы ее... не будь она девушкой. Хотел позвонить ей сразу, но решил брать пример с тебя и не быть истеричкой, — усмехнулся Игнат, заглушая злость.

Серж попытался отвлечь друга и пошутил, смягчив тяжесть разговора:

— Для этого я здесь, мой платочек всегда к твоим услугам. Могу прилететь и слушать тебя всю ночь. Ну, и глупости тебе наговорить, как в старые добрые времена.

Игнат впервые за весь разговор слабо улыбнулся:

— Иди ты.

— И тебе всего хорошего.

Они еще немного поговорили. Серж рассказал новости о неожиданной встрече со Стешей. Игнату стало легче — Серж умел отвлечь его, как никто другой.

После долгих раздумий Игнат решил не тянуть и расторгнуть все договоренности с семьей Алексы прямо на следующий день. Если раньше он обдумывал, как разорвать помолвку с минимальными последствиями, то теперь его волновало лишь одно — поскорее избавиться от Алексы и навсегда вычеркнуть ее из своей жизни.

Глава 26. Разрыв помолвки

На следующий день после признания матери Игнат позвонил Алексе.

Когда она взяла трубку, ее голос звучал радостно и звонко:

— Привет, милый! Я так рада, что ты наконец позвонил! Так по тебе соскучилась. Мы должны столько всего обсудить, а ты от меня скрываешься, — защебетала она.

— Я разрываю помолвку, — резко оборвал ее Игнат.

— Это какая-то шутка? — в голосе Алексы звучала растерянность.

— Нет, никаких шуток. Я разрываю наш договор. Свадьбы не будет. Передай это своим родителям, наши юристы подготовят все необходимые документы.

— Почему, Игнат, что произошло? Это все из-за этой девки? Дочери Вальзера? Она тебя так очаровала? — Ее тон стал резким и холодным.

— Перестань нести чушь. Все дело в твоей лжи и твоей жажде мести. Я еле себя сдерживаю, чтобы не высказать тебе все, что о тебе думаю, после того, что узнал. Мама рассказала мне. Ты помогла отцу Ярославы объявиться в городе. С этого момента, Алекса, тебя больше нет в моей жизни. — Голос Игната был холоден, как лед, способный заморозить все вокруг на сотни километров.

— Игнат, я не понимаю, о чем ты. Что тебе сказала Алина? Это ложь. Все было совсем не так. Я пыталась отговорить ее, но она не послушала! Игнат, ты совершаешь большую ошибку. Давай встретимся, и я объясню!

— Хватит, — отрезал Игнат. — Не хочу слышать больше ни слова. И советую не попадаться мне на глаза. Потому что все, чего мне хочется сейчас, это придушить тебя. Меня удерживает только то, что ты девушка.

Игнат резко оборвал разговор, не в силах сдержать злость. Как он мог не разглядеть такую лицемерку рядом с собой? Его раздирали смешанные эмоции. Он, наконец, разорвал гнетущую его помолвку, но вот повод для этого разрыва оставил в сердце ноющую рану.

Наспех закинув в сумку несколько вещей, Игнат позвонил юристу и распорядился срочно подготовить документы об отмене договорного брака, а затем сообщить Гордеевым. После этого созвонился с секретарем, отменил все встречи на ближайшие дни и отключил телефон. Игнату было все равно, что скажут его партнеры и коллеги. Никто не знал, куда он направился. В этом молчаливом бегстве он впервые за долгое время ощутил себя по-настоящему свободным.

Игнат сбросил вызов. Тишина сразу наполнила комнату, Алекса могла слышать лишь звук собственного сердца. Она замерла, все еще держа телефон, неловко зажав его между плечом и подбородком. Она только вышла из душа и не успела одеться, так и стояла, завернутая в полотенце. Звонок Игната застал ее в момент, когда она наносила маску на лицо, глядя на себя в зеркало. Девушка так и застыла, услышав слова жениха. Только через несколько минут опомнилась и вновь посмотрела на свое отражение.

И не узнала себя. Вместо красивой, ухоженной, утонченной, она увидела другую девушку: грустную, потерянную, померкшую, с опустившимися плечами под тяжестью навалившегося груза, с нелепой маской, застывшей на лице и с тенью боли во взгляде. Наедине с собой ей не нужно было притворяться и натягивать на лицо улыбку, в то время когда хотелось кричать.

Слова Игната эхом били по вискам, будто он все еще был на линии. «Как он посмел?..» — пронеслось в ее голове. Как мог отказаться? Ей нет равных. Она Алекса Гордеева! Обида и злость нахлынули на нее. Гнев медленно закипал внутри, как молоко, оставленное на огне.

Когда она наконец опустила телефон, он с глухим стуком упал на пол, а внутри что-то шелкнуло.

Ее охватила ярость. Такая, что даже страх отступил. Алекса начала метаться по квартире и крушить все, что попадалось под руку. Швыряла на пол фарфоровые вазы, стоявшие целое состояние, бросала в стену фоторамки, переворачивала стулья. Из груди вырывались крики и ругательства.

— Как ты посмел? Как ты посмел? — раз за разом повторяла она. — Ты бросаешь меня ради этой девки?

Еще в доме у Вальзера Алекса поняла, что между Игнатом и Владой летали искры. Такие чувства, такое притяжение невозможно скрыть.

— Ненавижу, ненавижу тебя, Влада, — негодовала Алекса.

Она не могла понять, как ее могут отвергнуть. Да, Влада красива, богата, но до Алексы ей далеко.

— Таких, как я, не бросают, — зло выплюнула она. Гнев распалял душу. Внутри все полыхало. Алексу трясло — не от холода, а от обиды и унижения. От того, что кто-то посмел сказать ей «нет». — Бросить могу только я, когда захочу.

Только она решает, когда ставить точку. Алекса всегда знала себе цену. Верила: она не просто особенная — она уникальная.

Слова Игната будто обожгли кожу, оставив след — невидимый, но ощутимый. А еще вернулся страх. Не перед ним, нет. Перед тем, что теперь скажет мать, как на нее посмотрят подруги — эти вечно улыбающиеся завистницы, что шепчутся за спиной. Игнат не просто парень. Он выгодная партия.

Когда очередная ваза с грохотом разбилась о стену на мелкие осколки, Алекса вздрогнула, словно очнулась. Наконец она пришла в себя, а ее продолжительная вспышка ярости закончилась. Девушка огляделась: в квартире царил настоящий хаос. Пол покрывали осколки, тут и там валялась поломанная мебель, повсюду были разбросаны вещи.

Алекса сделала несколько глубоких вдохов и, стараясь не наступать на стекло, пробралась к мини-бару. Небрежно налила красное вино из откупоренной прошлым вечером бутылки в единственный уцелевший бокал. Сделала глоток. Второй. А потом и вовсе опустошила его залпом и налила себе еще. Вино согревало. Думать стало легче. Присев на диван, Алекса начала размышлять. Она знала, что Игнат вспылыв, и, хотя с возрастом он становился сдержаннее, решила, что его гневный звонок — первая реакция, эмоции, которые он выплеснул на нее. Перебрав в голове его слова — резкие, как щелчки кнута, она пришла к выводу, что он вряд ли откажется от их отношений. Потому что чувства — это красиво, но договор — надежно. Алекса усмехнулась. Для мужчин бизнес превыше всего. А когда речь идет о больших деньгах, даже самые принципиальные идут на сделки с совестью и задвигают эмоции на второй план.

— Нет, он не станет разрывать наш брак. Все обдумает, оценит и примет правильное решение, — успокоившись, хладнокровно рассуждала Алекса. — В конце концов, испугается последствий, не станет портить отношения с моим отцом. В противном случае папа размажет его вместе с семьей по стенке!

Она еще долго сидела на диване в разгромленной гостиной, говорила сама с собой. Это ее успокаивало и придавало сил.

— Все равно он будет моим, — взвесив, решила она.

Алекса не привыкла отступать и отдавать свое. Не умела отпускать. Все, что было ее, оставалось с ней. Всегда. И Игнат не станет исключением. Он — ее выбор. Ее жених. Ее собственность.

Спустя час девушку, разгромившую квартиру, невозможно было узнать. Спина выпрямилась, подбородок поднялся, взгляд стал холодным, колючим. Он не сулил ничего хорошего тем, кто ее унизил. Пока Алекса никому ничего не скажет. Игнат одумается, она еще сможет его

убедить не бросать ее. Должна убедить. Алекса вызвала клининг, а сама, чтобы окончательно прийти в себя, отправилась в клуб. Она позвонила подругам, нацепив привычную притворную улыбку. На душе было погано, но она не станет истерить, не станет звонить Игнату — нет. Пока нет. Она выдержит паузу. Даст ему время прийти в себя.

Пару дней стояла странная, напряженная тишина. Ни звонков, ни сообщений. Как будто все вдруг замерло — и Алекса почти позволила себе поверить, что Игнат опомнился. Что вспышка гнева прошла и все вернется на круги своя. Но звонок от отца мгновенно развеял эту иллюзию, внутри появились смутные подозрения. Его голос был спокойным, слишком спокойным.

— Срочно приезжай. Нужно поговорить.

Алекса примчалась к родителям через полчаса после звонка. Она была так взволнована, что даже толком не успела привести себя в порядок и знала, что ее внешний вид вызовет у матери лишь презрительную усмешку.

Алекса вошла в отцовский кабинет, вдыхая знакомый запах дерева и терпких сигар. Гордеев-старший сидел у окна в своей любимой позе: руки сцеплены в замок, взгляд острый, как лезвие. Мать стояла возле него, в алом костюме, как всегда безупречно сидящем на ее фигуре. Отец молчал пару секунд — слишком долгих, слишком красноречивых, а потом кивнул на кресло напротив.

— Что ты знаешь о договоре между Игнатом и Вальзером?

Алекса напряглась и нерешительно села в кресло, бросив взгляд сначала в пол, потом на отца.

— Условия сделки обсуждались без меня. Никаких подробностей я не слышала, — ответила она тихо, сдержанно, словно боялась, что голос ее подведет.

— Это все? — отец чуть приподнял бровь. — Не густо. Не похоже на тебя.

Он говорил ровно, но за его спокойствием чувствовался холод, а может даже разочарование. Алекса сжала пальцы в кулаки. Не хотелось огорчать отца, но сказать ей было нечего. Врать родителям она не могла. Да и смысла не было. Молчание длилось слишком долго. Алексе становилось все более некомфортно в обществе родителей.

— Что ты знаешь о дочери Вальзера? — Голос матери прозвучал спокойно, но требовательно, и Алекса мгновенно насторожилась. Инга Гордеева села в кресло рядом с мужем, подставив тонкую ладонь под острый подбородок и опираясь рукой о подлокотник. Ее глаза смотрели прямо в душу — цепко, хищно. — Ты должна была с ней сблизиться, разузнать о Вальзере и его договоренностях с младшим Елецким, — сказала она тихо, но тон не допускал никаких возражений. — Ты должна была быть нашими глазами и ушами там, где нам их не хватает. И что же?

Алекса сжала пальцы, впиваясь ногтями в ладони до боли.

— Дочь Вальзера — настоящая хамка, никаких манер. Общается со всеми без капли уважения. Оказалось, что Игнат спас ей жизнь, а она говорила с ним так, будто делала ему одолжение, будто это не он ее спас, а она ему позволила. Еще и предложила заплатить за его услуги.

— Спас? От кого? Предложила деньги? — перебила мать, точно вычленив главное. — Сколько?

— Этого они не обсуждали. Игнат ответил, что спас ее не за вознаграждение.

Инга усмехнулась — холодно, будто услышала плохой анекдот. Она не верила в чужую добродетель.

— И мы узнаем это только сейчас? Что ты за невеста, если ничего не знаешь про своего жениха? Он спасает чужих девиц, а ты не в курсе происходящего? — Инга усмехнулась и переглянулась с мужем.

Алекса прикусила губу. Она хотела рассказать про странное ощущение, которое не отпускало после встречи с Владой в доме Вальзера. Но мать ее оборвала.

— Тебя просили собрать информацию о Вальзере и Елецком. Какое мне дело до характера какой-то там безродной девчонки и твоего отношения к ней. — Инга откинулась в кресле, скрестив руки.

— Но, мама, ведь ты сказала, что я должна найти к ней подход... — почти шепотом проговорила Алекса, опуская глаза. Почему с ней всегда было так — одно слово матери, и все внутри будто сжималось?

— Судя по твоему рассказу, ты и этого не смогла, — бросила Инга с легким презрением. В комнате повисла тишина. И от этого хотелось провалиться сквозь землю.

— Она ни с кем не дружит. Скрытая и замкнутая...

— И не так глупа, по всей вероятности. — Мать не собиралась слушать оправдания Алексы, всем видом показывая, что дочь в очередной раз не оправдала ожиданий.

«Не так, как кто?» — хотела уточнить Алекса, но ответ был очевидным.

— Ты вообще в курсе, что твой жених разорвал помолвку? — Голос отца разрезал тишину, как скальпель. — Юристы Елецкого с нами связались на днях. Как ты это объяснишь?

Алекса вздрогнула. Она все еще цеплялась за тонкую, почти прозрачную надежду, что Игнат передумает. Она также рассчитывала, что случившееся хотя бы на время удастся скрыть от родителей. Алекса молчала, ей страшно было поднять глаза. Особенно — на мать.

— Ты ни на что не годна, — почти лениво произнесла мать, с тем особым равнодушием, которое ранит сильнее крика. — Даже мужчину удержать не смогла. Сама виновата.

И в этот момент у Инги зазвонил телефон. Прервав тираду, она вышла из кабинета — быстрым, уверенным шагом. Женщина терпеть не могла, когда кто-то слышал ее личные разговоры. Особенно — те, кого она сама считала «своими».

Алекса осталась с отцом наедине. Он был зол, но больше на Елецкого и в глубине души даже сочувствовал дочери. Подойдя молча, осторожно провел ладонью по ее волосам, ласково, как в детстве.

— Я старалась, правда, — прошептала Алекса, и голос предательски дрогнул.

— Я знаю. — Его голос стал мягче, роднее, кажется, он почувствовал, что перегнул палку. — Ты старалась. Но сейчас мне нужно понять, почему Игнат так резко прервал свадебный контракт. Любая информация нам может пригодиться. Помни: ничего еще не решено. Твой жених сам не понимает, что творит, он забыл о неустойке за отказ от свадебного договора.

Алекса с надеждой посмотрела на отца. Она всегда была папиной дочкой, и, несмотря на суровость, часто получала от него поблажки и чувствовала себя его любимицей.

— Папа, — тихо, неуверенно проговорила Алекса. — Пожалуйста, попроси своего человека... узнать все про Владиславу. Про ее прошлое. Что-то с ней нечисто — даже жена Вальзера ничего о ней не знает.

Отец слегка отстранился, прищурился.

— Почему она тебя интересует?

Алекса отвела взгляд.

— Я, возможно, ошибаюсь... но у меня такое чувство, что Игнат к ней равнодушен, — говорить открыто Алекса не стала, не могла признать своего поражения. — И если это правда... она может все разрушить, стать помехой.

Инга бы одобрила — Алекса быстро училась находить нужные рычаги. Зная, что отец ей не откажет, она воспользовалась его поддержкой, чтобы узнать все о сопернице и стереть ее с лица земли.

Часть 3. Никогда не сдаваться. Глава 27. Неожиданная встреча на море

Говорят, что невозможно грустить там, где волны бьются о берег. Но я стала исключением. Я чувствовала себя чужой среди бирюзовой воды и белого песка. Ни солнце, ни теплое море не могли вытянуть меня из пустоты, окутавшей сердце. Для Мэри каждый день был праздником, а для меня проходил будто бы в серых тонах.

Единственным, что оставалось живым, были воспоминания. Я прокручивала в голове, как мы с Игнатом бегали по пляжу, играли с волнами, плавали наперегонки, звездочками лежали на воде, держась за руки. В его объятиях мир казался бесконечно теплым и настоящим. Я видела его взгляд, полный любви, ощущала прикосновения, слышала шепот... В памяти оживали последние моменты счастья — та романтическая ночь под звездами, удивительное небо, наш восторг. Рядом — мама, счастливая, красивая, родная. Костя. И слова мамы, застывшие в моей памяти, как предчувствие: «Будто больше это не повторится».

Я хотела бы забыть то счастье, которое уже не вернуть, и тогда, возможно, стало бы легче дышать, не болело бы, не разъедало душу. Но если я все забуду, что у меня останется? Ведь пока я помню — я жива, даже если внутри пусто.

Дни проходили однообразно. Мэри, вырвавшись на свободу, каждый вечер проводила в барах, утопая в алкоголе, внимании и танцах. Она наслаждалась каждым мгновением, будто хотела компенсировать годы, проведенные в золотой клетке.

Флирт и комплименты зажигали в ней что-то новое, а точнее, давно забытое — потухший огонь желаний. Без надзора охраны она утратила осторожность и, кажется, уже не думала о том, что я могу рассказать отцу о ее поведении. Ей нравилось быть «на свободе», и она во что бы то ни стало хотела вовлечь меня в свои похождения.

— Почему ты такая мрачная? — укоряла меня Мэри, присаживаясь за барную стойку. — Радоваться жизни надо, понимаешь? Наслаждаться молодостью, получать удовольствие, пока не вышла за своего Марка. Не только мужикам нужно нагуляться перед свадьбой, если ты понимаешь, о чем я, — пьяно хихикала мачеха, чуть покачиваясь. — Вся в отца. Такая же неразговорчивая и холодная, — бурчала она, недовольная, что я отказывалась веселиться и танцевать с ней.

Но, если бы Мэри знала, почему я не могу радоваться жизни, она бы меня поняла? Посочувствовала бы? Смогла бы осознать, что меня терзает? Или сказала бы, что сама во всем виновата? Я не могла ответить на эти вопросы, потому что многого не знала о ее прошлом. И, честно говоря, не уверена, что хотела бы знать.

Так продолжалось изо дня в день. Мы с Мэри завтракали в ресторане, перекидывались ничего не значащими фразами, едва уделяя внимание друг другу. Она жаловалась на последствия вчерашних коктейлей, ворчала о головной боли или, наоборот, с увлечением рассказывала, сколько парней пригласили ее на танец. Затем мы шли на пляж, где Мэри дефилировала в откровенных купальниках. Плавали, загорали, делали то же, что и все отдыхающие. Как будто мы были самыми обычными туристами.

Вокруг кипела жизнь. На пляже было много семей с детьми. Родители, бабушки и дедушки носились с отпрысками, как наседки, то и дело оттаскивая их от воды. А иногда заходили в море вместе с ними, учили плавать. Кругом раздавался детский смех, восторженные голоса, радующиеся солнцу и морю, возможностью отдохнуть... Идиллия, которой не суждено случиться в моей жизни.

Несколько раз звонил Вальзер, спрашивал, как нам отдыхается и все ли в порядке. Подобные проявления заботы были ему не свойственны, но почему-то приятны. В его голосе чув-

ствовалось непривычное тепло. Он вел себя странно. Однажды перед тем, как положить трубку, после долгой паузы сказал:

— Я люблю тебя, дочка. Несмотря ни на что. Ты должна знать, что я всегда буду на твоей стороне. Хочу, чтобы ты была счастлива. Мы наделали много ошибок, но теперь мы — семья, и я тебя в обиду не дам.

Я не знала, о чем он говорил с Мэри, но их последний разговор ее явно не порадовал. Положив трубку, она начала тихо ворчать, что муж надоел ей нотациями и не дает спокойно отдыхать. На следующий день с ее лица не сходила усталая улыбка, будто она приклеила ее специально, чтобы показать, как ей хорошо и весело. Но я видела, как за показной легкостью прячется что-то странное.

После звонка я попыталась отбросить тревожное предчувствие. Слова Вальзера не выходили у меня из головы. Мне казалось, что он говорил так, будто прощался. Его голос был другим — не властным, как всегда, а каким-то... усталым. Почему отец, который никуда не отпускал нас без охраны, теперь отправил так далеко одних? Почему так спешно? Чем больше я думала об этом, тем сильнее нарастала тревога.

Внутри все разрывалось от беспокойства за маму. Я скучала по ней и не могла связаться, не знала, как у нее дела, все ли с ней в порядке. Эти переживания заполняли мою душу. Неужели вся жизнь будет вот такой — под чужим именем, в бегах и страхе? Сколько еще это продлится? С каждым днем во мне разгорался гнев. Ведь у меня отняли мое прошлое, мое будущее и, кажется, даже надежду.

Я думала об Игнате, о нашем поцелуе, его тепле, взгляде, полном боли и нежности. Я хотела быть рядом с ним, но вынуждена от него отказаться. У него скоро свадьба, пусть и по расчету, но это укрепит его положение в бизнесе. Могу ли я разрушить его жизнь и будущее?

И Марк... Как Стас поступит с нами, если я откажусь от этого брака? Он ведь убьет нас обоих. Я не знала, что предпринять. Но понимала, что нужно что-то делать, что я не могу больше проживать чужую жизнь. Если подчинюсь, у меня никогда не будет своей.

По вечерам я по привычке снова залипала в «Симс» — игра удивительным образом меня успокаивала. А Мэри развлекалась в барах, больше не пытаясь тащить меня за собой.

Несколько раз я гуляла по небольшому курортному городку. Он утопал в зелени, всюду росли цветы. По вечерам округу заполнял запах роз — нежный, дымный, душистый аромат с фруктовыми нотами. Кусты разноцветных роз росли повсюду — ровные, аккуратно подстриженные. Они почему-то успокаивали меня. Узкие улочки городка вели к морю. Я любила бродить по их каменистым тропинкам, забредать в незнакомые места. Поначалу я боялась заблудиться, но потом освоилась и безошибочно находила нужное направление, быстро добираясь до отеля, где мы остановились.

Бывало, что ко мне присоединялась Мэри. С ней мы однажды устроили тур по местным магазинам, купив кучу ненужных вещей, — шопинг приводил ее в восторг, а у меня закончились отговорки для отказа. От Вальзера не было звонков уже второй день. Мэри задала вопрос, который тревожил и меня:

— Слушай, а нас здесь не забыли? Что-то давненько я не слышала новостей от своего муженька. Мне это не нравится, — по-детски закусив губу, будто собираясь заплакать, произнесла она.

Мэри набрала номер мужа, Она знала, что нарушает запрет звонить ему, но решила послушаться. Телефон молчал. Гудки, снова гудки, а потом голосовая почта.

— Что это значит? Он же раньше чаще звонил, проверяя, хорошо ли я себя веду, надоедал нотациями. Влада, что происходит? — бесконечно задавала мне вопросы мачеха.

— Не знаю, Мэри, но скоро все станет понятно, — стараясь сохранять спокойствие, ответила я.

Ее тревога передалась и мне, но я знала, что бросить нас здесь Вальзер бы не мог. Мы с Мэри еще немного поговорили о его странном молчании и пришли к выводу, что ничего серьезного не произошло. Пока причин для паники не было. Не могу сказать, что я в это верила, но других вариантов у нас не оставалось.

На отдыхе я продолжала писать историю про девушку-звезду. После встречи с Игнатом в голове вспыхнули идеи, как ее продолжить. Все обрывалось на том, что принц заметил Зарю и решил подойти. У них завязался разговор. Заря была уверена, что он ее не узнает. И принц действительно видел перед собой другую девушку, но чувствовал внутренний свет своей возлюбленной. Принц тянулся к ней, слушал, не замечая обезображенной внешности.

На следующий день принц пригласил Зарю на встречу, и, глядя на себя в зеркало, девушка заметила, что шрамов стало меньше, — искренние чувства принца разрушали чары, исцеляя ее. Его любовь была сильнее колдовства злодея, ее — сильнее страха. Теперь Заря не боялась смерти и была счастлива рядом с любимым.

В один из дней, окончив очередную главу, я решила провести время на террасе отеля с книгой. Уютно устроившись в белом плетеном кресле с видом на море, я не могла сосредоточиться на тексте, в голове роились ненужные мысли. Тогда я отвлеклась на детей, играющих у воды в мяч. Мальчик лет шести и девочка чуть младше, похожие на брата и сестру. Он кидал ей мяч, она смеялась, ловила и бросала обратно. Иногда у нее не получалось, и мальчик показывал, как правильно.

Я вспомнила, как мечтала в детстве о старшем брате. И как он появился в моей жизни, пробудив взрыв эмоций и чувств. Вновь все мои мысли сводились к Игнату. Я хотела знать, что с ним, все ли в порядке? Но не могла даже позвонить, чтобы задать простые вопросы. Только про себя говорила, что люблю его по-прежнему, и желала, чтобы мой мальчик был счастливым. Поддавшись порыву морского бриза, я закрыла глаза и тихо, чтобы никто не услышал, произнесла его имя:

— Игнат.

Я представила его рядом, мысленно очертила силуэт лица: высокий лоб, волевой подбородок, янтарные глаза. Раньше его взгляд был дерзким, мальчишески самоуверенным, теперь же стал более мужественным и глубоким. Я хотела бы вечно смотреть в отражение его глаз. Замечтавшись, я не заметила движение за моей спиной. Кто-то зашел на террасу. Я почувствовала лишь легкое прикосновение к плечу, обернулась и замерла, увидев... Игната. Он стоял передо мной, высокий, широкоплечий, и улыбался, лучезарно, искренне. Я непроизвольно улыбнулась в ответ. Его густые, темно-кофейные волосы трепетал ветерок. Он снял солнцезащитные очки, и я увидела его выразительные глаза, в которых мне захотелось утонуть.

На миг я решила, что это видение — столько времени я думала о нем, и вот он здесь. Разве так бывает?

— Влада, здравствуй, — произнес он.

Его голос был до боли знакомым, низким, бархатным, родным. Это не сон — передо мной стоял Игнат в темно-синем поло, подчеркивающим сильные руки, белых льняных брюках и серых замшевых лоферах. Лицо с очерченными скулами было гладко выбрито. Он выглядел так, будто мы договорились здесь встретиться заранее. От неожиданности я выронила книгу. Он молча поднял ее и протянул мне, коснувшись моих пальцев. Между нами словно пробежали молнии.

— Что ты здесь делаешь? — спросила я, пытаюсь сохранить равнодушие, но от эмоций даже забыла поздороваться в ответ.

Глава 28. Свидание на пляже

— Просто магия вне Хогвартса — захотел увидеть тебя, и вот я здесь, — с лукавой улыбкой ответил Игнат. — Позволишь присесть? — Он указал на соседнее кресло.

Первым моим желанием, когда я увидела Игната, было броситься на шею, обнять, произнести его имя, целуя родные губы. Но продолжала сидеть в оцепенении не в силах дышать и пыталась сопротивляться его обаянию. Зная, что ради этой встречи он проделал долгий путь, преодолел тысячи километров, я лишь кивнула. Игнат сел напротив и, не отводя взгляда, смотрел на меня так пристально, что я, кажется, даже покраснела. Но подавать виду было нельзя.

— Я бы предпочла более логичное объяснение. Как ты здесь оказался?

Мы неотрывно смотрели друг на друга. Думаю, в моих глазах отражались все незадаанные вслух вопросы, недоумение и растерянность. И, казалось, Игнат чувствовал то же самое. Мы говорили без слов, одними взглядами, словно были заморожены друг другом.

«Я скучал по тебе».

«Я тоже».

«Как ты тут без меня?»

«Мне невыносимо одиноко. Я хотела, чтобы ты был рядом, но не смела об этом мечтать».

«Я же обещал, что всегда буду рядом».

Но вслух мы говорили совсем другое.

— Я уже сказал — приехал к тебе, — усмехнулся он. — Но если тебе будет так спокойнее, могу соврать, что у меня поездка по делам компании, — добавил Игнат, наблюдая за моей реакцией.

— Зачем? Ты же понимаешь, насколько это опасно для нас обоих, — ответила я, стараясь сохранить твердость в голосе.

— Влада, чего ты боишься?

«Боюсь, что не смогу отпустить тебя», — промелькнуло в голове, но я промолчала. Лишь закатила глаза, показывая, насколько глупым считаю его вопрос, и хотела встать, чтобы уйти. Но он не дал мне этого сделать, мягко взяв за руку.

— Рядом со мной тебе нечего бояться. Лучше расскажи о себе. Как ты проводишь время? Нравится отдых?

— К чему эти светские беседы? Отпусти, — раздраженно бросила я, пытаясь высвободить руку.

— А я хочу разгадать твою тайну, Влада. — Его янтарные глаза загадочно блеснули.

— Нет никаких тайн, Игнат. У тебя есть невеста. У меня — жених. И позволь напомнить, что это не ты, — холодно парировала я, хотя внутри все пылало от желания продолжать этот разговор, слушать его голос, отвечать на вопросы.

Мне отчаянно хотелось, чтобы он так и держал меня за руку. Хотелось рассказать, как тяжело было пережить эти годы без него. Узнать, каково ему самому было без меня. Но я не могла себе этого позволить. Слишком многое стояло на кону: жизнь мамы, жизнь Игната, моя жизнь. Что сделает с нами Вальзер, если узнает? Не раздумывая уничтожит всех. А Стас? Его заботят только деньги и власть, и он избавится от нас, как только что-то пойдет не так. Я понимала, что должна быть осторожной, действовать хладнокровно. Рисковать нельзя. Только не сейчас.

— Ладно, Влада, не буду мучить тебя вопросами, — вдруг смягчился он. — Я приехал, чтобы пригласить тебя на свидание. И твой отец позволил мне. Он и сообщил, где вы находитесь, — глаза Игната вспыхнули. — И да, официально невесты у меня больше нет. Осталось

лишь уладить вопрос с твоим женихом, — он смешно поморщился на последнем слове. — Но и эта проблема почти решена.

— Как мило, вот это новости, — хмыкнула я как можно ехиднее, переваривая услышанное. От его слов все перевернулось внутри. Я онемела, пытаюсь понять, как мне быть дальше? Как реагировать на его слова?

— Я остановился в гостинице рядом. — Игнат кивнул в сторону высокого отеля чуть поодаль, игнорируя мои колкости и по-своему истолковав мое замешательство. — А где Мэри? Я знаю, она здесь с тобой.

— Где-то гуляет, — уклончиво ответила я, подозревая, что Вальзер отправил Игната не просто для встречи со мной, но и присмотреть за женой.

Мы сидели, молча глядя друг на друга. Нам не нужны были слова — казалось, все уже сказано взглядами. Но внутри не утихал вопрос: что он имел в виду, когда сказал, что у него больше нет невесты? Это было словно маяк, указывающий на новый поворот судьбы. Неужели правда? Что могло произойти?

— Влада, может, прогуляемся? — наконец прервал молчание Игнат.

Так просто было согласиться, сделать вид, что в его предложении нет никакой опасности. Так просто забыться хоть на немного, позволить себе быть там, где хочется. И я решила рискнуть. Рядом с Игнатом было спокойно и легко. С ним стихала боль и забывалась тревога. Я бы пошла за ним, даже если бы не знала его раньше. Он излучал уверенность и силу, и мне хотелось просто довериться ему.

Мы вышли с террасы и двинулись вдоль моря. Я украдкой поглядывала на Игната, любясь им. Взрослый, сдержанный, немного суровый, но по-особому элегантный. Как бы мне хотелось, чтобы он был моим.

Я сняла плетеные белые босоножки, позволив ногам утопать в песке. Поначалу держалась на расстоянии, но под напором его обаяния сдалась. Мы говорили о море, погоде — о самых безопасных вещах, которые только можно было выбрать для разговора, а потом перешли к обсуждению книг.

Впервые за шесть лет мне стало по-настоящему легко. Мне казалось, что я выдохнула после долгого напряжения. Этот разговор ни к чему нас не обязывал и ни на что не намекал. Мы говорили ни о чем и обо всем сразу. Казалось, между нами на миг исчезло все, что мешало: боль, обиды, ожидания.

Я так увлеклась беседой, что споткнулась о камень, притаившийся в песке, и потеряла равновесие. Игнат не дал мне упасть. Его руки обхватили мою талию, он привлек меня к себе легко и так естественно, будто делал это каждый день.

Я должна была отстраниться. Но не сделала этого. Только крепче вцепилась в его плечи. Эта прогулка, возможно, была последним шансом побыть вместе, и я не могла от него отказаться.

Чем дальше мы шли, тем меньше людей встречалось нам на пути. Пляж становился пустынным, и вскоре мы остались совсем одни. Мы все шли и шли, нам не хотелось расставаться. Морской ветер трепал края моего легкого голубого платья.

Поддавшись порыву, я побежала к воде, и Игнат бросился следом без слов, готовый следовать за мной куда угодно. Я оказалась по щиколотку в воде, не боясь намочить подол платья. Игнат был рядом. Я опустила руку и кончиками пальцев прикоснулась к теплой бархатистой глади волн.

— Только без обливаний, ладно? — засмеялся Игнат.

— Конечно, — покорно согласилась я, тут же плеснув в него водой.

Он сделал вид, что крайне возмущен.

— Я этого так не оставлю, — с напускной строгостью сказал Игнат, хотя в его глазах искрились смешинки. На меня обрушился шквал брызг.

Мы беззаботно смеялись и плескались в воде, словно дети. В тот миг я была так близка к тому, чтобы почувствовать себя по-настоящему счастливой. В очередной раз попытавшись убежать, я оказалась в кольце сильных рук Игната. Мы замерли, слыша лишь стук наших сердец. Я боялась обернуться, чтобы не утонуть в его взгляде.

— Посмотри на меня, Влада, — прошептал Игнат.

Я подчинилась. Обернулась и подняла глаза. Мои ресницы трепетали, а в его глазах увидела свое отражение. Во мне снова проснулась надежда, которую я давно потеряла. Но быстро зажмурилась, отгоняя воспоминания о прошлом.

Игнат склонился и дотронулся губами до моей щеки. Неспешными легкими поцелуями он приблизился к уголкам губ, будто спрашивая разрешения. Я должна была его остановить, но не смогла. Не открывая глаз, я нашла его губы своими и прижалась еще крепче. Игнат обнял меня, словно укрывая от всего мира. Я отбросила воспоминания и несбыточные надежды на будущее, просто наслаждаясь моментом рядом с тем, кого люблю. Наши чувства обнажились. Поцелуй становился все более пылким и отчаянным — словно эхо несказанных слов, противоречивых эмоций и несостоявшихся признаний.

Волны набегали на берег, омывая наши босые ноги. Мне казалось, что я тону, не чувствуя под собой земли. Желание, близость, жадные поцелуи — все это было более естественным, чем та фальшь, в которой я жила. Море стерло границы между нами. Еще немного, и мы сорвались бы в пропасть, откуда уже невозможно вернуться. Игнат целовал мою шею, а я хватала воздух ртом, сжимая его волосы в попытках то ли притянуть его ближе, то ли оттолкнуть. Внезапно я осознала, что мы находимся на пляже и нас могут увидеть.

— Постой, Игнат. Так нельзя, — прошептала я, пытаюсь отстраниться.

Он не сразу понял, что мое настроение изменилось.

— Почему? Что не так? — замер Игнат, не выпуская меня из объятий.

— Мы будем жалеть. Что я скажу Марку? А ты Алексе? А мой отец? Он будет в бешенстве. Ты не можешь просто отказаться от своей свадьбы, как и я от своей, — я повысила голос, пытаюсь до него достучаться.

— Никакой свадьбы не будет, Влада! Я же говорил, что разорвал помолвку. И тебе не дам выйти замуж за Марка. Один раз я уже потерял девушку, которую любил. Не позволю этому повториться. Тебя тянет ко мне, я же вижу. Это невозможно подделать. Как и я не могу притворяться, что ничего к тебе не испытываю. Чего ты боишься? Любить? — Игнат смотрел на меня, и в его красивых, выразительных глазах читалось полное доверие.

Он был откровенен со мной, и я не могла просто оттолкнуть его. Мне нужно было объяснить.

— Я тоже теряла любимых и не хочу, чтобы это повторилось. Боюсь причинить боль тому, кого люблю, но не могу предотвратить ее. Она неизбежна, — ответила я печально.

— Я хотел бы забрать все твои страхи, — произнес он с отчаянной решимостью.

Но Игнат не мог знать, что он сам и есть мой главный страх. Я боялась снова быть с ним, потому что могла потерять его навсегда. Безвозвратно.

Мы все еще стояли по щиколотку в воде, но говорить больше не хотелось. Игнат понял это и, взяв меня за руку, повел к отелю. Обрато мы шли молча. Он крепко держал мою ладонь и украдкой поглядывал в мою сторону. Я была тронута его вниманием и пониманием. Похолодало. С моря напoлзал белесый туман. Вернувшись в отель, Игнат проводил меня до номера и сказал, что останется в городке еще на несколько дней и будет ждать, когда я позову его. Вальзер дал ему мой номер, и я могла звонить ему без опасений. Но я думала, что не сделаю этого.

В номере я долго сидела на кровати, глядя на ночное небо, затянутое облаками, и пытаюсь понять, что делать дальше. Как быть с Игнатом? Пытаться убедить его, что он должен выбросить меня из головы, или исчезнуть? А быть может, не противиться своей любви?

Через пару часов ко мне забежала Мэри. На ней было вызывающе короткое коктейльное платье, которое приковывало взгляды мужчин. Она явно не скучала весь день, купаясь во внимании.

— Влада, выкладывай. Я видела этого знойного красавчика Игната, вышедшего из нашего отеля. Как он здесь оказался?

— Приехал по делам фирмы, — соврала я.

— Ну да, как же. Случайным ветром по рабочим делам занесло именно на это побережье, куда нас сослали, — закатила глаза Мэри.

— Я знаю не больше, чем ты, — отрезала я, не в настроении продолжать бессмысленный разговор.

— Ну что ты за злока, Влада? Как тебя только терпит Марк? Он воистину святой человек! Очнись! Вокруг море, солнце, пляж, песок и красавчик, который прилетел ради встречи с тобой, а ты делаешь вид, что тебе плевать. Я же видела, как вы смотрите друг на друга. Может, это твой последний шанс оторваться по полной? Лови его! Никто не осудит, ты пока свободна. Мне же даже танец с незнакомцем может стоять больших проблем, — вздохнула Мэри.

Она продолжала щебетать, но я зацепилась за фразу «последний шанс». Что, если она права? Может, эти дни на море — все, что у меня осталось, мой последний шанс побыть с Игнатом. Как я могу отказаться от такой возможности? Когда Мэри ушла, я написала Игнату:

«Завтра в шесть вечера на заброшенном пляже».

«Я буду ждать», — почти сразу пришел ответ.

Глава 29. Волшебная ночь вдвоем

Я наткнулась на этот пляж случайно, во время одной из своих бесцельных прогулок. Уединенное место — пустынный берег моря, окаймленный со стороны гравийной дороги густыми деревьями. Здесь все казалось застывшим, словно вне времени.

Игнат сидел на большом камне, уставившись на бескрайнее море. Его взгляд то скользил по чернеющей воде, то задерживался на огнях города вдалеке. Я наблюдала за ним издали, боясь нарушить эту картину. Какой он красивый. На нем была светлая футболка, обтягивающая мускулистый торс, и темные джинсы. Легкий ветер трепал кофейные волосы. На мгновение мне показалось, что я — снова Яра, что нас не разделяют шесть долгих лет, что мы счастливы, как прежде.

Но реальность настигла меня. Взглянув на свое отражение в воде, я увидела совсем другую девушку. Я — Влада. И больше никогда не буду Ярославой. Мне не стоило это забывать.

Игнат услышал мои шаги и обернулся.

— Здравствуй, Влада! — он с улыбкой поднялся мне навстречу.

Я с трудом подавила желание улыбнуться в ответ.

— Здравствуй, — коротко бросила я, стараясь говорить ровно.

— Я боялся, что ты не придешь. — Он смотрел на меня с такой надеждой, что мне стало трудно дышать.

— Не в моих правилах бросать слова на ветер, — сказала я, избегая его взгляда.

Мы медленно шли по пустынному пляжу, чувствуя, как ноги утопают в теплом песке. Солнце уже скрылось за горизонтом, забирая с собой последние золотистые блики. Небо потемнело, море становилось почти черным, а над нами одна за другой зажигались звезды. Игнат держал меня за руку, а я смотрела на звезды, пытаясь убедить себя, что это всего лишь прогулка, что мы не нарушаем никаких правил.

Я не выдержала тишины и первая заговорила. Стала расспрашивать о работе, о том, чем он живет. Мне хотелось знать о нем все. Игнат был удивлен и обрадован моим интересом. Ему нравилось рассказывать, а мне — слушать. Я жадно впитывала каждое его слово.

О себе я выдала заученную легенду: тяжелое детство, интернат, то, как меня нашел Вальзер. Но внутри все кричало: «Это я, твоя Яся! Узнай меня!». Я глушила этот крик, боясь все испортить. Если сейчас он вырвется наружу, то все разрушится.

— Ты говорил вчера, что потерял свою любимую. — Мой голос дрогнул, но я все же задала вопрос, ответ на который боялась узнать. И тут же добавила: — Если тебе тяжело об этом говорить, то не надо.

Игнат крепче сжал мою руку, словно искал поддержки. Он остановился и посмотрел на меня. Чувствовалось, что то, о чем он сейчас скажет, очень важно для него.

— Моя любимая девушка трагически погибла шесть лет назад. — Его голос был тихим, но каждое слово резало меня, как нож. — Иногда мне кажется, я до сих пор не пережил ее потерю. Тогда я не хотел жить. Хотел умереть вместе с ней. Не знаю, что меня спасло. Может, друг Серж. Он был рядом, когда я кричал от боли, когда казалось, что смысла жизни больше нет. Потом отец заболел, ему нужна была помощь. Я ушел в работу, пытался забыть. Многие думают, что я стал бездушным роботом. Наверное, так и было... пока я не встретил тебя.

Я не смогла ответить. Мое сердце сжалось от тоски и боли, которые он пережил. Мой бедный мальчик. Как же он страдал. Я посмотрела в его янтарные глаза. Минуту назад они светились теплом, но сейчас в них появилась пустота. Она тянула меня за собой, и я чувствовала, как неумолимо в ней тонет вся моя решимость.

Мои вопросы о прошлом напомнили ему о том, от чего он пытался бежать. Я понимала это. Он помнил меня такой, какой я была тогда, и осталась для него той Ясей, которую он,

возможно, все еще любил. Нет, я знала, что любил. Видела это в его взгляде, в котором читались одновременно и тоска по прошлому, и новая, хрупкая надежда. Он смотрел так, будто сравнивал меня со своей прежней любовью.

И все же я знала: он тянется ко мне как к Владе. Я привлекала его сейчас. Иначе зачем ему быть здесь, на этом пустынном пляже, так далеко от дома? Я поддалась порыву и нежно поцеловала его в щеку, аккуратно притронувшись к лицу и легко касаясь пальцами его скулы, словно стремилась забрать всю его боль, исцелить душевные раны. Я больше не могла скрывать правду. Теперь, когда он был так близко, мне нужно было лишь протянуть руку, заглянуть в любимые глаза и прошептать: «Игнат, это я, твоя Яся. Я жива. Я здесь. Спаси меня».

Мне хотелось рассказать всю свою историю с самого начала, с того дня, что навсегда изменил наши жизни. Хотелось закричать, чтобы он, наконец, узнал меня. Но что-то невидимое сжимало грудь, не давая сделать это. Игнат почувствовал перемену, что со мной происходит что-то странное. Он пристально посмотрел на меня, его голос прозвучал тихо, почти виновато:

— Прости. Ты мне очень нравишься, Влада. Ты такая красивая. Я не должен был тебе это рассказывать. Кажется, я расстроил тебя.

Он притянул меня ближе, обнял так крепко, словно боялся, что я исчезну.

— Игнат, подожди, — начала я, пытаюсь отстраниться. — Мне нужно тебе многое рассказать. Ты не должен был меня встретить, не должен был заметить, не должен был... спасти. Тебя вообще не должно здесь быть.

— Может быть, — медленно кивнул он, хотя было видно, как ему не хочется соглашаться. — Но я уже здесь. Не отталкивай меня, Влада. Ты нужна мне. И я могу тебе помочь. Мы сможем быть счастливы. Доверься мне.

— Ты ничего обо мне не знаешь, — выдохнула я, чувствуя, как дрожит мой голос.

— Напротив. Я знаю, что ты не та, за кого себя выдаешь. — Его голос прозвучал уверенно. — Тебе проще притворяться холодной, потому что ты боишься показать свое тепло, себя настоящую. Но я его чувствую, Влада. Ты согреваешь меня. Рядом с тобой я ощущаю себя живым.

Я молчала, не зная, что ответить. Игнат смотрел на меня так пронзительно, что я больше не могла выдержать. Он обнял меня, и я закрыла глаза, позволяя себе на мгновение расслабиться. Я больше не могла его отталкивать и сражаться со своими чувствами.

Игнат еще крепче притянул меня к себе, провел руками по моей талии, пальцами касаясь спины, а затем бедер. Он зарылся носом в мои волосы. Пряди, забранные в хвост, растрепались на ветру и стали влажными от соленого морского воздуха. Глубоко вздохнул, словно готовясь к прыжку в пропасть, и вновь склонился ко мне, взяв за подбородок. Его губы почти касались моих губ, я почувствовала учащенное биение его сердца, когда он спросил:

— Можно я поцелую тебя, Владислава?

— Да, — ответила я в тот момент, когда его мягкие, нежные губы накрыли мои в одном из самых головокружительных поцелуев в моей жизни. Сначала легкие и невесомые поцелуи становились все смелее, сметая последние остатки контроля. Поцелуи дарили нам свободу.

Я потеряла себя в этих объятиях, в его руках, в его губах. Все барьеры рушились. Я обвила его шею руками, отвечая с той же страстью, которую так долго сдерживала, страстью, которая владела нами в нашей прошлой жизни. В тот миг не существовало ни прошлого, ни будущего — только мы.

Не помню, как мы оказались у него в номере. Лишь попросила не включать свет. Игнат бережно снял резинку с моих растрепавшихся волос, и они рассыпались по плечам.

Он заключил меня в объятия, а я прижалась к нему и целовала в шею. Я знала, ему так нравилось раньше. Игнат слабо застонал и склонился к моим волосам, вдыхая их аромат, а я ощущала его сбивчивое дыхание. Его руки, большие и сильные, такие родные, не отпускали

меня. Они скользили по моим плечам, шее, спине, будто изучая, доставляя мне наслаждение, от которого по телу пробежали мурашки. Я не верила, что все происходит наяву.

— Влада... — прошептал он, снова касаясь моих губ своими. Его голос был полон нежности и любви. — Я хочу быть с тобой. Хочу, чтобы ты была только моей.

Его слова, эти ласки, этот миг очаровывали меня. Поцелуи, от которых пламя, разгорелось в наших сердцах, захватили нас полностью. Поцелуи трогательные, чувственные и одновременно требовательные и дразнящие. Все происходило слишком мягко, нежно и слишком быстро одновременно.

Мы упали на широкую кровать. Игнат оказался снизу. Я лежала на его мускулистой груди. Наши тела стремились стать одним целым, прижимаясь друг к другу все настойчивее, движения — решительнее, а поцелуи — глубже. Огонь любви разгорался в нас все сильнее.

Поцелуев уже было недостаточно. Мы хотели большего. Дыхания не хватало, но это заводило еще больше.

Игнат аккуратно стянул с моих плеч тонкие бретели майки, оголяя грудь и умело играя с ней пальцами. Он точно знал, где задержаться, как прикоснуться, чтобы заставить меня дрожать.

Его улыбка была легкой, чуть озорной, словно он наслаждался моим смущением, понимая, что мне это нравится. Игнат не торопился. Чутко следил за каждой моей реакцией, каждым движением, каждым вздохом, боясь сделать что-то не так.

Его прикосновения, оставаясь наполненными нежностью, становились все откровеннее. Он касался губами моей шеи, плеч, опускаясь все ниже и ниже и опалая дыханием мою кожу.

Его колено оказалось между моих бедер, а пальцы слегка приподняли юбку, обнажая полупрозрачное кружево моего белья.

Я чувствовала, как отзывается каждая клеточка моего израненного тела, отвечая ему. Влечение, горячее и нетерпеливое, заполнило меня, словно я ждала этого момента целую вечность.

— Игнат... — мое дыхание сорвалось, а голос прозвучал едва слышно. Я прикусила губу, чтобы сдержать предательский стон.

— Я с тобой, моя девочка. — Его голос был низким, теплым, таким родным.

Игнат продолжал осыпать меня поцелуями — легкими, как лепестки роз, словно укрывал меня от всего что могло бы мне навредить. Сам он оставался в одежде, а я непослушными руками стянула с него футболку. Моему взгляду открылось его тело. Игнат возмужал. Сильный торс, широкие плечи, рельеф мышц, вылепленные временем и усилиями. Передо мной был не просто красивый мальчик из прошлого, а мужчина, от которого я не могла оторвать глаз, восхищаясь каждым его движением. Я так скучала по тебе, Игнат!

Моя ладонь скользнула по его напряженной груди, медленно опускаясь ниже, по животу, к резинке штанов. Я чувствовала его возбуждение, и это только подогревало мое желание. Игнат, наконец, стянул с меня остатки одежды. Он замер на мгновение, его взгляд пробежал по моему телу, освещенному мягким светом луны. Мои щеки налились жаром. Замешательство охватило меня, я испугалась. Дыхание оборвалось. Внезапно нахлынувший страх заставил инстинктивно прикрыться руками. Мог ли он узнать меня? Догадаться, что я — Яра? Черты лица изменились, но тело... оно осталось прежним. Игнат заметил мой жест, но принял его за смущение. Он снова наклонился ко мне и трепетно поцеловал, крепко обняв меня и стирая последние сомнения.

Моя душа рвалась на части. Я хотела отдать ему всю себя, вкладывая в объятия и поцелуи, и любовь. Я хотела обладать им и чтобы он обладал мной. Но боялась быть узнанной сейчас, именно в этот миг. Я сама должна была раскрыть ему правду. Эти мысли сбивчиво, словно ураган, проносились в сознании и мгновенно исчезали под натиском чувств от его прикосновений.

Игнат почувствовал мое смятение. На несколько секунд он остановился, вглядываясь в мое лицо и тревожась обо мне. Но я не могла остановиться, целуя его вновь, пылко, призывая к продолжению.

Его поцелуи становились еще более настойчивыми, а объятия — еще более страстными. Его руки опускались все ниже и ниже, а губы прильнули к моей груди. Я не смогла сдержать вскрик — эта нежная, будоражащая ласка сводила с ума. Я теряла голову. И не могла больше сопротивляться. Мы оба были на грани, это было наваждение. Любовь и помешательство. Все годы страха, боли и тоски исчезли в одно мгновение. Рядом с ним я снова чувствовала вкус к жизни. И отдалась этому моменту полностью. Я не знала, что будет дальше, что нас ждет, когда закончится ночь. Но сейчас принадлежала только ему. Казалось, что маска, пришитая к моему лицу, слетела. Осталась только любовь — нежная, зыбкая, пронзительная, как луч света в темноте. Игнат — мой. Только мой! Рядом с ним я забыла все страхи и потери, годы разлуки. Между нами не существовало ничего, что могло бы нас разделить. Есть только мы. И ничего лишнего. Его руки на моих бедрах, животе одновременно осторожные и возбуждающие. Мое сердце замирало от каждого его касания, я едва могла дышать. На секунду он вновь остановился.

— Все хорошо? — тихо спросил Игнат, глядя на меня, пытаясь прочесть мои мысли.

— Да. Хочу тебя. — Мой горячий шепот стал лучшим ответом.

Игнат продолжал, наслаждаясь каждым движением, каждым моим вздохом. Он словно знал каждую точку на моем теле, каждое место, способное заставить меня забыть обо всем. Я в ответ ласкала его плечи, чувствуя разгоряченную кожу, твердые мышцы. Пальцы скользнули вниз, и я коснулась его паха, вызывая глубокий стон. Игнат положил свою руку на мою, и задавал направление, пока у меня внутри не разгорелось пламя, распалюющее все чувства и желания. Игнат понимал, что происходит со мной, и это еще больше возбуждало его. Он тяжело задышал, упиваясь моими ласками.

В какой-то момент Игнат перехватил инициативу. Он перевернул меня на спину и, лежа рядом, стал поглаживать внутреннюю сторону бедра, а затем, немного раздвинув мои ноги, мягко коснулся самого чувствительного, самого сокровенного места, лаская пальцем все глубже, будто играя со мной, и делая ощущения ярче, чем сводил с ума. Волна наслаждения накрыла меня. Я не могла сдержать стонов, голова кружилась, когда я доходила до пика блаженства. Все происходящее было так откровенно, ошеломительно и волшебное.

Прервав на мгновение свои ласки, Игнат навис надо мной, опираясь на руки, и медленно, плавно вошел в меня, давая возможность привыкнуть к нему. Его движения были аккуратными, нежными, будто он боялся причинить мне боль. Постепенно его ритм ускорялся, а каждое движение все сильнее пробуждало во мне желание, заставляя меня стонать и крепче прижиматься к нему, ощущая жар его тела. Каждая клеточка жила только этим моментом. Происходящее казалось сладкой пыткой, и я хотела, чтобы это продолжалось вечно. От упоения я непроизвольно выгибала спину, закусив губу. Нам обоим не хватало воздуха. Движения становились все ритмичнее, и я чувствовала, что Игнат уже не может сдерживаться. Его глаза стали томными, словно пьяными, как у человека, потерявшего себя в эмоциях. В порыве страсти он произнес мое новое имя:

— Влада... — Его голос прозвучал как клятва.

Мы достигли пика почти одновременно. Это была яркая вспышка. Мгновение — и все взорвалось внутри. Я сжала его плечо и в порыве страсти что-то прошептала на ухо. Он мой единственный, никому его не отдам.

— Ты моя, — хрипло шептал Игнат.

Он склонился, чтобы поцеловать меня в висок, не отпуская, и через несколько секунд обессиленно рухнул рядом, притягивая меня к себе. Мы лежали обнаженные, повернувшись

друг к другу, и только сейчас я ощутила полное спокойствие. В этот момент существовали только мы двое, погруженные в настоящее — короткий миг вне времени.

— Это было волшебно, — прошептал он.

Одной рукой он прижимал меня к себе, а второй поглаживал по волосам. И только сейчас я заметила свою резинку у него на запястье. Как тогда. Его тепло окутывало меня, словно ограждало от всех бед. Я ласкала его грудь, касалась шеи и волос, не в силах оторваться. Сердце билось в унисон с его.

— О чем ты думаешь? — внезапно спросил Игнат.

— О тебе. О нас, — ответила я, глядя ему в глаза.

— Все будет хорошо, моя девочка, — сказал он, и в его голосе было столько уверенности, что я и сама начала в это верить, — я всегда буду рядом с тобой. *Просто позволь мне быть рядом.*

Его губы встретились с моими. Накатывала приятная усталость. Я положила голову ему на плечо, слушая размеренное биение его сердца. Глаза медленно закрылись, и я заснула, чувствуя, что он убережет меня от всех невзгод.

Глава 30. Жить настоящим

Игнат лежал рядом с Владой, не в силах поверить в реальность происходящего. Он смотрел на нее и улыбался. Ее безмятежное лицо, разметавшиеся по подушке волосы, манящие губы — все казалось сном, слишком прекрасным, чтобы быть правдой. Он не мог отвести взгляд, а сердце замирало от ощущения, что эта ночь — лишь начало их новой истории. Теперь ничто не мешает ему быть с Владой. Ее жениха он не брал в расчет, хотя сама мысль об этом напыщенном индюке вызывала раздражение.

После того как он поставил точку в фиктивных отношениях с Алексой и связался с Вальзером, события начали разворачиваться стремительно. Отец Влады сам сообщил ему, где искать дочь, и попросил о ней позаботиться. Этот шаг говорил о доверии: Игнат — тот, кто сможет защитить Владу. В том, что опасность реальна и Вальзер не зря беспокоится о близких, Игнат не сомневался. Слишком подозрительной выглядела эта «ссылка» жены и дочери на море.

Но сможет ли Влада впустить его в свою жизнь? Как примет его искренность? Эти вопросы не давали покоя, но больше всего он хотел узнать тайну девушки. Разгадать, почему его так тянет к ней? Он чувствовал: их связь — это нечто большее, чем просто симпатия. Это внутреннее притяжение, которое невозможно объяснить словами.

Ее реакция на его появление поразила. Влада удивилась, но не испугалась. Она пыталась быть отстраненной, но это была лишь маска, скрывавшая настоящие чувства. Она не прогнала его. Их разговор был не важен — слова лишь прятали ту правду, что читалась в их взглядах. Когда Игнат предложил прогулку, она согласилась. Они отправились гулять по морскому берегу.

Море шумело в такт их шагам, а звезды медленно зажигались в вечернем небе. В тот момент весь мир будто исчез, оставив их вдвоем. Игнат видел, как звезды отражаются в глазах Влады. Она была для него центром вселенной, в котором сосредоточены все его надежды и мечты. Он чувствовал: именно эта девушка вернула его к жизни после долгих лет пустоты.

Влада вела себя как девчонка, почувствовавшая свободу. Ее улыбка, легкость, с которой она смеялась, и детская непосредственность наполняли его сердце любовью. Она словно забыла о страхах, полностью отдаваясь моменту. Когда их взгляды встретились, между ними пробежала искра. Его объятия стали крепче, поцелуи — трепетнее, а барьеры, возведенные между ними, рухнули. Этот вечер был их. Только их. Пляж, море, звезды — все стало фоном для чего-то значимого. Они не могли больше сопротивляться своим желаниям. В их прикосновениях не было места притворству — только истинные чувства, которые они прятали слишком долго. Игнат чувствовал не только свое возбуждение, но и то, как сильно Владу тянет к нему. Откровенно увлеченные друг другом, они пришли в его номер отеля. Там их страсть разгорелась с новой силой. Они были словно магниты, тянущиеся друг к другу. Прикосновения становились откровеннее, дыхание сбивалось, эмоции достигали предела. Они балансировали на грани. И не стали останавливаться. Они дали волю своим чувствам, сливаясь в едином порыве. Это было больше, чем физическая близость, — это было единение душ.

Игнат лежал рядом с Владой, наблюдая, как ее волосы разметались по подушке. Она его, здесь и сейчас. Но что-то внутри все равно тревожило. Влада пробуждала в нем воспоминания о Яре. Ее прикосновения, землянично-медовый запах, даже интонации голоса — все казалось до боли знакомым. Он боролся с собой. Яры больше нет. Но почему чувства к Владе были такими же сильными, как к той, кого он любил больше всего на свете? Он сходит с ума?

Он подумал, что это нечестно — все время возвращаться мыслями к Ясе. Пора принять новую реальность. Он хочет быть с Владой, и только с ней. Он осторожно обнял девушку,

зарылся носом в ее волосы, вдыхая родной до дрожи запах. Но решил для себя: хватит искать сходство, хватит сравнивать. Влада здесь. Настоящая. Живая. Она — его и только его.

С этой мыслью Игнат позволил себе заснуть, держа девушку в объятиях, как драгоценный и хрупкий сосуд.

Глава 31. Страшная потеря

Я проснулась одна и первое мгновение не могла понять, где нахожусь. Обстановка вокруг была чужой, но вскоре воспоминания прошлой ночи нахлынули, и тут пришло осознание: я в номере Игната. Сердце забилося быстрее, а на губах заиграла слабая улыбка. Но вместе с этим пришло острое чувство потери — почему его нет рядом? Неужели все было сном?

Я провела рукой по губам, вспоминая его поцелуи. Они еще горели, как и все тело, помнившее каждое его прикосновение. Нет, это не сон. Это была реальность, от которой не хотелось просыпаться.

Поднявшись, я натянула одежду и обвела номер взглядом. Все говорило о присутствии Игната здесь. На тумбочке лежала книга — одна из новинок Карризи, на кресле небрежно брошены несколько футболок, в углу стоял компактный чемодан. В этот момент я подумала о Мэри — наверное, она уже всю меня ищет и ломает голову, куда я пропала. Но мне было все равно. С ней я разберусь позже.

Внезапно дверь открылась, и на пороге появился Игнат с огромным букетом кремовых роз. Его лицо светилось улыбкой, а во взгляде было что-то, от чего забываешь обо всем.

— Надеюсь застать тебя спящей, — произнес он, подходя ближе. — Влада, это тебе.

Я с благодарностью взяла букет, вдохнув нежный аромат. Розы были завернуты в простую крафтовую бумагу, перевязанную алой лентой, — нежные, пышные, роскошные. Как изумительно они пахли! Игнат обнял меня одной рукой и мягко притянул к себе.

— Когда ты рядом, мне так хорошо, — тихо произнес он, скользнув губами по моей щеке, а затем коснулся губ.

В голове звучала только одна мысль: «Скажи ему правду. Сейчас или никогда». Но я не могла решиться. Слова застряли в горле, смешиваясь с желаниями, которые взяли верх. Его тепло, поцелуи, прикосновения — все затмевало реальность. Мы целовались, снова распаляя друг друга, вновь погружаясь в безумие, и нам было все мало.

В этот момент зазвонил телефон. Игнат неохотно прервал поцелуй и, взяв трубку, вышел на балкон. Я слышала только обрывки фраз, но по его лицу, когда он вернулся, было понятно: новости плохие. Явно произошла какая-то внештатная ситуация. Он обнял меня, прижав к себе так, будто не хотел отпускать.

— Это из офиса. Возникли срочные дела. Я должен вернуться уже сегодня. Как же я не хочу уезжать, — вздохнул он, уткнувшись в мои волосы. — Это было волшебно, Влада. Ты сводишь меня с ума. Хочу тебя снова и снова. Хочешь, поедem вместе?

— Игнат, поезжай, реши свои дела, сделай то, что нужно, а я буду ждать тебя здесь, — ответила я, стараясь сохранять спокойствие. Но холодок пробежал по спине. Почему он должен уехать так срочно? Что случилось?

— Хорошо, оставайся здесь, так безопаснее. — Его голос был мягким, но в нем ощущалась нотка тревоги. Он снова крепко обнял меня, поцеловав в макушку. — Как же вкусно ты пахнешь, — прошептал он, нежно касаясь губами лба.

Игнат не хотел отпускать меня — я видела это в его глазах, в том, как он с трудом разжал пальцы. Ему было тяжело прощаться, а мне — еще тяжелее оставаться. Мы провели вместе минут двадцать, после чего я вышла из номера, попросив не провожать меня, чтобы не вызывать лишних вопросов у Мэри.

Когда я вернулась в свой номер, меня охватила пустота. Я не знала, что будет дальше. На душе стало тоскливо, но вместе с тем во мне разгоралась решимость. Как бы я ни боялась, но все-таки хотела, чтобы Игнат сам узнал меня этой ночью. Тогда бы я рассказала ему все, от начала и до конца. Надеюсь, он бы понял и простил. Я сделала свой выбор и найду способ открыть ему правду. Только тогда мы сможем быть вместе по-настоящему.

Вопреки моим ожиданиям, Мэри меня не искала. Она появилась на пляже ближе к обеду, вид у нее был помятый, явно только проснулась. Видимо, ночь прошла как обычно — зажигала в баре до утра. Собственное поведение ее совершенно не волновало. Она сосредоточилась на мне.

— Я, конечно, не могу тебя судить, но ты действуешь слишком смело, девочка моя, — произнесла она, прищурившись. Мэри знала, что я не ночевала в своем номере, и, конечно, догадалась, где я была и с кем. — Очень открыто, не боишься? — Она крутила соломинку в бокале, лениво наблюдая за мной. Когда мы оставались вдвоем, Мэри отбрасывала напускную заботливость, не играла в «добрую мачеху». — Что скажет Вальзер? — вскользь бросила она вопрос, но я уловила в нем скрытую угрозу.

Я молчала. Мэри не стала настаивать. Каждая из нас задумалась о чем-то своем. Я смотрела на море, чувствуя, как во мне крепнет желание уехать. Никогда не думала, что море может надоест, но теперь и оно казалось тюрьмой. Я хотела уехать вслед за Игнатом, чтобы больше никогда не расставаться с ним. Мы и так слишком долго были в разлуке. Однако меня мучило сожаление — наш разговор не состоялся. Я понимала, что не могу позволить себе втягивать Игната в жестокую игру, задуманную Стасом. Мне нужно действовать иначе.

Я решила поговорить с Вальзером. Начистоту. Рассказать ему правду. Рассказать, кто я. Он заслужил знать страшную правду, что стало с его родной дочерью, даже если за это решит жестоко поквитаться со мной. Я боялась его гнева, но больше не могла прятаться за спинами других — даже Игната. В глубине души надеялась, что Вальзер не причинит мне зла. Может, даже захочет защитить меня и маму от Стаса. Я прожила с ним несколько лет как одна семья, и, возможно, этого хватит, чтобы он хотя бы попытался сохранить нас в безопасности.

Оставив Мэри пить кофе и коктейли (она наслаждалась всеми напитками разом) и приходить в себя в пляжном баре, я отошла к морю, достала телефон и набрала номер Вальзера. Полная решимости рассказать обо всем, я нарушила запрет на звонки. Но вместо гудков услышала голосовое сообщение, что номер недоступен. Это показалось мне странным. Только сейчас я осознала: он давно не выходил на связь. Я вернулась к Мэри, чтобы узнать, когда она в последний раз разговаривала с мужем.

— Он так и не перезвонил мне! Помнишь, я тогда набирала сама, думала, что мне влетит за то, что я нарушила запрет... но звонков от него так больше и не было, — повторила Мэри, нервно барабанила пальцами по столу. — Я даже подумала, что ты ему что-то наговорила про меня и теперь он пытается наказать меня молчанием.

— Зачем мне это нужно? — нахмурилась я, искренне недоумевая.

— Ну, если не ты, то ладно, — она махнула рукой, будто этот вариант можно было сразу вычеркнуть. — Но тогда почему он молчит? — Ее взгляд остановился на мне с немим требованием ответа.

Но я не знала, что сказать.

— Его номер недоступен, — вымолвила я наконец, чувствуя, как нарастает тревога.

— Может, нас и правда здесь просто забыли? Мне это не нравится. — Она надула губы, словно вот-вот разрыдается.

Мэри потянулась за телефоном, набрала номер мужа, но в ответ снова прозвучало унылое: «Абонент временно недоступен». Ее лицо исказилось от беспокойства.

— Что это значит? Он звонил почти каждый день! А теперь — ничего. Влада, что происходит? — испугано спросила она.

Мэри произнесла вслух то, что я не решалась озвучить.

— Я не знаю, Мэри, но, надеюсь, скоро все прояснится, — я старалась сохранить спокойствие, хотя ощущение надвигающейся беды все сильнее давило на грудь.

Оставить нас одних, бросить своих — это не в стиле Вальзера, не в его правилах.

Мы пытались успокоить друг друга. Если бы случилось что-то страшное, нам бы уже сообщили. Я пыталась убедить в этом и себя, и Мэри. Но время тянулось мучительно долго. Свобода, море, солнце — все перестало радовать. Мы лишь ждали, когда он выйдет на связь. Но телефон упорно молчал.

На следующий день я не выдержала и набрала Марка. Нас предупреждали, что звонить можно только в экстренных случаях, но ситуация уже казалась именно такой.

— Алло, Влада? Где ты? — Он поднял трубку мгновенно. В его голосе слышалась тревога.

— На море, — ответила я, стараясь говорить спокойно.

— Тебе нужно вернуться. Стас в ярости, рвет и мечет.

— Марк, что с Вальзером? — вырвалось у меня. Это было единственное, что сейчас меня волновало.

— Ты не знаешь? — удивился Марк.

— Нет. Говори. — В горле пересохло.

— Вальзера больше нет.

Его слова обрушились на меня, как гром среди ясного неба. Мир замер. Сердце пропустило удар, словно речь шла о действительно близком мне человеке, а затем ухнуло в пустоту. В этот момент Мэри зашла в номер и, увидев мое лицо, замерла, прислушиваясь к нашему разговору.

— Как это — нет? — мой голос дрогнул.

— Его убили. Было совершено покушение. Стреляли в машину, она упала с моста в воду. Тело еще не нашли, но поиски продолжаются.

Телефон выскользнул из моих рук. Наверное, Марк пытался сказать что-то еще, но я уже не слышала. Колени подкосились, я едва не рухнула на пол. Мэри бросилась ко мне, пытаясь поймать телефон. Она услышала достаточно, чтобы понять суть.

— Нет! — Ее крик разорвал тишину. — Этого не может быть!

Из ее глаз хлынули слезы, она опустилась на колени, сжав мой телефон так, что побелели костяшки пальцев. Слезы катились по ее щекам, но она больше не пыталась докричаться до Марка — вызов завершился, и Мэри понимала, что за тишиной на том конце скрывается пугающая неизвестность. Она безостановочно рыдала, задавая одни и те же вопросы. Ее истерика помогла мне взять себя в руки. Я дала ей успокоительное. Она хотела позвонить кому-то, но я вырвала телефон у нее из рук. Ее нервный срыв продолжался еще какое-то время, пока не подействовали таблетки.

Когда Мэри наконец уснула, я вышла на балкон. Уже окончательно стемнело, ночной ветер освежал лицо, но не мог потушить огонь боли внутри. Я оплакивала Вальзера. Да, он не был моим отцом, но заботился обо мне, как о родной дочери. Мы прожили под одной крышей много лет. Не были родными, но стали друг другу в какой-то мере близкими. Особенно последние месяцы. И теперь его больше нет. Мне было ужасно жаль, что его жизнь так страшно оборвалась, а сердце сдавила вина — Вальзер так и не побывал на могиле своей дочери. Но теперь они вместе.

Мне понадобилось время, чтобы прийти в себя и вновь позвонить Марку. Сам он не мог мне перезвонить, мой новый номер был ему неизвестен, а мои звонки другим абонентам отображались как скрытые. Его слова о Стасе отрезвили окончательно.

— Стас требует твоего возвращения, — сообщил он, — и угрожает твоей матери.

Этот жестокий удар заставил меня мгновенно собраться. Меня снова пытались сделать марионеткой, куклой, которая должна подчиняться. Но с известием о смерти Вальзера внутри что-то оборвалось. Пришло время поставить точку в отношениях со Стасом. Он больше не будет моим кукловодом.

— Скоро вернусь, — твердо ответила я, про себя добавив, что сделаю это не для того, чтобы играть по его правилам. Теперь сама буду расставлять фигуры. Больше не стану скрываться. Вальзера нет, но я жива. Я все еще Ярослава.

Утром сообщила Мэри о своем решении. Она была подавлена и сказала, что поедет со мной. Мачеха все еще находилась в шоке, боялась оставаться одна в чужой стране без известий о погибшем муже. Марк почти ничего не смог рассказать, кажется, сам знал не больше, чем писали в новостях. Мы обе хотели получить ответ на вопрос, что произошло на самом деле.

Вещи собирали в полной тишине. Каждая была погружена в свои мысли.

— Неужели это все, что осталось от моей прежней жизни, — пробормотала Мэри, бросая в чемодан очередное платье.

Я не знала, горевала она о муже или о потерянной роскоши, но уточнять не стала. Мы молча покинули отель, не оглядываясь. Заботиться о нас теперь было некому. Я сама заказала билеты на ближайший рейс, но не домой, а в город, ставший мне родным. Впереди нас ждала неизвестность.

Глава 32. Свидетель

Отправляясь на первую встречу с Сержем, Стеша и представить не могла, что он помнит ее и все так же тепло к ней относится. Его взгляд был уже не просто дружеским, как шесть лет назад. Сейчас в нем появилась искра, от которой у нее внутри все переворачивалось. Она понимала, что заинтересовала его не только с профессиональной точки зрения, но не знала, как к этому относиться.

Тогда, в университете, признаваясь Сержу в своей влюбленности, она не ожидала ничего взамен. Как он, блестящий, уверенный в себе, мог обратить внимание на нее? Но годы работы над собой изменили многое. Она научилась принимать себя, ценить свою уникальность, любить то, кем стала. Теперь Стеша была не идеальной, но определенно привлекательной — умной, разносторонней, умеющей поддержать разговор. Она внимательно слушала собеседника, тонко чувствовала людей, подмечала детали — эти навыки помогали ей создавать персонажи для своих книг. Однако, разговаривая с Сержем, она ловила себя на мысли, что слишком увлекается: стоило ему начать рассказывать что-то интересное, как в голове тут же появлялись образы и сюжетные линии. Приходилось усилием воли сдерживаться, чтобы не начать записывать идеи в телефон или блокнот.

Когда он взял ее за руку, провожая до дома, сердце Стеши отчаянно забилося. Она давно перестала быть той наивной девочкой, что замирала от случайного прикосновения симпатичного мальчика. Но Серж... Он стал еще притягательнее. С годами в нем исчезла легкомысленная уверенность юности. Это был уже не тот беззаботный красавчик, что развлекался с красотками на одну ночь. Во взгляде появилась мужская твердость, особое обаяние и надежность, а еще что-то такое, что невозможно было объяснить. Теперь это был мужчина, умеющий держать удары, управлять бизнесом... и выбирать, кого впускать в сердце. Стеше хотелось узнать, каково это — чувствовать его губы на своих губах. Однако она отгоняла эти мысли. Не стеснялась своих желаний, но не была уверена, что их притяжение взаимно.

Теперь они не только переписывались, но и созванивались. Их разговоры тянулись часами: они делились друг с другом историями из детства, переживаниями, накопившимися за эти годы. Стеша рассказывала, как впервые пошла к психотерапевту, которого посоветовал Серж. Как научилась справляться с чувством вины, избавлялась от стыда, как искала уверенность в себе. О том, как стала писателем, как ее книги нашли читателей, а потом она получила предложение от компании Майера.

Серж делился своими открытиями, которые произошли с ним благодаря психотерапии. Говорил о том, как много труда вложил в развитие бизнеса, как ему помог Игнат. Они часто вспоминали Ярославу, делились тем, как каждый пережил утрату. Эти разговоры, наполненные теплом и искренностью, помогали справиться с болью от потери близкого человека и позволяли жить дальше. Стеше нравилось, что они могли свободно, без стеснения делиться самым сокровенным.

Неожиданно для нее Серж стал первым человеком, кому она рассказывала важные новости, кому жаловалась на мелкие неурядицы и с кем делилась радостью. Ей нравилось это новое ощущение — что он ее слышит, отвечает и что она ему важна. Именно поэтому Серж был единственным, кому Стеша сразу рассказала о странном звонке.

Она редко отвечала на звонки с незнакомых номеров. Обычно беспокоили с предложениями от банков или проводили соцопросы, на которые не хотелось тратить время. Но этот номер звонил несколько раз подряд. Поэтому Стеша решила перезвонить.

— Добрый день. Вы звонили? — Сама не зная почему, девушка почувствовала странное волнение, пока набирала номер.

— Это Стеша? — Мужской голос был незнакомым. Стешей ее называли только близкие. От этого настороженность нарастала.

— Да. Кто вы?

— Это касается Ярославы. Вы ведь ее знаете?

Стешу словно окатили ледяной водой. Если это была какая-то шутка, то слишком жестокая.

— Что вам нужно? — голос предательски дрогнул.

— Это не телефонный разговор. У меня есть информация о вашей подруге. Предлагаю встретиться.

Она застыла. Столько лет спустя какой-то незнакомец звонит и утверждает, что знает что-то о Яре? Тогда, после аварии, свидетелей не нашли, якобы никого не было на месте происшествия. А сейчас появился кто-то, у кого есть информация? Все было очень подозрительно.

— Откуда у вас мой номер? — спросила она, стараясь справиться с волнением.

— Я знаю, что вы звонили на номер Ярославы бесчисленное количество раз. Больше ничего не могу сказать. Пришлю адрес и время в смс, а дальше решайте сами, приходить или нет. — Незнакомец повесил трубку, не дожидаясь ответа.

Стеше было не по себе. Никто не знал о том, что каждый день на протяжении долгих месяцев она звонила Яре. Каждый день, каждую ночь — сотни вызовов на отключенный номер. Она оставляла сообщения на голосовой почте. Сначала просто плакала и просила прощения за свои слова. Потом отчаянно не верила, что Ярослава действительно погибла, и молила перезвонить и сказать, что все случившееся — неудачный розыгрыш. Иногда кричала в трубку, словно раненная птица, не в силах принять жестокую реальность. Таких звонков было бесконечное множество. И о них никто не должен был знать.

Телефон завибрировал. На экране высветился текст: «Сегодня в 19:00. Кофейня «Случайная встреча».

Название казалось ироничным, но Стеше было не до иронии. Она пыталась унять волнение и сразу набрала Сержа.

— Здравствуй, солнце! Уже соскучилась? — раздался его жизнерадостный голос.

— Серж, мне нужна твоя помощь, — пропустив приветствие, сказала она бесцветным голосом.

— Я сделаю все, что в моих силах. Что-то случилось? — его тон изменился.

Серж еще не слышал таких интонаций в голосе девушки и сразу понял, что ситуация экстренная. Стеша пересказала разговор с незнакомцем, чувствуя, как в голосе закипает паника.

— Никто не мог знать о моих звонках, понимаешь? — почти выкрикнула она. — Кто этот человек? Откуда он все узнал? Что ему нужно?

— Солнышко, я сейчас приеду, и мы разберемся. Ты не пойдешь туда одна, слышишь? Я буду рядом. Все будет хорошо, мы вместе сходим на эту встречу.

Голос Сержа убаюкивал и казался спасительным кругом. Она вдохнула глубже, ощущая, как напряжение немного спадает.

Через час Серж позвонил в дверь, Стеша все еще металась по квартире, не находя себе места.

— Прости, что так долго, — произнес он, закрывая за собой дверь. — Пришлось перенести совещание и пару деловых встреч, чтобы освободить вечер. Но теперь я здесь.

Стоило ему переступить порог ее квартиры, как Стеша обняла его, крепко прижавшись. На мгновение ей показалось, что она может остаться в этих объятиях навсегда, найти убежище от всех тревог. Они простояли так довольно долго, наслаждаясь близостью. С появлением Сержа Стеша почувствовала, что больше не одна, что он готов быть с ней, даже в этой странной и пугающей ситуации. — Стеша, дыши, я рядом. Мы разберемся во всем, слышишь меня? — мягко сказал он, отстраняясь, чтобы посмотреть ей в глаза. — Я попросил службу

безопасности пробить номер, который ты мне прислала, но ничего особенного выяснить не удалось. Никаких приводов в полицию, никакого криминала, номер принадлежит мужчине. Он работает в такси.

— Как думаешь, он правда что-то знает? — Девушка не могла избавиться от сомнений, услышанное мало ее успокоило.

— Мы должны это выяснить. Если хочешь, я сам встречу с ним. Неизвестно, что это за человек и что ему нужно, — предложил Серж.

— Нет-нет, — поспешно отказалась Стеша. — Я должна услышать все сама. Просто будь рядом.

Серж сжал ее руку, не выпуская, словно пытаясь передать часть своей уверенности. Его присутствие дарило Стеше невыразимое чувство покоя, тепла и поддержки. Она ловила себя на том, что снова хочет оказаться в его объятиях, слушать, как он ее уверяет, что все пройдет нормально.

До назначенного времени оставалась пара часов. Серж решил отвлечь Стешу разговорами, и ему это удалось — напряжение немного спало. Но когда настало время выходить из дома, тревога вернулась. Она не знала, чего ожидать от встречи.

Кофейня, куда они приехали заранее, оказалась уютной, с мягкой музыкой и в этот час немногочисленной. Молодые люди выбрали столик в углу, откуда был виден вход. За это время в помещение вошли лишь парочка подростков и женщина, взявшая кофе на вынос. Никто из них не подходил под образ таинственного незнакомца. Ровно в 19:00 двери открылись, и в кофейню вошел мужчина лет шестидесяти, плотного телосложения, с седыми волосами. Одет он был неброско, и действительно выглядел как самый обычный таксист. Его взгляд скользнул по залу, задержавшись на каждом столике. Он бросил хмурый взгляд на Сержа и Стешу, но, видимо, думал, что его будет ждать лишь девушка, и занял место за одним из столиков, одновременно набирая что-то в телефоне. Стеше тут же пришло сообщение.

«Я на месте и пробуду здесь еще полчаса, если вы все же решите приехать».

Девушка показала сообщение Сержу. Тот слегка кивнул, и они направились к мужчине. Все происходило так стремительно, что у Стешы совсем не было времени думать. Она полностью доверилась интуиции Сержа.

— Здравствуйте, я Стеша. Стефания, — произнесла она, стараясь, чтобы голос звучал решительно.

Мужчина поднял на нее хмурый взгляд. Казалось, в этом мире больше ничего не могло его порадовать.

— Здравствуйте. Я разве просил вас брать с собой друга?

— Добрый вечер, — начал Серж, вклиниваясь в разговор с бесспорной уверенностью. — Меня зовут Сергей. Я молодой человек Стефании и не мог позволить ей прийти одной на встречу с незнакомцем. Надеюсь, вы понимаете, что это небезопасно в наше время.

Мужчина внимательно посмотрел на Сержа. Выражение его лица изменилось — в глазах мелькнула тень, напоминающая боль. Оставалось только догадываться, почему слова Сержа вызвали такую реакцию у мужчины.

— Резонно, — коротко ответил он, затем жестом предложил им сесть. — Меня зовут Иван Степанович. И я нашел телефон вашей подруги Ярославы несколько лет назад.

— Где вы нашли его? — Голос у Стешы дрогнул, у нее перехватило дыхание.

Мужчина замолчал, словно не веря собственным словам. Его взгляд медленно поднялся на Стешу, и в этих глазах, несмотря на сдержанность, читались боль и усталость.

— Шесть лет назад я подвозил одну девушку не в самый безопасный район, — начал он хрипловатым голосом, стараясь подобрать слова. — Часто бывал там. Платили по заказам оттуда неплохо, но зачастую пассажиры попадались специфические. Каких только историй я не наслушался. Девчонок много красивых было, искали они легких денег, да только известно,

что просто так богатство с неба не падает. Иногда я посмеивался, глядя на этих молоденьких дурочек, думая, неужели они не понимают, куда лезут? В общем, вез я девчонку к дому местного сутенера. Так это или не так, но молва ходила такая, что дом этот принадлежал именно такому человеку из мира криминала. А девчонка вся дрожала, явно нервничала, совсем отчаялась, видно. Я еще тогда спросил, уверена ли она, что ей туда надо. Знаете, как оно иногда бывает — услышишь какой-то простой вопрос, и как будто пелена с глаз спадает.

Он тяжело вздохнул, словно и у него самого был подобный момент в жизни, важный и переломный.

— Но нет. Она была уверена, продолжил он, не глядя на своих собеседников. — Довез ее до точки, она выскочила из машины с телефоном. Мне новый заказ все не приходил. Я подумал: подожду, вдруг вернется. Отъехал в сторонку, прикрыл глаза и задремал, не знаю, сколько времени прошло, может, минут десять-пятнадцать, а потом вышел ноги размять. Выхожу, смотрю — телефон валяется на земле. Подумал, что девчонка так торопилась, что выронила. Думал, верну, но ее и след простыл. Стеша замерла, слушая мужчину, вжалась в спинку стула, чувствуя, как внутри что-то напряглось от ужаса и тревоги. — А дальше странности пошли. Через пару минут выбежала какая-то женщина, вскочила в припаркованную машину и дала по газам. Я по привычке на номера посмотрел, запомнил. И тут же из-за угла за ней вторая машина выехала. Я еще подумал тогда, что происходит? Странно, суeta такая, обычно в это время тут тихо. А потом и этот сутенер с помощником выскочили. Видел их не раз, да и пассажирки много историй рассказывали. Люди нехорошие. Гнилые. Сутенер этот пока суетился, смотрю, еще одна машина подъехала. Из нее выбежала хорошо одетая женщина, да к нему подлетела чуть ли не с кулаками. Давай на него кричать, а тот влепил ей такую пощечину, что она пошатнулась и упала, возможно, даже сознание потеряла. А этот сутенер-то с помощником ее в свою машину затолкали и тоже сорвались с места буквально за считанные секунды.

Он сделал паузу, потер лицо руками.

— А я? Что я сделал? Да ничего. Не понял, что творится, в машину сел, подумал, к чему мне эти разборки. Там и заказ пришел. А телефон-то девчонки машинально в бардачок закинул и поехал. Только выехал на большую дорогу, а на трассе глядь — авария. Скорость сбавил. Думал, может, помочь чем. Потом увидел, что там уже есть помощники, как раз машина сутенера этого у обочины стояла. А одна из машин, что разбилась, была женщины той, которая из дома выскочила. В этот момент сутенер-то с помощником своим из соседней машины кого-то вытаскивали. И я не стал влезать. Поехал дальше. Решил: не лезь, Иван, не твое дело. Своя рубашка ближе к телу. У меня заказ, мне проблемы не нужны. Кто его знает, что там за погони да разборки. Пришли бы меня еще как лишнего свидетеля. Лучше такие вещи сразу из своей памяти стирать.

— Но вы видели, что пассажиры погибли? — чужим голосом спросила Стеша, не в силах сдерживать слезы.

— Так-то непонятно было, — покачал головой мужчина. — А потом вечером передали, что авария на трассе была и машины сгорели. Только вот пожара никакого я не видел, — закончил он и тяжело вздохнул. Слова, казалось, висели в воздухе, атмосфера становилась все более гнетущей.

— Не уверен, конечно. Темно было, но мне показалось, что тащили тогда мужики девушку, похожую на мою пассажирку. Может, это все мои домыслы, но, когда передали возраст погибших, я почему-то сразу ту девчонку вспомнил.

— Подождите, а как это связано с телефоном, который вы нашли? — Стешу начало потряхивать от рассказа, но она попыталась узнать у мужчины больше деталей. Он усмехнулся, грустно и горько.

— Телефон выключил и в гараж положил от греха подальше. Подумал еще тогда — может, выкинуть, но жалко было. И вот спустя столько лет гараж решил продавать и нашел

мобильник. Отнес в ремонт, чтобы помогли разблокировать, а там последние сообщения с вашего номера. Я полистал фотографии, почитал старые статьи об аварии...

Мужчина снова поднял глаза на Стешу и Сержа. У девушки в глазах стояли слезы, а парень гладил ее руку.

— Почему вы решили рассказать обо всем лишь шесть лет спустя? — задал логичный вопрос Серж.

— Хотите знать, почему я решил вам позвонить? — грустно хмыкнул Иван Степанович. — Потому что за любое бездействие рано или поздно приходится платить. Сколько я возил девчонок этих несмышленых за счастливой жизнью, да все насмехался, мол, глупые. Но никогда ничего не говорил. А моя дочка сама оказалась одной из таких. С женой мы в разводе давно. Дочку редко видел, но любил всем сердцем, старался помочь. А потом мать ее заболела сильно. Дочка денег пришла просить, а не было у меня сумм таких. Ну, вот и решила она побыстрому заработать. Посоветовал ей кто-то пойти в эскорт, будь он неладен... — Его голос сорвался, и он стукнул кулаком по столу.

— Она тоже к нему попала. К гаду этому, Стасу. Сказали ей — быстро заработаешь. А потом компроматом начали угрожать. Недоглядел я. Да и откуда мог знать? Когда вскрылось все, было уже поздно. Пришла дочка в слезах, рассказала, что у Стаса этого на каждую девочку компромат есть. Я не знал, что делать, пока голову ломал, как помочь, пропала девочка моя. Пропала без вести. Я все пороги обил, всюду жаловался. В полицию ходил. Но как только имя Стаса всплывало — сразу глухая стена. Куплено у него все! И справедливости нет!

Едва переведя дыхание, мужчина продолжил:

— Полтора года добивался правды. Гараж решил продать, чтобы юристам платить было с чего. А тут телефон нашелся, и я будто прозрел. Вспомнил аварию, девчонку эту. Я же когда телефон разблокировал, фотографии увидел, новости прочитал, решил хоть что-то сделать. Номер ваш набрал от отчаяния.

Стеша едва не разрыдалась, но Серж, крепко сжав ее руку, помог сдержаться.

— Может, если докажут, что к аварии эта сволочь Стас причастен, хотя бы за это его накажут. Сколько таких, как моя дочка, пострадало из-за равнодушных остолопов вроде меня? Может, если бы я тогда мимо чужой беды не прошел, остановился бы или вызвал полицию, спас чью-то жизнь, то и моя девочка не пострадала бы?

В глазах мужчины стояли слезы. Он смотрел на Стешу с надеждой, будто она могла ответить на все его вопросы. Но девушка молчала, глотая раскаленный воздух, а Серж готов был ее поддерживать столько, сколько потребуется. Первой нарушила тишину Стеша.

— Вы думаете, Яра тогда могла быть еще жива? — В ее голосе звучала осторожная, едва уловимая надежда.

— Не знаю... — с грустью посмотрел на нее Иван Степанович. — Не уверен. Но если и так, я никогда себе этого не прощу. Как я мог бросить ту девчонку там, отдать в руки этих тварей? Поступил как трус, мимо проехал, а надо было остановиться. Если есть хоть малейший шанс, что моя история сможет кому-то помочь, я сделаю все, что нужно. Мою дочь, наверное, уже не вернуть... Там и таких зацепок нет. Но, может, смогу хоть немного искупить свои грехи. Если надо, дам показания в полиции. Только если ему и тогда с рук сошло, если у него все куплено, поможет ли мое признание, тем более спустя столько лет?

После этой исповеди Иван Степанович будто разом постарел лет на десять. Он выглядел изможденным, словно его рассказ забрал последние силы.

— Это опасно, — осторожно заметил Серж, глядя на собеседника. — Если в этом деле действительно замешан Далеvский, а пожар оказался инсценировкой, это станет поводом для очень серьезных людей докопаться до правды. Правды, которую Стас скрывает все эти годы. И она может стоить вам жизни.

Иван Степанович коротко кивнул, словно давно решил на этот риск:

— Пусть так. Мне уже нечего терять. Если я смогу доказать, что он причастен хотя бы к одному преступлению, то не остановлюсь. Надеюсь, вы мне поможете.

— Завтра я отправлю к вам человека. — Серж протянул свою визитку. — Он свяжется и объяснит, как действовать дальше. Мы постараемся придумать, как использовать, полученную от вас информацию и разыскать данные. Вы кому-то еще рассказывали о том, что поведали нам?

— Нет. Кому я мог рассказать? Мой звонок Стеше был последним отчаянным поступком. Если честно, я и не надеялся, что получу что-то большее, чем облегчение после своего признания. Но если у нас действительно получится засадить эту тварь за решетку, я ни перед чем не остановлюсь. Пойду до конца.

Обменявшись с молодыми людьми еще парой реплик, Иван Степанович попрощался и вышел из кофейни. Ему явно нужно было на воздух, перевести дух, после пережитых за время разговора эмоций.

Серж вернулся к столу с двумя чашками кофе. Его взгляд был обеспокоенным — он заметил, как Стеша, оставшись наедине с мыслями, теребила салфетку, глядя в одну точку. На ее лице читалась растерянность, а пальцы дрожали от напряжения. За время рассказа в глазах девушки вспыхивало множество эмоций — недоверие, страх, надежда, разочарование, боль, сочувствие, негодование. Она не могла разобраться, что всколыхнул в ней рассказ водителя, который, возможно, был последним человеком, видевшим Яру перед смертью. Смерть — слово, которое горчило не только на языке, но и в мыслях. «Что, если на самом деле... Нет, — прервала свои размышления девушка, — этого не может быть». Внезапно она вспомнила еще кое-что, от чего в ее груди вспыхнула надежда.

— Стеша, держи, — Серж поставил перед ней чашку. — Тебе нужно немного отвлечься, — попытался он прервать ее мрачные мысли.

— Я не могу. Это все... — ее голос сорвался. — Это слишком.

Она замолчала, но Серж чувствовал, что, кроме рассказа водителя, что-то еще очень сильно гложет ее. Стеша делилась с ним всем, но о столкновении с удивительной темноволосой девушкой в торговом центре, так напомнившей ей Яру, не рассказала, решив, что сходит с ума. Однако сейчас, после новой информации, она уже не была ни в чем уверена.

— Ты можешь поделиться со мной абсолютно всем, — тихо напомнил он, ободряюще прикоснувшись к ее руке.

Стеша подняла на него взгляд, полный боли и нерешительности.

— Серж, мне нужно кое-что тебе рассказать, — выдохнула она. — У меня мурашки по коже, когда я вспоминаю об этом. Какое-то наваждение, — Стеша прикрыла глаза, успокаиваясь.

— Я слушаю тебя, постарайся не спешить, — приобнял он ее за плечи.

— Несколько дней назад в книжном я столкнулась с девушкой... — Стеша запнулась, а потом продолжила быстрее, будто боялась, что не сможет закончить. — Я выронила книги. Она извинилась, бросила буквально пару слов. Но ее голос... Это был голос Яры.

— Что? — Серж нахмурился, внимательно глядя на нее.

— Я окликнула ее, назвала Ярославой. И она обернулась. Серж, она обернулась на имя Ярослава! Боже, я не верю! Что я говорю! Я готова расплакаться! — В ее голосе звучал отчаянный надрыв. — Это была не Яра. Другое лицо. Другая девушка. Но ее фигура, движения, даже манера говорить, то, какие слова она подбирала... Это свело меня с ума. Я едва не потеряла сознание прямо у нее на глазах.

— Солнышко... — Серж попытался что-то сказать, но Стеша перебила его.

— Подожди, дай мне рассказать все до конца. Она помогла мне подняться, спросила, все ли со мной в порядке. Все во мне кричало — это моя Яра! Понимаешь? Я не знаю, как объяснить. Она собрала мои рассыпавшиеся вещи, говорила что-то, а я не могла отделаться

от мысли, что это голос Яры. Я подарила ей свою книгу, чтобы извиниться, а она ответила мне фразой, которую я когда-то сказала Ярославе. Как это возможно? — Стеша схватилась за голову, словно пытаюсь унять мысли, которые крутились в голове. — Я решила, что схожу с ума. Но после сегодняшнего... Что, если Яра действительно жива?

Серж молчал, наблюдая за Стешей. Он понимал, что она нуждается в ответах, которых пока нет.

— Ты не сходишь с ума, — наконец сказал он, обнимая ее за плечи. — Мы разберемся с этим. Я обещаю.

Но ни он, ни она не знали, к чему приведет это обещание.

— Боже, я такая глупая. Я слышала, что иногда стадии принятия горя идут нелинейно. Такое чувство, что я ухватилась за какую-то нелепую надежду и снова вошла в стадию отрицания смерти Яры.

— Стеша, мне жаль, что тебе пришлось это пережить. Хотел бы я быть рядом в тот день, чтобы увидеть все своими глазами. А теперь еще эти новости... — Серж провел ладонью по лицу, словно пытаюсь успокоиться. — Тут любого выбьет из колеи. Я сам до конца не осознал всего, что услышал. Но обещаю, мы во всем разберемся. — Он мягко коснулся Стешиной щеки, привлекая ее внимание.

— Знаешь, что самое забавное? Хотя назвать это «забавным» язык не поворачивается... — Стеша горько улыбнулась. — Та девушка представилась Владиславой. — она посмотрела на парня. — Ярослава... Владислава. Созвучные имена. Вот почему она откликнулась.

Серж напрягся. Его взгляд стал сосредоточенным.

— Владислава? Ты уверена, что не ошиблась?

— Я точно помню. Имя четко звучало из общего хаоса в голове. Она, наверное, решила, что я сумасшедшая. На ее месте я бы тоже так подумала, — невесело усмехнулась Стеша. В ее голосе слышался надлом.

— Не думай об этом сейчас, солнце, — тихо ответил Серж, чуть улыбнувшись, а затем взглянул на часы. — Кажется, кофейня закрывается. А у меня есть еще несколько дел.

Они молча вышли, каждый погруженный в свои мысли.

— Я отвезу тебя домой, — сказал Серж, разрывая тишину.

— Спасибо, — отозвалась Стеша едва слышно.

Когда машина остановилась у дома, Серж не торопился отпускать девушку.

— Доброй ночи? — произнес он скорее как вопрос.

— Может, поднимешься? — Стеша немного смущенно посмотрела на него. — Не уверена, что смогу уснуть с этими мыслями.

— Конечно. — Его голос был мягким, но в нем чувствовалась некоторая неуверенность. Видя тревожное состояние девушки, он решил все дела оставить на потом.

Молодые люди оказались в квартире Стеши. В ее просторной и светлой комнате было особенно уютно, много воздуха и пространства.

Сразу видно — хозяйка творческая личность. На рабочем столе царил легкий беспорядок: разбросанные блокноты, книги с закладками, ноутбук. Вдоль стены — внушительных размеров книжный шкаф, наполненный множеством книг. Серж подошел к нему. Среди книг были подарочные издания, современные авторы и, конечно, классика. Он заметил романы самой Стеши — их оказалось немало. Названия были точными и лаконичными, а обложки разнообразными. Он взял одну, которая сразу привлекла его внимание.

— «Вечная жизнь», — прочел он название. — О чем эта книга? — поинтересовался Серж, уже зная ответ. — Я обязуюсь прочитать все. А что ты пишешь сейчас? О любви?

— Не только о любви. Обо всем. О вечном. О жизни. Ловлю тебя на слове, что ты познакомишься со всеми моими историями, — озорно улыбнулась девушка.

Они включили фильм, заказали еду. Казалось, вечер, начавшийся тревожно, обретал умиротворение, пока Стеша не нарушила молчание:

— Я не могу до конца поверить, что все, сказанное таксистом, правда. Почему он молчал столько лет?

Серж чуть нахмурился, обдумывая вопрос:

— Мы должны проверить его слова. Следствие тогда не нашло зацепок, но, если показания окажутся правдой, может обнаружиться что-то новое. Я уже передал информацию своим людям. Надеюсь, скоро появятся ответы.

Глаза у Стеши наполнились слезами. Мысли о Ярославе, возможно, пережившей что-то ужасное, не отпускали. Серж молчал, но она чувствовала затянувшееся напряжение, витавшее в воздухе. Когда курьер привез еду, Серж разложил контейнеры на столе. Стеша, пытаясь сменить тему, вдруг вспомнила о его давнем признании.

— Ты любишь корейскую еду? Значит, факт, что ты поклонник дорам, это не шутка?

Серж бросил на нее строгий взгляд:

— Я никогда не шучу о таких вещах, Стефания.

Девушка рассмеялась. Этот смех помог разрядить обстановку. Они разговорились, откладывая тревоги хотя бы на этот вечер. Затем подошли к огромному панорамному окну, украшенному гирляндой.

— Это я еще на Новый год повесила, — пояснила Стеша, поймав его взгляд, — так и не сняла. Иногда включаю для настроения.

Так обнявшись, стояли и смотрели в окно. Серж щелкнул выключателем. Гирлянда ожила, наполнив комнату сказочным светом, таинственностью и легкой атмосферой. Теплый свет разлился по гостиной. Возникло сильное желание устроиться на диване, укрыться пледом и просто наслаждаться моментом, забыв о суете.

— Мне хорошо у тебя, — признался он, — здесь особая аура уюта, а мне порой его так не хватает.

Стеша улыбнулась — теплой, родной улыбкой, которая была сейчас только для него.

— Стеша, — спустя некоторое время начал Серж, — знаю, сейчас не самое подходящее время, но... быть может, ты согласишься на свидание со мной?

Его вопрос прозвучал так неожиданно и официально, что Стеша сначала застыла, а потом очаровательно улыбнулась.

— Конечно, соглашусь. — Она опустила взгляд и добавила: — Мне даже понравилось, как ты сегодня представился моим парнем, — застенчиво произнесла Стеша, а Серж подсел ближе и взял ее за руку.

— А мне понравилось, с какой легкостью ты мне подыграла, — прошептал он.

Они продолжили смотреть фильм, и в какой-то момент Стеша задремала на его плече. Очнувшись, она заметила, что Серж тоже спит, неудобно устроившись рядом с ней. Она тихо рассматривала его лицо. В нем читались и сила, и мягкость. Девушка улыбнулась, чувствуя, как сердце наполняется любовью.

Шесть лет назад она даже представить не могла, что Серж окажется рядом, будет спать на ее диване, общаться с ней вот так — естественно, нежно, искренне. Жизнь иногда преподносит сюрпризы, о которых не можешь мечтать. Стеша все больше влюблялась в Сержа. Она не просто восхищалась его внешностью, видела в нем яркую картинку или статус. Она разглядела в нем личность. Рядом с Сержем девушка чувствовала что-то большее — уверенность, прочность, спокойствие. Ей нравилось беседовать с ним часами, делиться самым сокровенным и знать, что она может быть собой. Без масок. Без страха.

Стеша зацепилась за эту мысль, потянувшую за собой и другие размышления, пока не заметила, что Серж тоже проснулся и с улыбкой наблюдает за ней. Их взгляды встретились,

и кто сделал первый шаг, было сложно сказать. Все происходило естественно, как будто так и должно было быть.

Серж наклонился ближе, их губы соприкоснулись, и Стеша утонула в их первом поцелуе. Легком, мягком, с привкусом соленой карамели. Уверенные прикосновения согревали и дарили свет. Серж не спешил, предоставляя девушке возможность почувствовать, насколько она важна для него. С каждым мгновением нежность перерастала в страсть, объятия становились все более горячими, поцелуи — все более глубокими.

Когда Стеша осознала, что лежит на диване, а Серж нависает над ней, она на секунду смутилась. Его рубашка была расстегнута, дыхание сбивалось. Она не помнила, когда успела расстегнуть его пуговицы, но вместо стыда быстро почувствовала легкий азарт. Серж улыбнулся, его глаза горели, но он взял себя в руки.

— Черт, Стефания, ты сводишь меня с ума, — голос звучал хрипло. — Но если мы сейчас не остановимся, я уже не смогу... — Он ненадолго замолчал, как будто собираясь с мыслями, а потом добавил: — Я хочу сделать все правильно. Сначала свидание, а потом секс. — Он застонал, прикрыв лицо рукой. — Я серьезно это сейчас сказал вслух, да?

Стеша рассмеялась. Впервые за последние часы она чувствовала себя настолько легко и свободно.

— Хочется, чтобы ты пожалел о своих словах так же, как жалею я, — проговорила она с игривой улыбкой.

— Поверь, уже жалею... Я очень хочу продолжения с тобой, продолжения этого вечера и много таких ночей только для нас двоих, но давай не будем спешить? — Серж провел рукой по волосам, будто пытаясь успокоиться. — Ты мне очень нравишься, и я хочу, чтобы все было правильно. Но если честно, как только выйду из твоей квартиры, буду ругать себя за то, что остановился.

Стеша села, поправляя яркую футболку со смешной надписью и помявшуюся легкую юбку. Ей было приятно, что он так уважал ее и не торопил события, хотя какая-то ее часть протестовала и требовала продолжения.

— Ты мне тоже нравишься, Серж. И я совру, если скажу, что мне не хочется тебя ударить за то, что ты остановился, но ты абсолютно прав. За день не больше одного потрясения на одну бедную меня. А одно уже было в кофейне.

Серж улыбнулся, наклоняясь, чтобы поцеловать ее в лоб.

— Я пойду домой, чтобы жалеть себя и плакать в подушку. Хотя нет, еще хуже — продолжу читать твою историю про Николь и Сэмюэля, молясь, чтобы меня не настигла очередная постельная сцена. Потому что после этого мне точно будет не уснуть.

Стеша посмотрела на него, широко раскрыв глаза.

— Ты читал мои книги? И даже ничего не сказал? — Она прищурилась. — Надеюсь, это не ты тот анонимный поклонник, оставивший комментарий о том, что представляет автора в каждой эротической сцене и надеется, что я описываю моменты из своей интимной жизни?

Серж изобразил смущение и, бросив на Стешу самый невинный взгляд, опустил глаза.

— Серж! Ты что, серьезно? — Она рассмеялась и начала щекотать его, пока он пытался защититься. — Я думала, это какой-то извращенец! Я чуть не заблокировала твой аккаунт!

Их смех перерос в поцелуй, но Серж вновь остановился.

— Я больше не выдержу, если еще задержусь. Спокойной ночи, Стефания, — с трудом выдохнул он, прежде чем наконец уйти.

Через пару часов, когда Стеша уже лежала в кровати, размышляя о случившемся, телефон известил ее о новом комментарии под историей, которую она публиковала по главам.

«Надеюсь, главных героев ждет новая пикантная сцена?» — гласило сообщение.

Девушка улыбнулась. Она тоже на это надеялась.

Глава 33. Стать невидимой

— Где она, твоя мерзавка? — завопил Стас, врываясь в комнату Елены.

Женщина, сидевшая у окна, вздрогнула от громкого крика. Она испуганно обернулась, но не успела ничего понять, как Стас резко схватил ее за плечи и принялся трясти, словно тряпичную куклу.

— Говори, тварь! Где она? — Его голос, хриплый от ярости, разрывал тишину.

Он уже занес руку для удара, но Елена, собрав все силы, оттолкнула Стаса.

— Не смей так говорить о моей дочери! — прошипела она, глаза горели негодованием, в тот момент она была готова броситься на него с голыми руками, несмотря на то, что он был больше и сильнее.

— Где она? Где Влада? — Стас не унимался, почти рычал.

Елена не знала. Она понятия не имела, что происходит с дочерью. Их связь всегда была ограничена — редкие звонки, короткие встречи под пристальным надзором Стаса. А теперь же он сам бесился из-за правил, которые установил.

— Яра! Ее зовут Ярослава! — отрезала Елена, злясь еще больше. Голос сорвался, когда она произнесла имя дочери.

Неужели с ней что-то случилось? От одной этой мысли сжалось сердце. Но она не собиралась сдаваться. Шагнула вперед, сжала слабые кулаки и посмотрела прямо в глаза своего мучителя.

— Что с моей дочерью? Что ты с ней сделал? — голос звенел от напряжения, от переполнявшей ее ненависти.

Стас от неожиданности отступил на шаг, будто что-то в ее взгляде напугало его.

— Не знаешь, значит? — процедил он, понизив голос.

Елена молчала. Она и не собиралась оправдываться перед этим монстром. Стас еще пару секунд смотрел на нее, затем резко развернулся и вышел из комнаты. Елена осела на кровать. Ее знобило, в груди разливалось болезненное чувство пустоты. Если с Ярославой что-то случилось... Без нее жизнь теряла смысл. Женщина закрыла лицо руками, пытаясь сдержать рыдания, но бессилия душило сильнее.

Она просидела так какое-то время, но тихие шаги заставили поднять голову. Перед ней стоял Марк. Еще один приспешник Стаса и «жених» дочери. Поженить их решил тот же мерзкий Далевский. Марк подошел, взял ее под руку и помог сесть удобнее.

— Как вы себя чувствуете? — Его голос был спокойным, в нем слышалось участие. — Принести воды?

— Мне ничего не нужно, — резко отозвалась Елена, отводя взгляд. Она не могла принять помощь от того, кто служит Стасу.

Марк на мгновение замешкался, а затем снова заговорил:

— Не волнуйтесь. Уверен, с ней все в порядке. — Его слова звучали слишком искренне, чтобы быть ложью. Он нерешительно коснулся ее плеча, словно хотел поддержать. — Стас бесится, потому что потерял контроль над ситуацией. Вальзер отправил Владиславу и свою жену на море, никто точно не знает, где они, — тихо добавил он.

Эти слова одновременно обнадежили и встревожили Елену. Если Яра действительно далеко, может, ей удастся сбежать. Но почему вдруг Вальзер отпустил их от себя? Он никогда раньше не позволял такого.

— Он что-то заподозрил? — Елена посмотрела прямо Марку в глаза, стараясь понять, говорит ли тот правду. Марк пожал плечами. — Мне неизвестно. Но возможно, да. — Парень на мгновение задержал взгляд на Елене, потом встал. — Мне пора. Стас не должен знать, что мы разговаривали. Берегите себя, — тихо сказал он, покидая комнату. Елена кивнула, с горечью

глядя ему вслед. Она совсем не знала этого человека, но по его поступку поняла, что Марк, возможно, не такой уж плохой. Должно быть, он тоже пленник Стаса, загнанный в ловушку. Нужно было действовать незамедлительно, пока Ярослава далеко. Это был ее шанс, который упустить нельзя.

— Стой! — Елена, прилагая усилия, поднялась и кинулась к двери, резко схватив парня за запястье, не позволяя ему уйти. В этом жесте было что-то отчаянное, безумное. — Мне нужен телефон.

— Вы с ума сошли? — Марк опешил и уставился на нее. — Стас убьет меня, если узнает.

— Я не выдам тебя. Клянусь! — В ее голосе звучало больше боли, чем мольбы. — Ты и Яра... Вы молоды. Можете начать с начала. Убежать от этого чудовища. Возможно, мне осталось недолго. — Елена сглотнула ком, подступивший к горлу. — Врач не говорит ничего конкретного, но я знаю. Чувствую. Я должна успеть. Должна спасти мою девочку. Даже если это будет стоить мне жизни. Вы заслуживаете свободы.

Марк тяжело вздохнул. Ее слова били прямо в сердце. Она не просила — умоляла. Если бы его мать была жива, она, наверное, поступила бы так же.

Марк мыслил рационально: понимал, что у нее ничего не получится, нет шансов. Он должен отказаться и не рисковать. Стас сильнее. Но что-то внутри екнуло. Что-то, о чем он даже не подозревал. Никогда прежде не находившее выхода стремление вырваться из оков, разорвать цепи, теперь заговорило в нем.

— Я попробую, — выдохнул он, не в силах противиться.

— Спасибо, — прошептала Елена и отпустила его руку.

Когда дверь за парнем закрылась, она позволила себе вновь опуститься на кровать. Силы покидали ее, но мысль о дочери придавала решимости. Самочувствие Елены ухудшалось с каждым днем, но она не могла позволить себе бездействовать. Тенью следовала за Стасом, наблюдала за его поведением, прислушивалась к разговорам. Она давно изучила этого человека до последней его гадкой привычки. Но в последнее время что-то изменилось. Стас стал раздражительным, нервным. Его движения были резкими, он все чаще срывался, был грубее обычного с подчиненными. Он явно чего-то боялся. Елена чувствовала: что-то должно произойти. И скоро.

Утро началось с переполоха. По дому носились люди, выполняя приказы. Стас велел очистить дом — ни лишних глаз, ни ушей. Елена с тревогой наблюдала за происходящим, пока в ее комнате не появился Марк.

— Стас велел увезти вас, — коротко сообщил он.

— Зачем? — Вопрос прозвучал резко, почти требовательно.

— У него сегодня важная встреча с кем-то серьезным. Гость не хочет огласки, — ответил Марк.

Сам он знал немного, но и его это тоже настораживало. Елена выпрямилась. В ее взгляде появилось что-то угрожающее.

— Это шанс, — проговорила она, скорее себе, чем ему. — Я должна знать, кто этот человек и о чем они будут говорить.

— Невозможно, — Марк покачал головой, пытаясь вернуть ее к реальности. — Вас велено увезти. И вы не можете здесь оставаться.

Но в глазах Елены уже читалось твердое решение:

— Я знаю, что нужно делать!

Ее давно потухшие глаза внезапно заблестели. Во взгляде смешались безумие, отчаянная решимость и надежда.

Они посмотрели друг на друга. Оба изнеможенные, но объединенные одной целью — жаждой свободы. Груз прошлых ошибок тянул вниз, словно каменная глыба. Если Елена сорвется, Марк полетит за ней в пропасть.

— Он убьет вас, если поймет, что вы задумали, — хрипло выдохнул парень, понизив голос до шепота. Марк как будто боялся, что у стен есть уши.

— Это не самое страшное. — Елена гордо подняла подбородок, скрывая свой страх.

— Что тогда самое страшное, Елена? — в его глазах мелькнуло искреннее непонимание.

— Остаться в плену у лжи и страха, — ее голос задрожал, но она продолжала: — Я виновата в том, что случилось с Ярой. И я же положу этому конец. Что бы ни произошло... передай моей дочери, что я ее люблю.

Марк медленно кивнул. Перед глазами мелькнуло лицо его матери, которую он никогда не знал. Она отдала свою жизнь ради него. Он не был достоин этой жертвы. Но, может, сейчас у него получится искупить свое прошлое?

Их план родился из мимолетного взгляда и молчаливого согласия. Елена спряталась за одеждой в дальнем углу своего шкафа. Чтобы план сработал, она должна была стать невидимкой.

Глава 34. Подслушанный разговор

Вскоре ворота особняка Далевского раскрылись. На территорию въехал дорогой автомобиль с затемненными стеклами. Водитель вышел первым, чтобы открыть дверь своему шефу.

Елена, тихонько выбравшись из своего укрытия, осторожно выглянула в окно. На крыльце, встречая гостя, стояли Стас и его охрана. Этот момент решающий — сейчас или никогда. Пока Стас и его люди внизу, она должна незаметно проникнуть в кабинет, где будет проходить встреча. Сжав кулаки до побелевших костяшек, она решительно направилась к нему. Елена двигалась так тихо, что, казалось, парила над полом. Но слабость брала свое: ноги были ватными, голова кружилась. Душа готова была вырваться из тела, но ради дочери она шла вперед, несмотря на то, что силы покидали ее.

Она услышала, как внизу открылась дверь. Голоса Стаса и его гостя эхом разнеслись по холлу. Мужчины уже поднимались по лестнице, когда Елена, в ужасе оглянувшись, бросилась вперед, исчезая за дверью кабинета. Чудо, что ее не заметили. Кабинет Стаса был ей хорошо знаком. Она знала каждую деталь, каждую лазейку. Давно заметила укрытие — нишу у окна, которую закрывала массивная портьера.

Ручка двери повернулась. В кабинет вошли Стас и его гость. Даже охране было велено оставаться на улице. Елена затаила дыхание, прижавшись к стене и чувствуя, как сердце отбивает барабанный ритм, казалось, так громко, что этот звук может выдать ее с головой. Стас уверенно занял место за своим столом. Его собеседник устроился в широком кресле напротив, закинув ногу на ногу.

— Зачем понадобилась личная встреча? — начал гость, голос которого был ровным и не выражал никаких эмоций. — Ты же знаешь, что наше сотрудничество должно оставаться тайной. Любая утечка может сорвать сделку.

— Я все предусмотрел. — Стас говорил подчеркнуто вежливо. Его голос был мягче обычного, почти услужливым. — В доме никого нет. Мы должны обсудить детали.

— Почему такая спешка?

Собеседник сохранял невозмутимость. Он чувствовал свое превосходство и не считал нужным его скрывать.

— Это не спешка. — Стас делал вид, что спокоен, но его нервозность была очевидна. — Это подходящий момент, который нельзя упустить.

Елена не видела его лица, но слышала в голосе волнение. Стас боялся.

— Тебе что-то стало известно?

— Стало. Мимо меня ничего не проходит, — самодовольно хмыкнул Далевский. — Вальзер готовит сходку, хочет собрать верхушку на совет, только своих. Разговор пойдет серьезный. Есть мнение, что он хочет передать власть и отойти от дел, пойти в откуп. Он оголяет счета, уверен, это неспроста. Я не дам ему этого сделать, его власть должна быть только моей, — заключил Стас, его нервозность усилилась, отчего голос все больше срывался.

— Ты говоришь, «стало известно». Значит, тебя не позвали? — Собеседник отметил важную деталь. — Вальзер не считает тебя «своим»? Думает, мал Стасик для верхушки?

— Все равно, кем он меня считает! — вспылil Стас, кажется, эта тема была его большой мозолью. — Скоро его мнение никого не будет интересовать. Я навсегда заткну ему рот, на тот свет отправлю. Вот где он у меня будет. — Стас потряс кулаком в воздухе.

От страшных слов Елена оцепенела, даже сердце стало биться глуше. Зверь внутри Далевского жаждал крови. Стас распалился и как на духу выложил своему союзнику план покушения на Вальзера. Он явно не собирался делать это своими руками, все-таки был трусом. Нашел наемника, который мог оказать подобную услугу.

— Есть человечек, все сделает чисто и заляжет на дно. Ни менты, ни братва, ни сам черт его не отыщут, — считал себя победителем Стас, что придавало ему уверенности.

— Если ты уже все решил, что от меня хочешь? Твои разборки с Вальзером меня не касаются, — сухо ответил мужчина. Очевидно, к криминальному миру он не принадлежал.

— Согласись, твое дело пойдет успешнее, когда я займу его место. Когда за твоей спиной будет авторитетный человек, меньше конкурентов рискнет навредить твоему делу. Построишь могущественную империю, а тех, кто у тебя на пути, раздавишь, сотрешь в порошок. — Стас говорил как змей-искуситель, зная желание своего союзника.

Гость Стаса и правда хотел многого. Ему даже стало тесно в широком кресле. Он поднялся, выигрывая время, чтобы обдумать непростое, но заманчивое предложение. Мужчина подошел к окну и остановился в полуметре от Елены. Если бы повернул голову, то заметил бы ее. Но он смотрел прямо перед собой, задумавшись.

Елена зажмурилась, пытаясь хоть немного унять охвативший ее страх. Голос мужчины звучал знакомо, как эхо далекого прошлого, но память отказывалась его узнавать. Она все же рискнула взглянуть на происходившее в кабинете сквозь узкую щель между шторой и окном. Лицо в полупрофиль точно было ей знакомо. Прошло несколько секунд и осознание пронзило ее, как острый клинок. Она вспомнила! Этот человек мелькал на приемах, которые она посещала с Костей, был гостем на их свадьбе. Тогда он показался ей человеком закрытым, но значимым, влиятельным. Теперь, рядом с Далевским, он выглядел настоящим хищником. Елена с трудом удержалась от нервного вскрика. Она вспомнила его имя. Круг врагов сузился.

— Чего ты хочешь от меня? — сухо и нетерпеливо спросил мужчина, поворачиваясь к Стасу. В его голосе слышалось скрытое раздражение, что его время тратят впустую.

— Хочу заручиться твоей поддержкой, — с напускной любезностью произнес Стас, стараясь казаться уверенным. Ему была нужна сила этого человека — его власть, связи, капитал.

— Поддержкой? — Мужчина усмехнулся, плотно усаживаясь в кресло, будто занимал трон, а не обычное место. Его тон был насмешлив, а взгляд пронизан высокомерием. — Вот займешь место Вальзера, тогда и поговорим. На равных.

Он демонстративно указал на положение Стаса, не скрывая своего презрения. Ткнул носом, как нашкодившего щенка. Для Далевского эти слова были плевым в лицо. В нем моментально взыграли самолюбие, раздутые амбиции и жажда власти.

— У меня есть план, как укрепить твое положение. — Голос Стаса стал напористее. Он знал, чем может заинтересовать собеседника. — Устроим твоему Елецкому такой привет, что он забудет, что значит спокойно спать.

Елена вздрогнула при упоминании Костиной фамилии. Сердце екнуло, затем заныло в тисках боли.

— Будет жалеть, что сам не помер, когда ему дали такую возможность, — продолжал Стас, его глаза блестели хищным огнем. — Да и сынка его, мажора, следует опустить.

— Конкретнее. Что ты предлагаешь? — Мужчина не показывал эмоций, но его голос стал тверже, произнесенные слова он воспринял серьезно.

— Младший Елецкий сейчас готовит сделку, как когда-то его отец, — усмехнулся Стас. — Тогда я им устроил сюрприз и сейчас сделаю то же самое, но изящнее.

Мужчина поднял бровь, медленно покачав головой.

— Насколько мне известно, тогда у тебя не все прошло гладко, — язвительно напомнил он. — На этот раз я все просчитал! — взорвался Стас, раздражение зазвенело в его голосе. — У меня есть девочка, которая все сделает как надо. Чисто и аккуратно.

Стас описал план в красках. За последние годы компания Елецких выросла и вышла на торги на фондовой бирже. Акции компании имели высокую стоимость, что позволяло им чувствовать уверенность. Но если стоимость акций обрушится ниже уровня их финансовых задолженностей, то компания станет банкротом. Девушка, которую Стас хотел внедрить в окружение

младшего Елецкого, создаст условия для провала сделки, которую готовил Игнат с иностранными инвесторами. К этому времени Стас планировал устроить сговор с акционерами и искусственно создать на рынке панику. В момент, когда новость о сорванной сделке облетит фондовых игроков, на биржу выкинут большую часть акций. Это сразу же опустит их в цене. Биржевые игроки, которые зарабатывают на динамике цен, боясь потерять свой капитал, начнут снижать цену, чтобы скорее избавиться от дешевеющих активов. Под влиянием подкупленных изданий и беспринципных журналистов инвесторы начнут избавляться от акций, создавая цепную реакцию. Что в конечном итоге приведет к краху империи Елецких.

— Цена акций упадет ниже уровня долговых обязательств, компанию затопит волна продаж. — Стас от удовольствия потер руки, в воздухе витал хищный азарт. — Она станет банкротом. А я? Я соберу все, что останется, — с жадным блеском в глазах говорил он.

Его собеседник молча слушал, обдумывая каждое слово. Потом снова подошел к окну. Его фигура заслонила свет, отбросив длинную тень на портьеру, за которой пряталась Елена, ее тело окаменело от напряжения. Она почти не дышала, уже с трудом воспринимая происходящее, мерзкую речь Стаса, который между тем продолжал говорить:

— Вот в это время мои посредники начнут скупать акции за бесценок. Елецким придется продать все, чтобы покрыть убытки, — он злорадно ухмыльнулся. — Когда стоимость их доли упадет до самого дна, а свои капиталы они пустят на погашение обязательств, контрольный пакет акций перейдет к тому, кто окажется быстрее и хитрее, — расхохотался Стас, считая свой план гениальным.

В его голове не возникало сомнений, что этим «сильным» окажется он вместе с новым союзником. Суммы, которые они обсуждали, потрясли Елену. Деньги для них были лишь инструментами игры, орудием, чтобы сокрушать чужие судьбы. Елена почувствовала, как вокруг все сжимается, будто стены кабинета давят на нее, а дыхание становится прерывистым, как у загнанного в ловушку зверя. Она с трудом сдерживалась, чтобы не выдать себя. Но надо оставаться незамеченной. Она должна помочь дочери.

— Разделим их бизнес пополам, — попытожил Стас, словно уже держал в руках ключ к империи Елецких.

Собеседник какое-то время обдумывал услышанное. Лицо оставалось бесстрастным. Наконец, он медленно кивнул.

— План недурен. Но ты кое-что не учел, Стасик. — раздраженно бросил мужчина после паузы. — Елецкий-младший спутался с дочкой Вальзера. Они сейчас развлекаются на море.

У Елены потемнело в глазах. Ярослава с Игнатом? Как он нашел ее? Почему они вместе? Мысли вихрем пронеслись в голове.

— Откуда знаешь? — насторожился Стас. Голос стал жестким. — Ни один крот не нарыл, куда Вальзер спрятал жену и дочь.

— Ты следишь за теми, кто опасен для тебя, а я за теми, кто представляет интерес для меня, — холодно отрезал мужчина, давая понять, что его ресурсы шире и могущественнее. — Эта девка не должна стать помехой. Как только избавишься от Вальзера, убери ее.

Елена едва удержалась, чтобы не закричать. Убить ее дочь? Убрать Ярославу, как пешку! Он же сам отец. Мерзавец!

Это предложение ударило сильнее молота, уничтожая остатки сил. В ушах зашумело, все поплыло перед глазами. Но она не могла потерять сознание. «Если меня заметят, я не спасу дочь», — эту мысль она повторяла про себя снова и снова. Яра была в смертельной опасности, а Елена — ее единственная защита. Она стиснула зубы, сжала кулаки и вцепилась в стену, еле удерживаясь на ногах.

Стас ответил не сразу. Он раздумывал. Убрать девчонку ничего не стоило. Однако он во всем искал выгоду и знал, что смерть Ярославы ему особой пользы не принесет.

— Есть идея получше. — медленно произнес он, растягиваясь в улыбке. — Птичка уже в клетке. Ее умелыми ручками мы и заполучим контракт Елецкого.

— Ты действительно думаешь, что дочь Вальзера станет твоей марионеткой? — недоверчиво поднял бровь собеседник.

— После того как ее папочки не станет и я займу его место, она будет в моих руках, — ядовитым тоном сказал Стас. — Захочет или нет — без разницы. Что прикажу, то и сделает.

— Прямо дьявол во плати, — с кривой усмешкой проговорил мужчина. — Если провернешь это, я сниму шляпу.

Елена едва дышала, слушая их разговор. Стас излагал мерзкий план, в котором ее дочь должна была сыграть роль предательницы. Уж лучше смерть, чем это! Она уже пережила ад, но теперь знала, что осталась в живых не случайно. Она должна помешать Стасу, сделать все возможное, чтобы Ярослава не повторила ее путь.

Закончив разговор, Стас поднялся, чтобы проводить гостя.

— Дорогу знаю, — остановил тот жестом хозяина.

Далевский остался в кабинете один и облегченно выдохнул. Получив удовлетворение от состоявшейся встречи, он, как всегда, первым делом проверил запись разговора. Миниатюрная камера, спрятанная в столе, зафиксировала все. Все, что ему было нужно. Стас достал флешку и, покрутив ее на пальце, злорадно усмехнулся. Потом вытащил из стола небольшой конверт и подписал его.

— Империю Елецкого, говоришь? — пробормотал он себе под нос, разглядывая носитель информации. — А получишь с десятков лет в тюрьге, умник. Станешь мне служить, как миленький.

Он положил флешку в подписанный конверт и направился к сейфу, находящемуся у окна в углу кабинета. Массивный, но почти незаметный, он сливался с интерьером и выглядел как самый обычный шкаф. Подойдя к сейфу, Стас хотел набрать код. Но внезапно замер. Выпрямился, повернулся, словно уловив что-то в воздухе. То ли шорох, то ли движение.

Елена едва сдерживала дыхание. Она стояла в нескольких шагах от него. Их разделяла лишь плотная ткань портьеры. Враг и жертва. Зверь, жаждущий крови, и душа, страдающая свободы. Один шаг. Один вдох. Жизнь или смерть. Каждая минута казалась вечностью.

Стас ощущал: что-то не так. Повел носом, осмотрелся по сторонам. Он всегда был подозрительным, обладал животным чутьем. Его взгляд шарил по комнате. Помедлив, Стас нахмурился, достал что-то из нагрудного кармана пиджака, вернулся к сейфу и начал набирать код.

Елена осторожно выглянула из-за портьеры, и увидела, как Стас положил конверт с флешкой на верхнюю полку. Он закрыл сейф, еще раз оглядев кабинет, и вышел, громко хлопнув дверью. Вскоре стало понятно, что он куда-то уезжает, по коридору прошла охрана. Затем в доме воцарилась полная тишина.

Еще какое-то время Елена оставалась в своем укрытии, не решаясь пошевелиться. Ноги дрожали, ладони были влажными от пота. Наконец, собравшись с духом, она вышла из укрытия и выглянула в окно. Убедившись, что машин Стаса и охраны нет, она повернулась к выходу. Ее единственным желанием было побыстрее покинуть этот страшный кабинет. И тут она заметила на полу небольшой стикер. Подняв его, обомлела. Неужели это то, что она думает? Не теряя времени, женщина подошла к сейфу и непослушными руками набрала код. Ее догадка оправдалась. Стас, видимо, в целях предосторожности перед приходом гостя сменил пароль и наспех записал его на бумажке.

Сейф открылся. То, что ей было нужно, лежало на верхней полке. Внизу стояли аккуратно подписанные конверты, папки с компроматом на многих влиятельных лиц, пачки денег, какие-то паспорта. Пистолет. Взяв необходимое, она закрыла сейф и спешно удалилась. В руке была крепко зажата правда.

Через полчаса появился Марк. Он вошел, стараясь держаться уверенно, но нервное напряжение выдавало его. Увидев Елену живой, облегченно выдохнул.

— Как все прошло? — тихо спросил он.

Елена не стала вдаваться в подробности.

— Добыла то, что нужно, — пробормотала она и протянула парню конверт, на котором было написано его имя. Это был его шанс.

— Дай мне номер Вальзера, — умоляюще произнесла она.

Марк кивнул, достал телефон, быстро набрал номер и передал трубку женщине. Елена посмотрела с благодарностью. Марк вышел из комнаты. Стас и его люди могли вернуться в любой момент. Он стоял в коридоре и ему казалось, что перед ним мелькают кадры какого-то фильма. Он будто смотрел на себя со стороны и не узнавал. Словно это был не он — не тот, кто всю жизнь опускал глаза перед Стасом и терпел унижения, а кто-то другой. Тот, кто наконец перестал бояться. Тот, кто мог сопротивляться и дать Стасу отпор.

Тем временем Елена замерла с телефоном в руке. Гудки звучали оглушительно. С каждым новым сердцем сжималось все сильнее от тревоги. Наконец в трубке раздался грубый мужской голос:

— Да?

Елена быстро собралась с мыслями.

— Вы должны меня выслушать, это важно. — Она говорила тихо, но напряжение в голосе выдавали ее волнение.

— Кто вы? — отрезал Вальзер. Его голос звучал грубо, нетерпеливо.

— Мы не знакомы. Послушайте...

— Кто вы? — резко повторил Вальзер.

— Мое имя Елена Черникова. Мы не виделись раньше, но вы должны знать: Стас готовит на вас покушение. Спасите свою жизнь. И свою дочь.

Слова дались ей с трудом, но она должна была успеть все сказать. В этот момент Марк заглянул в комнату, его лицо стало обеспокоенным.

— Кто-то идет, — прошептал он.

Елена быстро завершила звонок и вернула телефон.

— Думаю, он понял. Я сделала все, что могла, — прошептала она, чувствуя, как внутри расцветает слабая, но живая надежда.

Глава 35. В ловушке у монстра

— Почему мы летим в этот город, а не домой? — Мэри, казалось, вот-вот расплачется, когда самолет приземлился в аэропорту.

— Так сказал Марк, — сквозь зубы ответила я, едва сдерживая раздражение.

— Я хочу домой! — ее голос звучал капризно, словно она была ребенком, а не взрослой женщиной. Даже в такой ситуации Мэри не забыла накраситься и натянуть на себя обтягивающее черное платье, видимо, в знак траура.

В аэропорту нас встретил Марк. Мэри тут же повторила ему свой вопрос. Он, в отличие от меня, дал ей более обстоятельный ответ:

— В доме Вальзера оставаться небезопасно. Неизвестно, кто совершил покушение и какие цели преследует. Вы наследуете состояние, а значит, охота может быть объявлена и на вас.

— Мы что, теперь бездомные? — Мэри залилась слезами, крепко прижимая к себе маленькую черную сумочку, будто в ней был весь ее оставшийся мир.

Марк тяжело вздохнул — женские слезы он не любил и переносил с трудом. Мне пришлось вмешаться: я принялась уговаривать, гладить Мэри по руке, убеждать, что все наладится и мы будем в безопасности. Через какое-то время она все-таки замолкла, хотя взгляд оставался обреченным. Затем неожиданно потребовала:

— Если мы остаемся, то только в хорошей дорогой гостинице, а не в каком-то притоне.

Мы поселились в роскошных апартаментах высотного комплекса в деловом районе города. Повсюду кипела жизнь — офисы, рестораны, дорогие магазины. Лишь поднявшись на нужный этаж, можно было отгородиться от шума.

Похоже, место понравилось Мэри. Она оживилась, тут же открыла чемодан и стала перебирать вещи, выбирая платье для ужина. А Марк в это время сообщил мне новость:

— Ты должна поехать со мной. Стас хочет тебя видеть.

Внутри все сжалось. Что могло понадобиться от меня этому человеку? Вальзера больше нет, а значит, моя роль закончена. Но я знала: рассчитывать на свободу было бы слишком наивно. Пока Вальзер был моим «отцом», Стас меня не трогал, только грозил, чтобы я слушалась. Теперь я полагала, что его отношение изменится. Он не отпустит нас с мамой... Мне стало страшно. Что, если он захочет нас убить?

Кабинет Стаса всегда казался мне чужим и холодным, словно его специально создавали, чтобы подавлять любого, кто зайдет сюда. Однако увиденное поразило меня сильнее, чем я могла представить.

Мама. Она была здесь.

Я бросилась к ней, не раздумывая. Обняла, чувствуя, какая она слабенькая и уставшая. Ее лицо было бледным, а тело — совсем хрупким.

— Ярочка, дочка, — еле слышно шепнула она, но в этих словах было столько любви, что у меня защипало глаза.

Но радость была недолгой. Ее взгляд стал тревожным, и, едва шевеля губами, она произнесла:

— Вальзера не стало. Будь осторожна. Никому не верь.

Эти страшные слова вновь ударили в грудь, но я успела спросить:

— Как ты? Как себя чувствуешь?

Прежде чем мама успела хоть что-то сказать, в дело вмешался один из людей Стаса. Верный пес и исполнитель всех его грязных поручений, он схватил маму за плечи и с силой оттащил к двери. Далековский сидел за столом и, будто зритель, наблюдал за нашей встречей.

— Дочка, не верь ему, он обманет! — выкрикнула мама. За эту выходку цепной пес больно сжал ей руку.

— Отпусти ее! — Я готова была броситься на него, защищать маму голыми руками, зубами, чем угодно, но внезапно почувствовала, что кто-то сильно сжал мой локоть.

— Не надо, — резко произнес Марк, удерживая меня.

— Пусти, — прошипела я, пытаюсь вырваться.

— Ты не понимаешь, это бессмысленно. — Его голос был напряженным, но в глазах читалась искренняя тревога.

Я знала, что он пытается защитить меня, но это не унимало боли и ярости. Стас встал и навис над столом, уперевшись в него кулаками. От него веяло чем-то гнусным, несмотря на дорогой костюм и парфюм. Словно сквозь всю мишуру просачивалась его истинная сущность — грязная, отвратительная, не поддающаяся никакой маскировке.

Я поморщилась, глядя на него. Презрение и ненависть, должно быть, отразились на моем лице, которое он тут же заметил. Возможно, он ждал, что я буду его восхвалять и поклоняться. Но ошибся, и это еще больше взбесило Далевого.

— Ну что, нагулялась? — прошипел он, будто змей. — Думала, сможешь скрыться от меня? Сбежать? Думала, я не узнаю, где ты была и с кем? Забыла, кто твой хозяин?

Его тон был насмешливым, но внезапно сорвался на резкий, почти истеричный:

— Так я тебе напомним! Что захочу — то и сделаю. Или с тобой, или с твоей драгоценной мамашей!

В подтверждении сказанного его прислужник мгновенно сжал шею мамы, отчего она вздрогнула и сжалась от боли, но терпела, не желая показывать свою слабость. Прежде я успокаивала ее, просила верить, что мучения когда-нибудь закончатся и мы будем просто жить. Просила держаться, быть сильной. Но теперь понимала, что все было зря. Я обманывала ее. Единственно правильным решением было бы положить конец нашим мукам. И кажется, это время пришло. Чуть ли не единственная причина, по которой мы обе продолжали жить, — внутреннее сопротивление, на которое уже не осталось сил. Но я не могла поддаться злу, не могла позволить ему быть сильнее нас. И изо всех сил, собрав всю волю в кулак, отчаянно закричала:

— Отпусти ее! — Я шагнула вперед, голос дрожал, но не от страха — от негодования — Оставь маму в покое! Что тебе нужно? Что тебе еще от нас нужно?

Кровь буквально кипела в венах, будто превращаясь в жидкий раскаленный металл. Ненависть была фонтаном, заполняя собой все пространство между нами. Стас хищно улыбнулся, видя, как его игра действует на меня, и махнул рукой. Приспешник немного ослабил хватку, позволив маме вдохнуть. Но облегчение длилось недолго. Я едва дышала от гнева и презрения.

— Умная девочка, — оскалился Стас. — Быстро поняла. Ты снова нарушила правила. Сбежала. За это тебя нужно наказать. Ты ползать должна передо мной на коленях! Поняла?

Его слова были словно яд, и я почти чувствовала, как они отравляют воздух.

— Твой папаша уже не спасет, — продолжал он. — Где он? Вот его и нет. А я есть! И всегда буду!

Его смех — ядовитый, мерзкий — эхом разнесся по кабинету. Я смотрела на него, с трудом сдерживаясь, чтобы не сорваться.

— Я всегда на шаг впереди, — злорадно проговорил он, прищурился хищные глаза. А ты все зубки пытаешься показывать. Не доросла еще. Жалкая, никчемная девчонка! Ты даже не понимаешь, насколько твоя жизнь — и жизнь твоей мамы — в моих руках.

Мама вскрикнула от новой вспышки боли, но Стас не обращал на это внимания. Он был слишком занят демонстрацией власти.

— Захочу — положу тебя под себя. Захочу — отдам тем, кому твои услуги будут полезнее. Понимаешь, о чем я говорю? Будешь работать на меня. Ты умная, красивая — такие, как ты, нужны мне. А твоя мамочка? Она тоже будет полезна. Век будете мне служить.

Он говорил не просто с презрением, а буквально захлебывался собственным ядом. Комок подступил к горлу. Я сглотнула, борясь с рвущимся наружу криком. Хотела броситься на него, но вместо этого произнесла:

— Где Вальзер? Что ты с ним сделал?

— Что, испугалась? — с мерзким гоготом начал Стас, явно наслаждаясь ролью хищника. — Теперь у тебя нет всесильного папочки, чтобы защитить. Он нависал надо мной, как тень. — Теперь он корм для рыб. А я твой единственный властелин. Будешь делать все, что скажу.

Сердце застучало в висках, громко, словно барабан. Он убил Вальзера. Или... пытался? В новостях говорили, что тело не нашли. Может, именно поэтому Стас был таким злым, излучал эту показную уверенность. За маской агрессии скрывался страх. А как он мог узнать, куда Вальзер спрятал нас? Ведь наша поездка была засекречена.

Я снова попыталась вырвать руку из хватки Марка. Он отпустил, и на запястье остались красные следы от его пальцев. Но я не чувствовала боли. Никакой. Ни физической, ни душевной. Не было ни страха, ни отчаяния. Зарождалась холодная решимость.

Мой взгляд метнулся к маме. Она сидела, притихшая, с побледневшим лицом, но ее глаза тоже горели. Я видела в них боль и силу одновременно. Ее мучили, ломали, превращали в тень, но она осталась моей мамой. Красивой, сильной, терпеливой, любящей.

Ради нее я обещала себе бороться. Не позволю этому дню стать нашим концом. Мы будем сражаться, пока дышим.

— Че-го. Ты. Хо-чешь? — холодно и по слогам произнесла я, ощущая, как ярость зреет в моих словах.

Стас лениво потер подбородок, вальяжно уселся обратно в кресло. Махнул рукой, предлагая и мне присесть. Но я осталась стоять.

Он вдруг сменил тон, притворяясь ласковым, будто перед ним его любимая игрушка, которую он собирался сломать.

— Отдых пошел тебе на пользу, детка. — Его голос наполнился лестью, от которой становилось противно. — Теперь можешь поработать на своего нового папочку. Обещаю, если будешь хорошей девочкой, то и я буду ласков с тобой. Нужно достать документы по готовящейся сделке у Игната Елецкого. Есть заказчик, готов заплатить тебе крупную сумму, если поможешь ему расквитаться с этим кланом навсегда. Нам даже на руку, что Игнатик запал на тебя. Так изобрази себя его невестой. Пусть повторит путь своего папаши. Вот будет весело? — Стас громко расхохотался, даже хрюкнул от переизбытка веселья.

Он был безумен. Абсолютно. Если бы в нем осталась хоть крупинка рассудка, он бы не решился предложить мне подобное. Он хотел использовать меня так же, как маму, но... Ошибиться можно только один раз. Второй — это уже выбор. Я не была игрушкой. Не для него. И никогда больше не позволю ему решать, как мне жить. Я подняла голову, вдохнув полной грудью. Решимость окончательно вытеснила страх.

— Хорошо ты придумал, — мой голос прозвучал тихо, но твердо, словно удар кинжала. — Никогда, слышишь, никогда этого не будет. Можешь убить меня прямо здесь и сейчас. Иначе я сама убью тебя, как только выдастся такая возможность.

Губы Стаса скривились в омерзительной ухмылке, но лицо на мгновение дрогнуло. Мерзавец не привык слышать подобное. Он подался вперед, тяжело глядя на меня. Его глаза бегло оценивали мою решимость, пытаясь найти изъян, чтобы ударить по слабому месту. Но самодовольство взяло верх.

— Браво, дорогуша! — Он театрально изобразил аплодисменты. — Я почти прослезился, очень трогательно! — Он склонил голову набок, — словно разглядывая меня под новым углом. — Ну что ж, раз тебя не интересуют деньги, я готов повысить ставку.

Он поднялся и обогнул стол, его взгляд горел холодным огнем.

— Пусть это станет твоим откупным... за мать. Ты мне еще понадобишься, а вот от твоей мамы одни проблемы и расходы на лечение.

Мое сердце сжалось. Мама. Ее лицо было белым, как мел, но она все еще сопротивлялась, несмотря на то что ее держали так крепко. Я слышала мамино приглушенное дыхание. Приспешник Стаса зажал ей рот, лишая возможности сказать хоть слово. Они привели ее сюда намеренно, чтобы лишить меня выбора, сломить окончательно. Я посмотрела на маму. Наши взгляды встретились. Ее глаза были полны боли, но в них не было страха. Только тихое согласие. Она моргнула, словно прося меня поступить так, как я считала нужным.

— Считаешь, что свобода для нас дороже всего? — Я снова посмотрела на Стаса. — Да, она дорога нам. Потому что ты отнял ее у нас. Но я не верю твоим обещаниям.

Я говорила тихо, но в моем голосе звучал гнев. Стас усмехнулся и подошел ближе. Его рука сжалась на моей шее — не больно, но унизительно. Всем своим видом он хотел показать, что считает меня вещью в своих руках.

— Значит так, Владочка, — начал он медленно, смакуя каждое слово. — Мне надоело играть роль всепрощающего благодетеля.

Его глаза блестели бешенством:

— По-хорошему, за твои слова я должен тебя проучить. Но не могу испортить твое милое личико... пока. — Его хватка на моей шее усилилась. — Помни, срок моей доброты — неделя. Я закрываю глаза на твои высказывания только потому, что у меня хорошее настроение — наконец-то эта мразь, Вальзер, не путается под ногами.

Он резко повернул мою голову в сторону мамы, словно издеваясь.

— А теперь посмотри на свою мамочку. Запомни ее такой. Потому что, если ты не принесешь мне документы, это будет последний раз, когда ты видишь ее в добром здравии. Потом я начну избавляться от нее... по частям. И никому из вас это не понравится. Усекла?

Я сжала кулаки, ногтями впиваясь в ладони до боли и пытаюсь не выдать свои эмоции.

— Я должен повторять дважды? Ты поняла меня? — его голос стал жестким, он хлестал меня словами, словно кнутом.

— Поняла, — процедила я, сдерживая откровенную волну ненависти, накрывшую меня.

Стас убрал руки, но его взгляд продолжал жечь меня насквозь. Он явно не блефовал.

— А теперь вали отсюда и охмуряй своего Елецкого. Раздвинешь для него ноги, как делала это раньше. Не мне тебя учить.

Его слова, как плеть, ударили по моей душе. Я почувствовала, как боль холодными иглами хлынула по венам. Но я не дала себе сломаться. Не сейчас. Не перед ним.

Я не могла уйти, зная, что Стас наверняка выместит злость на маме. Если он убьет ее, это будет из-за меня. Мой самый страшный многолетний кошмар сбывался. В голове билась одна мысль — я сказала лишнее. Я не имела права жертвовать мамой ради своей правоты.

Внутри все перевернулось. Я хотела кинуться к ногам Стаса, умолять его оставить маму в покое. Пусть убьет меня. Но Марк схватил мою руку, резко дернул и вывел из кабинета, словно вытаскивая из лап чудовища.

— Пошли! — бросил он, не обращая внимания на мои попытки остановиться.

Я не понимала, куда он меня тащит. Для меня из этого дома, пока мама оставалась внутри, не было выхода. Любой путь вел в тупик. Предать Игната? Пожертвовать мамой? В любом случае кто-то из них пострадает.

Марк заставил меня сесть в машину, едва не запихнув силой. Его трясло, но он старался сохранять самообладание. Я видела неподдельный страх в его глазах. Он боялся не меньше моего.

Мы отъехали на приличное расстояние. Только тогда Марк остановил машину и обернулся ко мне.

— Звони, — потребовал он.

— Кому? — Мой голос звучал глухо, словно я говорила сквозь стену отчаяния.

— Влада, приди в себя! — Марк повысил голос, но быстро смягчился. — Звони Елецкому. Сделай то, что велел Стас. Не будь дурой.

Я подняла голову, чувствуя, как внутри закипает гнев.

— Я не Влада, — твердо произнесла я. — Мое имя Ярослава Черникова.

Марк замер.

— Хочешь сказать, что не боишься смерти, потому что уже мертва?

— Не боюсь. В отличие от тебя.

— Да, ты права. — Он коротко кивнул, его губы дрогнули. — Я не хочу умирать. Моя мать погибла, когда ей было столько же, сколько мне сейчас. Не хочу повторить ее путь. Не хочу, чтобы ее смерть ради меня была напрасной.

Его слова заставили меня задуматься. Они ворвались в хаос мыслей, настроили на более рациональный лад.

— Тогда зачем ты помогаешь мне? — спросила я сухо.

Марк посмотрел на меня так, как будто до этого момента смотрел в пустоту.

— Ненавижу, когда на женщин поднимают руку, — сказал он тихо, но твердо. — Видел это достаточно. Не могу больше.

— Но ты служишь Стасу, — мой голос сорвался. — Ты... ты делаешь то же самое что и он!

Марк покачал головой, взгляд его стал тяжелым.

— Нет, — его голос зазвучал резко. — Я дал себе обещание, что помогу тебе и твоей матери.

— Ты помогал моей маме? — Я смотрела на него, не веря ни единому слову.

— Да. Не ожидала? — Марк усмехнулся, но в его улыбке была горечь. — Я и сам от себя не ожидал. Но сделал то, о чем она просила. Помог ей подслушать разговор Стаса с его покровителем. Дал телефон, чтобы она могла позвонить Вальзеру. Стер запись с камеры, на которой было видно, как Елена заходила в кабинет и что она там делала.

Его слова ошеломили меня. Мое сознание словно проснулось.

— Вальзер знал, что Стас против него задумал? — Я ощутила, как земля уходит из-под ног.

— Твоя мать пыталась ему об этом сказать. Не знаю, поверил ли он. Но теперь тебе нужно позвонить Елецкому. Только он может защитить тебя.

Я колебалась, но все же набрала номер Игната, и когда он ответил, мой голос задрожал.

— Я вернулась в город, — сообщила я.

Глава 36. Романтическое свидание

Стеша с нетерпением ждала выходных. Наконец-то она снова увидится с Сержем. За последние недели обоих поглотили рабочие дела, но все равно каждый выкраивал время, чтобы поговорить по телефону или написать сообщение. Они рассказывали о том, как прошел день, что было нового, желали сладких снов. Оба нуждались в общении и уже не представляли себя друг без друга. Каждую свободную минуту Стеша мысленно возвращалась к их последней встрече, вспоминая восхищенный взгляд Сержа, прикосновения и нежность в каждом слове. Она с трепетом надеялась, что сегодня они смогут наверстать упущенное.

Эти мысли заставляли сердце девушки трепетать, а фантазия рисовала самые романтические сценарии их свидания. Она понимала, что хочет большего, чем просто поцелуи, но пока лишь улыбалась, представляя, как они проведут вместе день, который принадлежит только им.

Их договоренность сохранить элемент неожиданности добавляла этому дню интриги. Они решили не обсуждать, чем будут заниматься весь день, и лишь условились, что Серж забереет ее в назначенное время, а дальше они устроят друг для друга сюрприз.

Стеша долго думала, что ей надеть на встречу. В итоге выбрала свободные темно-синие джинсы, которые выгодно подчеркивали ее фигуру и белую футболку, а поверх накинула удлиненный приталенный жилет из тонкой кожи. Когда она открыла дверь, то оба залиvistо рассмеялись. Серж был одет почти так же, причем они не сговаривались. Белая футболка, синие джинсы такого же оттенка, как у Стеши. Только вместо жилетки на нем была куртка из легкой кожи. Они даже обуты были в кроссовки одной фирмы. Оказывается, у них совпадали не только чувства, но и вкусы.

— Не знал, как одеться для твоего сюрприза, — продолжал улыбаться парень.

— А я для твоего, — вторила ему девушка.

Серж не мог оторвать от Стеши заинтересованного взгляда. Она очаровывала его все больше.

Он, как всегда, превзошел ожидания, преподнеса букет, от которого у нее перехватило дыхание. Ранункулюсы, пионовидные розы и веточки эвкалипта — цветы, казавшиеся слишком совершенными, чтобы быть реальными. Стеше захотелось запищать от восторга, и она легонько чмокнула парня в щеку. Но этого оказалось ему недостаточно. Серж, не теряя времени, притянул ее к себе и поцеловал так, что все планы на день моментально оказались под угрозой. В этом поцелуе были и страсть, и нежность, и безмолвное обещание. Стеша почувствовала, как желание выбраться из дома испарилось, а на его место пришло другое — остаться здесь, в его объятиях, и позволить моменту растянуться на бесконечность. Но они все же взяли себя в руки.

— Я бы с радостью продолжил, но мы решили не торопиться, — произнес Серж с улыбкой, стараясь скрыть, как его дыхание сбилось от поцелуев.

— Это было сугубо твое решение, — Стеша шутливо закатила глаза, а затем добавила уже серьезнее: — Но мне нравится, что ты так бережно ко мне относишься.

Ее слова задели его за живое, а выражение лица стало серьезным.

— Ты знаешь, я никогда раньше не стремился к обязательствам, — признался он. — Но с тобой все иначе.

— И я это ценю, — тихо ответила Стеша.

Улыбнувшись, она перевела взгляд на букет и, восхищаясь его красотой, решительно заявила:

— Мне нужно сделать пару фото! Он слишком красивый, чтобы не поделиться в соцсетях.

Серж усмехнулся, глядя, как она суетится с телефоном, стараясь поймать нужный ракурс. Его забавляла ее сосредоточенность, смешанная с детской радостью. Он даже помогал ей держать букет под нужным углом, пока она искала идеальный свет.

— Ты такая забавная, когда фотографируешь, — заметил он с доброй усмешкой. — Такая сосредоточенная и милая.

— Да, да, спасибо, но подожди, я еще с этой стороны попробую, — рассеяно ответила Стеша, полностью погруженная в процесс. — Вот, теперь идеально! Спасибо, Серж! Ты самый лучший, — воскликнула она, наконец переключив внимание на парня.

В его глазах было столько нежности, что девушка почувствовала себя по-настоящему счастливой. Сегодняшний день только начинался, но она уже знала, что он станет незабываемым.

Поставив цветы в вазу, и еще раз полюбовавшись чудесным букетом, Стеша назвала адрес. Первую половину дня они должны были провести по ее секретному плану, а вечер — как задумал Серж.

— Стеша, мы едем на квест? Надеюсь, там не будет бензопил и опасных предметов, — вслух размышлял Серж.

— Максимум стеки и петли, — задумчиво сморщила носик Стеша, подыгрывая парню.

— Мы едем на какую-то вечеринку восемнадцать плюс? — удивленно поднял брови Серж.

— Что? — не сразу поняла Стеша, а потом засмеялась. — Ты мастер уводить разговоры в горизонтальную плоскость. Мы едем на мастер-класс по керамике!

— И что мы там будем делать?

— Будем создавать воспоминания! — сообщила девушка.

— Ты имеешь в виду, что мы будем в фартуках на голое тело создавать кувшины из глины? — продолжал подкалывать Серж делая вид, что совершенно ничего не понимает. — Такое я точно не забуду. В принципе, можем и без глины обойтись.

— Какой же ты милый! — улыбнулась Стеша. — Я давно хотела сходить на такой мастер-класс, сделать себе что-то на память. Надеюсь, нам понравится.

— Конечно, понравится, — ответил серьезно Серж. — Мне понравится что угодно, если я буду делать это вместе с тобой.

Мастер-класс, выбранный Стешей, проходил в просторной и уютной студии. Здесь было несколько столов для лепки, стеллажи с готовыми изделиями и наборами инструментов, фото, гирлянды, развешенные на стенах, а также невероятное количество растений в горшках. Все создавало творческую атмосферу и вдохновляло пробовать новое. Глаза у Стеши сверкали, когда она осматривалась, а Серж с интересом наблюдал за ней. Как настоящий человек искусства, девушка черпала вдохновение из самых разнообразных источников и обожала создавать все новое.

Мастер встретила их и сопровождала к рабочему месту, рассказала немного об арт-пространстве, а затем объяснила основные принципы работы с глиной. Было видно, что она любит свое дело. Это заинтриговало не только Стешу, уже давно готовую к творческому эксперименту, но и Сержа, который поначалу отнесся к происходящему с некоторым недоверием.

— Мне кажется, единственное, что я смогу сделать — это шарик. И то не факт, что он окажется круглым, — с сомнением протянул Серж, когда мастер попросила определиться с формой изделия.

— Тогда попробуйте для начала сделать тарелку, — предложила девушка-мастер. — Это немного проще, чем кружки. Особенно для новичков.

Серж тяжело вздохнул, будто соглашался на подвиг, и кивнул.

— Ладно. Но если эта тарелка будет похожа на сломанный диск, я не виноват, говорил Серж, надевая фартук, выданный девушкой-инструктором, и помогая завязывать пояс фартука

Стеше. Его руки задержались на талии девушки. Она, почувствовав их силу, спиной прижалась к нему. Серж приподнял ее волосы, собранные резинкой, и поцеловал в шею.

— Мы подарим друг другу наши произведения искусства, — произнес он и приступил к своей «шедевральной тарелке», а Стеша взялась за кружку.

— Моя тарелочка может стать легендарной, но едва ли ты будешь из нее есть, — не преминул пошутить Серж.

— Я и не собираюсь из нее есть. Я поставлю ее на полку и буду любоваться. Она всегда будет напоминать мне о тебе. — Девушка искоса наблюдала, как он аккуратно разминает глину. — А еще что-то мне подсказывает, что моя кружка станет для тебя настоящим кубком победы!

За разговорами и шутками время пролетело незаметно. Стеша сияла, видя, как Серж увлеченно трудится над своим изделием. Он пытался притворяться равнодушным, но, судя по сосредоточенному лицу, к процессу отнесся всерьез. К моменту, когда работы были завершены, они словно стали частью их истории.

— Готово! Моя тарелка, как и я, немного странная, но уникальная, — с гордостью заявил Серж, оглядывая результат.

— Посмотрим, что скажет специалист, — улыбнулась Стеша, вытирая руки.

Когда мастер забрала их поделки для обжига и покрытия глазурью, они договорились не показывать друг другу надписи, пока не получат готовые изделия.

Внутри кружки, созданной для Сержа, Стеша написала: «Герой разрешил себе любить».

На тарелке для Стеши красовалась лаконичная фраза: «Кажется, я влюблен».

Серж, как истинный джентльмен, не позволил Стеше заплатить. Она лишь улыбнулась, зная, что спорить бесполезно. Влюбленные отправились в соседнее кафе подкрепиться и отдохнуть перед следующей частью их свидания.

Дорога до кофейни пролегла через городской сквер. Они фотографировались, много шутили, улыбались, дурачились как дети, строили рожицы друг другу. В какой-то момент в кадре камеры телефона случайно оказались их одинаковые джинсы и белые кроссовки. У Стеши промелькнула мысль, что похожая фотография была у нее с Ярой. Грусть отразилась в ее глазах, и Серж это заметил. Он словно прочитал ее мысли, но ничего не стал спрашивать, понял, что девушка вспомнила что-то очень личное, тревожащее ее. Чтобы отвлечь Стешу, он взял телефон и стал ее снимать, пытаясь поймать удачный ракурс. Ему нравились ее чувственные губы, красивые глаза и то, как она поправляла волосы.

— Стеша, ты очень фотогеничная, тебя любит камера, — в очередной раз восхитился он.

Через минуту они уже фотографировались вместе. Серж обнял ее и поцеловал в губы, бережно, чувственно, запечатлев и этот момент. Стеша ответила ему так же мягко. Потом он сбросил все сделанные снимки к себе на телефон. Сидя за круглым столиком в кафе и наслаждаясь свежесваренным кофе, Серж признался:

— На удивление, мне действительно понравилось делать что-то своими руками. Это странное чувство — ты вроде создаешь что-то совсем простое, но оно становится важным. Я бы повторил.

— Я так рада, что тебе понравилось! — искренне обрадовалась Стеша. — Теперь буду ломать голову, что же ты придумал на вечер.

Серж улыбнулся, в его глазах отражались задорные искорки. Он взял девушку за руку, как будто хотел успокоить или просто почувствовать ее рядом.

— Учитывая, как ты любишь писать о небе и звездах, я решил, что нам нужно посмотреть на них поближе. Следующая точка — планетарий.

Глаза у Стеши засияли, она чуть не подпрыгнула от радости.

— Ты просто идеальный! Обожаю все, что связано с космосом и звездами. Я мечтала попасть на просмотр фильма под куполом планетария! Серж, мое сердечко сейчас разорвется от переизбытка чувств!

— Я не позволю этому случиться, — рассмеялся он и привычно взял ее за руку, их ждала следующая часть этого волшебного дня.

На входе молодых людей встретил экскурсовод-астроном, представительный мужчина с добрыми глазами и приятным голосом. Он пригласил на обзорную экскурсию, обещая погрузить в атмосферу загадочной вселенной.

С первого шага по залам казалось, что небо становится ближе, а звезды наблюдают за ними. Серж и Стеша держались за руки, боясь потерять друг друга среди величия космоса. Особенно их впечатлил зал, где Землю можно было увидеть с других планет. На огромных экранах оживали звездные системы, пульсировали галактики, а Земля, такая маленькая, но невероятно родная, вращалась среди этого бескрайнего пространства.

— С помощью наших технологий вы словно перенесетесь в космос и почувствуете дыхание родной планеты, — рассказывал экскурсовод, его голос звучал завораживающе.

— Я была здесь еще в школе, — прошептала Стеша. — Все собиралась вернуться. Ты угадал мое желание.

Она повернулась к Сержу и, едва сдерживая восторг, чмокнула его в щеку.

— Рад, что угодил, — удовлетворенно улыбнулся парень.

Астроном демонстрировал экспонаты, рассказывая об удивительных явлениях — звездных плеядах, черных дырах, кометах и неизведанных уголках вселенной. Стеша слушала с сияющими глазами, восторженно впитывая каждое слово, будто маленькая девочка, которая впервые увидела волшебство.

Серж смотрел на нее и не мог оторваться. Ее искреннее восхищение очаровывало. С каждой минутой он узнавал ее все больше, открывал новые грани. Чувство, что она становится ему все дороже, разгоралось сильнее.

Когда экскурсовод повел их на крышу планетария, Стеша замерла от волнения. — Смотреть на звезды в телескоп — это моя мечта! — воскликнула она и ее голос прозвучал так, будто она ждала этого момента всю жизнь.

Они по очереди рассматривали Луну с ее кратерами, звездные скопления, загадочные туманности. Серж не ожидал, что и он увлечется так сильно. Пораженно смотрел в телескоп, но, обернувшись на Стешу, понял: ничего из увиденного не сравнится с ее сияющей улыбкой и светом в глазах.

— А теперь пройдем дальше, — пригласил экскурсовод.

Они вошли в небольшой зал с мягкими креслами и столиком, уставленным фруктами и напитками. Свет потух, и в темноте засияли звезды. Молодые люди сели рядом, так близко, что чувствовали сердцебиение друг друга.

На куполе над их головами оживала невероятная 3D-проекция: созвездия вспыхивали, кометы оставляли за собой хвосты света, галактики раскручивались в бесконечном танце. Звучала мягкая, почти гипнотическая музыка, а голос диктора рассказывал о тайнах вселенной.

Серж сидел, погрузившись в это волшебство. Но чаще всего он смотрел на Стешу. Она выглядела так, словно сама была частью этой космической красоты — светящейся, безмятежной и невероятно привлекательной. Для них двоих этот момент был полон магии. Все звезды в небе словно сошлись, чтобы создать именно этот вечер.

— Как потрясающе и как красиво, — шепотом проговорила Стеша, зачарованная рассказом. В ее глазах отражались звезды, сияющие на куполе над их головами.

Серж смотрел на нее, не в силах отвести взгляд. Иногда их глаза встречались, и тогда оба улыбались — эти моменты были волшебными. Ее рука лежала на подлокотнике кресла, и Серж мягко положил свою ладонь сверху, словно сохраняя эту хрупкую, но удивительную связь.

Музыка, тихий голос диктора, близость — все сливалось в ощущение эйфории. Это были минуты, когда не нужны слова. За них говорили ощущения и тишина.

— Ты сегодня особенная, — негромко произнес Серж.

Стеша смущенно улыбнулась в ответ, не зная, что сказать. Все происходящее было слишком прекрасным, чтобы разрушать это великолепие словами.

Но вскоре парень заметил, что ее взгляд стал задумчивым, будто она оказалась где-то далеко, оставив Сержа здесь, среди звезд.

— Стеша, ты со мной? — обеспокоенно спросил он, слегка сжав ее руку.

— Прости, — очнулась девушка. — Все вокруг так вдохновило меня, что я кажется, ушла в свои мысли. В голове появились новые образы, сюжеты... Так бывает со мной, в такие моменты мне нужно успеть все обдумать и запомнить.

Серж улыбнулся, глаза сверкнули озорством.

— Фантазерка ты моя! — сказал он, заботливо глядя на нее. — Меня восхищает твоя увлеченность. Ты любишь свою работу даже больше, чем я свою!

Он поднялся и, слегка поклонившись, протянул ей руку:

— Но сегодня хочу отвлечь тебя от всех трудов праведных. Позволишь пригласить на танец?

Стеша посмотрела на него, чувствуя, как замирает сердце. Она приняла его протянутую руку, и они вышли на середину зала. Зазвучала романтическая мелодия, обволакивающая, будто созданная специально для них. Серж аккуратно положил ладонь девушке на талию, а она, чуть смущенная, опустила руку ему на плечо. Их взгляды встретились, и между ними проскользнули искры, — едва уловимые, но такие ощутимые. Сейчас они открывались друг другу с новой стороны. И впервые танцевали вместе. Это был танец их любви. Влюбленные двигались в такт музыке, их дыхание сливалось в одно. Серж вел ее мягко и уверенно, стараясь не спугнуть эти зарождающиеся пылкие чувства между ними.

Сначала Стеша слегка забеспокоилась, боясь не угнаться за темпом, заданным Сержем, но вскоре поймала его волну, ритм движений и стала двигаться естественно. Она расслабилась, отдалась сиюминутной энергии, почувствовав музыку. Уверенно наслаждаясь собой, полностью доверилась Сержу. Сейчас они были близки как никогда. Со стороны казалось, что они дополняют друг друга, что их танец — продолжение любви.

— Ты хорошо танцуешь, — тихо сказал Серж, глядя ей в глаза.

— Спасибо, но до тебя мне далеко, — улыбнулась девушка. — Я училась, старалась...

— Какая же ты притягательная, как конфетка, — лаская ее глазами, прошептал он и чуть крепче прижал к себе. Стеша положила голову парню на плечо. Музыка, их движения, этот момент — все казалось настоящим. Нежным, трепетным, только их.

Танец закончился. Серж медленно наклонился к лицу Стеши, рука ласково скользнула по ее щеке. Затем он невесомо коснулся губами ее губ. Легкое касание превратилось в нежный поцелуй, на который она с готовностью ответила, слегка обняв парня за плечи. Вкус ее губ опьянял его. Их поцелуй притягивал все сильнее, погружая в сладкое, почти головокружительное блаженство. Поцелуй становился глубже, оставаясь таким же нежным, будто их притяжение было естественным, как само дыхание. Они не хотели уходить с танцпола. Включилась более энергичная мелодия, и они остались танцевать.

Серж кружил девушку, крепко держа за руку, уверенно вел, а Стеша смеялась, поддаваясь его напору. Она чувствовала, как он словно читает ее движения, как они сливаются в один ритм, танцую легко, без усилий. Они стали ближе, чем могли быть даже в объятиях.

— Ты великолепна, — прошептал Серж, сжимая ладонь и быстро касаясь ее губ.

Из планетария молодые люди вышли счастливыми.

— Спасибо, — с искренней улыбкой проговорила Стеша. — И за комплименты, и за этот вечер. Все было просто идеально! Ты устроил для меня настоящий праздник!

— Это ты сделала его таким. — отозвался парень.

Они проехали по ночному городу, любуясь огнями, потом Серж подвез девушку к ее дому. Но на этот раз он не спешил уходить.

— Ты удивительная, Стефания, — сказал он, повернувшись к ней. — Такая искренняя и открытая. Настоящая. Мне невероятно повезло встретить тебя. Теперь я чувствую себя другим человеком. До тебя я не задумывался, что мне нужно что-то большее, чем просто отношения без обязательств. Ты открываешь для меня новые смыслы.

Он сделал паузу, собираясь с мыслями, и продолжил:

— С тобой я не боюсь быть собой. Мне не нужно притворяться или подстраиваться. И это невероятная ценность. Ты умеешь говорить честно, даже если твое мнение отличается от моего. И еще ты умеешь слушать. А главное — убеждать. Ты... ты просто завораживаешь меня.

Стеша внимательно слушала его и ловила каждое слово. Ей нравилось, как звучит его голос, как открыто он говорит о своих чувствах. Она не хотела отставать в своих откровениях.

— Серж, — сказала она, немного смущенно, но с уверенностью в голосе, — ты сам вдохновляешь меня быть честной. Рядом с тобой я чувствую себя особенной. И мне это очень нравится. Я тоже не боюсь быть собой. А ведь это так важно. Я долгое время жила, стараясь угодить всем вокруг. Во всем: в поведении, внешнем виде — пыталась соответствовать чужим ожиданиям. Но потом поняла, что нравиться всем невозможно. И даже если ты самый идеальный, всегда найдется кто-то, кто захочет спустить тебя с небес на землю. Я научилась быть собой. Но всегда надеялась встретить человека, который примет меня настоящую. И вот появился ты... — Стеша отвела взгляд, ее голос задрожал: — И украл мое сердце.

— А ты — мое. — Серж наклонился, чтобы поцеловать ее. Его губы были мягкими и чувственными. — Я нашел в тебе самого себя, — прошептал он, притягивая ее ближе. — Смотрю на тебя и вижу: ты это я. За это время ты стала для меня своей, родной. Я могу с тобой говорить часами и все равно хотеть быть рядом. Раньше мне нужен был только секс. Ты дала мне понять, что я хочу другого. — Он коротко рассмеялся, опустив голову. — Секс важен, но помимо него мне нужен свой человек, с кем бы я мог построить долгие отношения. Раньше секс был для меня обыденностью, способом убежать от глубокой связи. Сейчас я хочу по-другому. Медленно и нежно, шаг за шагом. Господи, я чувствую себя каким-то ванильным подростком, который говорит о любви.

Стеша улыбнулась, ее глаза блестели.

— Это все потому, что ты и есть мой ванильный подросток, — пошутила она и, обняв его за плечи, прижалась ближе.

Стеша внимательно выслушала Сержа, не перебивая, позволяя ему высказаться. Ей было важно услышать каждое его слово, понять его мысль до конца.

— Я говорила тебе, что ты смелый? — тихо спросила она, уткнувшись головой ему в грудь. — Только смелый человек может открыто высказывать свою точку зрения, не боясь быть непонятым.

Серж, пораженный ее словами, ощутил, как внутри разливается волнующее чувство. Ее искренность, способность видеть в нем больше, чем он сам в себе видел, делала ее для него особенной. Серж окончательно понял: Стеша — это та, о ком он мечтал. Женственная, уверенная в себе, искренняя до глубины души.

— Стефания, ты чудо. Мое чудо, — прошептал он, обнимая ее еще крепче. Его рука мягко скользнула по ее волосам. — Кажется, мы знакомы всю жизнь, и я не хочу терять это ощущение.

— Моя Стеша... — его голос звучал низко и обволакивающе. Парень заправил выбившуюся прядь волос за ее ухо и заглянул ей в глаза. В его взгляде было бездонное трепетное чувство, которое она прочла сразу. Между ними все стало настолько очевидным, что слова больше не требовались.

Серж взял ее ладонь, переплел пальцы со своими. Стеша обняла его за шею, прижимаясь к нему всем телом.

Они одновременно потянулись навстречу друг другу, и слегка дотронулись губами, сначала дразня друг друга короткими, легкими прикосновениями, а потом соединились в горячем поцелуе. Ее мягкие губы со вкусом сладких ягод дурманили Сержа. Он еще крепче прижал девушку к себе. Стеша закрыла глаза и почувствовала, как земля уходит из-под ног, сердце готово было выскочить из груди, а по коже пробежали мурашки. Они оба этого хотели. Этот момент принадлежал только им, даря восторг и легкую одержимость друг другом.

Их поцелуи на прощание затянулись. Привязанность между ними росла с каждой встречей, игнорировать это становилось все сложнее и сложнее. Но они не спешили рушить существующие границы. Эта магия превращала каждое свидание во что-то большее, чем просто время, проведенное вместе.

Когда Серж уехал, Стеша, все еще ощущая его прикосновения, зашла в квартиру и открыла ноутбук. Ее мысли и эмоции сами вылились в несколько новых глав. День принес девушке море вдохновения и стал чем-то большим, чем просто свидание. Это был шаг в их общее будущее.

Глава 37. Смелый поступок

Информация, которую Серж раздобыл для Игната, касалась Стаса Далевского. Свидетель, внезапно объявившийся спустя шесть лет после той роковой аварии, тоже указывал на него. Но все началось с Влады. После встречи с ней Игнат потерял покой, вел себя как одержимый. А теперь еще и Стеша столкнулась с девушкой по имени Владислава? Такие совпадения бывают?

Нет, Серж отчетливо чувствовал, что упускает что-то важное. Ситуация явно таила нечто большее, чем виделось на первый взгляд. Влада, Далевский, случайный свидетель — все они как-то были связаны с гибелью Ярославы. Но как?

Через своего человека в службе безопасности Серж вышел на частного сыщика. Приняв такое решение, он усмехнулся: происходящее напоминало дешевый детектив. Он пока и сам не понимал, что именно ищет, но интуиция упорно подсказывала — это дело нельзя оставить без внимания.

Игнату о своих планах Серж решил пока не говорить. Конкретных зацепок не было, а беречь старые раны друга не хотелось. У него только все начало налаживаться с Владиславой. Если даже сам Серж, будучи рассудительным, испытал шок от слов свидетеля, то что бы сделал Игнат? Хотя за последние годы тот стал поспокойнее, но все, что касалось Яси, разжигало в нем нечто опасное и неконтролируемое. Сейчас нужно действовать с холодной головой.

Встречу с частным детективом Серж представлял, как в крутых боевиках — крутой коп в отставке, мрачный офис, на стене доска с фотографиями, прикрепленными разноцветными кнопками, вырезками из газет, между которыми проведены линии фломастером, и непременно сейф для улик. Реальность разочаровала. Помещение оказалось небольшим, светлым и ничем особо не примечательным. Таким мог бы быть офис любой другой компании. Небольшой шкаф с папками, аккуратно расставленными по полкам, чистый стол. За столом сидел самый обычный молодой человек в светлой рубашке, чуть старше самого Сержа.

— Игорь Макаров, — представился он, протягивая руку. Серж мысленно дал себе подзатыльник за нелепые фантазии. И, поприветовавшись, присел за стол напротив детектива. Не теряя времени, он подробно рассказал все, что знал: историю с Владой, данные свидетеля, нюансы, касающиеся ситуации. Но больше всего его волновал Стас. — Что именно вы хотите узнать? — уточнил сыщик с профессиональным спокойствием глядя на него.

— Нужен полный контроль. Установите за Далевским наблюдение. Где бывает, с кем встречается, чем занимается. Судя по словам свидетеля и реакции полиции, глубоко копнуть не получится, но порой подсказки к большим тайнам лежат на виду. Мне нужны фотографии всех, кто окажется рядом с ним. — Серж сделал паузу и подчеркнул: — Всех. Неважно, будет ли у Стаса деловая или личная встреча, или даже в его дверь позвонит доставщик пиццы. Фиксируйте всех, с кем он контактирует и скидывайте мне.

— Задачи ясны. Оплатить задаток можно через терминал или переводом на расчетный счет, — ровно произнес детектив.

Серж про себя развеселился еще сильнее. *«Ты, наверное, еще представлял себе, как будешь вручать детективу деньги в конверте, а тот обязательно проверит, не помечены ли они»*. Улыбка Сержа, когда он совершал оплату, слегка смутила администратора — далеко не каждый клиент так охотно расставался с деньгами.

Уже на следующий день почта Сержа пополнилась десятками фотографий. Снимки были самыми разными. В основном на них фигурировали люди, замеченные возле личного дома Стаса. Большинство, казалось, не представляли особого интереса. Женщина, которая, по всей видимости, вела хозяйство. Мужчина в форме курьера. Еще один — доставщик воды.

Зато фотографии из так называемого офиса эскорт-услуг в Андреевке оказались куда любопытнее. На них мелькнул Марк — знакомое лицо, которое Серж давно привык ассоциировать со Стасом. Рядом с ним — помощник, чью личность Игорь сумел установить, несколько сотрудников, официально работающих в компании Далевского, а также красивые девушки, приезжающие и уезжающие с завидной частотой. Иногда попадались молодые люди, видимо, из охраны, и снова машины с логотипами служб доставки.

Серж внимательно изучал снимки, но ничего по-настоящему важного для себя не обнаружил. Решив дождаться более подробной информации от Игоря, он превратил вечерний просмотр фото в своеобразный ритуал. В очередной раз, переписываясь со Стешей и лениво пролистывая новые кадры, он чуть не упустил нечто действительно важное. Лицо на одном из снимков показалось Сержу знакомым. Он нахмурился, пытаясь вспомнить, где видел эту женщину раньше. Мысль крутилась где-то на периферии сознания, но ухватить ее никак не удавалось. И вдруг его озарило. — Да ну, быть такого не может! — воскликнул он и хлопнул себя по лбу. — Это же Елена! Мама Ярославы! Да, как так? Как это возможно? Неужели это она?

Пальцы Сержа нервно дрогнули, когда он увеличил изображение. Женщина на фотографии и правда напоминала Елену. Конечно, теперь она была не такой роскошной, какой ее запомнил Серж. Изможденная, сильно исхудавшая, с усталым взглядом и осунувшимся лицом.

— Что за чертовщина? Может, я ошибаюсь? — прошептал он, глядя на экран.

Напряжение нарастало. Если свидетель утверждал, что видел, как из машины вытаскивали человека, могла ли это быть Елена? А если так, то где тогда Яра? Серж снова и снова пролистывал присланные снимки, всматриваясь в лица, надеясь найти Ярославу. Но тщетно. Ее на фотографиях не было. Вопросы роились в голове, мешая сосредоточиться. Это уже не просто догадки. Перед ним было нечто большее. Взмолвленный, он немедленно связался с Игорем и дал задание: узнать подробнее о женщине с фото и установить за ней наблюдение.

Через несколько дней на встрече детектив выложил все, что смог выяснить о Стасе. Эскорт-услуги, связи с Вальзером, лихие девяностые, роль племянника Марка в делах своего дяди. Ничего принципиально нового. Информация о девушках оказалась засекреченной, и Игорь не стал рисковать.

— Скажу честно, — устало подытожил он, опираясь локтями на стол, — вы не просто хотите ткнуть палкой в осиное гнездо, вы решили его разворошить. Вы уверены, что это необходимо? За Стасом стоит целая криминальная сеть. Дело гораздо серьезнее, чем казалось на первый взгляд, и я, честно говоря, не уверен, что готов копаться в этом гнилом гнездилище.

— И все-таки я попробую, — решил Серж, не веря собственным словам.

Он никогда не ввязывался в авантюры, предпочитая держаться в стороне от сомнительных дел, но сейчас не мог остановиться. Как будто что-то прежде неведомое толкало его идти вперед, разобраться во всем до конца, и как можно быстрее. Происходившее было похоже на игру, из тех, что они разрабатывали у себя в фирме, только ставки оказались куда выше. — Я понимаю, это может оказаться самоубийством, но на кону жизни очень важных для меня людей. И я обязан узнать правду. Если дело только в деньгах, это не проблема. Думаю, надо начать с притона, который держит Стас. Как туда попасть? — решимость в его взгляде была непоколебимой.

— По нашим данным, только в качестве клиента. И исключительно по рекомендации, — сдержанно ответил Игорь.

— Добудь мне эту рекомендацию, — отрезал Серж.

Детектив неодобрительно покачал головой, но спорить не стал:

— Сделаю все, что в моих силах.

На следующий день они ехали в Андреевку. В салоне машины повисло напряженное молчание, пока Серж не нарушил его, пробормотав:

— Что я вообще делаю?

— Вот-вот, — отозвался Игорь, в глазах которого вспыхнул профессиональный азарт. — Впутываетесь в неприятности.

— Ты меня подстрахуешь. Если что-то пойдет не так, вот, — Серж протянул ему листок из блокнота, на котором неровным почерком записал номер телефона. — Звони и расскажи обо всем.

— Вы мой клиент. Я несу за вас ответственность, — пробормотал детектив с явным беспокойством.

— Не высовывайся. Держись подальше от дома, — серьезно предупредил Серж, понимая всю опасность своей затеи.

Игорь нехотя кивнул.

В офисе эскорт-услуг Сержа встретили радушно. Даже слишком. Правда, на входе охранник обыскал его металлоискателем. Серж чувствовал себя не в своей тарелке, впервые оказавшись в подобном месте и тем более собираясь взять спутницу за деньги. Игнат наверняка бы отпустил пару колких шуточек, если бы узнал об этом, но пока знать о происходящем ему точно не стоило.

— Рады приветствовать в нашем салоне, Сергей! — с профессиональной улыбкой произнесла девушка кукольной внешности и безупречными манерами. — Может быть, хотите чай или кофе?

— Спасибо, не откажусь от чая, — ответил Серж, обворожительно улыбаясь и включая всю свою харизму.

Ему нужно было понравиться. Очаровать девушку. Пробыть брешь в их безупречной системе. А дальше? Дальше у него не было четкого плана. Он надеялся исключительно на везение.

— Располагайтесь, — ворковала администратор, грациозно указывая на мягкое кресло. — Какие у вас предпочтения? Внешность, возраст, уровень интеллекта?

— Мне нужна умная, красивая, элегантная и женственная. Чтобы знала языки и могла поддержать беседу на деловых мероприятиях, — уверенно сказал Серж, стараясь выглядеть максимально искренним.

— Посмотрите вот здесь. — Девушка протянула ему каталог с фотографиями и краткими характеристиками. — Это наши лучшие девочки. Настоящая элита. Уверена, вы найдете то, что ищете.

Серж бегло пролистал страницы. Девушки и правда были невероятно красивы, каждая — словно сошла с обложки глянцевого журнала. Но их внешность его сейчас совсем не волновала. Он пришел сюда не за этим. Задача была другая — выйти на Елену. Поняв, что с первого захода положительного результата добиться не получится, Серж решил сменить тактику.

— Если честно, я был с вами не до конца откровенен, — начал он, стараясь добавить в голос нотку смущения. — Мне нужна... особенная спутница.

— Что вы имеете в виду под «особенной»? — Администратор посмотрела на него с легким удивлением, но ничуть не смутилась.

— Постарше, — уточнил он, выдержав паузу.

— Насколько?

— Вы слышали такое понятие, как «милфа»? — с тщательно разыгранной неловкостью выдал Серж. — Вот мне такую бы.

— Будут ли еще какие-то пожелания? — подняла брови девушка. Ее голос оставался ровным, хотя легкая насмешка в глазах все же мелькнула. Такие «особенные» запросы ее давно не удивляли, но сам молодой человек выглядел нетипично для подобных предпочтений. У таких мальчиков обычно совсем иной типаж. За годы работы она научилась разбираться в клиентах лучше любого психолога.

— Ну... — Серж решил довести фарс до предела, чтобы выиграть время. — Знаете, мне нужна даже не одна.

— А сколько? — озадаченно уточнила администратор.

— Ну... вы и еще кто-нибудь, — ляпнул он, мысленно проклиная себя за нелепую импровизацию. — Кстати, сколько языков вы знаете?

— Вы считаете меня «милфой»? — возмутилась девушка, слегка склонив голову.

— Нет-нет, что вы! Вы мне просто понравились. Я не привык идти против своих мгновенных желаний, а женщина постарше — это так, для души.

— А я, значит, для тела? — Ее терпение начинало истощаться.

— Я вовсе не хотел вас оскорбить! — театрально воскликнул Серж, стараясь сохранять видимость искренности. — Вы просто очень красивая.

Парень понимал, что игра затянулась, но азарт уже брал верх. Он ухмылялся, а лицо администратора становилось все напряженнее.

— Да, не переживайте, я вас не обижу. Готов заплатить любые деньги, — добавил он, стараясь выглядеть обольстительным, хотя чувствовал: раздражение девушки вот-вот перерастет в открытую неприязнь.

— Давайте все же определимся, — почти процедила она. — Может быть, еще раз посмотрите каталог?

Ее выдавал тон — тщательно отрепетированная вежливость звучала фальшиво.

— Нет, тут я всех уже посмотрел. Мне говорили, что самых лучших вы не включаете в каталог... — ляпнул Серж.

Похоже, девушка поняла: ситуация не из простых. Возможно, на такой случай у нее были особые инструкции. Она натянуто улыбнулась и ровным голосом произнесла:

— Одну минуту, я свяжусь со старшим администратором.

Она удалилась, прежде чем Серж успел что-либо сказать. Ему самому уже хотелось, чтобы этот спектакль поскорее закончился. Не зная, куда приведет вся эта игра, он надеялся хотя бы на шаг приблизиться к цели. Через несколько минут девушка вернулась.

— Пройдемте за мной, пожалуйста. — Ее тон был подчеркнуто любезным.

Серж кивнул и поднялся.

— К вам подойдут через минуту, — добавила она, пропуская его в кабинет в конце коридора, и снова исчезла, оставив клиента в тягостном ожидании.

Серж надеялся, что к нему не подойдут люди с битами или дубинками. Все остальное сейчас казалось не столь важным. Он опустился в кресло в винтажном стиле и впервые толком огляделся. Вокруг висели репродукции известных мастеров, под потолком мерцала большая хрустальная люстра, на стенах бра в том же стиле. Уютный диван и несколько кресел, обитых яркой атласной тканью, стеклянный журнальный столик с канцелярскими принадлежностями на случай, если кто-то захочет сделать записи. Тяжелые портьеры на окнах завершали образ комнаты, словно сошедшей со съемочной площадки старого фильма. Все выглядело изысканно и дорого, но вместе с тем фальшиво. Он не услышал, как открылась дверь.

— Здравствуйте, рада приветствовать вас, — раздался женский голос.

Серж поднял голову. Это была она, Елена.

Он сразу узнал ее и не мог отвести взгляд. Женщина, вошедшая в кабинет, заученно улыбалась, но Серж не обращал внимания на это. Елену невозможно было не узнать. Как всегда, безупречно одета: блузка сливочного цвета, серая юбка-карандаш до колен, подчеркивающая ее тонкую, почти девичью талию. На шее — небольшой платочек с ярким принтом, завязанный набок.

Серж продолжал пристально смотреть на нее. Она была по-прежнему красива, но эта красота стала иной. В чертах проступала усталость человека, пережившего слишком многое. Осанка потеряла прежнюю строгость, движения стали сдержаннее, но во всем облике все еще

угадывалось достоинство. Но казалось, что-то в ней сломалось. Однако она упрямо держалась изо всех сил, сохраняя остатки воли.

Поймав его взгляд, Елена замерла, будто по телу пронесся удар тока. Лицо дрогнуло, в глазах поселилась паника, которую она попыталась скрыть.

— Меня зовут Татьяна, — произнесла Елена изменившимся голосом, но быстро взяла себя в руки. — Администратор сообщила, что у вас возникли вопросы.

— Да, я ищу опытную женщину постарше. Вот как на этом фото. — Серж сделал вид, будто не замечает ее тревоги, и протянул телефон с фотографией Ярославы. — Не успел показать его той милой девушке, она почему-то от меня сбежала. Посмотрите, пожалуйста. Мне кажется, она чем-то похожа на вас.

Елена вздрогнула так, словно ее ударили. На лице мелькнула тень отчаяния. Она оглянулась по сторонам, отведя взгляд, и быстро повернулась к нему, приложив палец к губам. Безмолвный крик застыл в ее взгляде, который метнулся в сторону, а затем снова на Сержа. Он догадался, что в помещении установлена скрытая камера и прослушка.

— Ваш запрос не самый простой, — деловым тоном произнесла Елена. — Посмотрим, что можно сделать. Как вам эта девушка, устроит? — спросила она, ткнув в первую попавшуюся фотографию. Делая вид, что рассказывает Сержу о кандидатке, Елена, взяла со столика лист бумаги и что-то незаметно написала на нем. — Очень умна, образованна, знает три языка. Отличный вариант.

Елена передала ему каталог с фотографиями, украдкой вложив в него записку.

— Или вот эта. Не совсем такая, как вы описали, но легко поддержит разговор на любую тему и быстро располагает к себе собеседника. — Ее слова казались вполне профессиональными, но взгляд был напряженным.

Серж открыл альбом и прочитал надпись на листке: «Я вас узнала. Что вы хотите? Зачем пришли?»

— Простите, но вот эта мне нравится больше, — сказал Серж, возвращая каталог вместе с бумажкой, на которой написал: «Нужно поговорить. Вот мой номер».

— Хорошо. Тогда Анжела все оформит, — вымученно улыбнулась Елена, пряча записку в рукав блузки.

Серж решил не выходить из образа и добавить немного театральности, чтобы до конца доиграть свою роль.

— А может быть, все-таки вы? — с лукавой улыбкой спросил он.

— Что я? — Елена нахмурилась, явно не понимая, к чему он клонит.

— Станете моей спутницей. Вы определенно в моем вкусе!

На мгновение в глазах женщины промелькнула усталая усмешка, но она быстро взяла себя в руки. — К сожалению, это невозможно. Извините, меня уже ожидают. Я попрошу, чтобы вас проводили, — отрезала она, подводя разговор к концу.

Серж с трудом помнил, как оформлял так называемый заказ. Действовал машинально, все еще переваривая встречу.

— Вы не пожалеете, что выбрали нас, — с улыбкой заверила его администратор.

— Я бы точно не пожалел еще больше, если бы на ее месте оказались вы, — ответил Серж, вновь вспомнив о своей роли.

Ему хотелось лишь одного — уйти как можно скорее. Когда он наконец вышел из эскорт-резиденции на улицу, ноги были словно ватные. С трудом дойдя до машины, он рухнул на сиденье и закрыл глаза.

— Как все прошло? — спросил обеспокоенный детектив, все время ждавший его в машине.

— Поехали, — только и смог вымолвить Серж.

Ему нужно было прийти в себя. Он все еще не мог поверить в то, что ему так повезло. Елена была жива, он смог с ней поговорить, но ощущение, что везение скоро закончится, не покидало.

Как добрался до дома, Серж почти не помнил. Мысли гнали одна другую, мешая сосредоточиться. Когда он увидел Елену на фото, ему было проще поверить, что он обознался. Поэтому, отправляясь в логово Стаса, парень не ожидал найти что-то стоящее. Но реальность превзошла все ожидания. Елена жива! Это невероятно! Что с ней произошло? Где Ярослава? Кто стоит за всем этим? Сотни вопросов крутились в голове, не давая покоя. Больше всего его волновало, сможет ли Елена связаться с ним? Ответит ли хотя бы на часть его вопросов? Если нет, то как найти ее снова? Второй раз надеяться на такое везение глупо. Серж чувствовал себя растерянным. Ему нужна была поддержка или хотя бы совет, взгляд со стороны. Но кому он мог доверить эту историю? Рассказывать Игнату сейчас нельзя — слишком многое оставалось неясным. Стеша? Ее втягивать он тоже не хотел. Насколько опасно в это влезать, он пока не мог понять, но Серж теперь был уверен, что Стас — противник более серьезный, чем он мог представить. Каждый шаг теперь должен быть тщательно продуман. Цена ошибки будет слишком велика. Первым делом Серж поручил детективу продолжать слежку за Стасом и особенно за Еленой. Нельзя было терять ее из виду. Если она не решится действовать, придется брать инициативу в свои руки. Кроме того, следовало подумать и о собственной безопасности, чтобы избежать неоправданно высоких рисков.

Обсудив с детективом дальнейшие шаги, Серж пришел к выводу, что в ближайшее время им остается только ждать звонка от Елены и действовать по обстоятельствам. Принятое решение немного успокоило его. Первый шок от встречи с матерью Ярославы, которая оказалась жива, начал отступать. Однако ожидание и неизвестность изрядно нервировали молодого человека.

Когда, наконец, раздался звонок с незнакомого номера, Серж ответил не раздумывая.

— Серж, это Елена. Я не могу долго говорить, — прозвучал ее тихий, но напряженный голос.

— Елена, вы должны рассказать мне все! — взволнованно начал он. — Что произошло с вами и Ярой? Где она? Пожалуйста, не молчите! Что с ней? Она жива?

Он сгорал от желания услышать ответы, но Елена молчала несколько долгих секунд.

— Я все расскажу, но не сейчас, — наконец сказала она. — Нам нужна помощь, но это очень опасно. Это страшная история. Все гораздо хуже, чем вы можете себе представить... И я не могу ничего рассказать по телефону.

— Как вам можно помочь? — не выдержал Серж.

— Мне удалось собрать компромат на Стаса. Но у меня связаны руки. Меня никуда не отпускают без сопровождения. Единственный шанс — встретиться во время моей поездки в платную клинику через несколько дней. — Елена назвала дату, время и адрес. — Я смогу передать вам флешку. Но это очень рискованно. Если нас поймают, будет плохо всем, случится катастрофа.

Серж судорожно вдохнул.

— Я понял вас. Ничего не бойтесь. Мы найдем способ вас спасти. Чтобы не привлекать лишнего внимания, в клинике к вам подойдет мой человек.

— Хорошо, Серж. Спасибо вам за надежду, — прошептала она и тут же отключилась.

Серж медленно опустил телефон, обхватил голову руками и оперся локтями на колени. Его потрясение было безграничным. Он не знал, чего ожидал от разговора, но точно не того, что услышал.

Мысли хаотично сменяли друг друга. Как она выжила? Что произошло? Что за компромат собрала Елена? И самое главное — что стало с Ярославой? Ответов у него не было. Серж

чувствовал, что этот разговор только запутал его еще сильнее. Но теперь он знал одно: предстоящая встреча с Еленой — его единственный шанс наконец распутать этот клубок.

Глава 38. Важное решение

Игната не покидало ощущение, что все выходит из-под контроля. Сложности в бизнесе, поездка на море, которая всколыхнула давно забытые чувства... Он видел, что и Влада готова довериться ему, но на море шанс был упущен. Ему столько всего хотелось сказать ей! Однако слова так и остались несказанными. А потом Игнату пришлось срочно вернуться, чтобы решить горящие рабочие вопросы.

Новость о покушении на Вальзера буквально выбила почву у него из-под ног. Игнат не хотел пугать Владу, поэтому не стал сразу ей звонить и сообщать непроверенную информацию. Ему требовалось время, чтобы разобраться в происходящем. Заголовки новостей пестрели догадками, но все сходились в одном: Вальзера убили. Эта ситуация грозила серьезными последствиями для бизнеса Игната, но больше всего его тревожили мысли о Владе. Если кто-то решил избавиться от ее отца, то она могла стать следующей мишенью. Пока Вальзер прятал дочь, она была в относительной безопасности. Игнат пытался дозвониться, но девушка сбрасывала вызов, прислав лишь сообщение, что с ней все в порядке и она перезвонит ему позже. Поэтому, когда Влада сама наконец позвонила и попросила о встрече, Игнат бросил все дела, чтобы быть рядом. Теперь, оказавшись в городе, Влада стала уязвимой. Парень не мог этого допустить.

Он мчался в апартаменты, где Влада остановилась вместе с мачехой. Всю дорогу мысли о девушке не давали ему покоя. В последнее время он буквально сходил по ней с ума. После их ночи на море чувства вспыхнули с новой силой. Это было как в первый раз. Шесть лет он не испытывал ничего подобного. Ему хотелось летать, парить над облаками.

Игнат ловил себя на том, что постоянно улыбается. Он понимал, что для окружающих выглядит смешным. Его подчиненные, привыкшие к строгому и сдержанному начальнику, не могли не заметить перемен.

— Шеф, у тебя все нормально? — осторожно поинтересовался его заместитель, в очередной раз заметив на лице Игната мечтательное выражение.

Тот лишь пожал плечами, не зная, что ответить. Перед глазами стоял образ Влады, и он не мог с этим ничего поделать.

Бросив машину на парковке у элитного комплекса, Игнат быстро поднялся в апартаменты, где находились Влада и ее мачеха. Когда Влада открыла дверь, усилием воли он заставил себя не выдать свои чувства: не подбежать к девушке, не подхватить на руки, не закружить и не расцеловать, как хотелось.

Она встретила его с улыбкой. Ее лицо, загорелое после отдыха, все равно казалось немного бледным. Но эта улыбка... Она была только для него. Влада тоже с трудом сдерживала эмоции, ее останавливало только присутствие мачехи, а к тому же трагедия с Вальзером еще больше придавала встрече скованность. Они негласно договорились не афишировать свои отношения, но их взгляды говорили больше любых слов.

Мэри внимательно наблюдала за ними. Она явно догадывалась, что происходит между молодыми людьми. Игнат, не отводя глаз от Влады, заговорил первым, спокойно, хотя в его голосе чувствовалось внутреннее напряжение:

— Влада, находиться здесь небезопасно. Мы не знаем, что на самом деле произошло с твоим отцом и кто заказал его. Собирайтесь, я отвезу вас к себе. Мне будет спокойнее, если ты будешь рядом.

Влада не стала спорить. Она мгновенно согласилась и попросила Мэри собрать свои вещи. Игнат внимательно наблюдал за ней. В легком шелковом платье черного цвета девушка казалась ему особенно хрупкой и изящной. Влада была перепугана, в ее глазах читалась тревога, и ему хотелось обнять ее, защитить, стать ее опорой. Как только Мэри вышла из номера,

он не смог сдержаться. Подойдя ближе, Игнат осторожно обнял Владу, притянул к себе. Она не сопротивлялась. Напротив, обхватила его крепче, словно боялась потерять.

— Не бойся, малышка, — ласково произнес Игнат. — Все будет хорошо, мы во всем разберемся. Мои юристы возьмут на себя все вопросы. Вы с Мэри можете ни о чем пока не думать.

Ему показалось, что Влада дрогнула в его сильных руках, и он погладил ее по волосам.

— Игнат, что произошло с отцом? Мне правда страшно, что теперь будет? — Она на секунду отстранилась и посмотрела прямо ему в глаза.

Игнат молчал. У него не было ответов на ее вопросы. Но он знал, что будет рядом, и его уверенность на какое-то время успокоила ее.

С трудом оторвавшись друг от друга и собрав вещи, они отправились в загородный дом Елецких. Игнат не любил возвращаться сюда — все напоминало о прошлом, о Ясе, о том, что так старался забыть. Но ради безопасности Влады был готов пожертвовать своим спокойствием. Хотя было странно везти Владу туда, где он был когда-то счастлив с другой.

Всю дорогу его спутницы молчали. Шок от внезапной потери мужа и отца еще не прошел. Чтобы утешить Владу, Игнат взял ее за руку. Она ответила легким кивком, но не произнесла ни слова. Мэри, казалось, ничего не замечала вокруг. Лишь когда машина заехала в коттеджный поселок, она оживилась и с интересом начала расспрашивать, кто живет в тех или иных особняках.

— Тут довольно миленько, — заявила она, выйдя из машины и направившись осматривать территорию.

Влада, напротив, не спешила. Она задержала взгляд на входной двери, будто не решалась сделать шаг, опасаясь того, что ее ждет внутри. Игнат, заметив нерешительность, протянул ей руку и мягко, но уверенно повел за собой.

В просторном холле их встретил персонал. Хозяин дома представил главную горничную, Ольгу Павловну, и управляющего. Они поздоровались, сохраняя уважительную дистанцию.

— Что за дом? — спросила Влада, ее голос был тихим, будто она боялась услышать ответ.

Игнат на секунду замялся.

— Это дом, где мы жили всей семьей и были счастливы, — признался он с небольшой паузой, пытаясь заглушить внутреннюю боль.

Он и сам не понимал, почему привез их именно сюда. Возможно, сработал инстинкт — поселить ее там, где когда-то сам чувствовал себя в безопасности. Но теперь Игнат понял, что это место ранит его куда сильнее, чем ожидал.

— Располагайтесь, чувствуйте себя как дома, — добавил парень сдавленным голосом.

Сказать это оказалось невероятно сложнее, чем он думал. Какая-то часть души чувствовала, что он будто предает Ясю. Игнат опустил глаза, всем сердцем желая, чтобы дорогое место из прошлого вновь стало счастливым. Влада уловила его состояние, но ничего не сказала.

— Дом в вашем распоряжении, — продолжил Игнат. — Однако, я попрошу не заходить в несколько комнат на втором этаже. В них хранятся вещи моей семьи. Я хотел бы сохранить комнаты такими, какими они были при их жизни.

Мэри, оказавшаяся у них за спиной, что-то тихо шепнула Владе, но та никак не отреагировала. Ее мысли были далеко. Она прошла в гостиную, огляделась, провела рукой по спинке широкого дивана, на котором, казалось, уже давно никто не сидел. С легкой улыбкой посмотрела на камин, будто видела в нем давно погасший огонь. Остановилась у лестницы, как будто ей почудилось, что кто-то спускается вниз.

Игнат молча наблюдал за ней. Он чувствовал, что, несмотря на отстраненность, Влада постепенно успокаивается. Она была гостьей в доме, но ему показалось, что девушка ощутила благодатную ауру этого места, прониклась его атмосферой, словно попала домой.

— Я не смогу остаться с тобой сегодня, — с грустью сказал Игнат, стараясь, чтобы его слова прозвучали как можно мягче. — Нужно уехать, срочные дела на работе. Но ты не волнуйся, здесь вы в безопасности. Я приеду, как только появится возможность, обещаю.

Он через силу улыбнулся, чувствуя тяжесть в душе. Игнат знал, что неправильно оставлять Владу одну, но ее безопасность он обеспечил. Сейчас ему нужно сосредоточиться на делах компании — от его решений зависело слишком многое.

— Игнат, подожди. Мне нужно сказать тебе что-то важное, — внезапно остановила его Влада. Говорила она неуверенно, словно не была готова к разговору.

— Что-то случилось? — насторожился он.

— Нет, ничего. — Влада покачала головой. — Просто я должна рассказать тебе кое-что о своем прошлом. Хотела поговорить еще на отдыхе, но ты уехал. Я не хочу больше откладывать.

Игнат смотрел на нее с нескрываемым восхищением. Он не ошибся. Влада была готова довериться ему, открыть что-то важное.

— Прости, — тихо вздохнул он. — Сейчас совсем мало времени. У меня срочная деловая встреча, и я не могу ее перенести. А такой разговор не должен быть поспешным. Давай я вернусь, и мы все обсудим? Ты не обидишься?

Влада сделала над собой усилие, чтобы скрыть разочарование.

— Нет, конечно, — ответила она грустно. — Езжай. Обсудим позже. Мое прошлое никуда не денется, — добавила она с тихим безрадостным смешком.

— Прости еще раз. Я приеду завтра, — пообещал Игнат, наклонившись к ней, чтобы оставить легкий поцелуй на ее щеке.

Когда он вышел и направился к машине, на душе было беспокойно. Он сбегал от Влады уже во второй раз. Это терзало его. Но он больше не был тем вспыльчивым мальчишкой, который мог забыть обо всем ради своего порыва. Сейчас он нес на своих плечах слишком много ответственности. Не только за семейный бизнес, но и за людей, которые на него полагались. Игнат уехал, уверяя себя, что возвращение к работе — необходимость. Но мысли о Владе и ее словах преследовали все дорогу.

Следующий день выдался особенно насыщенным: совещания, звонки, сбор информации, подготовка документов для крупной сделки с иностранными партнерами — голова шла кругом. Но, несмотря на загруженность, он продолжал думать о Владе. Образ девушки постоянно всплывал перед глазами, мешая сосредоточиться. После обеда, когда суeta немного улеглась, Игнат понял, что больше не может ждать. Он решил вырваться к ней хотя бы на несколько часов, захватив с собой документы и надеясь немного поработать в своем кабинете в особняке. Но погрузиться в работу ему так и не удалось. Стоило открыть ноутбук, как перед глазами снова возникала Влада — ее улыбка, взгляд, голос. И то, что она сейчас находилась рядом с ним в этом доме, отвлекало от любых задач.

Решив, что бесполезно бороться с собой, Игнат хотел предложить Владе прогуляться в саду. Но увидел, что она уже спустилась к реке, и последовал за ней. Они медленно шли вдоль сада, держась за руки, иногда останавливаясь, чтобы обняться. В эти моменты Игнат особенно остро чувствовал, как ему нравится ощущать на своей коже прикосновения ее рук, уже ставших родными.

Воспользовавшись моментом, он пригласил Владу в ресторан — ему не терпелось познакомиться ее с отцом и друзьями, представить всем своей девушкой.

К сожалению, их прогулка была недолгой, рабочие дела в компании требовали возвращения Игната. По дороге обратно в офис Игнат заехал в ювелирный магазин, чтобы забрать заказ, сделанный сразу после поездки на море. Украшение, которое он выбрал, стало для него символом чего-то нового и значимого, связанным только с Владой.

После визита в загородный дом мысли о Владе преследовали Игната с новой силой. Несколько часов, проведенных рядом, лишь подогрели его желание. А ночное сообщение от

нее окончательно лишило покоя. Игнат чувствовал себя подростком, чьи фантазии разгораются от одного лишь фото. Он долго разглядывал ее селфи, отмечая каждую деталь: нежную кожу, слишком откровенный вырез шелковой сорочки, татуировку в виде змеи. Что она означает? Все это будоражило воображение, заставляя жаждать новой встречи еще больше.

Игнат устал сдерживаться. Ему хотелось вернуться к Владе и сделать ее своей. Фантазии вспыхивали одна за другой. Он представлял, как ласкает ее, как показывает, что сильно соскучился, как снова чувствует ее рядом. Один лишь взгляд на ее тело напоминал, что воздержание — не самый лучший способ молодому мужчине справляться с эмоциями. Но Игнат старался подчинить чувства разуму. Не хотел торопить Владу, особенно после трагедии с Вальзером. Для Игната было важно, чтобы все происходило естественно. И все же он не запрещал себе мечтать, позволяя мыслям вновь и вновь возвращаться к ней. Словно знал: когда придет время, все фантазии станут реальностью.

Стараясь выбросить лишние мысли из головы, Игнат, несмотря на поздний час, снова погрузился в работу. Контракт оказался сложным, с множеством подводных камней, требующих тщательного анализа. Но сдаваться он не собирался. Игнат привык преодолевать трудности, и этот случай не был исключением. Однако даже погрузившись в документы, то и дело ловил себя на том, что представляет Владу — полуобнаженную, томную, с чуть приоткрытыми губами и дерзким взглядом.

Глава 39. Возвращение в родной дом

Мы подъехали к особняку, стоявшему на берегу реки. При виде его величественного фасада что-то внутри сжалось. Игнат был рядом. Его рука уверенно держала мою, напоминая, что я не одна. Чувствуя поддержку, переступила порог. Я вернулась домой.

Мне не нужно было заново узнавать этот дом. Все выглядело знакомым до боли. Оказалось, что я ничего не забыла. Каждая деталь, каждый уголок — все хранилось в памяти. Мы вошли в просторную, залитую светом гостиную. Высокие потолки, светлые обои, белоснежный мраморный пол — классика и современность переплетались здесь, создавая утонченную роскошь. Все было точно таким, как в моих воспоминаниях. Но в этом совершенстве чувствовалась пустота и царила пугающая тишина. Настороженная и гнетущая, она заполняла пространство, напоминая, что это место утраченных надежд, мечтаний и любви. Воздух здесь будто застыл, и вместе с ним замерло время.

Оказавшись в родном доме, я боялась, что меня задавят обрушившиеся воспоминания. Страх сломаться под их тяжестью пронзил меня, когда я сделала несколько шагов вперед. Я молчала. Грудь сдавило так сильно, что слова просто застряли где-то внутри. Слезы наворачивались на глаза, но я изо всех сил пыталась держаться. Только бы Игнат ничего не заметил. Только бы не спросил, почему я так смотрю на все вокруг. Почему все вышло именно так?

— Поживите пока здесь, — сказал Игнат, и я попыталась сосредоточиться на его словах. — Хотя в доме давно никто не живет, но все условия для вас есть. Я кивнула, чувствуя, что голос все равно мне не подчинится. Игнат представил персонал, однако я не вслушивалась. Знала этих людей, помнила, кто за что отвечает. Его просьба не заходить в две спальни на верхнем этаже вырвала меня из цепких объятий прошлого, в которые я погрузилась.

— Не дом, а мемориал, — шепнула Мэри, прогуливаясь по коридорам.

Ее слова прозвучали холодно, будто она пыталась снизить напряжение, но для меня это не имело значения. Важно было другое: Игнат сохранил мою комнату. Она осталась нетронутой, словно он всегда знал, что я могу вернуться. Желание подняться по лестнице, распахнуть дверь и оказаться внутри захлестнуло меня. Мне нужно было снова попасть туда, где я была Ярославой. Но не смела нарушить просьбу Игната. Это выглядело бы странно. Я не могла подняться к себе. По крайней мере, пока не расскажу ему все. Пока не признаюсь. Поддавшись порыву, я хотела открыться ему прямо сейчас. Слова почти сорвались с губ, но Игнат сообщил, что ему нужно срочно вернуться на работу. Он предложил поговорить завтра, и мне пришлось с сожалением согласиться. Я пыталась успокоить себя тем, что после стольких потерянных лет несколько часов уже ничего не изменят.

Игнат уехал, а мы с Мэри отправились разбирать вещи. Наши комнаты оказались удивительно уютными. В них было все для комфортного проживания, и я не могла не удивиться тому, как Ольга Павловна успела все так быстро подготовить.

— Мне срочно нужно снять напряжение, — заявила Мэри, направляясь в бассейн и сауну. Я же осталась одна, погруженная в свои мысли. Зачем я здесь? Я не смела ходить по дому, не смела смотреть по сторонам. Каждая комната хранила воспоминания, каждая деталь напоминала о том, что я так хотела забыть. Сердце щемило от невысказанного. Столько всего было связано с этим местом. Вся моя прошлая жизнь прокручивалась в голове, кадр за кадром. Я помнила все. Разговоры с мамой и Костей, первые поцелуи с Игнатом, наши зарождающиеся чувства. Воспоминания о счастье, которое когда-то было, обрушились на меня волной, захлестывая с головой.

Я не могла представить, что однажды вернусь сюда Владиславой. Слезы подступили, но я изо всех сил сдерживалась. Хотелось кричать, плакать, выплеснуть боль, но вместо этого я, пытаясь отвлечься, направилась к реке.

Любимая беседка стояла на прежнем месте. Она совсем не изменилась, разве что кусты и деревья вокруг стали выше и пышнее. Я пробыла у реки долго, глядя на воду и обдумывая дальнейшие шаги. Мысли путались, но я знала, что не изменю своего решения, которое лишь окрепло после сообщения о смерти Вальзера и разговора со Стасом. Его отвратительные приказы лишь укрепили мою решимость. Я устала быть пешкой в омерзительной игре Далеvского. Устала бояться. Больше не буду выполнять его задания, и мне нужно как можно скорее рассказать Игнату всю правду.

Я думала о том, что будет дальше. Сможет ли Игнат поверить мне? Простить мне молчание и страх, которые разлучали нас долгие годы? Сумеет ли увидеть во мне Ярославу или его сердце уже принадлежит Владе? Я не знала, но верила, что вместе мы сможем преодолеть все. А если не вместе?

Мысли возвращались к Вальзеру. Удалось ли ему выжить? Или Далеvский добился своего? Я вспоминала слова Вальзера о доме с красной крышей. Что они значили? Что это за дом? Ответов у меня не было, но я чувствовала, что скоро все раскроется. И что я должна быть готова.

Я могла бы прямо сейчас сбежать туда. Вальзер дал понять, что в сейфе для меня приготовлены новые документы и деньги. Я могла исчезнуть. Уехать далеко, оставив все — признания, надежды, страдания. Исчезнуть без следа. Покинуть этот город, этих людей и монстров прошлого. Начать новую, свободную жизнь. Но жизнь чужую. Не свою!

Я думала о маме, которая принесла себя в жертву. О ее сопротивлении несмотря на то, что сил уже не оставалось. Она не сдалась. Пусть нас разлучили, но наше желание противостоять стало общим. И это означало, что мы все еще вместе. Как я могла оставить ее теперь? У меня был выбор. Самый сложный выбор в жизни. Потому что правильного решения не существовало.

Я подняла глаза на великолепный особняк Елецких. Вспомнила, как впервые вошла в этот дом. Сейчас я смотрела на окно своей прошлой спальни и все еще не могла поверить, что вновь оказалась здесь. Но раз в этом доме есть место, где я могу вернуть себя, стать собой, то я не сдамся.

Несмотря на невидимые шрамы, которые я носила на лице и в душе, во мне все сильнее просыпалась Яра. Я жива. Не собираюсь отступать. Ничто больше не сломает меня. Какие бы испытания ни выпали на мою долю, я выдержу. Докажу себе и всем, что могу справиться.

Темнело. Я вернулась в дом. На пороге меня встретила Мэри. Даже за городом она зачем-то надела короткое платье и туфли на каблуках. Интересно, кого она собиралась здесь очаровывать?

— Мы опять одни. Я думала, Игнат разбавит нашу унылую компанию, — пожаловалась она. — Чем тут заниматься? Скукотища. Все сидят за своими высокими заборами. Никакого общества.

Мэри явно скучала. Она бродила по дому, ища жертву для своих бесконечных пустых, ни к чему не обязывающих разговоров. С бокалом вина она ушла в свою комнату смотреть телевизор. В последнее время она часто бывала задумчивой, что было ей не свойственно. Несколько раз я слышала ее телефонные разговоры, но не спрашивала, с кем она говорит. Мы продолжали соблюдать нейтралитет, о котором договорились с первого дня знакомства.

Я же с нетерпением ждала возвращения Игната. Уже глубокой ночью пришло сообщение: «Мне не хватает тебя. Не хочу с тобой расставаться. Я верю, что так и будет. У нас все впереди».

Эти слова наполнили меня надеждой и верой. Я улыбнулась, в ответ отправила сердечко и с этими мыслями заснула.

На следующее утро, чтобы занять себя, я предложила помощь Ольге Павловне. Несмотря на прошедшие годы, она, как и прежде, казалась моложавой и полной сил, словно время не имело над ней власти.

Мы хозяйничали на кухне, что, к моему удивлению, оказалось приятным. Разговоры с ней текли легко, мы находили общие темы, но она избегала разговоров о хозяевах дома. Вместо этого поделилась рецептами любимых блюд Игната. Целый день я ждала известий от него. Думала, могу ли позвонить первой, но каждый раз останавливалась, боясь отвлечь его от дел. Заметив мое беспокойство, Ольга Павловна тихо произнесла:

— Игнат Константинович обязательно приедет. Я не должна говорить об этом, но вижу, как он смотрит на вас. Вы очень важны для него. — Ее голос чуть дрогнул, и она грустно вздохнула. — Я видела его таким только однажды, — добавила женщина и, не удержавшись, смахнула с глаз непрошенные слезы.

У меня в горле застрял ком. Слова Ольги Павловны задели что-то внутри меня. Ее боль была почти осязаемой. Я осторожно коснулась ее плеча, желая поддержать, но в этот момент на кухню зашла Мэри, и разговор пришлось прервать. Мачеха кружила рядом, будто выжидая удобного момента.

— Интересно, Игнатик сегодня приедет? — с хитринкой спросила она, понизив голос, чтобы Ольга Павловна не услышала.

— Не знаю, — ответила я, чувствуя, как напрягаюсь. — А зачем он тебе?

— Просто любопытно узнать, какие у него насчет тебя намерения.

Мэри улыбнулась, изображая заботу, но в ее голосе сквозило что-то странное. Я заметила, как оживленно она переписывается с кем-то по телефону. Ее пальцы порхали по экрану, но рассмотреть, с кем именно она общается, я не могла. Покрутившись еще немного, она бросила на меня задумчивый взгляд, и ушла.

— Эта девушка ваша родственница? — спросила Ольга Павловна, когда Мэри наконец удалилась. Она пыталась скрыть неприязнь, но голос ее выдал.

— Не совсем. Она жена моего отца. — Мне вновь пришлось пересказать старую легенду.

На следующий день, ближе к вечеру, когда я уже извелась от ожидания, Игнат наконец приехал. Он появился в гостиной внезапно. В бежевом костюме, оттенявшим загорелое лицо и подчеркивавшим его выразительные глаза. В руках он держал два роскошных букета — для меня и для Мэри.

— Какой галантный кавалер! — хихикала Мэри, подхватывая свои цветы. — Жаль, я не в его вкусе. Кажется, в его вкусе только работа.

Игнат сдержанно улыбнулся мне, и я сразу заметила, как он напряжен. В глазах отражалась усталость, но он старался этого не показывать. Когда мы остались наедине в кабинете, я задала вопрос, который волновал меня с самого его приезда:

— Что-то случилось?

— Много работы, — признался он, откидываясь на спинку кресла. — Пришлось перепроверить важные документы, уточнить информацию, взвесить все и принять единственно правильное решение. Я молчала, чувствуя, что груз ответственности давит на него сильнее, чем он показывает.

— Завтра очередной этап по важной сделке, — продолжил он. — Мне нужно немного поработать. Всего пара часов, и я освобожусь.

Он пытался говорить спокойно, но я знала, что его мысли далеко отсюда. И даже сейчас, несмотря на его желание быть рядом, работа и ответственность не отпускали его. Я не стала мешать и вышла из кабинета. Некоторое время пыталась занять себя чтением, но буквы расплывались перед глазами, сосредоточиться не получалось. Игнат все это время сидел за своим рабочим столом, разговаривал по телефону, просматривал бумаги. Решал что-то важное. Я старалась не отвлекать, но, проходя мимо открытой двери, чувствовала на себе его взгляд. Он сразу поднимал глаза, улыбался и посылал мне воздушные поцелуи, отчего сердце замирало. Понимая, что мешаю ему работать, и чтобы скоротать время, я отправилась на прогулку по саду. На спуске к реке услышала позади шаги. Обернувшись, увидела Игната.

— Решил прерваться, — сказал он, подходя ближе. — Увидел тебя здесь и понял, что хочу присоединиться. Голова идет кругом от цифр.

Он взял меня за руку, и мы пошли по гравийной дорожке, как когда-то любили прогуливаться вместе. Оттуда открывался чудесный вид на реку. Солнце клонилось к закату, его лучи играли на поверхности воды, словно соревновались друг с другом, прыгая по волнам. Мы шли молча, каждый погруженный в свои мысли.

— Ты сегодня какая-то другая, — вдруг заметил Игнат. — И грустная, и одухотворенная одновременно.

— Я много думаю в последнее время. А ты много работаешь, — тихо ответила я.

Игнат внезапно остановился. Он встал напротив меня, и выражение его лица стало серьезным, почти тревожным.

— Да, в последнее время ни минуты покоя, — произнес он, не сводя с меня взгляда. — Безумно хочу быть с тобой, обнимать, целовать, просто проводить время вместе, как самые обычные люди, но работа постоянно мешает. Сейчас закончим сделку, и мы сможем побыть вдвоем.

Я смотрела на него, не в силах произнести ни слова.

— Я хочу познакомить тебя с отцом, моим лучшим другом и его девушкой, — продолжил он. — Ты, наверное, решишь, что я тороплю события. И да, действительно тороплю, — Игнат усмехнулся, немного смущенный, и снова посмотрел мне в глаза. — Я уже забронировал ресторан «Имперский» на четверг, в восемь вечера. Все соберутся там и будут ждать тебя.

Игнат взял меня за обе руки, и в его голосе зазвучала решительность:

— Я хочу представить тебя своей девушкой. Ты согласна?

Я замерла. Сердце пропустило удар, а потом забилось так сильно, что казалось, его стук разносится по всему саду. Не могла поверить, что все происходит наяву. Казалось, это сон, в котором сбываются самые сокровенные мечты. На мгновение забыла обо всем: о том, что я теперь Влада, что между нами стоит Стас, что Игнат все еще не знает правды, о случившемся шесть лет назад. Я поддалась волшебству этого момента. Его слова согревали, а взгляд говорил о том, что я ему нужна. Но где-то в глубине души шевельнулась тревога. Я не хотела обманывать его, продолжая притворяться другим человеком. Я знала, что должна все рассказать прямо сейчас. Но страх упустить этот счастливый миг, когда между нами разлилось доверие и искренность, заставил промолчать.

— Я согласна! — негромко произнесла, стараясь говорить уверенно. — Я принимаю твое приглашение, но помни, пожалуйста, что прежде мы должны поговорить. Буду ждать тебя завтра, когда ты закончишь дела.

Я прижалась к Игнату, вдохнув аромат его одеколона. Такой родной. Мой мальчик.

— Не могу поверить, что ты согласилась. Не могу оторваться от тебя, — прошептал он. Его губы осторожно коснулись моих, нежные поцелуи становились все глубже, напористее. Внезапно он прервался. — Еще немного — и взорвусь. Черт, снова не могу остаться на ночь... — В его голосе звучало явное разочарование. — Вечерняя встреча, обсуждение проекта с юристами, окончательное подписание...

Игнат продолжал обнимать меня, его губы касались моего лица, шеи, руки гладили мою спину, нежно перебирали волосы.

— Мне хочется послать все к черту и остаться, но не могу. Мы терялись в ласках, забывая обо всем, и нам обоим хотелось большего. Рядом с Игнатом я чувствовала себя защищенной. Спокойной. Уверенной. И с каждым днем все больше хотела довериться ему. С ним было легко. Правильно.

— Мне тебя не хватает, — призналась я, прижавшись к его груди. — Я хочу, чтобы ты был только моим. Особенно теперь. — Подняв голову, посмотрела ему в глаза. — Но я все понимаю. У нас впереди еще много времени.

Игнат улыбнулся, хотя в его взгляде сквозило сожаление. Мы еще немного прошли и направились к дому. На террасе он остановился.

— Подари мне еще пару минут и один поцелуй, — произнес он, глядя на меня так, что я готова была дать ему куда больше.

Но нас прервали. Игната отвлек водитель, а я, чувствуя прохладу, зашла в дом за пледом. В этот момент зазвонил телефон. На экране высветилось «Марк». Он знал, что я уехала к Игнату.

— Ты одна? — Его голос был привычно осторожным. — Нам нужно поговорить. У меня мало времени.

Я задержалась в пустой гостиной.

— Стас знает, что ты в доме у Игната и требует выяснить, когда ты раздобудешь документы, — продолжил он.

— Я уже дала свой ответ, — твердо ответила я. — Повторять не буду.

— Уверена?

— Да.

— Ты призналась Елецкому? — спросил Марк после паузы.

— Нет. Но сделаю это завтра.

— Стас бесится. Я придумую, что ему соврать, чтобы потянуть время.

— Спасибо, что помогаешь мне.

Марк коротко хмыкнул и отключился.

Я уже собиралась вернуться на террасу, но услышала шаги возле кабинета Игната. Это было странно. Игнат был на улице, и в кабинет никто не мог зайти без разрешения. Направившись туда, заметила тень, которая быстро исчезла. Дверь кабинета была приоткрыта. Осторожно заглянув внутрь, увидела включенный монитор, бумаги на столе и портфель. Вроде бы все на месте. Никого не было. Я закрыла дверь и в холле встретила охранника. Он пристально посмотрел на меня, но ничего не сказал. Отмахнувшись от волнений, я вернулась к Игнату и подарила ему поцелуй на прощание. Вскоре он покинул особняк.

Ночью, улыбаясь, читала его сообщение: «Я уже скучаю. Хочу быть рядом с тобой всегда».

«Я тоже», — написала ему в ответ и прикрепила селфи в полупрозрачном пенальти. Пусть знает, что теряет.

«Спасибо, теперь я точно не усну. Это издевательство — смотреть на тебя и не иметь возможности прикоснуться», — пришел ответ.

Я чувствовала себя живой. Игривой. Любимой.

А ночью мне приснился сон. Один из тех, что я видела еще давно, когда мы только познакомилась с Игнатом. Я обнимала его за плечи, покрывала лицо поцелуями, а мой мальчик отвечал, лаская меня так, как умел только он. Его руки скользили по моим волосам, спине, спускаясь все ниже и ниже. Грудь отзывалась горячей волной на его прикосновения. Его губы на моих губах, горячие и мягкие. Его руки на моих бедрах. Мы слились в одно целое. Наслаждение достигло пика, и я проснулась, по телу разлилось приятное тепло. Машинально провела рукой по подушке. Мне хотелось обнять Игната, но его не было рядом. Это всего лишь сон. И знак — пора рассказать правду. Сколько я еще могу жить чужой жизнью?

Сегодня Игнат вернется, и мы поговорим. Я боялась, что он не поймет и отвергнет меня. Но так больше продолжаться не может. Моя душа кричит. Узнай же меня, Игнат. Ты — мой шанс на спасение. Пусть уже все закончится. Но если ты оттолкнешь меня — это будет твое решение. И я приму его. Мне больше ничего не останется.

Часть 4. Все становится на свои места.

Глава 40. Поездка в дом с красной крышей

Утром я отправила Игнату сообщение, пожелав удачного дня и успешной сделки. Он прочитал, но не ответил. Я знала, как сильно он занят, поэтому не придавала значения тому, что не выходит на связь. После обеда дверь моей комнаты открылась без стука, и Мэри бесцеремонно плюхнулась на кровать.

— Ну что, твой богатый красавчик теперь просто красавчик, — заявила она с недобрым смешком. — Что думаешь делать?

— О чем ты? — нахмурилась я, не понимая, к чему она клонит.

Мэри загадочно улыбнулась, склонив голову набок, и театрально прошептала:

— Еще не слышала новость? У твоего любовничка большие проблемы.

Она протянула нараспев «бо-о-ольшие», наслаждаясь каждым звуком.

— Кто-то слил инфу о его сделке. Теперь заказчик уплывет в лапы к конкурентам. Так что, милая, Игнатик больше не сможет тебя содержать. — Она картинно вздохнула, изображая сочувствие. — Теперь ты такая же бедняжка, как и я.

Внутри у меня все похолодело от страха за любимого.

— Откуда у тебя эта информация? — спросила я, стараясь говорить ровно, но внутри уже нарастала тревога.

Мэри закатила глаза с таким видом, словно ей приходилось объяснять очевидное. Сплетни она просто обожала. И если бы умение сплетничать считалось профессией, мачеха была бы главным экспертом.

— Тут слышала, там подсмотрела... В общем, эта молчаливая Ольга, которую я все никак не могу расколоть, разговаривала с управляющим. Сказала, что Игнат не приедет — у него проблемы. Я, конечно, не смогла удержаться и порылась в интернете. Вот, — она протянула мне телефон с открытой лентой новостей.

В статье говорилось, что миллиардная международная сделка, над которой работала компания Игната, сорвалась. Кто-то обнародовал конфиденциальные данные раньше срока, нарушив ключевые пункты контракта. Дальнейшие детали не были известны, но теперь Игнат должен был заплатить космическую неустойку. С каждой строкой мое сердце сжималось все сильнее.

По мнению автора статьи, ситуация могла привести компанию к банкротству. Проблемы с судами, репутационные потери... Игната обвиняли в том, что он якобы неумелый управленец, неспособный честно и прозрачно вести переговоры. Автор статьи не стеснялся резких формулировок: Игната называли человеком, который «роняет престиж российских компаний в глазах иностранных инвесторов». Заканчивалась статья почти насмешкой, что «с Елецкими лучше не иметь дел».

Далее в ленте следовала еще одна новость, опубликованная минуту назад. Акции компании начали обваливаться на фондовом рынке. Крупные акционеры, словно сговорившись, спешно продавали свои доли на торгах по заниженной цене. А дальше финальный аккорд звучал жестко: «Это похоже на закат империи Елецких. Им поможет выжить только мешок с золотом, случайно свалившийся с неба. Жаль, что осадков сегодня не ожидается, да и судьба такие сюрпризы обычно не преподносит».

Я молча опустила телефон, пальцы не слушались. Мэри наблюдала за мной с нескрываемым любопытством, ожидая моей реакции. Но я не дала ей насладиться моей тревогой. Собрав остатки самообладания, я отложила ее телефон в сторону и отвернулась. Внутри все клокотало от беспокойства и боли. Игнат попал в беду, а я ничего не могла сделать.

Происходящее скорее напоминало чей-то тщательно продуманный план, а не череду совпадений. Таких случайностей не бывает. Я попыталась найти новые подробности, но никакой конкретики не было. Детали случившегося скрывались, а статьи, обличавшие Игната, явно были написаны под заказ по одному шаблону. Его компания молчала, и злые языки уже успели окрестить эту паузу полным отсутствием кризисного менеджмента. Игнат пропал.

— В общем, теперь твой Елецкий уже не такой завидный женишок, — заявила Мэри, забирая телефон и хитро поглядывая на меня. — Кстати, ты, наверное, не в курсе, что Гордеевы требуют огромные откупные за несостоявшуюся свадьбу с дочкой? И где теперь их Игнатик возьмет? — злорадно говорила она. — Так что, если ты еще не отменила помолвку с Марком, я бы на твоём месте подумала дважды.

Я подняла на нее негодующий взгляд.

— Мэри, иди ты...

— Куда это? — Она закатила глаза и ухмыльнулась. — Снова показываешь зубки, Владочка?

— Просто иди. Мне надо подумать.

— Действуй быстрее, пока Марка у тебя не увели, — язвительно подмигнула она, не скрывая своего удовольствия.

— Оставь меня, — тихо, но твердо попросила я. — Мне нужно все обдумать.

— Что тут думать? — хмыкнула Мэри. — Собирать вещички и уматывать? — Она рассмеялась, продолжая наслаждаться ситуацией. — Правильно, погостили, пора и честь знать. Я сжала кулаки, пытаюсь сдержаться, и промолчала. Довольная собой, Мэри наконец вышла из комнаты, оставив после себя неприятный осадок... Ее предложение укололо меня. Так мог поступить только человек, готовый предать и сбежать, едва запахнет бедой. Я не могла так поступить. Не хотела.

Волнение внутри росло. Кто мог подставить Игната? Как это произошло? Неужели кто-то опередил Стаса? Какую сумму требуют Гордеевы? В голове было больше вопросов, чем ответов. И вместе с этим начинал формироваться план. Я думала быстро. Нужно было найти способ, как помочь ему. Конечно, мешка с золотом у меня не было. Но я опять вспомнила слова Вальзера о доме с красной крышей. Возможно, там был мой шанс.

Я попыталась дозвониться до Игната, он не ответил. Сердце сжалось от тревоги, но я знала, что должна действовать. Нашла расписание ближайших авиарейсов и купила билет.

Для Мэри пришлось придумать оправдание. Врать не хотелось, но я не могла раскрывать свои настоящие планы. Я нашла Мэри в гостиной, она удобно устроилась на диване перед камином с очередным бокалом красного вина и телефоном в руке.

— Мэри, звонил доктор. — пришлось солгать мне. — Мама в плохом состоянии, нужно срочно ехать к ней. Она обо мне спрашивала.

— И ты собираешься туда ехать? — недоверчиво прищурилась она. — Зачем тебе это? Ты же все равно ей не поможешь, только изведешь себя. Встречи с ней вгоняют тебя в тоску. Видеть мать в таком положении — настоящий ужас. — Ее полный безразличия взгляд скользнул по мне, а потом она, как всегда, резко сменила тему. — И вообще, ты не знаешь, сколько мы еще будем торчать в этой дыре? Я устала! Хочу вернуться домой. Никто ничего не говорит! Где Вальзер? Что с ним случилось? Сколько может так продолжаться? Мы, что ли, должны сидеть тут вечно? — Она закатила глаза, всем своим видом показывая, что крайне возмущена. — У него проблемы, при чем тут мы? Я просто хочу жить, понимаешь? Наслаждаться жизнью! А на что? И как? Кому достанется наследство?

Мачеха внимательно посмотрела на меня. Она, как обычно, думала только о себе и своем благополучии.

— Мэри, я поеду. Съезжу быстро, туда и обратно, — оборвала я поток ее жалоб.

— Как знаешь. Если тебе так хочется себя мучить, — отмахнулась она, всем видом показывая, что ей совершенно все равно.

Я не стала тратить время на долгие сборы. Оделась в простую футболку и джинсы, волосы заплела в косу и натянула бейсболку, опустив козырек почти на глаза. С собой взяла лишь дорожную сумку. Мне нужно слиться с толпой, остаться незаметной.

Я очень спешила, надеясь быстро вернуться. Но дорога, как это часто бывает, заняла больше времени, чем я рассчитывала. Ожидание в аэропорту было мукой, особенно когда рейс задерживали. В горле стоял ком, я ничего не ела, нервничая и изводя себя мыслями.

Самолет приземлился в аэропорту города, с которым связаны не самые лучшие воспоминания. Мне стало не по себе, появилась тревога. Отец ведь предупреждал об опасности, которая может подстергать меня, если с ним что-то случится. Неужели он знал, что с ним произойдет? Его фраза «Это запасной план» крутились у меня в голове, а следом слова Марка о наследниках и Игната — о грозящей нам опасности. Если раньше я не принимала сказанные предостережения всерьез и не понимала их, то теперь сполна ощутила всю опасность и осознавала риски происходящего. Когда я вышла из такси, подъехав к нужному району, мне стало нехорошо, но вернуться я не могла. Страх пытался взять надо мной верх, но я боролась с ним, мне оставалось идти только вперед. Через час, обойдя несколько однотипных улиц, я наконец подошла к нужному дому. Пришлось поплутать, так как точного адреса я не знала. Но мне повезло, красная крыша выделялась на фоне серых зданий, да и пышный куст сирени у забора выглядел примечательно. Я сделала все так, как говорил Вальзер: нашла ключ под этим самым кустом и вошла в дом.

Внутри было пусто и холодно. Меня встретила тишина, тяжелая, почти осязаемая. На удивление, в доме было электричество: когда я без надежды нажала на выключатель, зажглась огромная люстра и небольшой холл осветился тусклым желтым светом. Я не стала долго разглядывать окружающее пространство. Чужие стены давили, пустота казалась бездонной. Здесь было так тягостно, что хотелось развернуться и бежать, но я не могла этого сделать, отступить было нельзя.

В доме давно никто не жил, и это было видно с первого взгляда. На стенах и роскошной мебели поселилась пыль, скрывая следы прошлого присутствия хозяев. Из-за железных решеток на окнах снаружи и тяжелых алых штор внутри в доме царил полумрак. Тусклый свет в небольшом холле, стены которого были выкрашены в мрачные тона, не мог разогнать тягостное ощущение, что с хозяевами случилось нечто неладное. Дом казался вымершим. Словно кто-то начал здесь новую жизнь, но по какой-то причине был вынужден сбежать, так и не успев привести жилище в порядок. На душе стало тоскливо. Я заметила, что у меня похолодели руки.

Я обошла весь первый этаж, чувствуя, как от напряжения разболелись все мышцы, и наконец-то обнаружила дверь в подвал. Вниз вела узкая деревянная лестница. Темнота, словно живая, обволакивала ступени, и мне показалось, что внизу меня ждет что-то страшное. Все это напоминало сцену из фильмов ужасов. Я сделала шаг, чувствуя, как холодные мурашки пробегают по спине.

Подвал оказался просторным, но почти пустым. Лампа в углу бросала слабый свет, едва помогая разглядеть, что находится передо мной. Старые доски, поломанная мебель, какие-то коробки, в беспорядке разбросанные по полу. Все выглядело так, будто вещи в подвале оставили в спешке. Я начала поиски. Мне пришлось осмотреть все помещение, прежде чем за горой мусора, в самом углу, я нашла металлический сейф. Большой, массивный, он был похож на неприступную крепость.

«Какие тайны ты скрываешь?» — подумала я, проводя ладонью по холодной металлической поверхности.

Я набрала код, который назвал мне Вальзер, и затаила дыхание, но... ничего. Щелчка не было. Попробовала еще раз — и снова ничего не произошло. Я не могла ошибиться. Неужели я забыла слова Вальзера, своего нового отца? Нет, не могла! Я хорошо их помнила. Паника подступила к горлу. Сжав кулаки, я в отчаянии пнула сейф, будто это могло помочь.

«Что я здесь делаю? — думала я, дрожа всем телом, и обхватив себя за плечи. — Последний шанс сделать хоть что-то значимое — и я с ним не справилась. Я потеряла столько лет, похоронив себя и надежду. Смирилась, не сумев бороться. На кону стояло слишком многое. И теперь, когда жизнь дала мне возможность снова стать счастливой и свободной, я не справилась.

Слезы, которые я так долго сдерживала, потекли из глаз, оставляя на щеках соленые следы. В поисках ответа я металась по подвалу из угла в угол.

Выбившись из сил и потеряв надежду, решила подняться на верхний этаж, чтобы отдохнуть. В гостиной почти не было мебели: лишь большой диван из черной кожи, два кресла, обитые бархатом, овальный стол да заваленные коробками углы.

Я подошла к окну и слегка отодвинула тяжелую штору — окна гостиной выходили во двор. Время пролетело незаметно, и уже стемнело, на улице было удивительно тихо. Только где-то вдалеке еле слышно напевали свои мелодии ночные птицы. Полная луна освещала двор, создавая игру теней от деревьев и кустарников. Я задумалась, снова прокручивая в голове комбинацию цифр, вспоминая код от сейфа. Вдруг мне показалось, что в кустах промелькнул еле заметный силуэт.

Испугавшись, я отшатнулась от окна и спряталась за тяжелой шторой. Что это было? Игра моего воображения? Или во дворе действительно кто-то находился?

Я прислушалась, но дом ответил лишь зловещей тишиной. Сделав глубокий вдох, снова выглянула в окно. Но снаружи ничего подозрительного больше не происходило, листья деревьев шелестели от ветра, наполняя двор сонным спокойствием. Отодвинувшись от окна, я еще плотнее задернула шторы. Тревога не покидала меня. В отчаянии побродив по дому, снова спустилась в подвал, перебирая в голове возможные комбинации. «Должно быть, я что-то упустила. Ответ где-то рядом», — уговаривала себя, но не могла вспомнить ничего нового. И тут на ум пришла бредовая мысль, настолько простая и ужасная одновременно, что мне даже стало страшно за себя, если она окажется верной. И все же я решила попробовать и дрожащими пальцами набрала код.

День рождения мамы. Мой настоящий день рождения.

В тишине раздался щелчок, словно выстрел. Я вздрогнула. То, что произошло, не могло быть реальностью. Неужели Вальзер все узнал? Меня бросило в жар, а потом обдало холодом. Казалось, что я угодила в ловушку и за мной кто-то наблюдает. Может, Вальзер специально заманил меня в капкан, чтобы убить без свидетелей? Я не могла поверить, выдохнула, собираясь с мыслями. Сейчас или никогда.

Дверца сейфа поддалась. Внутри было слишком много всего: пачки денег, какие-то документы, банковские карты с указанием кодов. Среди бумаг я нашла паспорта — мой и Мэри. В документах — наши фотографии, но имена чужие. Последним лежало письмо. Оно словно ждало меня. Я взяла его в руки, чувствуя, как колотится сердце.

«Дорогая моя дочь.

Как ты уже поняла, я все знаю, но все равно продолжаю называть тебя дочерью. За шесть лет, что ты провела в моем доме, я по-своему к тебе привязался.

Первые подозрения у меня появились после разговора с младшим Елецким. Он намекнул, что Стасу нельзя доверять, и рассказал историю некой Елены Черниковой. Я принял это к сведению. Кто ищет, тот всегда находит. Я пробил и самого Елецкого. И каково было мое

удивление, когда дата аварии, в которую попала Влада, совпала с той, в которой погибли женщины семьи Елецких.

Но окончательно все стало ясно, когда я увидел твою подпись. Это было во время заключения сделки. Ты сделала ошибку, случайно подписалась своей настоящей фамилией. Меня будто током прошибло. И тогда я решил, что надо копать глубже. Нашел того ублюдка — врача, который сделал тебе операции. Я был в ярости. Хотел убить. Тебя. Стаса. Всех. Что случилось с врачом, тебе лучше не знать.

Провели самого Вальзера! Я понял, что теряю хватку. Если бы это были девяностые, я бы прикопал всех под ближайшим забором и не мучился. Но времена изменились, и я вместе с ними. Захотел порешать дела цивилизованно. Я дал себе время. И тебе тоже.

Я же с самого начала удивлялся, что ты такая тихая. Думал, будешь все крушить и меня ненавидеть. А ты боялась. Но зла не делала. Хотя за эти годы могла что-то придумать, яда мне в тарелку сыпануть и сбежать. Я решил простить тебя. Да и, копнув глубже, понял, что ты, скорее всего, просто очередная пешка в игре Стаса.

Я никогда не был хорошим отцом. Ни Владе, ни тебе. Хотя и пытался загладить свою вину подарками и жизнью, которой у моей настоящей дочери никогда не было. Я видел боль в твоих глазах, но не знал, сколько тебе пришлось пережить. Только потом понял, что ты стала заложницей. Даже у меня в доме ты как в тюрьме была. У тебя жизнь украли.

Я знаю, что ты не такая, как Стас. Охрана следила за тобой, видела, как ты на кладбище ездила. Цветы за меня дочери подарила и каракули Виолы. Без злобы жила, хотя и измучили тебя изрядно. Я тогда ночь у могилы Влады провел. Говорил с ней по-отцовски. В самолете тебя о детстве говорить заставил, хотел понять, как же вышло так, что в руках у него оказалась. Ты мне тогда про любовь хорошо залечила. Слова твои запомнил: «Если любишь, значит, тебе есть за что бороться. Значит, ты не один. И никто из монстров этого не отнимет».

Вот я и решил твоему совету следовать. Побороть монстра. В себе монстра. По прилету тебя домой отправил, а сам к Виоле поехал. Рассказать о дочке ее попросил. Какая Влада была?

«Веселая, — говорит, — в карман за словом не полезет. Как рассмешишь, не остановишь. На тебя похожа, никого не боится. А как разозлится, то напугает и черта. Я ей говорила: книжку хоть возьми, почитай! Если будешь учиться, не пойдешь по стопам отца. А она все про тебя спрашивала, ждала, что вернешься и нас к себе заберешь. Не дождалась. В детский дом ее забрали. Злая она на тебя стала. Но в душе любила. Хорошая наша Влада, но несчастная была».

Не такая, как ты. Другая у меня дочь по рождению была, а ты мне названной дочкой стала. Когда я окончательно все понял, то пожалел тебя. Ты не виновата. Тебя заставили. У тебя не было выбора — его тебе просто не дали. Я видел, какая ты. Тебя пытались сломать, но ты не сломалась. Выдержала. На твою долю выпали испытания, которые не каждый пережил бы. Но от тебя идет свет. Тепло. Словно от солнца. А мне этого света всегда не хватало. Я согрелся от тебя.

Пишу коряво, прости, как умею. Я не знал нежности и не умел ее проявлять. Не мог любить, и меня мало кто любил. Но тебя люблю и считаю своей дочерью. Хочу, чтобы ты обрела счастье и покой.

Вижу, что тебя многое связывает с тем парнем, Игнатом. Может, на этот раз у вас все получится. Бери документы, деньги и уезжай. Начни новую жизнь, ты это заслужила.

А эта гнида Стас за все заплатится. Закопаю его, как время придет. Я слово свое перед тобой всегда держал.

Твой отец,
Вальзер».

Письмо дрожало в моих руках. Он поступил как настоящий отец. Принял меня такой, какая я есть. Встал на мою сторону. Даже ценой своей жизни. Я вспомнила его слова: «Своих не трогаю», — и теперь поняла, почему он меня не тронул, почему я избежала наказания. Для него это было важно. По-настоящему важно.

Я больше не боялась Вальзера, хотела, чтобы он был здесь, чтобы я могла признаться ему во всем, как и собиралась. Но опоздала. Он не пришел. Как это часто бывает, стало слишком поздно. Слезы капали на страницы, исписанные его рукой. Я оплакивала его смерть. И его заботу обо мне. Вальзер все-таки узнал правду.

Я не могла поверить, что в человеке, который столько видел, столько всего натворил, оказалось так много человечности. Он дал мне шанс. Несмотря ни на что. И я воспользуюсь им, чтобы помочь тем, кого люблю.

Прочитав письмо, я сложила документы, банковские карты и часть денег в свою дорожную сумку и почувствовала, какой она стала тяжелой.

Я хотела закрыть сейф, но на душе стало тяжело, будто его железная дверь могла запереть мои надежды.

Сколько еще тайн он хранил, возможно, мне не следовало его открывать? Уйти просто так я не могла — я должна была написать ответное письмо. Даже если он его никогда не прочитает.

«Дорогой папа.

Можно я буду тебя так называть? Прости, что не смогла признаться тебе сразу. Мне не хватило смелости. Потом, когда я все-таки решилась, произошло покушение. Тебя так и не нашли.

Прости, я не могу все бросить и убежать, как ты велел. Я должна помочь любимому человеку. И маме. Я беру часть денег и банковские карты для Игната. У него серьезные проблемы в бизнесе.

Я постоянно думаю о тебе. Где ты? Может быть, тебе тоже нужна моя помощь?»

Я закончила письмо и задумалась. Как подписаться? Рука дрожала, но я вывела одно слово: «Влада».

Я аккуратно закрыла сейф. На душе стало тошно, будто его железные двери заперли и мои надежды на счастье. Слезы, которые я больше не могла сдерживать, обжигали щеки.

Долго оставаться здесь было нельзя, но идти в ночь с деньгами мне казалось еще более опасной затеей. С каждым шагом туман в голове становился гуще. Я поднялась наверх, глотая слезы.

Я остановилась у окна и, отодвинув штору, с опаской посмотрела наружу. Темнота, густая, как чернила, меня пугала. Двор пустовал, но ощущение, что кто-то бродит рядом, не покидало. Сердце замирало от каждого шороха. Через пару часов наступит рассвет, и я смогу выбраться отсюда незамеченной. Но сейчас мне хотелось спрятаться. Закрыться от всего мира, хотя бы ненадолго.

От пережитого меня потряхивало, я забралась в кресло и свернулась клубком, как ребенок. Я задумалась. Теперь все стало ясно: Вальзер узнал правду, но все равно продолжал считать меня своей дочкой. Эта мысль согрела меня, наполнила волной странной, теплой нежности. Вся картина наконец сложилась. Он пытался защитить меня, уберечь. А я мечтала обнять его, заплакать у него на груди и рассказать все сама. Но где он? Где тот человек, который принял меня, несмотря ни на что? Мысли путались. Размышления о прошлом сменились мечтами о будущем. Я начала думать об Игнате. О том, как мы могли бы быть вместе. Как у нас все сложится. Я ловила себя на том, что строю планы, спрашивая себя, не слишком ли это рано. Но ничего не могла с собой поделать. Я хотела счастья. Хотела надежды, любви. Хотела смеяться,

наслаждаться каждым днем. Просто жить. Усталость взяла верх, тяжелые веки закрылись, и я погрузилась в беспокойный, тревожный сон.

Сквозь дремоту я услышала, как открывается входная дверь. Кто-то медленно и осторожно поворачивал ключ. Сердце замерло, но сознание продолжало убаюкивать меня словами: «Это всего лишь сон». Затем — шаги. Тихие, но уверенные, разрывающие тишину ночи. Звуки становились все ближе и отчетливее.

Я чувствовала, как страх окутывает меня липкой паутиной, словно паук тянет свои невидимые нити, сковывая каждое движение. Сердце начало колотиться, бешено, гулко. Казалось, оно сейчас выпрыгнет из груди. «Кто это?» — зазвучало в голове, но ответа не было. Только шаги. Они становились ближе. Я чувствовала на себе чей-то взгляд и хотела проснуться и спрятаться, но не могла. Не понимала, это происходит со мной во сне или наяву? Я не знала, что мне делать. Мне хотелось бежать, укрыться, но тело не слушалось. Ноги будто заковали в цепи. Хотела закричать, но тоже не могла. Рот словно заклеили, голос отказывался подчиняться.

Шаги замедлились. Потом начали удаляться, становясь тише. Я поняла: кто-то спускается в подвал. Казалось, что вместе с удаляющимися шагами мои последние шансы на спасение утекают в темноту. Ночная тишина снова накрыла дом. Грудь сдавило от безысходности.

«Ну все, мне конец», — подумала я, готовясь к худшему, и вцепилась в подлокотник кресла, словно это могло меня спасти...

А потом я снова почувствовала этот взгляд. Два бездонных глаза. Они следили за мной, куда бы я ни пошла. Я не видела человека, которому они принадлежали, но ощущала его присутствие кожей — от него исходил плотный сгусток черной обволакивающей энергии. Она тянулась ко мне, окружала, давила на виски. И когда этот человек настиг меня, испепеляя взглядом и прожигая насквозь, я почти потеряла сознание. Вдруг какая-то теплая рука коснулась меня, моих волос. Это прикосновение прогнало страх, подарило тепло и спокойствие. Как будто меня обнял кто-то родной, защищая и утешая. Мое тело расслабилось, паника отступила, уступив место умиротворению. Я попыталась что-то сказать, но не смогла. Только шепот вырвался из груди:

— Помоги.

И все. Я провалилась в глубокий, спокойный сон.

Когда на рассвете открыла глаза, рядом никого не было. Но страх, который я испытала во сне, накрыл меня снова, уже наяву. Сердце колотилось так сильно, что, казалось, вот-вот выскочит из груди. Я сжалась, не в силах пошевелиться. Это было на самом деле? Или мне приснилось? Я задавала себе вопросы, но не находила ответов.

Медленно осмотрелась. Все вокруг казалось таким же, как и было. Но безмолвная тишина давила. Нервы были натянуты до предела. Посмотрев на часы, я поймала себя на простой мысли: нельзя опоздать на самолет. Удивительно, что в такой момент я могла думать о чем-то подобном.

Пять. Десять. Пятнадцать минут я просидела, боясь двинуться. Тишина. Наконец, собрав волю в кулак, поднялась, стараясь не издавать ни звука. Взяла сумку и на ватных ногах направилась к выходу. Выключила свет в холле, закрыла дверь, спрятала ключ на прежнее место. Сделала это с надеждой. С надеждой, что хозяин этого дома еще вернется.

Только оказавшись на улице, за воротами, начала приходить в себя. Дыхание сбивалось, ноги подкашивались, но я продолжала идти. Нет, почти бежать. Утро только начиналось, на улицах никого не было. Дорога тянулась к главной трассе, где оживало движение.

Добравшись до ближайшего магазина, я остановилась и вызвала такси до аэропорта. Чувствуя, как страх постепенно отпускает, но вопросы не дают покоя. Кто знал, что я здесь? Кто-то следил за мной? Может, кто-то уже пытался открыть сейф, но не смог? В памяти всплыло похищение в гостинице.

Есть ли связь? Или я накручиваю себя? Такси тронулось. Я смотрела в окно, в голове роились версии. Ответов пока не было. И будут ли?

Всю дорогу до аэропорта я дозванивалась до Игната. Но слушала длинные гудки и пыталась убедить себя, что он просто занят. Беспокойство росло. Когда я уже почти отчаялась, прямо перед вылетом пришло сообщение:

«Малышка, надеюсь, ты не забыла о сегодняшнем ужине. Буду ждать в 20:00 в ресторане «Имперский».

Сердце екнуло и забилось быстрее. Я тут же набрала ответ:

«Мы должны увидеться. Я знаю, как решить твои проблемы».

Через несколько минут пришло новое сообщение:

«Не беспокойся, со своими проблемами я справлюсь сам», — Игнат поставил веселый смайлик, будто ничего серьезного не случилось. Я едва успела прочитать, как самолет начал разгоняться по взлетной полосе. Отвечать было уже некогда.

В самолете меня не покидало странное чувство. Тревога, начавшаяся еще в доме Вальзера, не давала покоя. Казалось, что кто-то наблюдает за мной. Этот взгляд, тяжелый и неотрывный, как и во сне, словно прожигал насквозь. Украдкой оглядывала пассажиров, но никто не казался подозрительным. Может, нервы просто сдавали? Или я начинаю сходить с ума?

Ощущение тревоги отпустило меня только тогда, когда я оказалась у офиса Игната. Поднимаясь в лифте, наконец выдохнула. Руки все еще дрожали, но я чувствовала, что приближаюсь к точке, где смогу хоть немного вернуть контроль над ситуацией.

Глава 41. Правильный выбор

Подписание контракта было назначено на час дня, но Игнат находился в офисе с самого утра. Рабочий день только начался, когда в его кабинет стремительно вошел глава службы безопасности. С плохими новостями.

— Игнат Константинович, у нас утечка сведений. Кто-то слил конфиденциальную часть данных. Мы уже не можем остановить распространение. Информация скоро будет повсюду.

Почти сразу телефоны начали разрываться. Звонки шли как на личную, так и на офисные линии. Игнат, стиснув зубы, старался сохранять спокойствие.

— Что мы можем сделать? — спросил он, несмотря на бурю внутри.

— Мы ищем виновного. Нужно понять, когда и где произошла утечка, кто имел доступ к документам.

— Проверь всех, у кого он был, — жестко распорядился Игнат. — А я свяжусь с юристами.

Он быстро наметил план действий. Но внутри его раздирало. Кто это мог быть? Кто из его ближнего окружения воткнул нож в спину? В эту минуту его взгляд говорил о том, что он готов к сражению.

День слился в хаотичный поток звонков, встреч, обсуждений с юристами и экономистами. Решения приходилось принимать на ходу, каждый час приносил новые проблемы. Стало понятно, что придется срочно выводить средства из дочерних компаний, чтобы удержаться на плаву. Его отец подключил все связи, не бросив сына в одиночку справляться с кризисом.

Игнат успел поспать всего пару часов, голова раскалывалась, а просвета не было видно. Планировалась очередная деловая встреча. Именно в этот момент в его кабинет с чашкой кофе вошла секретарь, а следом за ней — ворвалась Влада. Вид у нее был уставший, волосы, заплетенные в косу, растрепались, одета она была так, будто только что с дороги. С порога она бросилась к Игнату и обняла так крепко, словно они не виделись вечно.

— Игнат Константинович, у вас все в порядке? — поинтересовалась секретарь, которая видела фото новой девушки на столе шефа.

— Все хорошо. Можете идти, — махнул рукой Игнат, не отпуская возлюбленную.

— Привет. Как ты? — мягко спросила она, глядя в его усталые янтарные глаза.

— Рад тебя видеть, но почему ты здесь? — Игнат слегка улыбнулся и поцеловал ее. Он и сам выглядел немного потрепанным, чувствовалось, что в офисе с раннего утра и едва ли успел перевести дух от предыдущей встречи.

— Я звонила тебе, но ты не брал трубку. У меня есть кое-что для тебя, — сказала Влада, спешно ставя на стол дорожную сумку. — Открывай. Надеюсь, это поможет.

— Что это? Подарок? — спросил Игнат, настороженно взглянув на нее.

Он расстегнул молнию на сумке и застыл. Внутри лежали деньги, — пачки купюр в разной валюте и стопка банковских карт.

— Пожалуйста, возьми, — взволнованно сказала девушка. — Я хочу спасти твою компанию. Как ты однажды спас меня. Я понимаю, что наличных не хватит, но тут есть доступы к банковским счетам отца, на которых должны быть все необходимые суммы.

Игнат несколько секунд молча разглядывал содержимое сумки.

— Откуда у тебя такие деньги? — наконец выдавил он, не отрывая взгляда от Влады. — Ты хотя бы понимаешь, как опасно возить с собой такие суммы?

— Сейчас это не важно! Главное, что они могут тебе помочь, — настаивала девушка, не понимая его реакции.

— Нет, важно, — Игнат поднял глаза. — Тебе придется объясниться.

Влада кратко рассказала, как узнала от Мэри об утечке и проблемах компании, как полетела в город, где жила с Вальзером. Она знала, где ее отец спрятал деньги, и решила воспользоваться ими, чтобы помочь Игнату. Он слушал, не перебивая, но его лицо оставалось непроницаемым. Когда она закончила, он медленно закрыл сумку и отодвинул ее от себя.

— Единственное, чем ты можешь помочь, — продолжил Игнат, — это просто верить в меня. Сейчас тебя отвезут в особняк. Вот код от сейфа. Убереешь деньги и карты туда. Возить такую сумму одной — безумие.

Его взгляд был суровым, но в нем мелькнула тень нежности. Влада молчала, не понимая, почему он отказывается от помощи.

— Игнат, бери деньги. Ты должен спасти бизнес ради себя, близких, своих сотрудников. Ради нас.

— Я не могу взять деньги у своей девушки, — твердо сказал Игнат.

— Значит, я напрасно рисковала? — с отчаянием в голосе произнесла Влада. — Подумай, что будет с твоей командой, если ты не сможешь выкарабкаться? Очень быстро ты начнешь сокращать сотрудников, которые верили в тебя и всегда тебя поддерживали. Не забывай, что за каждым из них стоит семья, дети... — Влада тяжело вздохнула и использовала последний аргумент. — А что будет с твоим отцом? Его сердце выдержит такой удар?

— Влада, я не могу взять эти деньги. — Голос Игната дрогнул. Сейчас он принимал непростое для себя решение.

Около минуты они молча смотрели в глаза друг другу. Их противостояние затягивалось, и Влада, взяв себя в руки, решила, что Игнату нужно время, чтобы подумать и принять правильное решение. Грустно взглянув на него, она взяла сумку и направилась к двери, собираясь покинуть кабинет.

— Влада, стой, — засомневался Игнат, тревога за отца не давала ему покоя. Как и будущее его компании и нанятых им людей. — Хорошо, я возьму деньги, но в долг и на короткий срок, лишь пока не найду выход. Я верну тебе все в полном объеме в самое ближайшее время. Впервые принимаю помощь от женщины, тем более от своей девушки. То, что ты сделала, говорит громче любых слов. Спасибо тебе, любимая.

Игнат повернулся и мягко коснулся губами губ девушки, снимая напряжение между ними.

— Мои люди проводят тебя в особняк. Запланированная встреча в ресторане остается в силе. Я решил ничего не отменять, нужно хоть немного отвлечься. — Он снова поцеловал Владу, на этот раз долго и откровенно, а затем добавил: — Спасибо, что решила помочь мне, я ценю это.

— Хорошо, мне и правда нужно переодеться с дороги, — кивнула Влада. — Игнат, ты помнишь, что нам нужно еще с тобой поговорить? — с мольбой в голосе произнесла она.

— Влада, закончу дела, а вечером поговорим в ресторане. Тебя туда отвезет водитель, а я приеду сам.

Еще пару мгновений он продолжал ее обнимать, мысленно раздевая, но вскоре им пришлось попрощаться. За Владой пришел водитель, и они вместе покинули кабинет, а Игнат спрятал сумку в сейф и задумчиво смотрел вслед ушедшей девушке. А затем вернулся к рабочим делам, пытаясь сосредоточиться на предстоящих переговорах. Неожиданно дверь кабинета снова приоткрылась, впуслав полосу холодного света. Игнат даже не сразу обратил внимание — был погружен в документы, явно стараясь закончить работу прежде, чем начнется очередная встреча.

Когда он все же поднял голову, перед ним стояла Алекса. Как всегда, безупречно одетая: черный приталенный пиджак и строгие брюки такого же цвета. Она тихо, почти неслышно, прикрыла дверь, отрезав их от остального мира, и сделала несколько шагов к Игнату. Ее взгляд был печальным, под глазами залегли тени, которые она тщательно пыталась скрыть макияжем.

— Я хотела тебя увидеть, — произнесла она, не отводя взгляда. — Соскучилась.

Игнат не удивился ее появлению. Он знал, что рано или поздно она попытается поговорить и так просто его не оставит, и пожалел только об одном — что не успел сказать охране: для Алексы двери его кабинета теперь закрыты.

— Уходи, — сухо произнес Игнат.

— Нет. Я хочу поговорить.

Алекса приблизилась к нему, ее пальцы осторожно коснулись его лица, скользнули по щеке, по шее.

— Остановись! — Голос Игната звучал хрипло, и он попытался вывернуться.

— Я люблю тебя. Я научилась ждать. Я приму тебя любым, — шептала Алекса, пытаясь обнять его, она почти касалась губами его щеки. — Я тебя не отдам. Никому. Никогда. Ты слышишь? Мне никто не нужен.

Игнат резко отстранился, чувствуя, как нарастает раздражение. Он оттолкнул ее руки, показывая, что ее прикосновения ему неприятны.

— Алекса, прекрати.

— Я слышала ужасные новости. Как это могло произойти, Игнат? — Она пыталась переключить его внимание на другую тему, ее голос наполнился мнимой заботой. — Наша семья готова помочь. Понимаешь, несмотря ни на что. Даже если ты разорвал нашу помолвку. Это ничего не значит... — Она запнулась, преданно глядя на него, и едва слышно добавила: — Потому что я люблю тебя. Всегда любила.

Игнат хотел что-то ответить, но Алекса не собиралась останавливаться.

— Да, я хотела отомстить Яре. Но я не могла знать, что все так закончится...

— Уходи, Алекса. — В его голосе слышалась усталость. — Я не люблю тебя. И не могу быть с тобой. Ты умная, красивая. Найдешь того, кто будет тебя ценить. Но между нами все кончено.

Девушка расплакалась, а Игнат поморщился. Ее слезы почему-то дико раздражали, а слушать женские истерики — последнее, чем он хотел заниматься сегодня.

— Я просто мечтала быть с тобой. Быть счастливой. А ты выбрал ее. — Алекса продолжала стоять перед ним, но уже больше не пытаясь прикоснуться. Она была похожа на сломанную куклу, красивую, но уставшую и какую-то неживую.

— Алекса, сейчас не время для твоих драм, — твердо произнес он. — У меня проблемы, и последнее, что мне нужно, это твои слезы.

— Это из-за нее, да? Из-за Влады? Она вскружила тебе голову? — Ее голос надломился, а затем в нем появилась злость.

— Да. Я люблю ее, — спокойно и уверенно ответил Игнат.

Его слова были для Алексы как пощечина. Но Игнату было плевать. Ему противно было находиться рядом с девушкой, на которой он чуть не женился, и которая обманывала его столько лет. Лучше бы она вообще не приезжала в его офис и больше никогда не показывалась ему на глаза.

— Да ты даже не знаешь, кто она такая! — Голос Алексы наполнился ядом. — Как она жила до того, как попала к Вальзеру. Ты всегда был слепым, Игнат! Неужели ты не понимаешь, кто стоит за твоими проблемами?

Он молчал, глядя на нее холодно и отстраненно. Уже собирался выставить Алексу за дверь, но ее последняя брошенная фраза заставила его остановиться.

— Думаешь, я тварь, из-за которой умерла твоя Ярочка? Посмотри вокруг! У тебя в окружении крыса. И это не я. Как говорится, яблочко от яблони... Ты ведь сам презирал таких, как ее папаша. И что теперь? Поверил сказкам?

Игнат напрягся, но ничего не ответил. Слова эхом отдавались в голове, но он знал одно: Влада — его выбор. И он не собирался ничего менять.

— Что ты хочешь сказать? — Игнат сорвался, голос его зазвенел от злости.

— Присмотрись к своей Владочке, — язвительно начала Алекса, глядя ему прямо в глаза. — Она не та, за кого себя выдает. Наверняка это она слила документы и подставила тебя. Ты знаешь, какой образ жизни она вела? Откуда у нее такие деньги?

— Замолчи, — резко оборвал он, голос стал холодным. — Не смей так говорить. Ты специально пытаешься вывести меня из себя. — Он вскочил из-за стола и шагнул ближе, вцепившись ей в плечи, встряхнул ее. — Откуда ты знаешь про деньги? Подслушивала?

Алекса не испугалась, только усмехнулась, глаза сверкнули вызовом.

— Да, подслушивала. Твоей секретарши не было на месте, а вы так ворковали, что даже не заметили, как я открыла дверь, — бросила она и продолжила с иронией: — Не боишься повторить судьбу отца?

Взгляд Игната стал ледяным. Он резко оттолкнул ее.

— Пошла вон, — произнес он четко, по слогам, удерживая каждое слово на грани ярости. — Выметайся и забудь дорогу ко мне. Я не намерен тратить время на твои бредни. Ты еще хуже, чем я мог себе представить.

Алекса замерла, глаза снова наполнились слезами, но она не сдавалась.

— Ты пожалеешь. — В ее тихом голосе звучала неприкрытая угроза. — Подумай еще раз. Я даю последний шанс. Иначе мы утопим тебя. И не забывай про неустойку за срыв свадьбы.

С этими словами она развернулась и вышла, оставив за собой тягостную тишину. Игнат сжал кулаки, чувствуя, как злость буквально распирает его. Серьезно? Эта лицемерка все еще изображает жертву, а теперь пытается обвинить Владу?

Он попытался сделать глубокий вдох, успокоиться. Но внутри все кипело. Игнат понимал, что ему нужно взять себя в руки. Впереди важная встреча.

Но даже при этом мысль о Владиславе, о ее доверии не покидала его. Он знал, кому верить. И не собирался позволять Алексе разрушить то, что для него стало по-настоящему важным.

Глава 42. Под подозрением

Когда я вернулась в особняк, меня, оказывается, уже ждали. Служба безопасности Игната проводила проверку всех, кто контактировал с ним накануне сделки. Поскольку он приезжал в особняк и работал в своем кабинете, под подозрение попали все обитатели дома: персонал, я и Мэри.

Мачеха, надув губы, сидела в гостиной, с нескрываемым раздражением отвечая на вопросы сотрудников безопасности. Ей явно не нравились возникшие ограничения. Она упрекала их, что так к гостям не относятся.

— Это уже ни в какие рамки, — возмущалась она, жеманно взмахивая руками. Мэри паясничала и делала это от души. — Вы что, думаете, я прятала у себя в комнате секретные документы?

Меня тоже попросили остаться и рассказать о событиях того дня. Мне нечего было утаивать, и я честно рассказала все, как помнила: встречу с Игнатом, когда он приехал, нашу прогулку в саду во время его короткого перерыва в работе.

— Владислава Ильинична, получается, Игнат Константинович покидал свой кабинет и вместе с вами находился за территорией дома? — уточнил один из сотрудников.

— Так и есть, — подтвердила я, сохраняя спокойствие.

— Кто в это время оставался в доме?

Вперед вышла Ольга Павловна.

— Я готовила ужин и видела в окно, как молодые люди гуляли в саду.

Мэри, все это время наблюдавшая за происходящим с явным нетерпением, наконец подняла руку.

— Ну, я была дома, — произнесла она, глядя на охранников с легким презрением. — И что? Влада тоже возвращалась домой, когда Игнат оставался на террасе.

Ее тон был колючим, а взгляд недобрый. Я почувствовала скрытый намек в ее словах. Сотрудники службы безопасности переглянулись.

— Вы действительно возвращались в дом, Владислава Ильинична? — уточнили они.

— Да, я возвращалась. Мне позвонили, — ответила я, стараясь сдержать дрожь в голосе.

— Вы можете назвать, с кем разговаривали?

— Я беседовала с Марком Полянским.

— Между прочим, это ее жених, — резко вставила Мэри, хотя ее никто не спрашивал. — А его дядюшка — бандит, Станислав Далевский.

Эти слова прозвучали как взрыв. Охранники быстро что-то записали, вновь переглянувшись. Имя было им явно знакомо.

Я с недоумением посмотрела на Мэри. У меня возникло четкое ощущение, что она меня топила, обвиняя в том, к чему я не причастна. Зачем? Тут явно что-то было нечисто. Неспроста она так рвалась покинуть дом сразу после новостей о проблемах в компании Игната.

— Кто-нибудь слышал ваш разговор? — спросил второй сотрудник, не отрывая взгляда от блокнота.

Когда я говорила с Марком, в гостиной никого не было. Я замешкалась, и Мэри, не дав мне вставить и слова, снова выступила. Она откинулась на спинку кресла и, скрестив руки на груди, хмыкнула:

— Да, я слышала. Хотя и случайно, конечно, — сказала она с наигранной небрежностью. — Ее женишок явно спрашивал про какое-то дело. И Влада ответила, что сделает это при первой возможности.

Я похолодела от ужаса. В моей душе все кричало — ложь, она неверно меня поняла. Я действительно произносила эти слова, но они были вырваны из контекста и касались не кражи документов.

— Я говорила о другом, — тихо возразила я, пытаясь оправдаться, но сама чувствовала, как неубедительно это звучит.

Все присутствовавшие, казалось, смотрели на меня и ждали, что я скажу дальше.

— Где вы находились во время телефонного разговора? — сотрудник службы безопасности пристально посмотрела на меня, задавая этот вопрос.

— В гостиной, — ответила я, стараясь говорить спокойно.

— Кто-то может это подтвердить?

Ольга Павловна отрицательно покачала головой, а я заметила, как Мэри усмехнулась.

— Охранника Павла сегодня нет, у него выходной, — продолжила горничная, — но он мне говорил, что видел, как кто-то заходил в кабинет Игната. Вроде это была женщина.

Мое сердце ушло в пятки.

— Я услышала шаги и заглянула в кабинет, но внутрь не заходила, — поспешно объяснила я, чувствуя, как голос предательски осекся.

— Вы кого-то заметили?

— Нет. В кабинете я никого не увидела. Скорее всего, мне просто послышалось. Но в холле я столкнулась с Павлом.

Сотрудники службы безопасности ненадолго замолчали, а потом один из них объявил:

— Просим всех, кто находился в тот вечер в доме, сдать телефоны на проверку. Это займет некоторое время. Предупреждаем, что никто не может покидать территорию до завершения расследования.

— Хотя бы в свою комнату можно? Телефон там, — раздраженно фыркнула Мэри, закатив глаза.

— Да, можете пройти, — вежливо ответил охранник.

Я подняла голову и попросила:

— Прошу проверить мой телефон первым. У меня встреча с Игнатом Константиновичем. Сотрудник кивнул с видимым уважением.

— Шеф предупредил нас. Водитель отвезет вас в ресторан.

Мэри, все еще недовольная происходящим, поднялась первой. Со злобой посмотрев на меня, она направилась в свою комнату, выражая раздражение каждым движением. Я последовала за ней. Нам нужно поговорить. И я не дала ей войти в комнату, остановив ее в дверях:

— Зачем ты это делаешь? — резко спросила я. Эмоции захлестывали, и сдерживаться больше не было сил.

Мэри обернулась, ее лицо выражало самое невинное непонимание.

— Делаю что? — протянула она, притворяясь.

— Ты пытаешься выставить меня виноватой! — Я старалась говорить твердо, но внутри у меня все клокотало.

— Собирайся в свой ресторан, — отодвинув меня в сторону, Мэри прошла мимо и захлопнула дверь прямо перед моим носом.

Я поджала губы, но тратить время на разборки больше не могла. Вдохнув поглубже, развернулась и прошла к себе.

На кровати лежал чехол с платьем. Игнат позаботился о том, чтобы у меня была одежда на вечер. Я расстегнула молнию, кончиками пальцев провела по гладкой ткани и осторожно надела его. Платье оказалось безупречным. Легким, струящимся, будто сшитым по мне. Ткань мягко скользила по телу, подчеркивая фигуру, и с каждой секундой я чувствовала, как внутри рождается странное, почти забытое ощущение — уверенность. Я быстро подвела глаза, нанесла немного румян и уложила волосы. Уже собираясь выйти, остановилась у зеркала.

Девушка в отражении смотрела на меня цепким взглядом. Прямая осанка, точеные черты лица, мягкий изгиб губ, чуть вздернутый нос, темные волнистые волосы, спадающие на плечи. Никогда не думала, что начну привыкать к чужому отражению в зеркале.

Кто я? Я — Ярослава! Безумно влюбленная в одного-единственного человека!

Глава 43. Вместе мы справимся

Серж собирался поговорить с Игнатом о своем расследовании. Он прокручивал в голове детали, обдумывая, как лучше все рассказать другу. Но его размышления прервал звонок отца.

— У Елецких крупные проблемы с бизнесом, — коротко сообщил тот и вкратце поведал детали случившегося, скинув сыну ссылки на последние статьи.

— Жесть, — тихо выдохнул Серж, заканчивая разговор.

Какого черта Игнат не рассказал ему об этом? Почему не попросил помощи? Серж знал, что его средства сейчас практически полностью в обороте и быстро вывести крупную сумму будет сложно. Но попробовать был обязан. С этими мыслями он набрал номер друга.

— Привет, дружище. Не хочешь поделиться новостями? Или ты уже охладел ко мне и перестал делиться секретами? — начал он с легкой укоризной.

— Не начинай, Серый, — устало отозвался Игнат. — Я и так вечно плачусь тебе в жилетку. Надо же иногда самому решать проблемы.

— Выкладывай, что стряслось, — не отступал Серж.

Игнат тяжело вздохнул и начал рассказывать про утечку информации, проверку сотрудников и безрезультатные попытки найти виновного.

— Мы так и не поняли, кто слил информацию. Проверили всех, кто имел доступ, но улики нет, — закончил он с заметным напряжением в голосе.

Серж нахмурился.

— А ты сам? — уточнил друг после паузы.

— Что сам? Думаешь, я слил инфу конкурентам? — невесело усмехнулся Игнат.

— Нет. Где ты был в это время? Может, оставлял документы без присмотра?

Игнат замолчал, обдумывая вопрос.

— Да я нигде толком не был. Офис, квартира, один раз заезжал в загородный дом. Был с Владой. Да нет, это исключено. Она моя девушка. Зачем ей это делать? — Задумчивым тоном произнес Игнат и добавил: — Уверен, кто-то подкупил сотрудников.

Серж внимательно слушал, не перебивая, но в душе что-то екнуло.

— Я постараюсь что-нибудь придумать, — наконец ответил он. — Ты знаешь, что всегда можешь рассчитывать на меня. К вечеру скажу, какими суммами располагаю.

— Ты не обязан, но я очень ценю, — поблагодарил его Игнат. — Спасибо, Серж, но я правда занят, и мне надо бежать.

Они быстро попрощались. Серж еще долго сидел, задумчиво глядя перед собой. Он хотел рассказать другу о расследовании, но сдержался. Игнату и так сейчас тяжело. Ему нужно сосредоточиться, чтобы спасти бизнес. Серж вздохнул. Позже. Он расскажет все позже.

Глянул на часы: скоро должна прийти Стеша.

Приглашение ее не удивило, но приятно взволновало. С каждым разговором, с каждым свиданием между ними росло притяжение. Личных встреч было немного, но это не мешало чувствовать, что они знают друг друга довольно хорошо. И это ощущение росло, укореняясь в их сердцах. Стеша не боялась, что Серж может позволить себе что-то лишнее. Честно говоря, ей даже хотелось, чтобы он переступил невидимую грань. Но она точно знала: если скажет «нет», он спокойно примет ее отказ и не станет давить. Рядом с ним она чувствовала себя в полной безопасности. Она не могла припомнить, с кем еще ей было бы так же комфортно и уютно рядом. Поэтому, получив приглашение приехать к нему, согласилась без раздумий.

Настроение у Стеши, когда она звонила в домофон, было весьма игривым. Но при виде Сержа улыбка сменилась тревогой. Он выглядел уставшим и опустошенным. Это был не тот уверенный и жизнерадостный парень, которого она знала. Сейчас он напоминал лишь бледную версию самого себя. Даже его радостная улыбка при появлении Стеши не спасала ситуацию.

— Ты заболел? — обеспокоенно спросила она.

— Нет, со мной все в порядке. В физическом плане, — ответил он. — Проходи, сейчас все расскажу.

Серж притянул ее к себе, заключив в крепкие объятия, и глубоко выдохнул, будто только ее присутствие могло вернуть ему силы. Стеша обняла его в ответ, чувствуя, как сильно он нуждается в поддержке.

— Рассказывай скорее, пока я не начала паниковать! — попросила она, нежно поглаживая его по щеке. — Ты выглядишь так, словно весь мир держится на твоих плечах.

Серж молча провел ее в комнату, где они удобно расположились на огромном мягком диване. Обычно Стеша любила разглядывать чужие квартиры, изучать обстановку, но сейчас ее волновал только он.

— Это будет долгий разговор, солнце, — начал он, разглядывая ее лицо с такой теплотой, словно она была его единственным источником света. — Если честно, не знаю, с чего начать. Новости, которые я узнал за последние несколько дней, кажутся мне настоящим безумием. Я беспокоюсь, как ты на них отреагируешь. Но я больше не могу все это держать в себете, что накопал.

Он ласково поправил прядь ее волос, словно сам не осознавая, как постоянно хочет касаться ее. И Стеша чувствовала то же самое.

— Ты пугаешь меня все больше. — Ее голос дрогнул, а в глазах мелькнула тревога. — Говори как есть. Я справлюсь.

Серж сделал паузу, собираясь с мыслями.

— Все началось, когда Игнат познакомился с одной девушкой, которая вскружила ему голову. Ты знаешь, после смерти Ярославы он не был таким. Никогда. А тут... — Серж на мгновение отвел взгляд. — Он вел себя как одержимый. Когда он встретил Владу, она напомнила ему Яру. Очень сильно. Он не мог выбросить ее из головы. Но в ее истории была какая-то тайна, которую я решил раскрыть ради друга.

Стеша молча слушала, не отрывая от него взгляда.

— Так я вышел на Стаса Далевского. Помнишь, я говорил тебе, что не могу найти о нем информацию, а ты посоветовала поднять архивы?

— Помню, — вспоминая кивнула она. — Но пока не понимаю, куда ты клонишь. Подожди... Иван Степанович, который видел аварию, тоже говорил про Стаса Далевского? — внезапно воскликнула она.

— Да, — подтвердил Серж. — Сначала я вышел на Стаса, которому поручили найти Владу. Затем появился свидетель, указывающий тоже на него. Я понимал, что за этим всем кроется что-то большее, но не мог сложить все детали пазла. Поэтому нанял частного детектива. Он следил за домом Стаса и присылал мне фото. — Серж на секунду замолчал, а затем протянул ей фотографию, лежавшую на столике. — Я увидел вот это.

Стеша взяла снимок в руки и оцепенела. На фото она узнала лицо, которое никогда не надеялась увидеть снова.

— Этого не может быть! — Стеша прижала ладонь к губам, ее глаза широко распахнулись, то ли от ужаса, то ли от шока. — Это невозможно!

— Я тоже так подумал, — тихо ответил Серж, осторожно взяв ее за руку, чтобы успокоить. Или чтобы самому почувствовать себя увереннее. В его глазах читалась тревога, которую он старался скрыть. — Но после этого фото я не мог остановиться.

Он рассказал, как проник в логово Стаса, как встретил Елену, как она потом позвонила ему. Слова Сержа были для Стеши громом среди ясного неба. Сознание отказывалось принимать информацию.

— Где сейчас Елена? — выпалила она, перебив его. — Она сказала, что с Ярой? Игнат обо всем знает? Что нам делать? — Вопросы сыпались один за другим, словно ее разум отчаянно искал хоть какое-то объяснение.

— Игнат пока ничего не знает, — помрачнев, покачал головой Серж. — Все сложно. Я не рассказывал ему о своем расследовании, потому что у меня не было ничего конкретного. Да и сейчас мы толком ничего не знаем. К тому же... у Игната большие проблемы. — Он провел ладонями по лицу, закрыв глаза, чтобы собраться с мыслями.

— Что произошло? — сдавленным голосом шепнула Стеша, у которой в глубине души появилась крошечная искра надежды.

— Игнат пошел на крупную сделку, — напряженно начал Серж. — Но произошла утечка информации. Его обвиняют в этом. Он попал на огромные деньги. Настолько огромные, что о таких суммах не говорят вслух. У меня есть предположение, кто слил информацию, но доказательств пока нет. И как я могу сказать ему о своем расследовании, если ничего толком не известно? — Он тяжело вздохнул. — Завтра утром я встречаюсь с Еленой. Надеюсь, она расскажет всю правду... — Серж замолчал, задумчиво уставившись в пол, но через несколько секунд продолжил: — А еще завтра вечером Игнат пригласил нас в ресторан познакомиться с его девушкой Владой.

Он провел рукой по волосам, еще сильнее взъерошив их.

— Я даже боюсь предполагать, что расскажет Елена. Жива ли Ярослава? И как потом сообщить эти новости Игнату? А если Яра жива? Как найти подходящий момент, чтобы сказать ему, что любовь всей его жизни, которую он похоронил шесть лет назад, на самом деле не умерла? Как это сказать? «Привет, рад познакомиться с твоей новой девушкой. Кстати, Яра жива, но я понятия не имею, где она и что с ней?» Звучит как полный бред. Он снова замолчал, на этот раз надолго.

— Серж, у меня в голове не укладывается все, что ты мне рассказал, — выдохнула Стеша, поднявшись с места. — Можно я открою окно? Мне нужно немного свежего воздуха. Это слишком. Я не справляюсь с эмоциями.

Она подошла к окну и распахнула его. В комнату хлынул прохладный легкий ветерок, растрепав ее и без того непослушные волосы. Девушка задумчиво смотрела на ночной город. Темно-синее небо словно сливалось с огнями большого мегаполиса и вместе они создавали бескрайний звездный океан. Один на двоих. Ее мысли метались, как листья на ветру. В голове все перемешалось: Елена, детектив, новая девушка Игната... А если это правда? Что тогда? Она услышала легкий шум за спиной. Обернувшись, увидела, как Серж ставит виниловую пластинку в проигрыватель. Через мгновение по комнате разлилась успокаивающая музыка. Серж взглянул на нее, его лицо стало чуть мягче, а в глазах появилась теплая, едва заметная улыбка.

— Просто дыши, солнце, — заботливо сказал он. — Мы справимся. Вместе. Иногда, когда я очень устаю и мне нужен отдых, то включаю проигрыватель и позволяю своим мыслям свободно плыть, — тихо произнес Серж, глядя на Стешу. — Это не медитация, но что-то около того. Расслабься немного, Стефания.

Он подошел ближе, обнял ее, и они начали покачиваться в такт музыке. Их объятия создавали ту самую близость, которую невозможно выразить словами. Им не нужны были разговоры — казалось, они знали друг друга всю жизнь.

Стеша повернулась и нежно поцеловала Сержа. Он ответил ей с той пылкостью, на которую был только способен. Ее губы, чувственные и страстные, пьянили его. Он на мгновение отпустил ее, слегка отстранившись, и посмотрел девушке прямо в глаза. Затем вновь перевел жадный взгляд на ее притягательные губы, запустил одну руку в волосы, а другой сильнее притянул к себе для нового поцелуя.

— Солнце, ты забрала мою боль, — шептал он ей.

— Мы поделили ее пополам, — отвечала ему Стеша, обнимая его за плечи.

Она чувствовала его, ощущала его боль от событий последних дней и смогла, хотя бы частично, забрать ее себе.

— Ты действуешь на меня успокаивающе, — произнес Серж, все еще не отпуская ее из объятий. Его голос был низким, чуть хриплым, каждое слово рождалось прямо в глубине груди. — Мне с тобой... хорошо. Так, как никогда и ни с кем.

Раньше он никого не подпускал к своему внутреннему миру, всегда держал дистанцию. Решал проблемы сам и помогал решать проблемы близким, когда это было нужно. Но Стеша стала исключением, она была особенной. Девушка словно «читала» его невысказанные мысли, с ней не нужно притворяться, он мог просто быть собой. Он не хотел нагружать ее переживаниями, но знал: все, что касалось Ярославы, ей особенно дорого и близко.

— Я чувствую себя желанной, — отвечала ему Стеша, наслаждаясь объятиями.

Внутри у нее разлилось такое счастье, от которого хотелось улыбаться. С Сержем она ничего не боялась. Он стал ее опорой, ее человеком. А она — его.

Так они и стояли, не в силах оторваться друг от друга. Потом Серж предложил кофе. Пока он ходил на кухню, Стеша с интересом осматривалась: просторная гостиная в светлых тонах, огромный телевизор, на котором наверняка было удобно смотреть любимые фильмы, книжный шкаф с фото на полках. Она обязательно изучит все это позже, но сейчас ее внимание было приковано только к Сержу. За чашкой кофе они снова вернулись к разговору о расследовании.

— Я не представляю, как ты держал в себе такой груз, эти новости могут все изменить, — сказала Стеша, перебирая волосы Сержа пальцами. — Я бы точно сошла с ума.

— По-моему, я не очень-то и справился, — усмехнулся он. — Посмотри, какие круги у меня под глазами.

— Ты красивый даже с ними, — заявила она, чмокнув его в нос.

Гнетущая атмосфера, возникшая в начале их разговора, постепенно развеялась, оставив только легкую растерянность и желание действовать.

— Ты сказал, у Елены есть компромат на Стаса? — внезапно вспомнила Стеша.

— Да, завтра утром мы должны встретиться в клинике. Она передаст его моему человеку. Я сам не могу светиться, чтобы не привлекать внимания, — сосредоточенно ответил Серж.

— Давай я схожу? — предложила Стеша, ее глаза горели решимостью.

— Нет, это слишком рискованно. — Серж сразу отклонил ее предложение. — Пойдет человек из агентства. Это опасно, Стефания, — уже мягче добавил он.

— Но я могла бы помочь. Елена меня сразу узнает. Ей не придется ничего объяснять, — настаивала девушка. — Я справлюсь, правда, милый.

Она попыталась изобразить умоляющий взгляд кота из «Шрека», и Серж рассмеялся, хотя и покачал головой.

— Не уверен, что это хорошая идея, — тяжело вздохнул он.

— Ну, пожалуйста! — умоляла Стеша.

Спор продолжался еще какое-то время. Они взвешивали все «за» и «против», пока он, наконец, не сдался.

— Ты упрямая, — покачал он головой, — но это одна из причин, почему ты мне так нравишься.

Было уже поздно, и Стеша осталась у Сержа. Усталость взяла свое — она уснула почти мгновенно.

А вот Серж долго не мог погрузиться в сон. Он сидел рядом, смотрел на нее и думал обо всем, что произошло в последнее время. Но все его мысли снова и снова возвращались к ней — Стефании.

Когда во сне она тихо всхлипнула, Серж вскочил, чтобы укрыть ее и уберечь хрупкий сон. Он видел, как тревожно она спала, но постепенно успокаивалась, и его сердце наполнялось

нежностью. Он поправил выбившуюся прядь волос, коснулся плеча, чтобы убедиться, что она рядом и с ней все хорошо.

Серж приготовил себе травяной чай, сел в кресло, продолжая смотреть на девушку. Какая же она родная, близкая. Его. Только его.

Парня вновь охватило трепетное волнение к этой девочке. Он вспомнил их первую встречу после стольких лет разлуки. Какой она была невероятной! Ее взгляд сразу свел его с ума. Она поселилась в его мыслях, и он был этому рад.

Серж пообещал себе, что всегда будет заботиться о Стеше. Он станет для нее лучшим мужчиной, партнером и другом. Тем, кто сможет оградить ее от всех невзгод. Допив чай, он прилег рядом, стараясь не потревожить ее сон. И незаметно для себя уснул, чувствуя притяжение к ней.

Глава 44. Подстава

Продуманный Стасом план шел в точности так, как он рассчитывал. Документы всплыли там, где не должны были, а информационные платформы моментально растащили новость по своим каналам. Елецких поливали грязью со всех сторон. Стоимость акций их компании падала так стремительно, что, казалось, пробьет дно раньше, чем взойдет солнце. Стас мог бы ликовать. Все шло как по маслу. Вот только размазывал это масло не он. Его самого размазали и выкинули за шкирку подальше от кормушки. Потому что таким, как Стас, не позволялось сидеть за одним столом и кормиться вместе с такими, как Гордеев.

Гордеев исполнил план Далевого, но за его спиной. Хладнокровно. Нагло. И совершенно безжалостно кинул Стаса. Он даже не думал делиться тем, что должно было принадлежать только ему одному. А уж с ничтожеством вроде Стаса — тем более. Об этом он прямо заявил, когда тот позвонил, требуя объяснений.

— Ты на кого рот открыл? — властно выговаривал Гордеев. В его голосе звучало презрение, которое невозможно было не заметить. — Кто ты такой, чтобы я перед тобой отчитывался?

Стас молчал, стиснув зубы. В этот момент в кабинет вошел Марк. Разгневанный Стас махнул ему рукой. Его жест означал «Пошел вон!» Марка заинтересовало, что происходит, и он, удаляясь, неплотно закрыл дверь, подслушав унижительный для Далевого разговор.

— Ты шестерка. Ничего стоящего сделать не можешь, даже Вальзера нормально убрать. Только и умеешь, что девок подкладывать. — В голосе Гордеева звучало отвращение. — Ты решил потягаться со мной? — продолжал он, не давая Стасу вставить ни слова. — Думал, что обыграл меня? Да таких, как ты, я щелкаю на раз. Думаешь, только ты можешь манипулировать людьми, записывая все на диктофон и снимая на камеры? Ты ошибся. У меня тоже есть кое-что на тебя.

Стас напрягся, но промолчал.

— Ты правда думал, что я просто так приехал к тебе в офис? — Гордеев усмехнулся, и эта усмешка звучала как приговор. — Какие дела я могу вести с тобой, плебей? Ты бандит по натуре. Был им и будешь. А с бандитами я не работаю. Пошел вон!

И прежде, чем Стас успел ответить, Гордеев бросил трубку.

Стас замер. Его обыграли. Стас понял это. Вроде бы все предусмотрел, просчитал, но его обвели вокруг пальца. И кто? Гордеев, «честный» бизнесмен благородных кровей. Проигрывать Стас Далецкий не любил. И не прощал тех, кто обходил его.

— Ты поплатишься за это, — прошипел он, чувствуя закипающую ярость. — Как же ты поплатишься! Я разрушу всю твою империю. Передо мной на коленях ползать будешь!

Стас приехал в свой коттедж в Андреевке, собираясь забрать компромат из сейфа. Еще никто из подчиненных не видел его таким. От одного взгляда все разбегались. Он шел, сметая все на своем пути. Администратор, встретившая его с улыбкой, резко отпрянула в сторону, застыв с открытым ртом.

— Вон пошла, тварь! — зарычал Стас, не сбавляя шага.

Он ворвался в кабинет и хлопнул дверью так, что окна задрожали. — Вы все поплатитесь. Все! — бубнил он сквозь зубы, размахивая руками и сбрасывая с полок бумаги.

Пальцы не слушались его, тряслись, когда он открывал сейф. Но через мгновение Стас замер. Лицо исказилось сначала от непонимания, потом от шока.

Флешки не было. Той самой флешки, на которой был записан разговор с Гордеевым, просто не оказалось. Стас не поверил своим глазам. Его злоба превратилась в жгучую ярость. Это был удар, которого он не ожидал.

— Что?! — истошно завопил Далецкий, ударив кулаком по столу так, что бумаги разлетелись во все стороны. — Кто взял? Кто посмел?

Он рухнул в кресло с таким грохотом, что дрогнуло все вокруг.

— Убью. Всех урою!

Стас до боли сжал кулаки, дыхание становилось все более прерывистым. Как? Как из его сейфа могла пропасть такая важная вещь? Он не мог осознать, что происходит. Кто посмел это сделать? И главное как?

Первым делом он бросился к монитору, чтобы просмотреть записи камер наблюдения за последние дни. Лихорадочно прокручивая видео, он надеялся найти хоть малейший намек на виновного. Но ничего подозрительного там не было. Пусто. Стас заорал, вызывая помощника. Тот прибежал через минуту, явно не зная, чего ожидать.

— Пропала! Пропала! — только и повторял Стас, как заведенный.

— Что случилось? — переспросил помощник, стараясь сохранять спокойствие.

— Что случилось?! Да у меня под носом, в моем доме завелась крыса! — рявкнул Стас, хватая помощника за грудки и грубо встряхивая. — А ты? Ты где был? Почему не уследил? Может, это ты сделал? Все против меня, решили меня убить?! Не выйдет! — Его глаза метали молнии. — У меня много чего есть на каждого из вас. Вы у меня вот где!

Он по привычке потряс кулаком в воздухе, но выглядело это скорее жалко, чем угрожающе. Помощник устало вздохнул, ему порядком надоели выходки хозяина. Столько лет вместе. Сколько лет он пахал на этого человека. Сколько грязной работы сделал за него. А благодарности — ноль. *«Сам бы тебя придушил, урод. Всех достал»*, — пронеслось в голове у помощника.

— Объясните толком, что случилось, — процедил он сквозь зубы.

— Всех проверить! Все камеры! Кто был здесь за последние время! О каждом мне доложить, — угрожающе прошипел Стас. — И отвечаешь головой.

Помощник кивнул, с трудом сдержав раздражение, и поспешил уйти. Оставшись один, Стас закрыл глаза и начал прокручивать в голове события последних дней. Он восстанавливал в памяти всех, кто приходил к нему, каждую деталь разговоров. Кто мог? Кто посмел? И вдруг его мысли обожгла догадка.

— Вот тварь... Не Влада ли это? — прошипел он сквозь зубы.

Он ринулся к сейфу и начал искать флешку с компроматом на нее. Но и ее не было.

— Где флешка?! — закричал Стас, брызгая слюной от ярости. — Как эта девка смогла? Нет... Она не могла. Хотя... — Он прищурился, словно размышляя вслух. — Ей явно был нужен помощник. Но кто? Мамашка? Или Марк? Неужели они спелись?

Он задышал яростнее, сжал кулаки так, что побелели костяшки, оперся о стол и завопил во всю глотку:

— Ленку ко мне! Живо!

За дверью застыла администратор. Бледная, с подкашивающимися ногами, она приоткрыла дверь и робко шагнула внутрь.

— Елену повезли к врачу... Вы... вы сами ее отправили, — пролепетала она, пятясь к выходу.

Не успела она договорить, как Стас схватил первое, что попало под руку, и швырнул в нее, благо девушка успела закрыть за собой дверь.

Стас заскрежетал зубами и набрал номер Марка. Гудки шли, но тот не отвечал. Неужели это правда он? Его выкормыш, так называемый племянник, которого он поднял со дна, пошел против него? Стас снова начал звонить, на этот раз Владе, но и она не брала трубку. Точно, это они. Марк еще тот умелец — мастер на все руки.

— Ну, держитесь, — прошипел Стас, его взгляд был полон черной ярости. — Я вам устрою представление. Никто не уйдет от моей мести.

В голове у него уже рождался новый план. Зловещий, коварный.

— Держись, Владислава, — слащаво улыбнулся он, глядя на свое отражение в зеркале. — У меня есть для тебя подарочек. Приготовил его заранее. Знал, что пригодится. — Он снова стиснул кулаки. — Значит, все против меня. Ну что ж... Всех утоплю вместе с собой. Все ко дну пойдут.

Его взгляд блуждал по комнате. Где они могут быть сейчас?

Потом он долго сидел, размышляя над ситуацией. Мысли тянулись тяжелыми нитями, оставляя чувство приближающегося конца. Неужели его время вышло? Раньше все было иначе. Ему везло. Столько раз везло, всегда выходил сухим из воды — во всех передерягах и в девяностых, и в нулевых, и в бесчисленных бандитских разборках. Он хитрил, крутился, как уж на сковородке, перед теми, кто сильнее. Давил тех, кто слабее. Всегда находил выход. Потом набрал силу, стал бизнесменом, уверенным, что ему подвластно многое. Но теперь все рушилось.

«Старею, — пронеслось в голове. Но вместе с этим пришла другая мысль. — *Но так просто я не сдамся*».

Стас вновь набрал номер Марка. После нескольких долгих гудков тот наконец ответил.

— Ты где шляешься?! — завопил Стас, едва услышав его голос.

— Что случилось? Я, как всегда, выполняю твои задания, — ответил Марк, стараясь не показывать раздражение.

— Почему не отвечаешь? — рычал Стас.

— Был занят, не смотрел телефон.

— Смотри у меня, — пригрозил Стас, его голос стал ядовитым. — А где наша Владочка, твоя невеста? Ты хоть знаешь? Ты же жених, рогатый! — Он смачно выругался, а потом рассмеялся с надрывом, словно пытался вывести Марка из себя. — Доставь ее ко мне. Немедленно!

— Она больше не моя невеста, и ты это прекрасно знаешь, — холодно ответил Марк. Голос сорвался, в нем звучал вызов. — И я не собираюсь на ней жениться. Хватит на меня наезжать, Стас. Свою часть договора я выполнил. Работал на тебя как проклятый. Думал, всегда будешь об меня ноги вытирать? Теперь будем на равных.

Стас замер.

— И, кстати, у Влады помолвка, — с нарочитой небрежностью добавил Марк.

— Что ты сказал, сосунок? — прошипел Стас.

Но Марк уже сбросил звонок. Стас вскочил. Его глаза метались по комнате, как у загнанного зверя. Теперь он знал, как действовать.

Марк многое повидал в жизни. Он умел лавировать между своими и чужими, всегда извлекая для себя пользу. Со Стасом он был одним, с Владой — другим. Мастер приспосабливаться благодаря тяжелому детству, когда выживание зависело от того, что и кому ты скажешь.

Когда отец, Стас, забрал Марка к себе, парень окончательно возненавидел его. Презирал за отношение к себе и к матери. Но умел скрывать это так хорошо, что Стас ничего не подозревал. Парень слушался, выполнял поручения, но лишь ради того, чтобы втереться в доверие. Про себя же он давно строил планы, как вырваться из лап Далевского. Он ненавидел его.

Марк видел, как Стас расправляется с людьми, особенно со слабыми. Как опускает беззащитных, давит женщин, которые не способны дать отпор. Своих же хозяев он боялся, лебезил перед ними. Однако за их спинами делал все, чтобы подставить. И подставлял изоощренно. Марк тоже хотел быть сильным, властным, умело управлять людьми. Но идти по трупам, как Стас, он не мог. Это было не в его природе.

Парень был умен и эрудирован. Благодаря Стасу получил хорошее образование и надеялся на большее, чем «принеси-подай». Он мечтал о своем бизнесе. Но Далевский привязал его к себе, заставил работать силой, сделав частью грязной системы.

Такая работа парню была не по душе. Он стремился вырваться на волю. И сейчас все менялось. Марк понял, что эра Стаса подходит к концу. Он чувствовал это и больше не боялся.

Елена передала компромат, который имел на него Стас. Ей невероятно повезло, что она смогла получить доступ к сейфу Далевого и, помимо материалов на Гордеева, забрала конверты с флешками, подписанными именами Влады и Марка.

Теперь Марк мог получить долгожданную свободу. Он и раньше строил планы, как уничтожить дискредитирующие его улики, но не было подходящего момента, чтобы не вызвать подозрений. Сейчас все сложилось идеально.

Далевский недооценил своего сына. Подслушав разговор с Гордеевым, Марк понял, что Стасу пришел конец. Теперь он ослаб, что давало Марку возможность сделать свой ход. Теперь его руки были «развязаны».

Глава 45. На грани

Серж и Стефания подъехали к клинике, где была назначена встреча с Еленой, задолго до назначенного времени. Заметив, как Стеша нервничает, Серж предложил отвлечься.

— Пока есть время, давай попробуем разобраться с кражей документов у Игната, — предложил он.

Девушка охотно согласилась. Они набрали номер Ольги Павловны в надежде узнать что-то полезное.

— Нас уже опрашивала служба безопасности, — ответила домоправительница. — Я сказала, что ничего не видела и не знаю. Не помню ничего подозрительного. В тот день, когда приезжал Игнат Константинович, они с Владиславой сначала были в кабинете, а потом гуляли по саду.

— А где была Мэри в это время? — уточнил Серж, прищурившись.

— Я ее не видела, — призадумавшись, ответила Ольга Павловна. — Я была занята ужином.

— Кто еще находился в доме? — продолжил задавать вопросы Серж, стараясь не упустить ни одной детали.

— Охранник заглядывал на кухню выпить чаю, — вспоминала женщина. — Он рассказал, что видел, как какой-то женский силуэт мелькнул в коридоре возле кабинета Игната. Когда нас опрашивали, я сообщила об этом службе безопасности. — Ольга Павловна замолчала, а затем добавила: — Неужели вы думаете, что это кто-то из девушек?

— Я хватаюсь за любые версии, — честно ответил Серж. — Прошу вас, вспомните этот день буквально поминутно. Любая деталь может помочь.

Ольга Павловна пообещала подумать, и разговор закончился. Тем временем Стеша едва могла усидеть на месте. Она ужасно волновалась. Через несколько минут она встретится с Еленой. Узнает правду. И убедится, что это не сон.

— На какое время вам назначено? — спросила Стеша, приблизившись к женщине, сидевшей на стуле возле кабинета врача.

Елена обернулась. За эти годы она изменилась: глубокие круги залегли под глазами, волосы утратили блеск. Но Стеша узнала ее сразу. Это была мама Ярославы. Их взгляды встретились, и глаза женщины широко раскрылись — она тоже узнала близкую подругу своей дочери. Стеша едва сдерживала слезы, но изо всех сил старалась сохранить на лице вежливую улыбку.

— Мое время через десять минут, — ответила Елена тихо, словно боясь, что их услышат.

— Я от Сержа, — прошептала Стеша одними губами.

У нее тряслись руки. Чтобы отвлечь внимание, она нарочно уронила на пол сумку, книгу и телефон. Елена сразу же наклонилась помочь. Ее пальцы тоже дрожали, когда она вложила в книгу две флешки, быстро достав их из кармана пиджака.

— Спасибо, — громко поблагодарила Стеша, поднявшись. — Вы знаете, я так волнуюсь перед походами к врачу, что становлюсь сама не своя. Поговорите со мной немного, если вас не затруднит. Это помогает отвлечься.

— Да, конечно, — ответила Елена слабым голосом. Ее глаза скользнули по коридору, словно она боялась, что за ними кто-то наблюдает. Обычно к врачу ее доставлял водитель или охранник, но в последнее время до кабинета они не всегда провожали, оставаясь курить на улице. Все годы, проведенные в заточении у Стаса, Елена вела себя примерно, поэтому контроль за ней становился все менее бдительным.

Стеша начала громко сетовать, что так нервничала перед походом к врачу, что забыла покормить своих котиков. Делая вид, что хочет показать женщине фотографии своих питомцев, она наклонилась ближе и прошептала:

— Мы можем увезти вас прямо сейчас. Внизу нас ждет машина. Мы отвлечем внимание, если нужно. Пожалуйста, пойдите со мной. — В ее голосе звучала мольба.

Елена, не сдержавшись, сжала Стешину руку.

— На одной флешке — то, что уничтожит Стаса, — прошептала она. — Я сделала все, что могла. На другой — все про Ярославу. Сейчас нет времени объяснять, но ты должна знать: Ярослава — это Владислава Вальзер.

Слова Елены шокировали. Стеша смотрела на нее, не в состоянии осознать услышанное. Сердце заколотилось так, что, казалось, вот-вот разорвется.

— Я останусь. Ради Яры, — добавила Елена тихо, но твердо. — Мое бегство вызовет подозрения. Уничтожьте этого ублюдка. Я готова даже умереть, лишь бы Ярослава обрела свободу.

Стеша смотрела на женщину с ужасом. То, что она сказала, не укладывалось в голове. Это же просто бесчеловечно! Стеша не могла вымолвить ни слова, хотела остановить Елену, уговорить ее. Но та не дала ей шанса. Она молча встала и направилась в кабинет врача. Елена сделала свой выбор. Выбор, который, как она надеялась, подарит Ярославе жизнь. Перед тем, как зайти в кабинет, Елена все же обернулась, бросила на девушку прощальный взгляд и исчезла за дверью.

Стеша на негнущихся ногах дошла до машины. Бледная, с совершенно потерянным видом, она не замечала ничего вокруг. Серж, дожидавшийся ее в припаркованной неподалеку от клиники машине, тут же насторожился, увидев девушку.

— Ты в порядке? Удалось встретиться с Еленой? — спросил он.

— Да, — ответила Стеша после долгой паузы. Ее голос звучал глухо, словно издалека. — Она передала вот это. — Девушка протянула ему флешки, а потом добавила, едва слышно: — И рассказала про Яру.

Серж напрягся, заметив, как ее начало потряхивать.

— Солнце, поговори со мной. — Он взял ее за руку, пытаясь успокоить.

— Я... я ничего не понимаю, — пробормотала она, едва дыша. — Разве такое может быть?

Серж, недоумевая, смотрел на нее.

— Поехали отсюда, — продолжила Стеша, словно очнувшись. — Нам необходимо как можно скорее просмотреть флешки. Там есть то, что нам нужно: компромат на Стаса и все про Яру.

До дома Сержа они добрались быстро. Он гнал, почти не останавливаясь на светофорах, несколько раз даже нарушил правила дорожного движения, за что получил от Стеши предостудительный взгляд. Едва переступив порог, он включил компьютер и открыл флешку, на которой было написано «Влада».

— У тебя есть алкоголь? — внезапно спросила Стеша, увидев первые кадры.

— Не знал, что ты пьешь, — попытался усмехнуться Серж, но голос выдавал смятение.

— После того, что я скажу, ты тоже захочешь выпить, — тихо ответила она.

Серж налил в стаканы немного виски. Стеша осушила свой залпом, даже не поморщившись.

— Влада Вальзер. Это и есть наша Яра, — наконец выдохнула она.

— Что?!

Серж, поставив стакан в сторону, вытаращил глаза, словно услышал что-то совершенно невероятное. Стеша пересказала разговор с Еленой. С каждым ее словом Серж все сильнее выходил из себя.

— Как это вообще возможно?! — выкрикнул он, хватаясь за голову. — Что за выродок мог так поступить? Как вообще до такого можно было додуматься?! Это... это какая-то дичь! Полная дичь! — Он все больше распалялся, просматривая видео на флешке.

На экране мелькали кадры, словно трейлер к фильму ужасов, главной героиней которого была светловолосая девушка. Она лежала на постели в больничной палате, с головой, плотно замотанной бинтами, и безжизненно повторяла заученные фразы. На следующем кадре она билась в закрытую дверь, кричала, умоляя выпустить её. Еще на одном — лежала, скрючившись на холодном полу, пока за кадром мужской голос твердил ей быть послушной... иначе пострадает ее мама. На одном из последних кадров она сидела на полу, сжавшись в комок и закрыв голову руками, сквозь слезы она умоляла спасти ее мать, кричавшую от боли. И снова — та же девушка, но уже стоящая на коленях и молящая о пощаде, обещающая выполнить все. Все, что ей будет велено. Один за другим, эти фрагменты фильма — десятки и сотни кадров — пронзали душу, оставляя в груди тяжёлый осадок. Смотреть на это было жутко, невыносимо.

Видео вызвали в Серже ярость, смешанную с ужасом. Он чувствовал, как внутри все закипает, будто его самого заперли в этом кошмаре. Когда запись, наконец-то, закончилась, в комнате несколько минут стояла оглушительная тишина.

— Если честно, — тихо произнесла Стеша, глядя в пустоту, — я как будто ничего не чувствую сейчас.

Серж бросил взгляд на нее. Она сидела неподвижно, руки лежали на коленях, глаза были отрешенными. Он подошел ближе, обнял ее за плечи, пытаясь утешить.

— Мы с этим справимся, — прошептал он, хотя сам пока не знал как.

Стеша хотела бы заплакать, но не могла. Ужас от увиденного проник под кожу, в самую душу, оставляя пустоту. Слова Сержа звучали где-то на фоне, как слабый шум, не доходя до ее сознания. Она погрузилась в мысли, где все разрывало болью. Если бы сердца могли действительно разбиваться, от ее сердца не осталось бы и осколков. Как Яра смогла пережить все это? Как не сошла с ума? Как вообще выжила? Единственное, чего хотелось Стеше сейчас, — оказаться рядом с Ярославой. Обнять ее.

— У тебя шок, — сказал Серж, постепенно обретая способность ясно мыслить. — Иди сюда.

Они перебрались на диван, и он усадил Стешу себе на колени, стал гладить по голове и плечам, пытаясь успокоить. Ее дрожь передавалась и ему, но он держался.

— Знаешь, я всегда любила мрачные сюжеты, — негромко сказала Стеша, ее голос звучал надломленно. — А теперь, столкнувшись с таким в жизни, чувствую только бесконечный ужас. Это похоже на ад. Какой кошмар! Моя бедная девочка, моя бедная Ярослава. — На ее глазах наконец появились слезы, и Серж выдохнул с облегчением. Стеше нужно было выплеснуть эмоции. Нельзя оставаться в таком состоянии.

— Не верю, что такое вообще возможно, — прошептала она, уткнувшись ему в плечо.

— И я не могу поверить, — признался Серж, которому тоже было тяжело. — Но у нас нет другого выбора.

— Мы должны рассказать все Игнату. Они же сейчас вместе. Ярослава и Игнат вместе! Но он даже не знает об этом. Мы что-нибудь придумаем и поможем им! — В ее голосе появилась решимость.

— Погоди. Давай сначала посмотрим, что на другой флешке, — вспомнил Серж.

Следующее видео оказалось не менее шокирующим. Разговаривали Стас и незнакомый Стеше мужчина.

— Ты его знаешь? — спросила она.

Серж побледнел. Его глаза сузились, как у хищника, а рука непроизвольно сжала мышку.

— Ничего себе... Это же Гордеев. Отец Алексы. Нам срочно нужно встретиться с Игнатом!

Времени до ужина в ресторане оставалось не так много. Молодые люди выехали почти сразу, но по пути застряли в пробке — на дороге произошла серьезная авария. Серж нервно постукивал пальцами по рулю, а Стеша, сцепив руки в замок, не могла скрыть напряжения. Волнение накаляло воздух, не давая свободно дышать. Они должны успеть любой ценой. Должны рассказать правду Игнату. Должны спасти Ярославу.

Все наконец встало на свои места. Маски сорваны. Игнат не ошибся. Он узнал Ясю, даже когда никто другой не смог. А теперь, наконец-то, выяснилось, кто копал под империю Елецких. Стеша старалась сохранять спокойствие, но глаза выдавали страх. Серж украдкой то и дело смотрел на нее и восхищался тем, как девушка держит удар. Она стойкая. Его девочка. Его солнце.

— Все будет хорошо, — сказал он, беря Стешину руку в свою. — Мы доедем, расскажем правду и вместе решим, что делать дальше.

Но в ответ Стеша только покачала головой.

— У меня нехорошее предчувствие. — Ее голос прервался, на глазах вновь выступили слезы. — Хоть бы ничего не произошло, пока нас нет...

— Мы обязательно успеем. Должны. — твердо ответил Серж, сжимая ее руку. Но внутри он чувствовал такой же липкий страх.

Глава 46. Выстрел в сердце

Игнат подъехал к высотному зданию, в котором находился ресторан, чуть раньше Владиславы. Увидев, как ее машина остановилась у входа, он поспешил ей навстречу, чтобы помочь выйти. Когда она появилась, сердце Игната замерло.

Влада выглядела восхитительно. Лазурное платье подчеркивало ее изящную фигуру, а идеально уложенные волосы мягко обрамляли лицо. Она манила и завораживала его. Игнат хотел обнять ее, утонуть в глазах, потеряв счет времени, забыть обо всем, кроме нее. Но в ее взгляде промелькнула едва заметная печаль.

Игнат заметил, как она нервно теребит тонкий ремешок своей маленькой сумочки.

— В чем дело? — обеспокоенно спросил он, внимательно глядя на нее.

— Немного волнуюсь... Как пройдет встреча с твоим отцом, — устало улынувшись, призналась Влада.

Игнат чуть приподнял бровь, но его голос остался мягким:

— Уверен, все будет отлично. На это есть несколько причин. Во-первых, ты мне нравишься — а это самое главное. А во-вторых... ты выглядишь просто обворожительно.

— Благодарю тебя, — слабо улыбнулась Влада. Она тяжело вздохнула, с трудом подбирая слова: — Эта встреча очень важна для меня. И я боюсь все испортить.

— Этого не случится, — твердо заверил Игнат, взяв ее за руку. Его прикосновение было одновременно уверенным и бережным. Кажется, ей стало спокойнее, но во взгляде все еще проскальзывали сомнения.

— Ты уверен, что мы не поспешили? Нам стоило сначала поговорить. — Влада посмотрела на него, будто пытаясь найти ответ.

— Уверен. Мы поговорим сегодня вечером, обещаю тебе. — Голос Игната стал тверже. — И я не собираюсь менять решение. — Он слегка наклонился к ней. — Я ждал слишком долго, прежде чем встретил тебя — такую родную и любимую. Теперь я не буду медлить. Я хочу представить тебя официально своим близким людям. Мое отношение к тебе самое серьезное.

Он переплел их пальцы, решив не выпускать руку любимой из своей весь вечер.

— Все будет хорошо, — тихо добавил он.

Влада смотрела на него, ее губы дрогнули, но она ничего не сказала. Вместо ответа она позволила ему взять инициативу. Так, держась за руки, они поднялись на лифте на верхний этаж и вошли в ресторан.

Просторный зал сиял светом и поражал утонченной роскошью. Здесь было много воздуха, живых цветов, сверкающего хрусталя и зеркал. Ресторан принадлежал Константину Михайловичу, отцу Игната, поэтому парень бывал здесь часто. У Влады же это место вызывало другие воспоминания. Она осматривалась, вспоминая, как когда-то ужинала здесь со своей семьей перед свадьбой мамы и Кости. Но все изменилось, когда ее взгляд упал на одно из зеркал.

Вместо того чтобы поправить прическу или порадоваться своему виду, она невольно коснулась лица. Ее глаза померкли, стали печальными. Игнат заметил это. Его сердце защемило. Он наклонился, коснувшись губами ее уха, и прошептал:

— Ты самая красивая.

Ресторан сегодня был закрыт для посторонних. Просторное помещение с легкостью могло бы вместить многолюдный свадебный банкет, но сейчас здесь царила почти интимная атмосфера.

Игнат не отпускал руку девушки. Сегодня он решил быть рядом с ней каждый миг. Она доверилась ему. И он не хотел ее подвести.

Константин уже ждал их. За последние шесть лет он заметно изменился, но оставался таким же красивым и статным. Он слегка похудел, черты его лица стали еще резче и выразительнее, а волевой подбородок по-прежнему выдавал уверенного в себе человека. В волосах прибавилось седины, а на лице морщинок, но это лишь добавляло ему благородства. Его взгляд был твердым и пронзительным, но в глубине таилась печаль и тоска.

Он был одет элегантно, в серый костюм и светлую рубашку без галстука. Весь его облик говорил о том, что этот человек привык держать все под контролем даже в сложные времена. Когда Игнат и Влада вошли, Константин поднялся, чтобы поприветствовать их.

— Рад познакомиться с вами, Владислава, — галантно произнес он, внимательно оглядывая девушку. — Вы очаровательно выглядите. Его комплимент прозвучал искренне, но сдержанно. Влада сразу поняла, что понравилась ему, и почувствовала облегчение. По выражению лица было видно, что он радовался за сына, за то, что у Игната, наконец, появилась любимая.

— Спасибо. Я тоже очень рада, — ответила она, сделав шаг вперед, словно собиралась обнять мужчину. Но тут же остановилась, одернув себя.

Ее глаза, на миг заискрившиеся, снова стали печальными. Константин заметил это, но не подал виду.

— Игнат, — обратился он к сыну, — как дела? Положение нормализовалось?

— Отец, в этот вечер я не хочу говорить о делах, — твердо ответил Игнат, бросив быстрый взгляд на телефон. — Расскажу все немного позже, — задержав взгляд на экране, добавил: — Серж и его девушка немного опаздывают, но уже мчатся на всех парусах.

— У Сержа появилась девушка? — В голосе Константина прозвучало удивление. — Интересно!

— Да, сам был удивлен, — с легкой улыбкой ответил Игнат. — Можно сказать, у нас сегодня двойное знакомство.

Влада молча кивнула, все еще чувствуя скованность. Ее напряжение было почти осязаемым. Игнат наклонился к ней и прошептал одними губами:

— Все хорошо, я с тобой.

Она ответила слабой улыбкой. Константин внимательно наблюдал за ними. Он тоже заметил ее скованность, но решил не торопить события, давая девушке время освоиться.

— Ты уже знаком с девушкой Сержа? Насколько у них серьезно? — поинтересовался он, переводя разговор на более легкую тему.

Игнат кивнул: — Ее зовут Стефания. Наша старая знакомая. Мы учились в одном университете. Недавно они с Сержем начали работать вместе, и... так и случилось притяжение. Их отношения еще в самом начале, но, кажется, Серж серьезно поплыл. В общем, пусть сами расскажут, — коротко пояснил он. Константин с улыбкой кивнул. Чувствовалось, что Игнат был искренне рад за друга. Теперь и Серж, похоже, узнал, каково это, когда немислимо тянет к единственному человеку, а другие словно исчезают из поля зрения.

— Влада, вы, кажется, побледнели, — заметил Костя, переведя внимательный взгляд на девушку. — Все в порядке? Может, воды?

— Все хорошо, благодарю, — вымученно улыбнулась Влада. — Просто вспомнила знакомую с таким же именем.

Игнат нахмурился, внимательно разглядывая возлюбленную. Что происходит? Ее ответ прозвучал правдоподобно, но он видел: что-то беспокоит ее сильнее, чем она готова признать. Может, он поторопился с этой встречей? Может, она еще не готова? Но Влада тут же обратилась с вопросом к его отцу, и беседа сменила направление.

Когда официант принес меню, и они сделали заказ, разговор постепенно стал комфортным, почти домашним, а атмосфера их общения — более уютной. Константин был великолепным собеседником, и его искреннее внимание помогло Владе хотя бы ненадолго расслабиться. Заиграла приятная музыка. Игнат поднялся и протянул девушке руку:

— Потанцуем?

Влада, сдержанно улыбнувшись, приняла приглашение. Игнат привлек ее к себе, положив руку на талию. Она одной рукой обхватила его плечо, а другая — уютно устроилась в его ладони. Их движения были неспешными, плавными, как сама мелодия. Никакой резкости, никакой суеты. Этот танец был тихим диалогом двух людей, которые только начинали познавать друг друга. Но Игната не покидало странное чувство. Почему ему кажется, что он уже танцевал с ней раньше? Это было наваждение, дежавю, которое вспыхивало раз за разом с момента их встречи.

Когда танец закончился, Игнат, не выпуская руки девушки, подвел ее обратно к столу. Но Влада не вернулась на прежнее место, а в замешательстве остановилась перед мужчинами.

— Влада, все хорошо? — обеспокоенно спросил Игнат, заметив, как напряжение снова проступило на ее лице.

Она кивнула, помедлила еще мгновение и, наконец, глубоко вдохнув, сказала:

— Игнат, спасибо тебе за чудесный вечер... — Ее голос надломился. — Я должна вам обоим кое-что рассказать.

Константин нахмурился, Игнат внимательнее пригляделся к ней. Что она хочет сказать?

— Я давно хотела поговорить с тобой, — продолжила Влада, — но мне никак не удавалось. Я больше не хочу никого обманывать. Я устала скрывать себя.

— Влада, милая. — Игната взял ее ладонь и коснулся губами, пытаясь успокоить девушку. — Ты можешь нам доверять.

Влада с трудом сдерживала себя, но ее глаза говорили больше слов. Ей было страшно.

— Если бы я могла снять маску, — выдавила она, — то сделала бы это прямо сейчас. Но моя история гораздо сложнее... Маска пришита к моему лицу. — Ее голос сорвался, но она продолжила: — Вам будет сложно в это поверить. Но меня заставили быть другим человеком. Я слишком долго жила не своей жизнью, чтобы...

Ей не дали договорить. Неожиданно за ее спиной раздались громкие аплодисменты. Они эхом разнеслись по просторному залу, заполняя тишину, и оборвали несостоявшееся признание. Звук этих хлопков разрезал воздух, обращая слова Влады в насмешку.

Она обернулась первой. Глаза широко распахнулись от страха, а тело будто застыло на месте. Константин поднял взгляд, и лицо его тут же стало болезненно бледным. Последним на незваного гостя обернулся Игнат. Его зубы со скрипом сжались, так что выступили желваки, а на шее вздулись вены. Во взгляде читалась ярость.

Перед ними стоял Стас Далевский. Этого человека никто не звал и выглядел он так, будто был на грани срыва. Пиджак помялся и был испачкан, на лбу блестела испарина, лицо перекосила злость, а в глазах горел опасный, лихорадочный блеск. В руке Стас держал пистолет.

— Актриса, обворожительная актриса! — проскрежетал он, направляя внимание на Владу. — Я прямо-таки заслушался. Едва не пустил слезу! И как же вовремя успел, к самому интересному моменту. — Его голос был насыщен ядом.

— Что ты здесь забыл, ублюдок? — Игнат вскочил, его тело напряглось, словно он готовился прикрыть собой Владу. — Тебя сюда никто не звал. Пошел вон!

На лице у Стаса застыла улыбка, больше похожая на хищный оскал.

— И вам здравствуйте, дорогие друзья! — пропел он с нескрываемой ненавистью. — Я пришел туда, где должен быть. На ваше милое семейное торжество! Я, если вы не в курсе, занял место Вальзера. А значит, являюсь папочкой этой очаровательной девице. — Он обвел присутствующих тяжелым взглядом, а затем снова уставился на Владиславу. — Отцы и дети вместе, как трогательно! Уже можно поздравить вас с помолвкой? Очередной... — Он иронично отсалютовал пистолетом в сторону Игната. Безумные глаза сверкали, он явно наслаждался моментом. — Ты прекрасно выглядишь, дорогуша! И женихов меняешь, как перчатки.

— Что ты несешь, подонок? — Игнат сжал кулаки, готовый броситься на Стаса, но Влада успела схватить его за руку и с силой потянула назад.

— Игнат, не надо, прошу тебя. — Ее голос срывался, она изо всех сил вцепилась в руку Игната и увлекла его обратно за стол, ее глаза были полны мольбы.

— Кто-то еще хочет выступить? — Стас нервно хохотнул, переводя дуло пистолета с Игната на Константина.

— Тебе нечего здесь делать! — громко и твердо произнес Костя, чувствуя, как усиливается боль в груди. Он едва держался, но старался не подавать вида что ему нехорошо. — Не лезь в нашу семью!

— Ах, Константин! Ну что ты нервничаешь? — Стас нагло улыбнулся, его глаза горели злорадством. — Нехорошо так принимать гостя, невежливо! Особенно того, кто пришел помочь! Он хищно прищурился, приближаясь еще на шаг к их столу.

— Что же ты так плохо сына воспитал? Бросается на людей. Не дело так разговаривать со старшими! Ему нужно преподать урок.

Игнат снова рванул с места, не спуская со Стаса ненавидящий взгляд, но Влада опять схватила его за руку.

— Пошел вон, пока цел! — прорычал Игнат. — Смотри-ка, какой голос басистый! — хмыкнул Стас, делая вид, что наслаждается происходящим. — Подрос щенок, порода борзая. — Он специально дразнил Игната, понимая, что преимущество сейчас у того, у кого в руках оружие. Влада сжала руку Игната сильнее, надеясь, что тот не сорвется и не бросится на Далевского.

— Рано вы меня списали со счета! Ох как рано. Да, Владочка? — едкая ухмылка не покидала лицо зверя в человеческом облики. — И не рыпайтесь. Костя, твоя охрана не спасет, не надейтесь даже. Мои ребята ловко их нейтрализовали. Так что не обессудь, — он куражился перед пленниками. Обстановка накалялась. Влада встала из-за стола, и теперь в ее взгляде появилась твердость. Отступив на шаг от Игната, она повернулась к Стасу лицом.

— Стас, уходи. — произнесла она без дрожи в голосе, но в глазах застыла безысходность. Девушка знала, что он просто так не уйдет.

— Дорогуша, выгоняешь человека, который подарил тебе новую жизнь? Нехорошо, — продолжал глумиться Далевский. — Ты будешь первой, кому я преподам урок.

Он подошел к их столику, схватил свободный стул и вальяжно уселся, закинув ногу на ногу. Он наслаждался сложившейся ситуацией. Ему нравилось чувствовать превосходство, ощущать тревогу и напряжение других.

— Конечно, я пришел не просто так, а с важной миссией. Я здесь, чтобы открыть вам глаза на очередную женщину, которую вы, такие умные, так неудачно решили привести в семью. Жизнь совершенно ничему вас не учит. Дети повторяют ошибки родителей, что тут поделаешь. — Он развел руками, пытаясь соорудить сочувственную гримасу, но в его взгляде светилась только злоба.

— Говори прямо или убирайся, — процедил Игнат низким, угрожающим голосом. Этот тип бесил его до тошноты. Он заметил, как Влада на мгновение прикрыла глаза, пытаясь справиться с собой. Порывалась сообщить что-то важное, но не успела. Этот мерзавец помешал ей.

Игнату хотелось сказать Владе, что не стоит бояться Далевского, что тот ничего ей не сделает, Стас никто, всего лишь шестерка ее отца. Но вместо слов крепко сжал ее руку, показывая, что он рядом, и выражая поддержку. Вместе они справятся. Стас, не обратив внимания на угрозы Игната, медленно достал телефон, включил видеозапись и демонстративно бросил его на стол, чтобы Елецкие смогли увидеть.

— Что папаша, что сынок, — оскалился он, его зубы блеснули в хищной усмешке. — Как же вы легко попадаетесь в мои ловушки!

Игнат знал, что не должен поддаваться. Далевский умел давить на больные места. Но когда запись началась, его взгляд невольно приклеился к экрану. На видео Стас сидел в своем кабинете, так же вальяжно, как сейчас. Перед ним стояла Влада. Игнат почувствовал, как кровь застыла в его жилах. Ее черное шелковое платье. То самое летнее платье, в котором была девушка, когда он забрал ее в свой дом. Позади, в шаге от нее, стоял Марк. Значит, прежде чем позвонить ему, она была у Стаса? Игнат сжал кулаки, его сердце бешено колотилось. Гнусный голос Далевского звучал приторно ласково, будто он обращался к своей любимице.

— Отдых пошел тебе на пользу, детка. Теперь можешь и поработать на своего нового папочку. Обещаю, если будешь хорошей девочкой, то и я буду ласков с тобой. Нужно достать документы по готовящейся сделке у Игната Елецкого. Есть заказчик, готов заплатить тебе крупную сумму, если поможешь ему расквитаться с этим кланом навсегда. Нам даже на руку, что Игнатик запал на тебя. Прикинься его невестой. Пусть повторит путь своего папаша. Вот будет весело? — Стас вдруг громко расхохотался, даже хрюкнул от переизбытка веселья.

Игнат продолжал смотреть видео, но руку Влады не отпускал, сжал так крепко, что не заметил, как причиняет ей боль. Она замерла, отвернувшись и опустив голову. Не могла смотреть на экран, не хотела смотреть видео, которое так ловко смонтировал Стас. Ее лицо застыло в маске отчуждения, но в глазах блестели слезы. Видео продолжалось. На экране девушка — Влада — подняла голову. Ее взгляд был холодным, а слова звучали как выстрел.

— Хорошо ты придумал.

Три слова. Хладнокровно. Тихо. Безжалостно. Они попали прямо в сердце Игната. Три выстрела, достигших цели.

Игнат почувствовал, как в груди шелкнул затвор. Рассудок начал сдавать. Все, что он знал, казалось ложью. Все, во что он верил, рассыпалось на глазах. Он даже не понял, когда видео оборвалось, но тут же началось следующее. На экране снова была Влада. Тот же кабинет Стаса, но девушка выглядела иначе. Платье другое, волосы собраны. Значит, прошло несколько дней. На записи не были указаны дата и время съемки.

— Ну что, птичка, — приторно проговорил Стас, и распростер руки в стороны. — Принесла документы на красивом хвосте?

Влада молча протянула ему папку с документами.

— Любопытно... Хорошая девочка, — ухмыльнулся Стас. — Надо подумать, как это можно выгодно использовать!

Видео снова оборвалось. Экран потемнел.

Игнат не мог оторвать взгляда от телефона.

Это. Не. Могло. Быть. Правдой.

Зачем? Ради чего? Ради какой выгоды можно пойти на такую подлость? Она его предала или Стас все подстроил?

От выстрела, пущенного в сердце, кровь закипала и плавала внутренности. Игнат научился сдержанности и сейчас не должен был рубить с плеча. И все же, каким бы явным ни казался заговор Стаса, эти видео заделали его. Раненая душа и отравленный разум боролись в нем. Его тянуло к ней — искренне, по-настоящему, — но чужая холодная игра сбивала с толку.

В голове мелькали обрывки воспоминаний: их первая встреча, ее взгляд, поцелуи, тот вечер на море, ее обещания помочь, кажущаяся искренность... Неужели все это было ложью? Он хотел потребовать объяснений, услышать ее правду. Но Влада молчала. Ее лицо оставалось непроницаемым.

Его опередил отец. Костя заговорил спокойно, будто держал весь этот хаос под контролем. Как никто, он понимал, что творится с сыном:

— Слушай, ты. Вторгся на нашу территорию, устраиваешь спектакли и хочешь, чтобы мы тебе поверили? Шесть лет назад ты так же очернил имя Елены. Мы не идиоты, чтобы снова повестись на твои рассказы. Прошлая ошибка стоила слишком дорого.

Стас ухмыльнулся, словно слова Константина были забавной шуткой.

— Согласен, некрасивая вышла с Ленкой история, — без сожаления хмыкнул он. — Но сейчас все иначе. Я поделился с вами абсолютно бескорыстно. И даже раньше, чем случилась свадьба. Так сказать — обрубил лишнее, пока не началась гангрена.

— Твоим доказательствам грош цена, — заметил Константин, не веря ни единому слову Стаса. — Ты хочешь, чтобы мы поверили? Зачем тебе сдавать самого себя? Пошел вон!

Игнат не слушал. Он пытался справиться с бурей внутри, но его взгляд все время возвращался к Владе. Почему она молчит? Почему ничего не говорит? Почему не кричит, что Стас ее оболгал?

— Влада... — выдохнул Игнат дрогнувшим голосом.

Он хотел услышать от нее хоть что-то. Одно слово. Правду. Но девушка по-прежнему молчала. Влада побледнела, ее лицо стало почти прозрачным. Казалось, что она стоит из последних сил, в этом прекрасном лазурном платье она была похожа на морскую волну. Казалось, сейчас растает, исчезнет, вернется в океан, как самое чудесное воспоминание.

— Костя, ну что же ты горячишься, — протянул Стас, его голос звучал маслянисто, лицо не покидал хищный оскал. — Я понимаю, вы мне не доверяете. Но у меня больше нет причин вас обманывать. — Он сделал паузу, и в его глазах вспыхнула злость. — Девчонка оказалась слишком хитрой. Хотела обвести вокруг пальца и меня тоже. Сбежать со своим женишком, тем, что был до твоего сына. Вместе решили меня обдурить. Но не выйдет.

Стас поднялся, бросив на Владу тяжелый взгляд.

— Я уйду, но только вместе с ней. Оставлю вас, чтобы все обдумали.

Он грубо схватил Владу за руку и потянул ее к себе. Она качнулась, словно безвольная сломанная кукла, едва удержавшись на ногах. Игнат даже не осознавал, что все еще держит ее за руку. Держит крепко и так отчаянно, что уже не в силах отпустить.

— Пошел вон, ублюдок! — прорычал Игнат. Его янтарные глаза стали бездонно черными. — Иначе я за себя не ручаюсь!

Он не позволит Далевскому причинить ей вред. Даже если она виновата. Не отдаст ее этому чудовищу. Не предаст ее. Даже если предала она. Не предаст, даже если не простит!

Стас усмехнулся, его ухмылка была мерзкой, а голос наполнен желчью.

— Ну что же, если мои доказательства не были достаточно убедительными, придется поделиться еще одной тайной Влады. Сделать это за нее, продолжить то, что, как я слышал, она начала.

Влада обернулась к нему. Ее рука выскользнула из руки Игната. В глазах застыл ужас. Она покачала головой, моля Стаса остановиться.

— Пожалуйста, — прошептала она.

Игнат услышал ее шепот. Это слово прозвучало, как мольба. Слово слабаков. Еще один выстрел в его сердце.

— Ты сама меня вынудила, — произнес Стас с презрением. Будто вынес ей приговор. — Не хотел вспоминать былое, тревожить мертвых. Но что поделать, если Влада наследила и там? А мне снова пришлось за ней подтирать.

Слова хлестали, словно удары. Влада сжалась, но ничего больше не ответила.

— Начну с предисловия, — продолжал Стас, растягивая каждую фразу. — Расскажу, как мы впервые встретились. Девчонку привезли ко мне из клуба. Пьяную. Вальзер жутко скучал по дочурке и хотел ее найти. Она же, дрянная девчонка, ничего и слышать об отце не хотела. — Стас снова взял в руки телефон, его глаза опасно блеснули. — Ну, а что было дальше, смотрите сами. Я вам прямо кинопоказ сегодня устроил.

Стас продолжал глумиться. Он включил новое видео. На экране появилась девушка в объемном пуховике и широких джинсах. Съемка снова велась в его кабинете. Девица, развалившись, сидела на диване, развязно жевала жвачку и отвечала с открытым презрением. На

видео была Влада. Но это была не та Влада, которую знал Игнат. Девушка на экране выглядела неряшливо и безвкусно, вела себя грубо.

— Что ты хочешь от меня? — резко спросила девушка с экрана.

Ее голос был насмешливым, полным презрительности, и Игнат почувствовал, как холод подкрадывается к сердцу.

— Вот она, ваша принцесса, — хмыкнул Далековский, наклоняясь ближе — Смотрите дальше.

Видео продолжалось, обжигая своей жестокостью. Игнат должен был следить за деталями, но его приковало действие.

— Еще раз, — произнес Стас, обращаясь к развязной девице. — Тебя ищет отец. Он очень хочет тебя увидеть. Тебя и твою мать, дорогая. Я должен отвезти тебя к нему.

— Какая я тебе дорогая? — грубо хохотнула девушка на видео. Голос у нее был низкий, резкий, словно она намеренно хотела вызвать отвращение. — Ты своим курицам так говори, дядя. Ко мне по имени обращайся.

— Хорошо, Владислава, — ответил Стас, слегка прищутив глаза. — У тебя есть невероятная возможность встретиться с родным отцом, который по тебе соскучился.

— Подотриись этой возможностью, убогий. Знать его не хочу. Урка.

Девушка не выбирала выражения, и сейчас это смешило Стаса. Он ухмыльнулся, и, наклонив голову, повторил ее интонацию. Вальзеру, без сомнения, понравилась бы дочурка.

Именно в этот момент на видео в кабинет ворвалась Елена. Константин напрягся. Его дыхание перехватило. Это была Лена — его Лена. Последние минуты ее жизни. На лбу у него тут же выступил холодный пот.

— Пусти меня к нему! Сейчас же! — кричала женщина дрожащим от гнева и отчаяния голосом.

— Пойдем, поговорим, милая, — протянул Стас, выходя к ней.

Мерзкая улыбка и уверенность в движениях только усиливали ужас. Он положил руку ей на талию, но Лена тут же сбросила ее.

— Урод! Ненавижу тебя! — кричала она, но из кабинета ее вывели силой.

Перед тем как уйти, Стас бросил через плечо девушке:

— А ты меня здесь подожди, скоро приду.

Но дерзкая девушка не послушалась и тем более не стала ждать. Как только дверь за Стасом захлопнулась, она подскочила к окну, открыла его, бесстрашно вылезла на карниз и сбежала.

Следующее видео оказалось еще страшнее. На экране — больничная палата. Девушка лежала на кровати с перебинтованным лицом. Ее глаза смотрели в потолок, но были пустыми, как у человека, потерявшего все.

Стас стоял рядом с ее кроватью, вещая «заботливым» тоном:

— Владислава, ты знаешь, что из-за тебя погибли люди? — слова звучали, как обвинительный приговор.

— Я не хотела этого, — глухо ответила девушка. Теперь ее голос был другим, знакомым, слабым, но не грубым.

— Ты была за рулем чужой машины, не справилась с управлением. Случилась авария. Машины загорелись, в огне погибли три человека. В том числе девушка твоего возраста. Из-за тебя оборвалась ее молодая жизнь.

Девушка вздрогнула. Ее губы пересохла, когда она повторила:

— Я не хотела этого.

Она застонала, протяжно, как раненый зверь. И тут же ее глаза наполнились слезами.

— Я не хотела ее смерти, — прерывисто произнесла она. — Не хотела, чтобы она умерла из-за меня...

— Тише, милая. — Стас положил руку ей на плечо, его тон был таким приторным, что это только усиливало ужас. — Что случилось, то случилось. Тебе повезло, что я успел вовремя вытащить тебя оттуда.

Девушка словно заикнулась, повторяя:

— Я не хотела этого... Не хотела...

— Конечно, милая, ты не хотела, — фальшиво успокаивал ее Стас. — Ты случайно стала убийцей, забрала чужую жизнь. Так бывает. Но тебе повезло, — продолжил он. — Твой папочка очень хочет тебя увидеть. Поэтому я помог тебе выйти сухой из воды. Но за это ты должна оказать мне услугу, когда придет время. Ты же не хочешь, чтобы правда всплыла? Да?

Девушка лежала неподвижно.

— Я не хотела этого, — монотонно повторяла она. Экран потемнел. В зале повисла гнетущая тишина. Сердце Игната разрывалось от гнева, отчаяния и непонимания. Влада... Влада могла быть причастна к смерти Ярославы? Девушка стояла, словно мраморная статуя, но ее плечи содрогались. Она крепко зажмурила глаза, словно это могло оградить ее от окружающего мира. Крупные горячие слезы, стекали по щекам.

— Мразь, я убью тебя. Ты все-таки был там! Ты мог вытащить Ярославу... Лену! — Костя еще больше побледнел и схватился за сердце, пытаясь унять резь в груди.

Заметив это, Игнат очнулся — он должен был действовать и сделал шаг в сторону Стаса, но тот направил пистолет прямо на него.

— Не приближайся, сосунок! — рявкнул Далеvский, его тон был холоден и угрожающе резок. — Они были мертвы! Влада убила их!

Эти слова прозвучали как контрольный выстрел. Игнат замер, почувствовав, как земля уходит из-под ног. Он больше не мог сопротивляться. Стас ликовал. Этот выродок был доволен собой, видя, что добился желаемого.

— Вот так вот и делай людям добро. Я решил раскрыть тебе глаза. Показать, какую змею ты пригнул на груди. А теперь даже жалею о своем благородном порыве. Лучше разберись с этой тварью, что убила твою любимую сводную сестренку. Она бы и тебя убила!

Слова больше не имели смысла. Они звучали в голове Игната как молот, выбивая один и тот же ритм. «Убила твою любимую сводную сестренку. Она бы и тебя убила».

Молот бил четко, выковывая эти слова огнем. Перед глазами вспыхивали обрывки воспоминаний. Слова Алексы: «Она не та, за кого себя выдает. Не боишься повторить судьбу своего отца?» Насмешка Стаса: «Что папаша, что сынок — как же вы легко попадаетесь в мои ловушки». Признание Влады: «Я не хотела ее смерти. Я не хотела, чтобы ее не стало из-за меня».

Это не могло быть правдой.

Влада.

Виновна.

В смерти.

Яси.

Игнат не мог поднять глаз на девушку. Он чувствовал ее взгляд, полный мольбы. Но больше не хотел смотреть на нее. На эти знакомые черты, которые так напоминали о той единственной, что он по-настоящему любил.

И вдруг в его потрясенном сознании все встало на свои места. Он понял. Понял, почему испытывал к Владе невыносимое притяжение. Как к Ярославе. Потому что она убила ее. При-своила ее душу, ее черты, ее место. Влада задумала занять место его любимой, для этого и старалась повторить ее облик. Все было спектаклем. Но Игнату в глубине души хотелось верить, что это не так.

Скорее всего, от Елены Далеvский узнал, что Игнат чувствовал к Ярославе, и придумал хитрую схему. Долго же они готовились — целых шесть лет. И, признаться, феерично вышло.

Влада исполнила свою роль блестяще. Но зачем? Чтобы уничтожить Елецких? Отнять бизнес? Или жизнь?

Опоздали.

Чтобы спасти Ярославу, Игнат сам лично бы отдал все. Все эти ненавистные шесть лет он желал избавления, желал собственной смерти, чтобы уйти к любимой.

Внутри была только пустота. А потом пришло озарение.

Он понял, зачем продолжал жить все эти годы. Он почувствовал, как избавиться от боли, одиночества и страданий. Он жил ради Ярославы. Чтобы убить за нее. Отомстить. Он живет, чтобы убить Владу. Эта мысль мелькнула в сознании Игната, как молния, но он не успел даже сдвинуться с места.

В этот момент в ресторан ворвались люди в форме. Охрана сообщила о человеке с оружием. И наконец-то прибыла подмога. Стас, чтобы прикрыть свою шкуру, одним рывком схватил девушку и приставил пистолет к ее виску.

— Сделаете шаг, и я убью ее, — произнес он угрожающе, голос стал ледяным и жестоким.

Костя, все еще прижимавший руку к левой стороне груди, из последних сил крикнул охране, чтобы не трогали Стаса. Влада не сопротивлялась. Она была готова ко всему. Позволила Стасу забрать ее.

— Мы с этой крошкой уходим, — хищно сказал Далеvский, пятясь к выходу. — Сожалею, что испортил вам аппетит!

Он тащил Владу к двери, как поломанную игрушку. Но уже перед самым выходом им преградил путь мрачный человек с тяжелым взглядом. От него веяло холодом, будто это был оживший мертвец, пришедший из самого ада. — Стоять, гнида, — раздался глухой голос.

В руке он держал пистолет крупного калибра.

Это был Вальзер.

Глава 47. Отчаянная любовь

Стас появился именно в тот момент, когда я наконец решилась рассказать правду. Но не успела! Он пришел за мной. Я поняла это сразу. Его взгляд, движения — все кричало, что он убьет меня. Но прежде морально уничтожит за непослушание. Когда его голос раздался за моей спиной, я оторопела и молча смотрела, как он глумится над Игнатом, Костей и надо мной. Стас все обставил в лучшем виде. Как всегда. Сделал так, что Игнат теперь ни за что и никогда мне не поверит.

Далевский подделал видео. Он был мастером лжи. Его доказательства выглядели безупречно. Подставил меня так же, как когда-то маму. Только на этот раз ставки были выше. Он не мог уступить, потому что я — живое доказательство его преступлений. Я свидетель совершенных им убийств. Когда я попросила его замолчать, прошептав «пожалуйста», он лишь усмехнулся. Это слово ненавидел Игнат. И все же я произнесла его. Но Стас заткнул мне рот. Он назвал меня убийцей. Убийцей Ярославы. Но я — Ярослава. Я жива!

Игнат не мог поднять на меня глаза. А я не могла отвести взгляд от него, отчаянно запоминая каждую черту. Это все, что у меня оставалось, возможно, в последние минуты жизни. Когда Стас приставил пистолет к моему виску, мне уже было все равно. Я хотела лишь одного: чтобы он оказался как можно дальше от Игната. Чтобы мой любимый не пострадал. Поэтому я не сопротивлялась. Стас волок меня к выходу. Но нам не дали уйти.

Появился Вальзер. Он словно вырос из-под земли. Ярость, холод и сила исходили от него. Взгляд был лютым. Его голос прозвучал как гром:

— Стоять, гнида.

Вальзер был жив!

Если бы я хоть что-то могла чувствовать в тот момент, то была бы рада видеть его, как отца.

В руках, покрытых темно-синими наколками, он крепко держал пистолет. Стас тут же схватил меня за шею, крепко прижав к себе. Он прятался за мной, как за щитом, а руки выдавали его страх, мелко подрагивая. Он понимал, что от Вальзера ему вряд ли удастся уйти, зная, какая у того реакция и хватка.

— Отпусти мою дочь, мразь, и тогда я дам тебе шанс, — прорычал Вальзер.

Дочь. Услышанное пронзило меня. Стас грязно выругался и лишь крепче сжал руку у меня на шее. Я почувствовала, как его трясло.

— Думаешь, я лох? — прошипел он, облизывая пересохшие губы. — Нет. Это ты лох. Это я тебя развел. Твоя дочь сдохла, и ты должен был сдохнуть вместе с ней! Хочешь увидеть Владочку — отправляйся ко всем чертям в преисподнюю.

Стас со всей силы толкнул меня на Вальзера и, воспользовавшись моментом, выстрелил. Пуля попала Вальзеру в плечо. Я услышала глухой звук. Вальзер качнулся, сделал пару нетвердых шагов, но не упал. Стас рванул к выходу, но Вальзер успел выстрелить. Пуля догнала этого мерзавца, попав в бедро. Стас рухнул на пол и завыл, как паршивый шакал. В этот момент наконец подросла охрана и мгновенно скрутила его.

Я подбежала к Вальзеру. Из его раны сочилась кровь. Он выронил пистолет и потянулся ко мне ослабевшей рукой. Силы покидали его, и он упал на колени передо мной. Я попыталась его удержать, опустившись рядом с ним. Его ладонь коснулась моего лица. Я накрыла ее своей.

— Прости, дочка, что не смог раньше тебя защитить от него... — прошептал он, голос его становился все слабее.

— Скорую, быстро вызовите скорую! — Громкий голос Игната прорезал воздух.

Я даже не заметила, как он оказался рядом. Игнат аккуратно подхватил Вальзера, осторожно опуская его на пол и помогая лечь.

— Парень... ты оказался прав, — хрипел Вальзер. — Я не должен был подпускать его к своей дочери... Он убил... Береги ее за меня...

Глаза Вальзера закрылись. Я не знала, жив ли он или мертв. Я сидела перед ним на коленях, гладила по лицу и шептала:

— Прости... прости... прости... папа...

Щелкнул затвор. Я почувствовала тяжелый взгляд, направленный на меня. Игнат. Он стоял с пистолетом в руке. Он считал меня виноватой во всем. Я быстро поднялась на ноги.

— На колени! — Его голос звучал, как сталь, сжимая виски.

Он хотел меня убить. Слезы застыли на глазах. Я смотрела на него без страха, отрешенно. Если должно быть так, пусть будет.

— Я ждал тебя долгих шесть лет, чтобы положить конец этой муке! Любви нет! — Его голос обжигал. — Ты украла любовь, когда убила мою Ясю!

Им завладела тьма. Ненависть погасила свет в его глазах. Во мне он больше не видел тех черт, которые раньше напоминали ему Ярославу. Я была уверена, что он выстрелит.

— Игнат! — Голос Кости прорезал тишину.

Это отвлекло Игната, он обернулся. У меня появилась возможность бежать, и я ринулась в сторону выхода из ресторанный зала. Не понимаю, что двигало мною — желание жить и спастись или любовь, которая никогда не позволила бы мне сделать Игната убийцей. Мне нужен был воздух. Я неслась куда-то, не разбирая дороги.

Бежать в платье было неудобно. Шаги Игната звучали за спиной. Мне хотелось спрятаться. Было страшно встретиться с ним таким. Я даже не поняла, как оказалась на крыше. Увидев кучу каких-то коробок у самого бортика, я бросилась к ним, но не успела. Меня настиг его голос.

— Стоять! Или застрелю! — крикнул Игнат, направив на меня пистолет.

Я замерла и медленно повернулась. Ветер толкал меня в грудь, заставляя отступать назад, к самому краю крыши.

Игнат держал оружие уверенно, явно зная, как с ним обращаться. Его белоснежная рубашка была испачкана кровью Вальзера. Я смотрела не на пугающее черное дуло пистолета, а в лицо Игната. Родное, но теперь казавшееся чужим. Его глаза цвета янтаря были наполнены ненавистью. В них отражалась бесконечная боль. И эта боль — ненависть ко мне. Не было сомнений — если понадобится, он выстрелит.

— Игнат... — прошептала я.

— Думала сбежать от меня? Не вышло. Ты должна ответить за то, что сделала, тварь, — хрипло произнес он. Без сожаления, но с болезненной решимостью.

— Я не хотела, чтобы так вышло. Поверь.

— Поверить? — усмехнулся он. — Кто поверит убийце?

— Я не убийца.

— Хватит лгать. Ты убила ее. Убила мою девочку. Тогда, шесть лет назад. И все эти шесть лет жила счастливо, пока она гнила в земле.

— Игнат... — умоляюще повторила я его имя.

— Не смей называть меня по имени, дрянь. А я ведь... Я полюбил тебя! Собирался сделать своей женой! Тебя, убийцу! — выкрикнул он с отчаянием, и в его глазах заблестели слезы. — Тебе наверняка было весело все это время, да? Ты знала обо всем и смеялась. А когда поняла, что сможешь стать моей женой, решила после свадьбы и от меня избавиться? Забрать все мои бабки и свалить? Но нет, детка. У тебя ни хрена не получится.

— Все не так, — покачала я головой, медленно отступая к бортику.

— Я тебе не позволю. Я отомщу за нее, поняла? Ты убила ее, а я убью тебя.

— Нет, Игнат, пожалуйста, не надо. Ты пожалеешь! — закричала я.

— Пожалее? — переспросил парень, тяжело дыша. — Ты сказала... пожалее?

Эти слова стали для него триггером. Ярость застилала его взгляд, делала страшным. Кажется, еще мгновение, и он нажмет на спусковой крючок.

— Пытаешься меня напугать? — хрипло рассмеялся Игнат. — Не получится, детка.

Это были последние минуты моей жизни. Я думала о том, что больше не будет боли и страха. Не будет любви. Не будет моего Игната. И тогда я решилась.

— Мне плевать, что будет со мной. Но ты... Я не хочу, чтобы ты становился убийцей. Ты этого не заслуживаешь. — Я оглянулась, до края крыши оставалось несколько шагов. Ветер раздувал подол моего платья.

— Боже, какая трогательная забота! — издевательски поклонился Игнат. — Ты так беспокоишься за меня... Перестань играть роль заботливой невесты, детка. Давай, помолись напоследок, и я отправлю тебя в ад.

— Слышишь? — спросила я, прислушиваясь.

— Что?

— Шум морских волн.

На моих губах появилась слабая улыбка. Я вспомнила море. Нам было хорошо вместе. Эти воспоминания навсегда останутся в моем сердце самыми счастливыми.

— Заткнись! — еще громче выкрикнул Игнат.

Я почувствовала, что его охватило болезненное отчаяние, и от этого мне самой стало трудно дышать. Я знала, ему тоже невыносимо больно, как и мне.

— Ты... любил меня? — с трудом проглотив ком в горле, спросила я. Мне было жизненно важно услышать его ответ. — Знаешь, я... я очень тебя любила. Только тебя.

По красивому лицу Игната пробежала тень. Пальцы, сжимающие пистолет, дрогнули.

— А я тебя ненавижу. Тебя и твоих подельников. Уничтожу вас всех! — прорычал он.

Я протянула вперед руку, мечтая коснуться его лица.

— Я не позволю тебе стать убийцей. Если хочешь, чтобы я ушла, сделаю это сама.

И я сделала то, чего Игнат совершенно не ожидал — резко развернулась, кинулась к краю крыши и запрыгнула на бортик. Перед глазами раскинулась бездна, а ветер, играя, раздувал подол нарядного платья. Я замерла и снова прислушалась, кажется, за шум океанских волн на самом деле я приняла сердцебиение.

Небо темнело, солнце озаряло своими последними лучами дома. Вид был прекрасным, но скоро закат и яркие краски потухнут, растворятся в ночи. Останется лишь горечь от осознания, как скоротечна жизнь.

Я посмотрела вниз. Я не хотела бороться. Хотела, чтобы все закончилось. Бездна звала меня.

«Держись. Не поддавайся». — Говорило мне небо и своими невидимыми крыльями держало меня на краю. На краю жизни и смерти.

Я должна была решиться и в последний раз обернуться, чтобы увидеть родное лицо.

— Прости за все. Я всегда любила тебя. Всегда.

Я хотела шагнуть вперед, но услышала крик Игната.

— Стой! — страшным голосом закричал он.

Его крик меня напугал, я оступилась, теряя равновесие. Почувствовала, что падаю назад. Игнат кинулся ко мне, пытаясь предотвратить падение. Я взмахнула рукой, словно прощаясь. Но в этот момент сильные мужские руки схватили меня за запястье, пытаясь удержать.

— Дай вторую руку, — кричал Игнат. — Ну же! Скорее, иначе я не удержу тебя. Что ты творишь?

Но я почти не слышала его. Лишь хотела, чтобы мои мучения поскорее закончились.

— Давай руку! — кричал он, нет, не кричал, а уже хрипел не своим голосом. Я смотрела на него снизу вверх глазами, полными ужаса, а в его взгляде видела отражение пропасти и пустоты.

— Руку, руку! — умолял он, понимая, что еще немного, и мы оба рухнем вниз.
...А небо все также кровоточило закатом, и облака были похожи на рваные раны.

Глава 48. Тайна, ставшая явью

Пробка наконец рассосалась. До ресторана оставалось всего ничего. Серж резко свернул к парковке, затормозил, бросив машину на первом свободном месте, и они со Стешей поспешно выскочили из нее. При входе они увидели три машины «скорой помощи» и авто, принадлежавшие охране Костиной фирмы. Что-то случилось.

Серж и Стеша переглянулись и бросились через холл к лифтам.

В последнее время шока в их жизни хватало с избытком, но то, что предстало перед глазами в зале ресторана, окончательно выбило почву из-под ног. Константин, белый как полотно, полулежал на одном из диванчиков, возле него суежилась врач. Стас лежал на полу, в наручниках, окруженный охраной Кости. Вальзер находился неподалеку от Стаса, весь в крови, мертвый или без сознания, сложно было разобрать с первого взгляда, вокруг него тоже хлопотали медики.

— Что случилось? Костя, что с вами? — закричал Серж. — Где Игнат? Где Влада?!

Он бросился к Константину, но тот остановил его жестом и через силу выдавил:

— Серж быстрее! Как бы чего не произошло! Мне уже помогают, но вы должны срочно найти Игната. Стас сказал... Влада убила Ярославу... Влада сбежала, Игнат погнался за ней.

— Куда?! — выдохнула Стеша. — Кто-то видел?!

Испуганный официант подрагивающей рукой указал направление. Серж сорвался с места. Стеша — бросилась следом за ним. Они бежали изо всех сил, дыхание срывалось на хрип, ноги гудели от напряжения. Наконец молодые люди оказались на крыше.

— Игна-а-ат! — закричал обеспокоенный Серж, не видя друга.

— Я здесь... сюда, скорее! — донесся приглушенный отклик.

Серж бросился на голос: Игнат лежал на крыше на животе, перегнувшись через бортик и зацепившись ногами за выступ. Он из последних сил удерживал девушку, стараясь не сползти вместе с ней вниз. Серж сразу узнал Владиславу. Плечи Игната, напряженные до предела, дрожали, но он не отпускал ее.

— Дай руку... дай вторую руку! — с трудом выдохнул Игнат, почти умоляя.

Влада наконец услышала его и протянула руку. Игнат крепко ухватил ее, вцепившись мертвой хваткой, и медленно начал отползать назад, вытаскивая девушку за собой.

Не раздумывая, Серж бросился к другу, крепко вцепившись в него, чтобы удержать. Все случилось молниеносно, но казалось, будто происходит в замедленной съемке. Когда парни все же смогли затащить девушку на крышу и отползти подальше от края, то так и остались лежать, обессиленные, и не могли вымолвить ни слова, переводя рваное дыхание.

Опасность миновала.

Бездна отступила.

Время остановилось.

Игнат никак не мог прийти в себя. Боль от предательства была настолько сильной, что заглушила все остальное. Он смутно помнил, что произошло. В сознании отпечатались лишь момент, когда Влада потеряла равновесие. Он не смог позволить ей упасть. Несмотря ни на что!

Неизвестно, сколько прошло времени, прежде чем Игнат собрался с силами и Серж помог ему сесть. Несколько секунд он ошарашенно смотрел перед собой, а затем перевел взгляд на Владу. Та по-прежнему лежала неподвижно, глядя в небо, не мигая. Рядом сидела Стефания. Глаза у девушки опухли от слез. Она что-то шептала, склонившись над подругой. Игнат прислушался.

— Ярочка... Ярочка, посмотри на меня. Это же я — Стеша. Твоя подруга. Яра, прошу, не молчи... Скажи что-нибудь... — Ее пальцы осторожно скользнули по волосам Влады. — Плачь, кричи... Только не молчи...

Но Влада не двигалась. Игнат медленно поднял глаза на Сержа.

— Почему?.. — Голос сорвался, слова застряли в горле.

Но Серж понял.

— Стас всех обманул. Все подстроил. Похитил Ярославу и ее мать. В той аварии погибла настоящая Владислава, а Яру заставили занять ее место, сделали несколько пластических операций... — Серж замолчал на секунду. — Подробности потом. Главное сейчас одно... Влада — это Ярослава.

— Нет... — Игнат резко вскинул голову.

— Игнат...

— Нет! — Он вскочил, вцепился в рубашку Сержа, рывком притянул к себе. Глаза Игната сверкали, дыхание сбилось. — Что ты несешь? Это невозможно!

Как и всегда, Серж старался сохранять хладнокровие. Хотя это давалось ему с трудом. Краем глаза он заметил валявшийся в стороне пистолет и подумал, что малейшее проявление паники может привести к ужасным последствиям. Из всех присутствовавших он старался выглядеть самым спокойным и держать ситуацию под контролем, и именно это взбесило Игната еще больше. Он встряхнул друга за плечи, будто надеялся услышать: «Это все шутка». Но Серж не отреагировал.

— Я понимаю. Для меня это тоже звучит как полный бред. Но ты должен поверить.

Игнат пытался переварить услышанное, каждое слово Сержа было как удар молота по голове. Он замер, будто оглушенный.

— Ярослава... жива? — теперь его голос стал тих до шепота.

— Да, — кивнул Серж, внимательно следя за каждым движением друга. — Влада — это она.

Игнат шагнул вперед, но снова замер. Он не знал, что делать. Шок, осознание, что перед ним лежит девушка, которую он оплакивал шесть долгих лет, — все смешалось в невообразимый вихрь.

Он снова посмотрел на Владу. Она по-прежнему лежала, с широко раскрытыми глазами. С ее лица словно стерли все эмоции, оставив лишь бледную, безмолвную маску. Или с лица Яры? Нет, это не может быть правдой! В один миг оказавшись рядом, он резко опустился на колени, непроизвольно отодвигая Стефанию в сторону.

Взгляд Игната метался по лицу Влады, по знакомым и в то же время чужим чертам.

— Яся?.. — шепотом спросил он.

Влада-Ярослава медленно повернула голову в его сторону. В глазах девушки появилась такая боль, что Игнат невольно коснулся пальцами ее волос.

— Скажи что-нибудь, — почти умоляюще произнес он. Его голос дрогнул. — Это правда? Ты... это правда, ты, Яра?

— Я не знала, как тебе сказать, — наконец выдавила она. Ее голос был слабым, как у человека, пережившего сильнейшее потрясение. — Я пыталась... несколько раз... и сегодня... но все пошло не так.

Игнат не отрывал взгляда от ее лица, бледного, словно фарфорового. Теперь его пальцы крепко сжимали ее руку, как будто это была единственная ниточка, связывающая его с реальностью. Он не мог избавиться от чувства, что все произошедшее — кошмарный сон. И все же перед ним лежала она — его Яра. Живая!

— Почему? Почему ты не сказала? Почему? — Он никак не мог успокоиться. Его охватил ужас. — Я чуть не убил тебя. Боже! Я полный придурок! Яра, поговори со мной. Прошу... — По щекам Игната потекли слезы.

Девушка подняла руку и погладила его по щеке.

— Я пыталась... пыталась поговорить с тобой... но у нас не получилось... Прости... Я...

Она закрыла глаза, тело обмякло...

— Яра! — Игнат подхватил девушку. — Скорую! Срочно! — крикнул он, обернувшись к друзьям. — Прости, малышка... — Он прижимал ее к себе, чувствуя, как предательски дрожат его руки. — Прости, что не узнал... Что отвернулся... Какой же я слепой идиот...

Горло свело, но он продолжал шептать, будто она могла его услышать:

— Я чувствовал... все это время чувствовал тебя... но не понимал... Я не должен был сдаваться... Я так виноват. Никогда себе этого не прощу...

Серж помог Игнату поднять Яру, а потом осторожно подобрал пистолет, чтобы отнести его вниз. С девушкой на руках Игнат почти бегом спустился по лестнице и стремительно вошел в зал ресторана. Он даже не заметил, что там теперь творился настоящий хаос. Полиция, вспышки камер, вопросы, чьи-то крики. Кого-то на каталке увозили медики — он лишь краем глаза отметил, что это был Вальзер. Отец, кажется, пришел в себя, возле него были полицейские. Игнат уже собирался пройти дальше, но его остановил человек в форме.

— Позже, — твердо сказал Игнат. — Я отвечу на все вопросы, но сначала ей нужна помощь.

Врачи привели Ярославу в сознание, но едва она открыла глаза, как у нее началась истерика. Настолько сильная, что пришлось вколоть успокоительное. Игнат все это время находился рядом, и когда было решено направить ее в частную клинику, поехал вместе с ней. Он больше не собирался оставлять ту, которую любил. Ему пытались что-то сказать, даже удерживать, но по просьбе отца проблему удалось уладить.

Игнат остался в больнице и просидел у кровати Яры всю ночь, не разжимая пальцев, вцепившись в ее руку. Он ненавидел себя. За слепоту. За слабость. За то, что так долго не понимал.

Если бы с его Ясей случилось что-то страшное... Если бы он убил ее собственными руками... Он не смог бы жить. Он не знал, простит ли она его когда-нибудь? Но сейчас это не имело значения. Важно было лишь одно: его девочка жива.

Глава 49. Утонуть в нежности

Я открыла глаза и не сразу поняла, где нахожусь. Пустая белизна потолка давила стерильностью. Медленно приподнялась, опираясь на локти, стараясь двигаться как можно тише. В голове гудело, а память отказывалась соединять кусочки мозаики воедино. Раздался тихий, до боли знакомый голос, такой родной, что в груди все сжалось.

— Лежи, Ярочка. Тебе нужно отдыхать.

— Мама? — выдохнула я.

Сердце застучало быстрее. Я искала ее взгляд, боясь, что это всего лишь мое видение. Она наклонилась ко мне. Ее глаза, такие заботливые, сейчас блестели от слез. Я потянулась к ней, обняла, чувствуя знакомое с детства тепло. Сколько раз я мечтала об этом моменте, но он казался невозможным.

— Мамочка... Как я здесь оказалась? — шепот срывался, голос дрожал. — Что случилось?

Мама чуть отстранилась, чтобы лучше видеть мое лицо. Я заметила, как она изменилась — тонкие морщинки у глаз, седина в волосах, которой раньше не было. Но в ее взгляде снова появилась уверенность. Та самая, которой я всегда восхищалась.

— Тише, девочка моя. У тебя нервное истощение. После успокоительного ты долго спала. Отдохни, а я все расскажу.

Она бережно приподняла мою голову и подала стакан воды. Я жадно выпила его, чувствуя облегчение.

— Мама, что произошло?

Она села рядом, взяла меня за руку, сжала так крепко, словно боялась, что я исчезну.

— Помнишь нашу последнюю встречу? После нее я сделала то, что должна была. Наблюдала, смотрела, ждала. И однажды подслушала разговор Стаса с Гордеевым. Он говорил о тебе о том, что больше никого не боится. Его уверенность... — Мама тяжело вздохнула. — Я поняла, если не действовать, то мы обе погибнем. Попросила Марка помочь добыть доказательства. А потом позвонила Вальзеру, предупредила о покушении.

— Вальзеру? — выдохнула я.

— Да, дорогая. Он спас тебе жизнь. Он сделал для тебя больше, чем кто-либо.

Я слушала ее, как замороженная, чувствуя, как внутри меня разрывает на части. Стас, как всегда, все провернул чисто. Подделал видеозаписи — профессионально, безупречно. Смонтировал так, будто это я украла у Игната документы. Снял все в нужном для себя ракурсе, вырезал на видео главное — кадры с мамой, которую держал заложницей тогда в своем кабинете. Обрезал запись до момента, когда я твердо сказала, что не предаю Игната. Как оказалось, он снимал меня в больнице, когда я очнулась после аварии уже с лицом Владиславы Вальзер. Я этого не знала.

Он ловил моменты моих срывов, когда я винила себя в смерти Оксаны и медсестры Дарьи, а также фразы, которые заставлял меня повторять, пока я заучивала историю дочери Вальзера. А потом искусно склеил фрагменты записей. Он сделал это убедительно, даже я растерялась, когда он показывал видео. На секунду мне самой показалось, что все было именно так.

Пока я слушала рассказ мамы, в голове вспыхивали образы. Ресторан. Стас. Игнат, зовущий меня по имени. Крыша. Ветер. Его голос, хриплый от боли, доносившийся из темноты.

— Где Игнат? — внезапно прервала ее я, поняв, что не смогу успокоиться, пока не увижу его.

Мама улыбнулась. Слабая, равнодушная улыбка преобразила ее лицо.

— Он просидел здесь всю ночь. Не отходил ни на шаг. Костя договорился, чтобы его оставили до утра. Но ему нужно было поехать в полицию. Если бы знал, что ты проснешься, то никуда бы не ушел.

— Он... вернется? — я почувствовала, как в груди поднимается страх.

— Конечно, вернется. Он любит тебя, Яра.

Я закрыла глаза, позволяя маминым словам успокоить и согреть меня.

— Мама, а как ты здесь оказалась?

— Серж рассказал Константину, что я жива и где меня искать. Он приехал за мной и освободил, как и тех девушек, которые состояли в агентстве не по своей воле.

Подробности о встрече с Константином мама рассказывать не стала, но я и не настаивала. Видеть боль в ее глазах было невыносимо. Разговор вымотал меня, и я снова погрузилась в сон. А когда открыла глаза, рядом со мной сидел Игнат. Мы смотрели друг на друга, и время словно остановилось. Недоумение. Вопросы. Тоска. Нежность. Немой укор. Слов не было. Только взгляды.

«Как это могло произойти с нами?..»

«За что, Игнат?»

«Как же так, Яра? Почему ты молчала?»

«Как ты мог не узнать меня?»

«Прости, что не узнал... Любимая, я так страдал... Твое лицо всегда было передо мной. Я думал, это наваждение. Призрак...»

Так мы смотрели друг на друга. Наши глаза блестели, словно в них переливались осколки разбитых надежд, продолжая ранить. Осколки воспоминаний ранили и наши сердца. Мы молчали, не решаясь начать разговор. Игнат не выдержал первым.

— Я полный кретин, — хрипло пробормотал он. — Не узнал тебя. Совсем как принц не узнал Зарю в твоей истории.

— Ты это помнишь? — улыбнулась я. — Но он все же узнал ее.

— И она его простила? — В его голосе звучало смятение.

— Конечно. — Я протянула руку, а он тут же сжал мои пальцы. Мне хотелось утонуть в нежности. Мы снова были рядом. И больше ничто не имело значения.

— Но принц не пытался убить свою возлюбленную, — с горькой усмешкой произнес Игнат.

— До такого сюжетного поворота я тогда не додумалась. — Легкая улыбка тронула мои губы. — Но в жизни иногда случаются вещи, которые невозможно предугадать.

— Жаль, что это всего лишь сказка. — Его янтарные глаза снова наполнились болью.

— В наших силах превратить сказку в реальность, — прошептала я.

Он смотрел на меня, словно на чудо.

— Прости, что не смог тебя узнать.

— Не вини себя, никто бы не смог. Я должна была рассказать тебе, но... мне было очень страшно. Стас — настоящее чудовище. Он бы убил маму.

— Расскажи мне сейчас, — тихо попросил Игнат.

И я начала. Не знаю, сколько длился мой рассказ. В какой-то момент я обнаружила себя в его объятиях. Он перебрался ко мне на кровать и держал меня крепко, не отпуская. Я чувствовала себя защищенной рядом с ним, как никогда раньше. Уткнулась ему в шею, вдыхая любимый запах моего мальчика, ставшего мужчиной. Он гладил меня по волосам, а потом поцеловал в висок.

— Я люблю тебя. И всегда любил, — прошептал он. — Не могу поверить, что своими руками чуть не убил тебя, я ведь готов был выстрелить. Не знаю, как теперь жить с этим. Я должен был разобраться, но... не смог. Повел себя как мальчишка. Мне казалось, что за столько лет в бизнесе я научился контролировать себя, сдерживать эмоции. Стас разыграл все

как по нотам, подсунул ложные обвинения, а времени разобраться не было. Он сыграл на моей гордости, на боли, которую я носил все эти годы. Я пойму, если ты не простишь меня.

Я подняла голову и поймала его взгляд.

— Ты не виноват, родной. Главное, что теперь все позади. Мы справимся.

— Вместе? — Игнат задержал дыхание.

— Вместе. — Я потянулась к нему за поцелуем.

Игнат целовал меня ласково, бережно, его прикосновения были почти невесомы. Это было похоже на шепот ветра. Это был поцелуй с привкусом радости от долгожданной встречи, горечи вины, боли сожаления и восторга надежды.

— Ты сильная и смелая, Яра. Не каждый смог бы вынести то, что легло на твои хрупкие плечи. Ты моя невероятная девочка. Я восторгаюсь тобой! — Его голос был наполнен искренностью и любовью, а в глазах стояли слезы.

Я прижалась к нему всем телом, мне хотелось быть как можно ближе. Только так могла убедиться, что это не сон. Он теперь рядом, и так будет всегда. Мы долго лежали вместе на узкой больничной кровати. Но для меня это было самое уютное место на свете, потому что со мной был он. Я положила голову ему на плечо, чувствуя, как его сердце бьется в такт моему. И не заметила, как уснула в его объятиях.

Глава 50. Секреты Мэри

Ярослава оказалась жива. Осознать это до конца было почти невозможно, но Серж со Стешей совершили то, что казалось нереальным. Они докопались до правды, убедились в ней сначала сами, а затем открыли остальным.

Когда они выбирались с крыши, Серж крепче сжал Стешину руку. У них все получилось. Их усилия были не напрасны. И, хотя впереди оставалось еще немало вопросов, ответы на которые им требовалось найти, они сделали главное — успели. И спасли жизни своих друзей.

Всю ночь Серж и Стеша участвовали в следственных действиях. К утру, когда полиция наконец отпустила всех, Костя вместе с охраной отправился в Андреевку за Еленой. А Серж почувствовал, что нужен в другом месте и что в этой суматохе они могут упустить главное. Его не устраивала картина, в пазлах которой не хватало важных деталей, чтобы получить ответы на оставшиеся вопросы. Кто именно похитил информацию по сделке Игната? И зачем? В этой истории пора было поставить точку. Серж привык доводить все до логического завершения.

Он завез Стешу домой, крепко обнял, поцеловал на прощание и направился в особняк Елецких, где служба безопасности Игната продолжала разбирательство. Они проверяли средства связи всех, кто находился в доме в тот день. Всех, кроме одной персоны — Мэри. Ее телефон, как она заявила, был потерян. Она явно не ожидала, что в доме начнут столь тщательно проводить расследование, но быстро вошла в роль, причитая о пропаже и изображая долгие поиски телефона в своей комнате.

Серж решил не тратить время зря. Он снова и снова задавал вопросы персоналу, цепляясь за каждую деталь, а затем собрал всех обитателей дома в гостиной, включая Мэри.

— Почему я опять должна отвечать на ваши вопросы? — раздраженно пробормотала она, скрестив руки на груди. — Это уже какой-то фарс! Я все рассказала службе безопасности. С меня хватит.

— Где вы находились, когда услышали телефонный разговор Владиславы? Вы кому-то сообщили о том, что услышали? — спокойно спросил Серж, проигнорировав ее вспышку гнева.

Мэри заметно напряглась. Раздражение смешалось с нервозностью, но она сохраняла надменность.

— В своей комнате, — отрезала она.

— Тогда как вы слышали, с кем разговаривала Влада? — Серж чуть заметно нахмурился. — Ваша комната находится в противоположной части дома, — отметил он. — Оттуда вы не могли ни видеть, ни слышать Владиславу, якобы выходящую из кабинета.

Мэри замаялась, но тут же выпалила:

— Я... спускалась по лестнице. И увидела ее! Она как раз выходила из кабинета.

Серж кивнул с видимым спокойствием.

— Значит, вы все-таки покидали свою комнату. Для чего?

— Искала горничную. Хотела выпить чаю, — быстро ответила она, явно пытаясь выиграть время.

— Значит, вы заходили на кухню?

Мэри отвела взгляд, ее лицо было напряженным. Серж не отступал.

— Вы застали там Ольгу Павловну? — так же спокойно продолжил он, не сводя с нее глаз.

— Не знаю, где ее носило. Вечно, когда нужно дать поручение, ее не сыщешь. — Она фыркнула, но голос прозвучал неуверенно.

— Что вы, Мэри, я никуда не отлучалась из кухни, — возмутилась Ольга Павловна. — Я готовила ужин. А вот вас там я не видела.

— Значит, чай вы приготовили себе сами? — улыбнулся Серж.

— Вот еще! — Мэри вскинула голову, словно оскорбленная самим предположением. — В нашем доме этим занималась прислуга.

— Может, вы еще кого-то встретили в это время? — настойчиво продолжал Серж.

— Нет. В этом доме никому нет до меня дела! — В ее словах сквозила обида.

— Не совсем так, Мэри. Вот мне, например, дело есть. — Серж не отводил взгляда, его голос был спокойным, но твердым. — Мне любопытно, почему вы не встретили Ольгу Павловну на кухне. И почему не столкнулись с охранником Павлом, который как раз пришел попить чай, если вы видели Владу в одно и тоже время?

— Спросите у него, — раздраженно бросила Мэри.

— Мы уже спросили, — мягко, но с нажимом ответил Серж. — И выяснили кое-что интересное. Когда вас опрашивала служба безопасности, Ольга Павловна немного запуталась во времени, но мы во всем разобрались. Охранник видел женский силуэт, прошмыгнувший в кабинет, когда направлялся на кухню. Это было сразу после того, как Влада и Игнат покинули дом. Саму Владу он видел в холле позже, гораздо позже, после того как попил чай и возвращался назад на свой пост.

Мэри явно напряглась, ее лицо застыло.

— Таким образом, — продолжил Серж, — у всех в доме есть алиби. Кроме вас, Мэри... — Молодой человек сделал паузу. — Пока Игнат с Владой гуляли, вы вошли в кабинет. Именно ваш силуэт видел охранник. У вас было достаточно времени сфотографировать документы. А когда выходили, то едва не столкнулись с Владой. Вы спрятались под лестницей и подслушали ее разговор по телефону. Влада же, услышав шаги, заглянула в кабинет, но вас там уже не было.

Он выдержал паузу, наблюдая за реакцией Мэри. Ее лицо то багровело, то бледнело, но она по-прежнему молчала.

— Вы запутали следствие, Мэри. Причем сделали это преднамеренно. Зачем вы подставляете Владу? На кого вы работаете?

Серж мысленно восстановил хронологию того дня, проанализировал действия каждого из присутствующих в доме, связав показания воедино. Теперь все встало на свои места. Только у Мэри, как бы та ни пыталась обмануть окружающих, была самая очевидная роль. Лишь у нее имелась возможность проникнуть в кабинет Игната, обвинив в этом Владу. При этом Серж говорил уверенно, его спокойный, властный тон будто опутывал девушку невидимыми нитями. Ответ Мэри прозвучал резко, на грани истерики:

— Да как ты смеешь? Кто ты вообще такой, чтобы я перед тобой оправдывалась? — Мэри скрестила руки на груди, но в ее голосе было больше паники, чем агрессии.

— Не горячитесь, — Серж слегка склонил голову и продолжил. — Вам лучше все рассказать. Пока еще это можно сделать добровольно. Сейчас у нас просто беседа, но за ней может последовать уже настоящий допрос у следователя, который, уверен, не станет так с вами церемониться. У службы безопасности, кстати, есть вопросы по поводу вашего пропавшего телефона. Кроме того, — продолжил Серж, сделав паузу, чтобы усилить эффект, — вы еще не знаете самого главного: Вальзер жив.

Мэри испуганно вытаращила глаза. Имя мужа было ее слабым местом. Серж попал точно в цель. Наблюдая за ее реакцией, он сделал шаг вперед:

— Уверен, что в ближайшее время он захочет с вами встретиться и поговорить. И поверьте, наверняка у него найдется что вам сказать.

Мэри охватила паника, ее лицо исказилось от шока.

— Как?... — прошептала она, едва находя силы говорить. — Но ведь... — Она замолчала, опустив взгляд. Самоуверенность исчезла. — Хорошо, я все расскажу, — сдавленным голосом произнесла она, делая шаг в сторону Сержа. — Я погорячилась... У меня не было выбора, понимаете? — Голос срывался, глаза блестели от едва сдерживаемых слез. — Умоляю, не говорите ничего Илье.

Она подошла еще ближе и схватила Сержа за руку, будто просила защиты.

— Мне предложила это... одна семья, очень влиятельная. Они давили на меня. Когда муж был жив, я могла дать отпор любому, но потом... Когда сообщили о его смерти, я испугалась. С чем я осталась? — Слезы скатились по ее щекам. — У меня ничего нет. Ни денег, ни дома, ни защиты. Как мне жить? Я не хотела. Правда! Это все Гордеевы! Они решили наказать Игната за то, что он отверг их дочь ради... Влады. Они убеждали меня, что документы нужны только для того, чтобы ее подставить. Я не знала, что они собираются уничтожить империю Елецких. На такое я не подписывалась!

Мэри рыдала, нервно вытирая лицо. Серж, скрестив руки на груди, молча смотрел на нее. Он пытался понять, искренне она рассказывает или просто играет новую роль в своем спектакле. Ответы, которые искал, он получил. Но спасет ли это бизнес Игната?

Мэри больше не отпиралась и даже вдруг «обнаружила» свой якобы потерянный телефон в одной из сумочек, спрятанных в шкафу. Служба безопасности приступила к изучению его содержимого. Все подтвердилось: именно Мэри передала документы Алексе, дочери Игоря Гордеева.

Ее отпустили в свою комнату, приставив к ней охрану. Хотя и так было понятно, что она никуда не сбежит. Бежать ей было некуда.

Оставшись наедине с собой, Мэри металась из угла в угол, не зная, что делать дальше. До нее окончательно дошло, что произошло.

Резкий звонок телефона застал ее врасплох. На экране высветилось имя, которое заставило вздрогнуть. Рука не слушалась, когда она все же подняла трубку.

— Машка, что, не ждала меня? — прозвучал низкий знакомый голос, в котором она сразу почувствовала угрожающие нотки. — Выкладывай, я все про тебя знаю.

Мэри судорожно сглотнула. Тело напряглось, дыхание участилось.

— Ты сам виноват, — начала она срывающимся голосом. — Ты привел в дом непонятно кого. Я... я ревновала. Ты все делал для нее! Думаешь, я не замечала, как ты на нее смотришь, как заботишься? Думаешь, не знаю, что собирался оставить ей все? Конечно, любимица, папина дочка, наследница! Она пришла на все готовое и получила лучшее, а я?..

— А чего тебе не хватало, Машка? Ты получала все, что хотела. Я не требовал многого, взамен просил лишь одного — быть внимательнее к моей дочери. — В его тоне сквозила горечь. — Скажи честно, ты причастна к покушению на Владу?

Мэри остолбенела, открыв рот, но слова застряли в горле. Она не ожидала этого вопроса, поэтому у нее не было готового ответа. Или он был, но сознаться она не могла. В трубке повисла тягучая тишина, прерываемая лишь громкими всхлипами, но Вальзер не позволил Мэри утонуть в жалости к себе.

— Говори, я слушаю, — потребовал он ледяным тоном, разрезающим тишину.

Мэри попыталась собраться с мыслями, но слова давались тяжело.

— А что мне оставалось делать? — с горечью выдохнула она. — Быть только верной женушкой? Всю жизнь просидела в золотой клетке. Илья, как мне жить, если тебя не станет? Я... я поддалась порыву. Передала сведения о том, где находилась Влада. — Ее голос срывался, но она продолжила: — Я не хотела, чтобы с ней что-то случилось, правда. Просто хотела, чтобы все было по-прежнему. Как до ее появления. Я не хотела делить тебя. Даже с дочерью, — последнее слово прозвучало тихо, как признание в смертном грехе.

— Кому ты передала эти сведения? — Стальной голос Вальзера не дрогнул, и Мэри снова всхлипнула.

— Илья, мне поступали звонки с разными предложениями. Но я никогда ничего никому не говорила! Поверь. А тут... Словно бес попутал. Я обиделась на тебя и проговорила. Прости меня. Я... я раскаиваюсь, — Она разрыдалась громче, в голосе зазвучала отчаянная мольба.

Она надеялась, что ее признание и слезы расплавят железное сердце мужа. И если он ее не простит и не позовет назад, то хотя бы оставит в живых.

— Машка, Машка... Что ты сотворила, — тихо сказал Вальзер. В его голосе не было гнева, лишь горечь и бесконечная усталость. — Я надеялся на тебя. Думал, ты будешь мне опорой. Мечтал прожить с тобой до конца своих дней. Я искал в тебе то, чего мне не хватало по жизни. Хотел семью, большую, дружную. Думал, отойду от дел, заживем. Конечно, я был эгоистом, это правда. Понимал, что стар для тебя. Да и порой не показывал своих чувств, не всегда был ласков с тобой, но думал, что все наверстаем, что закончу дела, уедем подальше, буду тебя баловать, дуреху. У меня денег на всех хватило бы. А ты... Ты предала меня. Как ты могла?

Его голос стал еще ниже, слова — тверже и безжалостнее, рыдания Мэри не смягчили Вальзера.

— Теперь все. Отрезало. Живи как хочешь, Машка. Не бойся, я тебе ничего не сделаю. Можешь считать себя свободной. Но знай одно: между нами на этом все. — Он сделал паузу, будто давая ей понять всю тяжесть произнесенных им слов. — Прощай.

Она сидела, сжимая телефон, не веря, что это произошло. Слезы катились по щекам.

— Илья, прости! — закричала Мэри, но в трубке уже раздавались короткие гудки.

Этих слов Вальзер уже не слышал. Он был далеко и точно знал, что больше не увидит Мэри. Звонок дался ему нелегко. После разговора с женой, теперь уже бывшей, осталась лишь пустота.

Он отложил телефон и, тяжело вздохнув, закрыл глаза.

— Нет ни жены, ни дочери, — прошептал он себе. И подумал о Владе.

Глава 51. Маленькая Маша

Маленькая Маша не мечтала о нарядных куклах и ярких игрушках, как другие дети. Ее единственным желанием было, чтобы на нее обратили внимание, подарили немного любви и заботы. Но в доме, где родители любили бутылку больше, чем собственную дочь, о таких вещах можно было только мечтать. Воспитание Маши перекладывали с одной бабушки на другую, словно она была обузой, ненужной вещью, от которой все старались избавиться и которую никто не хотел брать в свою жизнь. Девочка росла, окруженная равнодушием, а ей хотелось иметь все то, что дети из обычных семей получают просто так — только за то, что они есть у родителей.

К четырнадцати годам Маша уже знала цену деньгам. Чтобы купить стильную одежду или мечту каждого подростка — модный, но не очень дорогой телефон, она стала подрабатывать. Она не ждала подарков от судьбы, но усвоила урок: все в этой жизни можно получить, но за все нужно платить, только так открываются двери к любой заветной мечте. Эта простая истина сформировала ее характер навсегда.

Она расцвела рано: красивая, с эффектной фигурой, большими глазами и пухлыми губами, заставляла мальчишек оборачиваться ей вслед. В старших классах Маша влюбилась в одноклассника. С ним были первые объятия, первые слова любви, первый поцелуй. Все первое... Парень смотрел на нее влюбленными глазами. Она чувствовала себя счастливой, строила планы на дальнейшую жизнь. Все могло сложиться с этим мальчиком иначе, если бы в ее жизни не появился Вальзер.

Однажды, уже во время учебы в колледже, они с однокурсницами сидели в баре — у одной из них был день рождения. Местечко было не для бедных — подружка могла позволить себе такую роскошь за родительский счет. Именно там Маша встретила Вальзера. Статный взрослый мужчина сразу привлек ее внимание. Она перехватила его пронзительный взгляд, прожигавший насквозь, и, засмутившись, опустила глаза. Роскошный букет, который принес охранник от Вальзера, сразу подкупил девушку. Ее сердце екнуло. Она тут же забыла о своем мальчике, с которым продолжала встречаться со школы, и бросилась в новые отношения как в омут с головой.

Представительный, немногословный Вальзер всегда был щедр в отношениях с Мэри. На цветы и подарки никогда не скупился. Не задавая лишних вопросов, просто заваливал ими девушку. Он ухаживал за ней так, как умел, не осыпал комплиментами, но доказывал любовь поступками, а не словами. Девушка, не знавшая в своей жизни родительской любви, приняла ухаживания взрослого мужчины, способного решить любую проблему. Ей казалось, что в этих отношениях она получит то, чего не хватало раньше, — отцовское внимание. Для Маши, которая с детства грезилась о материальном достатке, щедрые жесты Вальзера были пределом мечтаний.

Вскоре девочка из бедной семьи решила стать Мэри. Новое имя, новая жизнь. Теперь у нее был статус — девушка взрослого и влиятельного мужчины. Подруги завидовали. А кто-то, наоборот, за спиной называл содержанкой.

Сначала Мэри была очарована. Вальзер казался рыцарем на белом «мерседесе» и увез ее из нищеты. Она видела в нем человека, который заменил ей семью.

Конечно, она понимала, что он связан с криминалом. И то, что он никогда не рассказывал о своих делах, ее устраивало. Ведь его власть и деньги открывали перед ней двери в совершенно иной мир. Вальзер стал ее билетом в роскошную жизнь.

У нее было все, чего она хотела. Деньги, дорогая одежда, украшения, машины. И девушка этим наслаждалась. Однако за счастье нужно было чем-то платить, в ее случае она платила свободой. С тем, что Вальзер контролировал каждый ее шаг, она быстро смирилась.

Но со временем золотая клетка перестала быть сказкой. Вальзер никогда не спрашивал ее мнение. Все решения принимал единолично. Так было и когда Мэри захотела ребенка, а он то ли не хотел, то ли не мог.

Очарование богатством стало улетучиваться. Мэри затосковала. Одиночество рядом с этим взрослым мужчиной становилось все ощутимее. И тогда она начала вспоминать того мальчика, который смотрел на нее влюбленными глазами. Она представляла, каким он стал. Мечтала найти его. Но не смела — боялась гнева мужа.

Когда в их доме появилась Влада, Вальзер изменился. Мэри видела, как он смотрит на эту девочку с нежностью, которой она сама удостаивалась так редко. Влада ничего для этого не делала. Просто была. И это бесило Мэри. Дочь забрала то единственное, ради чего она, Мэри, жила в этой клетке. Теперь Вальзер делал все для девочки: переписывал на нее имущество, опекал. Мэри чувствовала, что Влада вытеснила ее из жизни Вальзера. Она решила, что для мужа отошла на второй план. Мэри кипела от ревности, хотела быть на месте Влады. Завидовала даже тому, что Влада еще может быть счастливой, например с Марком, который вертелся рядом. И она жаждала видеть рядом с собой такого же красивого парня, чувствовать молодое тело, любоваться им, целовать, мечтать вместе о детях. И когда у Влады появился Марк, она закусил губы, представляя его своим, но ничего сделать не могла, остерегалась реакции мужа.

В последнее время на ее телефон стали поступать странные звонки. Кто-то анонимно предлагал свободу в обмен на информацию. Мэри блокировала номера. Ей казалось, что Вальзер что-то почуял и хочет ее проверить. Почему она сразу ему про них не рассказала? Мэри и сама не знала. Наверное, боялась.

Когда Вальзер пропал, страх Мэри только усилился. Она лишилась защиты. Кому достанется наследство, также было неясно. Когда раздался очередной звонок, Мэри захотела узнать подробности и, не видя другого выхода, в итоге согласилась.

Ей предложили подставить Владу. Нужно было лишь сфотографировать документы Елецкого. Взамен — крупная сумма. Первую часть перевели авансом, остальное обещали после работы. Она согласилась. Сделала фото, отправила и с ужасом узнала, что заказчиками были Гордеевы. Заплатив оставшуюся сумму, они предупредили, что если она проболтается, то исчезнет навсегда и никто никогда ее не найдет. Ловушка захлопнулась. Теперь у нее ничего не осталось.

Когда Серж сообщил, что Вальзер жив, ее мир рухнул. Если бы Мэри об этом узнала раньше, то никогда бы не пошла на сделку, не согласилась бы помогать Гордеевым. И сейчас могла бы рассчитывать на воссоединение с мужем и на прежнюю беззаботную жизнь, пусть и в золотой клетке. Она понимала: если бы не ее предательство, все могло быть иначе.

Когда ее вызвали к Игнату, она решила не отпираться. Больше ей нечего было скрывать, и она честно ответила на все вопросы. И удивилась, что ее отпустили, не предъявляя обвинений.

Вернувшись в комнату, Мэри позвонила Марку. Ей казалось, что он ее последняя надежда.

— Во что ты вляпалась, детка? — Его голос прозвучал холодно. — Ты совсем с ума сошла? Чего тебе не хватало?

— Любви, — прошептала она в ответ.

— Жди, сейчас за тобой приедут. Укрою на время.

Мэри выключила телефон и закрыла глаза. Золотая клетка исчезла, а с ней и все то, к чему она так стремилась.

Глава 52. Мы снова семья

Все собрались в гостиной. Было непривычно видеть столько близких людей под одной крышей. Мама, Костя, Игнат, Серж и Стеша — все они наполняли мою жизнь смыслом. Они были всем моим миром.

Сначала я чувствовала себя немного странно в этой обстановке. После всего, что произошло, было сложно избавиться от скованности и неуверенности. Игнат всегда находился рядом, готовый прийти мне на помощь. Его взгляд был искренним, а глаза говорили: «Я с тобой, я рядом». Его поддержка была для меня бесценна.

Мы понимали друг друга без слов, за что я была ему безмерно благодарна.

На экране большого телевизора шел репортаж о задержании преступной группировки, которой руководил Стас Далевский. Его криминальный бизнес процветал благодаря высокопоставленным покровителям, чьи имена пока не разглашались. В репортаже упоминали все: и эскорт, и подставные знакомства для кражи информации, и мошенничество. Говорилось также о покушении на известного бизнесмена с криминальным прошлым — Илью Вальзера. Следствие располагало неопровержимыми доказательствами от ключевого свидетеля. Имя не разглашали, но я поняла — это была мама.

За Далевским числилось столько преступлений, что хватило бы засадить его в тюрьму на пожизненное. Но авария стала апогеем в списке его злодеяний. Следователи раскопали правду о катастрофе, в которой мы с мамой якобы погибли. Свидетель, найденный Сержем, дал показания. Затем сознался и помощник Стаса, он же сообщил подробности происшествия, раскрыв, кто на самом деле сгорел в машине.

Мама с Владой действительно находились в одном автомобиле. После того, как они умчались, к особняку подъехала Оксана. В этот же момент Стас с помощником выбежали из дома, пытаясь перехватить Владиславу. Завязалась ссора. Оксана, поняв, что происходит, с яростью набросилась на Стаса. Она кричала, обвиняла его в предательстве и подставе Елены. Далевский ударил ее так сильно, что та потеряла сознание. Времени возиться с ней не было, поэтому ее затолкали в машину и помчались вслед за мамой и Владой.

На месте аварии, осознав, что дочь Вальзера погибла, а я жива, Стас решил выдать меня за Владу. Он приказал вытащить нас с мамой, а на место водителя посадить Оксану. Женщину оставили умирать в горящем авто. Она погибла, не приходя в сознание. Это была страшная, бесчеловечная смерть. Стас все обставил так, чтобы все подумали — мать и дочь погибли, спасаясь от погони, которую устроил бывший муж Елены.

В новостях продолжали рассказывать о преступлениях Далевского, упомянув и о том, что он несколько лет силой удерживал заложников, но наши с мамой имена не упоминались. Игнат предусмотрительно позаботился о конфиденциальности.

Предварительные выводы следствия были однозначны: Далевскому грозил пожизненный срок заключения. Преступления Стаса закончены. Но важным было и то, что его ненависть, лживость, разрушительное желание мучить и унижать других больше никому не причинят боли. Все, что он построил на страданиях людей, рухнуло. Эти грязные дела не будут иметь продолжение и уйдут с ним навсегда. Когда программа закончилась, в гостиной начались оживленные обсуждения. Все обменивались мыслями, а я, обдумывая услышанное, спросила Игната:

— Ты знаешь, что с Вальзером?

— Он жив, — уверенно сказал Игнат, и успокаивающе положил руку на мою ладонь. — Операция прошла успешно. Пуля извлечена, состояние врачи оценивают как удовлетворительное. Скоро сможем его навестить.

Я облегченно выдохнула, но недоумение не отпускало.

— Мама, расскажи поподробнее, как он узнал? — спросила я скорее себя, чем окружающих. — Покушение, исчезновение... Он должен был залечь на дно, пока не решит свои проблемы. Но почему оказался в ресторане?

— Я попросила его спасти тебя, — тихо сказала мама.

Голоса стихли. Все посмотрели на нее, а я обратила взгляд на Костю. Его лицо казалось каменным, но в глазах читалась смесь тоски и тепла, словно ожила память о былой любви и потери. Я помнила, как тяжело он принял предательство любимой женщины. Тогда мне казалось, он никогда не простит.

Но, потеряв любимую, он изменился: обида отступила, оставив горечь утраты, которая с годами превратилась в тоску. Костя был мудрым. Он продолжал любить маму. И эта любовь, как невидимая сила, связывала его с ней.

Мама неуверенно подняла на него глаза, прежде чем заговорить.

— Я хотела защитить тебя, Яра. После нашей встречи поняла — пора действовать. Я знала, как действовал Стас. Он всегда искал слабые места людей, использовал их ошибки. Я решила поступить так же и начала следить за ним. Мне удалось подслушать один из его разговоров. Так я узнала, что у него есть покровитель. Кто-то, кто давно стремился отнять чужой бизнес, и для этого не раз обращался к Стасу. Я не знала, кто этот человек, чего он хочет, но воспользовалась шансом и подслушала их разговор. Мне помог Марк. — Мама сделала паузу, оглядывая нас. — Я пробралась в кабинет Далевского и стала свидетельницей его разговора с Гордеевым.

Имя прежнего партнера, давнего друга семьи резануло слух. Костя невольно сжал губы, но промолчал.

— Гордеев хотел захватить ваш бизнес. — Мама повернулась к нему с тревогой в глазах. — Костя, я не знала, как сказать это раньше. Это было его целью. Он же сообщил Стасу, что Игнат и Ярослава встретились на море. Откуда он узнал об этом, я не понимаю.

— Должно быть, от Мэри, — нахмурился Игнат. — Она была в курсе моих отношений с Алексой. Когда мы встретились на море, сразу поинтересовалась, со мной ли Алекса. Думаю, Гордеев все узнавал от нее.

Мама кивнула и продолжила, теперь уже спокойнее.

— Во время этого разговора Стас поделился планами покушения на Вальзера. Он рассчитывал на поддержку Гордеева, но тот не спешил брать на себя такие риски. Чтобы войти в доверие, Стас предложил ему идею кражи документов по сделке Игната. Они должны были проверить это вместе. Но Гордеев поставил условие: сначала устранить Вальзера. Реализовать кражу документов Стас намеревался через Владу.

В комнате воцарилась тишина. Я видела, как маме тяжело говорить и обняла ее, показывая, что она не одна. Мы хорошо понимали, какой опасности она подвергалась, чтобы узнать тайну этих ужасных людей. Но благодаря ее смелости и находчивости все избежали большой трагедии.

— Когда Гордеев ушел, — начала мама после паузы, — я увидела, что Стас записывал на него компромат. Он всегда так делал — тайно снимал видео, собирал улики и прятал флешки в сейфе. По великой случайности мне удалось его открыть. Я поразилась тому, что в нем находилось. Большая картотека на нескольких полках в алфавитном порядке. Отдельно лежал подписанный конверт с флешкой, на которую только что был записан сговор Стаса с Гордеевым. Я сразу же забрала его. Понимая, что другого шанса у меня не будет, стала искать флешку на тебя, дочка. Мерзавец Стас любил порядок во всем. Даже здесь, в сейфе все лежало строго на своих местах. Поэтому я быстро нашла конверт с именем «Влада» и с информацией о тайне твоего исчезновения. Но я не могла уйти без компромата на Марка. Конверт с его именем я тоже сразу отыскала. — Она замолчала, чтобы перевести дух. — Мне удалось отблагодарить его за то, что он помогал спасти нас.

Рука мамы дрогнула, и она крепко сжала мою ладонь.

— Марк смог пронести мне телефон. У меня была возможность сделать только один звонок. Я воспользовалась шансом и позвонила Вальзеру. Рассказала ему о готовящемся покушении и умоляла помочь.

— Лена, почему ты не позвонила мне? — Голос Кости прозвучал с беспокойством и сожалением. — Ты знала, что я бы помог. Ты могла рассчитывать на меня.

Мама посмотрела на него с тоской. Ее тяготили годы сожалений, молчания, и того, что так и осталось невысказанным.

— Прости, Костя, — тихо произнесла она. — Я боялась. Боялась, что после стольких лет ты мне неверишь. Ты считал меня предательницей. Стас убедил тебя, что я украла документы для конкурентов, что сдала тебя. А ведь он наказал меня за то, что я этого не сделала. Видео, которое он прислал, было подделано. Документы, которые я передала, не раскрывали условий сделки. Я пыталась не навредить тебе, но в то же время боялась, что ты отвернешься, если узнаешь всю правду обо мне. Правду, за которую я сама себя ненавижу. Прости, что не смогла тогда все рассказать. Я виновата перед тобой.

Из маминых глаз скатилась слеза. Она быстро вытерла ее, не желая показывать слабость. Она не искала ни оправданий, ни жалости, но ее признание прозвучало как настоящее откровение — и для нас, и для Кости.

Все молчали, никто не хотел нарушать этот момент. Костя смотрел на маму. Его взгляд, полный воспоминаний, оживших вместе с ее словами, стал мягче. Он вдохнул глубоко и заговорил, отбросив привычную сдержанность.

— Лена, у меня было шесть лет, чтобы все осмыслить, — произнес он тихо, но решительно. — Виноваты были мы оба. А может, больше я. Мне нужно было поступить иначе. Защитить любимую женщину, дать ей опору. Тогда, возможно, не случилось бы страшной трагедии. Но я струсил. Решил, что проще отрезать, вырвать и жить дальше. Только жить без тебя оказалось не так просто. — Он сделал паузу, пытаясь справиться с нахлынувшими эмоциями. — Я любил тебя, Лена. И, если позволишь признаться, люблю до сих пор.

Его слова, наполненные нежностью и болью, прозвучали как тихая исповедь. Это было не просто признание — это была попытка вернуть то, что казалось утраченным навсегда.

Костя ответил на откровение мамы своим откровением, таким же сильным и честным. Их разговор стал примером того, как правда, даже тяжелая, способна исцелять... Чистосердечное признание двух взрослых людей стало уроком для нас — и для меня, и для Игната.

— Костя... — прошептала мама. В ее голосе слышалось сомнение, будто она не верила, что достойна произнесенных слов. — Я не заслуживаю...

— Это я тебя не заслужил, — ответил он, не давая ей усомниться в своей любви.

Такой упрямый. Игнат точно в отца. В этом не оставалось никаких сомнений. Я обняла маму, стараясь передать ей свою поддержку и любовь. Она сейчас так в этом нуждалась. В ответ я почувствовала, как мама чуть расслабилась в моих объятиях, ее напряженные плечи начали опускаться. Игнат, подойдя к отцу, молча положил руку ему на плечо. Жест поддержки, мужской и важный.

Когда эмоции утихли, мы вернулись к разговору о Вальзере. Я рассказала о его письме, о том, как он выяснил, что я не его дочь, несмотря на поддельные тесты ДНК. Стас сфабриковал анализы, чтобы убедить Вальзера в том, что я в облинии Влады — его биологическая дочь. Вальзер поверил, только потому что второй тест, сделанный позже в больнице, подтвердил тот же результат. Стас подкупил врача. Только через шесть лет Вальзер все-таки выяснил, что и первый, и второй анализы были фальшивыми.

И даже узнав правду, он принял меня. Понял, что не кровь, а любовь делает людей близкими. И в этом его открытии была сила. Он научился любить по-настоящему — без условий, просто за то, что я была рядом. За то, что стала его дочерью сердцем.

Игнат рассказал, что благодаря звонку мамы Вальзер избежал покушения. В момент нападения он разыграл все по своему сценарию: в машине, которую обстрелял киллер, находился только водитель. Пуля слегка задела мужчину, а затем машину столкнули в реку, чтобы Стас решил, будто заказ выполнен. Исполнителя тут же взяли люди Вальзера, но сам Стас счел, что киллер просто залег на дно. Так Вальзер выиграл время.

Оставаясь в тени, он следил за мной и Мэри, всегда готовый прийти на помощь. В это время его бизнесом управлял доверенный человек, а сам он готовился к финальному удару. Он передал правоохрнительным органам все собранные доказательства против Далеvского — эти материалы были настолько вескими, что дела, заведенные на Стаса, которые ранее закрывали по подкупу, теперь вновь всплыли. За считанные дни полицейские накопили столько, что Далеvскому было не отмыться и не откупиться.

Через своего человека, работавшего в доме у Стаса, Вальзер узнал, что мне угрожает опасность. Далеvский хотел обвинить меня в смерти Ярославы. Вальзер понял, что должен срочно вмешаться и оправился в ресторан вслед за Стасом. Он не раздумывал. И появился вовремя.

Но на этом история не закончилась. В Андреевке полиция нашла новые улики против Далеvского. В том числе благодаря маме следствие получило доступ к картотеке на каждого из его «партнеров», а также архив видео и документов, доказывающих его преступления. В итоге в яму, которую Стас копал для других, он угодил сам и закопал себя с головой.

Самой крупной рыбой в этой мутной воде оставалась семья Гордеевых. Их планы украсть документы, разорить Елецких и нажиться на чужом горе провалились. Вместо этого они потеряли собственное состояние и нажили проблемы с законом. Ирония судьбы: тот, кто строил козни, сам оказался в ловушке.

Серж рассказал, как выяснил, что документы украла Мэри. У нее не было причин выгораживать Гордеевых, и она передала улики службе безопасности в полном объеме. Когда приехал Игнат, он тоже поговорил с ней. Выслушал, задумчиво хмыкнул, словно взвешивая что-то. А потом бросил:

— Свободна.

Мэри не стала ждать, пока Игнат передумает, и поспешила покинуть дом.

— Я до сих пор не понимаю, зачем ты отпустил ее. Она заслуживает наказания, — недовольно нахмурился Серж.

— Да, Мэри украла документы, но, по сути, сыграла мне на руку, — уверенно сказал Игнат. — К тому же она не представляет угрозы. — Его голос звучал спокойно, но с холодной расчетливостью. — Она слишком жадна, чтобы понять, на кого работала. И слишком глупа, чтобы осознать, что принесла мне огромную пользу.

Серж внимательно посмотрел на друга. Игнат всегда был хорошим стратегом.

— Ты использовал ее? — уточнил Серж.

— Нет, — отозвался Игнат. — Она сделала это сама. Просто не знала, что документы, которые она передала Гордееву, не представляли особой ценности и существенно отличались от окончательного варианта договора. Финальные данные находились в зашифрованном файле, доступ к которому был только у меня.

Игнат понимал, что лучший учитель — жизненный опыт. Он многому научился у отца. Не только на победах, но и на поражениях. После истории со Стасом Игнат решил для себя, что к особо важным сделкам будет готовиться лично, чтобы избежать возможной утечки информации. Так было и на этот раз. Документы, которые он оставил в кабинете, были лишь исходными данными, слив которых не мог иметь последствий. В тот вечер Игнат работал допоздна над окончательной версией контракта. Доступ к файлу был надежно защищен.

— Когда в Сеть попала «утечка», я уже знал, что обвинения ложные. Сделка была под угрозой, но я легко доказал партнеру, что условия не нарушены и никакой утечки не произо-

шло. Мы все подписали точно в срок. Но афишировать истинное положение дел я не спешил. Ждал, кто проявит себя, помня слова отца о ближнем круге врагов.

— Ты играл с огнем, — пробормотал Серж. — Это могло погубить компанию.

— Зато я узнал, кто за всем стоит, — резко ответил Игнат. — А в нашем деле информация — самый ценный актив.

Игнат встал и подошел к окну, заложив руки за спину. Его взгляд был жестким, решительным.

— Когда акции начали падать, я понял, что это сговор. Крупный пакет поступил в продажу, вызвав панику, — продолжил он, — устойчивость компании была под угрозой, и акционеров стало покачивать, а впоследствии трясти. Это был раскол внутри компании, акционеры разделились на два лагеря. Одни хотели защитить общее дело, другие — под шумок сорвать куш. Я выкупил все, что мог, чтобы удержать позиции компании.

— Ты это спланировал? — удивленно спросил Серж. Он все еще не мог привыкнуть к тому, как хладнокровно Игнат вел дела.

— Нет, — качнул головой Игнат. — Я просто был готов. После всего, что произошло, я понял: нельзя полагаться на удачу. Если ты не готов к ударам, тебя снесут. У меня было слишком много врагов, чтобы оступиться. И слишком мало друзей, чтобы позволить себе роскошь проигрывать.

Серж ничего не ответил. Он видел, что его друг идет к своей цели уверенно, даже если этот путь тернист и полон опасностей.

— Отец, я избавил нас от круга ближних врагов. Теперь наши акционеры — это круг ближних друзей. И, что важнее всего, мы избавились от Гордеева, — произнес Игнат с твердостью в голосе, но его тон оставался спокойным, без лишнего бахвальства. — Тот, кто заварил всю эту кашу, получил по заслугам. Он так агрессивно играл на понижении стоимости акций, что ему пришлось заложить свою долю. А я выкупил ее. Доля нашей семьи в компании увеличилась.

Костя внимательно посмотрел на сына, в его взгляде читалось одобрение. Без слов он протянул руку и крепко пожал ладонь Игната. Этот жест значил намного больше, чем простое поздравление. Это был знак признания. Сын справился. Он взял на себя ответственность и доказал, что может стоять во главе семьи, достойно продолжая дело.

Я смотрела на Игната. Он был таким родным и знакомым, но одновременно новым для меня. Он изменился. Заносчивый парень, которого я знала, превратился в уверенного, зрелого мужчину, который не боялся трудностей. Он не прятался за спиной отца, не искал легких путей. Теперь он сам сражался за то, что было для него важно.

Я видела перед собой другого Игната, которого мне еще предстояло узнавать. И в этой мысли было что-то волнующее.

— Дружище! — воскликнул Серж и так хлопнул Игната по плечу, что тот пошатнулся. — Ну, ты даешь! Молодец! А теперь предлагаю отметить! Пусть этот день станет особенно важным для нас, началом новой жизни.

Предложение Сержа встретили с энтузиазмом. Костя отправился в винный погреб и вскоре вернулся с бутылкой коллекционного шампанского. Когда бокалы наполнили, глава семьи взял слово.

— Каждый из вас, — начал Константин низким, уверенным голосом, обводя взглядом всех собравшихся — сделал все, чтобы этот день стал таким, каким он стал. Мы пережили много потерь. Но мы прошли этот путь. Научились любить. Любить вопреки страху. Вопреки запретам. Я хочу поднять бокал за веру. За доверие. За возможность обрести себя.

Костя сделал паузу, его взгляд задержался на маме. Она с благодарностью ответила ему.

— Этот день, — продолжил он, — стал днем, когда мы снова можем сказать: «Мы — семья».

Вкус шампанского с нотками победы, доверия и любви оставался на губах. В этот момент я чувствовала, что боли больше нет. Осталось только тепло. Только начало новой главы, которая обещала быть светлой.

Глава 53. Любовь возвращается

Наконец-то я смогла поговорить со Стешей. Мы сидели рядом, будто вернувшись в те беззаботные времена, когда ничего не могло помешать нашей дружбе. Я призналась, как сильно скучала, как мысленно обращалась к ней через небо, веря, что она услышит. А она, улыбаясь сквозь слезы, сказала, что делала то же самое.

— Прости, что не открылась тебе, когда мы встретились в книжном, — прошептала я, чувствуя груз вины.

— Конечно, Ярочка, я все понимаю. — Голос у Стеши задрожал, глаза наполнились слезами, но она улыбалась. — Это я должна просить прощения. Столько лет мучилась из-за того, как плохо рассталась с тобой в тот день. Обидела тебя, не поняла, что случилась беда. Я была ужасной подругой.

— Ты всегда была для меня самой лучшей. Давай забудем о том моменте. — Я обняла ее, понимая, как она дорога мне и что я больше не хочу ее терять. — Нам столько нужно рассказать друг другу. — Мой взгляд скользнул на Сержа, намекая, что мне хотелось бы услышать, как началась их история.

Мы говорили о многом. Я хотела знать, как Стеша жила эти годы, как закончила учебу, как продолжила творить и стала писательницей. Она рассказывала, как научилась любить жизнь и радоваться ей, несмотря ни на что.

— Я говорила: «Вспомни, как Яра ценила жизнь. Ты просто не имеешь права быть несчастной», — делилась она. — Я училась любить себя.

Меня восхищало ее упорство и та работа, которую проделала Стеша над собой. Ей удалось не только принять себя, но и раскрыть свой внутренний мир и найти предназначение. Она перестала слушать чужое мнение и позволила самой себе заговорить — через творчество. Стеша рассказывала о книгах, новых проектах и о том, как решила попробовать себя в роли сценариста. Так она оказалась в компании Сержа и началась их история.

К нашему разговору вскоре присоединился и Серж. Я слушала их и видела, как они идеально дополняют друг друга. Рядом с ним Стеша светилась счастьем, а он смотрел на нее так, словно с ним было настоящее сокровище. В их паре не было места осуждению, только принятие и понимание. Друг в друге они обрели абсолютный комфорт, им было интересно и уютно вместе. Оба научились принимать себя такими, какими они были, и ценили это обоюдно.

Я радовалась за них. Если раньше Стеша мечтала об искрометных отношениях, как у нас с Игнатом, то теперь уже мне хотелось иметь такие отношения, как у нее с Сержем: полные гармонии и взаимопонимания.

Мое внимание переключилось на маму и Костю. Он был рядом, внимательный, но осторожный. Мама смущенно поднимала на него глаза, явно чувствуя неловкость и раскаяние. Они оба не спешили, но шаг за шагом уверенно двигались друг к другу. Я видела это и понимала: я могу доверить маму Косте.

Вечер завершился прогулкой к реке. Все разбились на пары. Серж и Стеша шли впереди, держась за руки и весело переговариваясь. Мама с Костей следовали за ними. Я и Игнат замыкали эту небольшую процессию.

Мы шли по гравийной дорожке, и шорох наших шагов заполнял тишину. Над нами уже опустилось светлое летнее небо. Игнат поглядывал на меня, растерянно улыбаясь и бросая смущенные взгляды. Я чувствовала, как он рассматривает меня, можно даже сказать, изучает. После всего, что случилось, нам было непросто начать разговор. Мы были вместе, держались за руки, но я не представляла, какими могут быть отношения у нас теперь. Мы не были теми юными Игнатом и Ярославой, сводными братом и сестрой, которые искали тепла и любви,

запрещали себе любить, но тянулись друг к другу. Мы изменились. Теперь нам предстояло узнать друг друга заново.

Я видела перед собой Игната — взрослого, сильного, уверенного в себе. Он обрел свой путь, стал тем, кем мечтал быть. А мне только предстояло понять, кто я. Кем станет Ярослава? Заметив, что я ушла в свои мысли, Игнат осторожно спросил:

— Ты рядом, но будто далеко, думаешь о своем. Давай поговорим, Яся. Я хочу заново узнать тебя.

Я глубоко вдохнула, собираясь с мыслями.

— Именно об этом я и думаю. Сама хочу себя узнать. Сегодня я чувствую, что, наконец, проснулась ото сна, в котором провела долгих шесть лет. Я потеряла годы своей жизни, но не хочу считать, что с ними исчезло все, что было мне важно. Хочу вернуться к тому, что имеет значение. Вернуться в свою жизнь.

— Я сделаю для тебя все, что смогу и даже больше, — быстро ответил Игнат.

— Спасибо тебе за это. Но мне важно сделать все самой.

Он кивнул, словно пытаясь понять мои чувства.

— У тебя есть план? — спросил он, не отводя взгляда.

— Я хочу восстановиться в университете и получить образование, о котором мечтала. Хочу вернуть свою внешность. Это будет непросто, а что-то, наверное, и вовсе невозможно. Но я хочу видеть в зеркале себя — свои глаза, свой цвет волос. А еще хочу дописать книгу. Теперь я точно знаю, что у нее будет счастливый конец.

Игнат остановился. Мы остались стоять напротив друг друга. Он смотрел на меня с волнением, будто собираясь задать вопрос, который долго не решался произнести.

— А что ты скажешь о нашей истории? — Его голос звучал глухо. — Хочешь ли ты быть со мной?

Он опустил глаза, словно стыдясь своих слов.

— Я очень виноват, Яся. Мне сложно даже произнести вслух, что я... что я едва не убил тебя. Прости, если за такое вообще можно простить. С момента, как встретил тебя под другим именем, я словно потерял разум. Чувствовал тебя в каждом прикосновении, видел схожие жесты, слышал в твоём голосе знакомые интонации. Аромат твоей кожи я принимал за проклятие, но вдыхал с наслаждением. Я не знал, кого люблю — тебя или твой призрак. Но в ресторане... я позволил затмению накрыть меня. Услышав, что Влада виновата в смерти Ярославы, решил, что только месть сможет разорвать это мучительное притяжение к тебе. Но вместо этого чуть не уничтожил тебя... Я хотел отомстить и едва не лишил жизни.

Я приложила руки к его груди, чувствуя, как сердце бьется под моими ладонями.

— Ты забыл, что еще и спас меня, — мягко произнесла я. — Хотел убить, но сумел спасти. В тебе победила любовь. Я прощаю тебя, Игнат. Мне тоже есть в чем покаяться. Я была несправедлива, отталкивала тебя, причиняла боль. Прости за каждый такой раз. Я делала это не потому, что плохо к тебе относилась, а потому что боялась. Боялась, что рядом со мной тебе грозит опасность. Но давай отложим этот разговор. Сейчас я хочу сказать тебе то, что не успела шесть лет назад. В тот день я хотела отправить тебе сообщение, но оно так и осталось со мной. Игнат, я тебя люблю, — выдохнула я, глядя ему в глаза. — Ты дорог мне. Очень. Я постоянно думаю о нас... о тебе. Скучаю. Но сейчас в голове все как будто перемешалось. Мне нужно немного времени, чтобы разобраться в себе.

Я нежно дотронулась до его щеки — ладонью, осторожно, с трепетом, которого больше не хотела скрывать. А потом продолжила говорить честно, так, как чувствовала.

— Я хочу быть с тобой, видеть тебя, прикасаться... Но я прошу — не торопи. Позволь мне самой понять, кто я теперь. Мы договорились быть честными и говорить обо всем не таясь. Ты лучшее, что было в моей жизни. Глупо скрывать свои чувства. Глупо не признаться, что я люблю тебя.

Игнат не перебивал. Молчал, вслушиваясь в каждое слово, будто запоминал навсегда. Потом взял мою руку — бережно, аккуратно — и поднес к губам. Его взгляд... в нем было столько мольбы и боли, что у меня защемило сердце.

— Я понимаю, Яся, — горько произнес он. — Все понимаю. И принимаю. Было бы само-надеянно ждать от тебя ответа сразу... Я благодарен тебе за эту искренность. Это так много для меня значит.

Он сделал паузу, вдохнул глубже, будто собираясь с силами.

— Если позволишь, я просто буду рядом. Не стану лезть в твоё пространство, не буду давить. Мне не нужно много — просто видеть тебя, чувствовать, что ты есть, знать, чем ты живешь. Я хочу быть опорой. Подставить плечо, если станет тяжело. Потому что знаю — тебе непросто. Но и мне... Мне тоже тяжело.

Он замолчал ненадолго, а потом тихо добавил:

— Яся, мне нужна ты. Не вообще кто-то — именно ты. Помоги мне. Я тоже хочу нормально жить после всего, что произошло. Твоя любовь — мое спасение. Ты — часть меня. Без тебя... меня как будто нет.

Я кивнула и молча обняла его, прижимаясь щекой к груди. Он коснулся моей талии, а затем начал медленно и так бережно гладить по волосам, спине, как будто боялся спугнуть. Мой Игнат. Тот, кто чувствует меня. Кто понимает даже то, что я еще не сказала. Кто умеет молчать рядом и при этом быть ближе всех.

Мы стояли вот так, обнявшись, никуда не спеша. Никто из родных не мешал — будто понимали, что нам нужно время. Только мы и бескрайнее небо над нами. Тревожная тишина сменилась ощущением тепла и умиротворения. В ней звучала гармония. Мысли прояснились, все встало на свои места, обретя смысл. Я посмотрела на него. В его взгляде больше не было того мучительного беспокойства, которое я видела раньше. Усталости. Тени отчаяния. Все это растворилось. Осталась только надежда. Мы улыбнулись друг другу.

Мы больше не прятались. Сказали вслух все, что долго не решались признать. И, кажется, именно честность стала новой точкой отсчета. Мы напишем новую страничку нашей книги любви. Словно в подтверждение этому свет закатного солнца окутал нас своим нежным сиянием.

Я знала, даже больше, была уверена, что в нашей жизни никогда не останется места обжигающему страху. Наконец, мы освободились от тайн. Ложь, какой бы маленькой она ни была, всегда грузом давит на душу. Правда может быть тяжелой, но с ней можно жить. Мы не знали, какой станет наша жизнь дальше, но дали себе обещание — больше ничего не скрывать. Любить — значит доверять. Все остальное — не про любовь.

Глава 54. Быть счастливой

Год спустя.

Мама долго восстанавливалась. Ей потребовался длительный курс лечения и реабилитации, после которых здоровье ее значительно улучшилось. Но ей пришлось заново учиться любить жизнь.

Находясь в плену у Стаса, она пообещала себе: если выберется, то будет помогать таким же женщинам, как и она, оказавшимся в трудной ситуации один на один со своими проблемами. Вместе с Костей она создала центр для женщин, переживших насилие. Мама говорила: «Если бы такое место было тогда, моя жизнь могла бы сложиться иначе».

Но это была бы другая история. История жизни и любви. Помощь беззащитным людям стала миссией моей мамы.

Их отношения с Костей напоминали раннюю весну. Они признались друг другу в любви, но оба понимали: взрослым людям сложно строить отношения только на вспышках эмоций. Это был осознанный выбор, долгий путь. Сблизиться пока было сложно. Но мама работала над собой, а Костя окружал ее заботой.

Он настоял, чтобы мы с мамой остались жить в особняке. Наша жизнь здесь остановилась много лет назад, и теперь Костя хотел вернуть нам всем утраченное тепло. Он сохранил все: комнаты, мебель, даже наши вещи. Мама отказывалась, но Костя не отступал. Теперь этот дом стал местом, где прошлое обретало новое значение.

Аромат сирени, едва уловимый даже зимой, словно сопровождал нашу семью в каждом моменте жизни. Дом, в котором мы собрались после всех бурь, стал символом возрождения. Игнат и Костя часто приезжали сюда ко мне и маме. Мы собирались за одним столом, ужинали, обсуждали планы, делились успехами, а потом выходили в сад или проводили вечера у камина.

Я замечала, как Косте тяжело уезжать от нас, а маме — отпускать его. Их взгляды, украдкой брошенные друг на друга, говорили о многом, но страхи прошлого все еще ставили барьеры. Я верила, что однажды они позволят себе быть вместе, позволят своей любви расцвести вновь.

Наши с Игнатом отношения развивались иначе. Мы оба изменились, и нам предстояло строить заново не только нашу любовь, но и доверие. Я училась быть с ним искренней, не прячась за недосказанностью, не пытаюсь замкнуться в себе. Игнат тоже открылся для меня по-новому, даря любовь, которой я раньше боялась. Он сдержал обещание и дал мне время восстановить свою жизнь.

Сегодня Игнат пригласил меня на свидание. У него было отличное настроение — день выдался удачным, дела на работе шли в гору, активы росли, и все это благодаря его упорству, хватке и умению держать все под контролем. Он стал настоящим управленцем — уверенным, собранным, с блеском в глазах.

Было жарко. Игнат зашел в дом с двумя роскошными букетами роз — один протянул мне, а второй мы отнесли в комнату к маме. Он приехал без пиджака, оставив его в офисе, а рукава светлой рубашки закатал, обнажив изящные мужские запястья. Я не могла отвести от него глаз. Любовалась тем, каким он стал. Красивым, зрелым, уверенным. Часто, когда мы бывали в городе, я ловила на нем оценивающие взгляды девушек и женщин. Но Игнат будто не замечал никого вокруг. И я знала: его сердце принадлежит только мне. Его Ясе.

Я ждала Игната. Сегодня на мне было минималистичное платье карамельного оттенка, в простоте которого заключалась особая магия. Чистота, нежность, легкость. Волосы я собрала в высокий хвост — теперь они снова были светлыми. А глаза... Я не могла вернуть свой родной цвет. Сначала переживала, но потом поняла: здоровье дороже. Иначе я могла вообще лишиться зрения. Я смотрела в зеркало и, наконец, приняла себя такой, какая я есть.

— Яся... — прошептал Игнат, увидев меня. — Ты сегодня такая красивая. У тебя просто... невероятные глаза.

— А я думала, что красивая всегда... — я посмотрела на него с игривым прищуром и повела плечом, едва сдерживая улыбку.

Игнат привлек меня к себе, обнял, коснулся моих губ ласково и нежно, но постепенно его поцелуй становился все более настойчивым.

— Яся-Яся, ты сводишь меня с ума, — прошептал он мне на ухо.

— А ты меня, — ответила я, прижимаясь к нему всем телом. Мне не хватало дыхания, так моментально жарко стало между нами.

Воздух вокруг заискрил. Мы были опасно близко. Еще немного, и мы не сможем остановиться. Игнат это почувствовал. И ему, кажется, было нелегко отпустить меня из объятий.

— Мы идем... или остаемся? — спросил он, с трудом контролируя себя.

— Нас ждут мама и Костя в ресторане, — напомнила я, отрываясь от любимых губ.

Игнат тяжело выдохнул, он помнил, что не должен давить на меня.

Удачно миновав пробки, мы припарковались у сквера недалеко от ресторана. До встречи еще оставалось время, и мы решили немного прогуляться. Погода была чудесной. Мы шли по залитому солнцем старому скверу. Приближался вечер. Еще немного, и солнце зайдет за горизонт. Мы держались за руки, как в юности. Шутили, смеялись, болтали о всяком, будто и не было тех страшных лет.

Мне было легко и хорошо, у меня снова появились крылья. Я заканчивала университет. Мама, после долгих месяцев лечения, наконец, пошла на поправку. Друзья — Стеша и Серж — были рядом и помогли мне вновь встать на ноги. И, главное, рядом был он. Мой Игнат.

Я наслаждалась его любовью. Его взглядом. Его прикосновениями. И да — я тоже любила. Это чувство зрело во мне, расцветало, наполняло изнутри с каждой новой встречей, с каждым поцелуем.

Мы много говорили — легко, непринужденно. Я рассказывала Игнату о своих планах: что хочу остаться в университете, попробовать себя в преподавании, заняться научной работой. Продолжить обучение и одновременно писать. У меня уже вырисовывались в голове новые сюжеты, кое-что я начала записывать. Пока никому об этом не говорила — кроме Стеши, конечно. Игнат слушал, кивал, и я видела, как он улыбается. От этой улыбки у меня внутри все согревалось.

— Хочешь стать серьезной ученой дамой? — с интересом спросил он. — Будешь потом такая вся строгая, в очках, с пучком на голове, ставить бедным студентам двойки и отправлять их на пересдачу? — пытаюсь оставаться серьезным, продолжил он.

— Игна-а-а-ат, ну почему ты так думаешь? Что не так? — Я сделала вид, что обиделась, и нахмурилась.

— Потому что представляю тебя в очках и с указкой, — подмигнул он.

Я рассмеялась. Он был просто невозможным. Но вдруг Игнат стал серьезным, улыбка исчезла с лица. Он остановился и взял меня за руку.

— Яра, я, наоборот, безумно рад, что ты определилась. Нашла себя. Нашла то, от чего глаза светятся. Тебе действительно пойдет быть учительницей, — мягко улыбнувшись, он коснулся моей щеки ладонью, провел по ней пальцами и обнял меня — крепко, надежно, так, будто этим объятием хотел защитить от любых проблем. Его рука скользнула по моим волосам, остановившись на талии, и я прижалась к нему сильнее.

— Я мечтаю, чтобы ты была счастлива во всем, — продолжал он. — И мечтаю о нас. О доме. И... да, о детях, которых ты мне подаришь.

Я замерла и чуть склонила голову, смущаясь от вспыхнувшей внутри нежности.

— Ты уже думаешь о детях? — тихо спросила я, чувствуя, как внутри меня разливается волна нежности к Игнату.

— Яся, я просто мечтаю о них, — голос его был неожиданно серьезным. Он взял мою ладонь, поднял к губам и легко коснулся ее тыльной стороны. — Хочу дочку. Такую же красивую, как ты.

— А может... мы чуть-чуть подождем? — улыбнулась я, заглядывая в его глаза.

— А это уж как получится, — смеясь, ответил Игнат. — Но, если что, я заодно и сына не против.

Я рассмеялась и, обхватив ладонями его лицо, поцеловала. Сначала легко, потом — чуть дольше, глубже. Игнат подхватил мой поцелуй, такой теплый и бережный, но с тем внутренним жаром, от которого сжималось сердце. В этом поцелуе были мы. И все, что ждало нас впереди.

Не знаю, сколько мы так стояли, словно растворившись друг в друге, не замечая ничего вокруг. А потом просто медленно пошли дальше, держась за руки. Свернули на боковую тропинку, ведущую к ресторану, где нас уже ждали мама и Костя. И в тот момент я вдруг отчетливо поняла: вот оно — счастье. Такое простое. Такое настоящее.

Глава 55. Покушение

В машине, припаркованной недалеко от ресторана, сидела девушка в темных очках, скрывавших половину ее лица. Еще издали она заметила неспешно шагающую парочку, выходящую из сквера на неширокую улицу. Парень с девушкой остановились на светофоре. Автоледи сразу их узнала. Адреналин зашкаливал, отчего кровь ударила ей в голову. Молодые люди стояли на тротуаре и о чем-то мило беседовали. Было видно, что их тянет друг к другу, словно магнитом. Парень мягко, почти благоговейно обнял спутницу, а потом поцеловал. Она ответила ему тем же. Каждый их жест, от взгляда до прикосновения, кричал о взаимной влюбленности. Между ними искрило.

Девушка в машине смотрела на них и не могла отвести глаз. Ревность медленно расплзалась по телу, будто яд, проникающий в каждую клеточку ее сознания. Она сделала все, чтобы их разлучить.

Или... почти все?

Может, именно в этом и была ее ошибка?

Она верила, искренне верила, что все, что случилось с ее отцом, — дело рук этих двоих, и в первую очередь этой «серой мышки». Отец — некогда могущественный человек, которого раньше все уважали и вместе с тем боялись, — теперь сидел в тюрьме. Семейный бизнес рухнул, как карточный домик. Мать потеряла свой пост, замкнулась в себе, перестала появляться в обществе. От женщины, которая когда-то блистала, осталась лишь тень. Ни друзей, ни статуса, ни уверенности в завтрашнем дне. А сама девушка... уехала за границу. Спряталась. Но ненадолго — пришлось вернуться, чтобы распродать остатки записанного на нее имущества.

Каждая встреча с матерью становилась пыткой.

— Никчемная, — выплевывала та ей в лицо всякий раз. — Даже парня удержать не смогла...

Парня, на которого ее семья сделала ставку. Парня, который сейчас стоял рядом с этой девчонкой и смотрел на свою спутницу так, как никто и никогда не смотрел на нее саму.

Еще недавно она была блистательной, уверенной в себе девушкой, с фамилией, открывающей любые двери и служившей пропуском в высшее общество. А теперь? Теперь она — никто. Пустота. Как ей встать на ноги? С чего начать? О том, чтобы за границей попытаться охмурить богатого иностранца, она даже думать не могла — не позволяла гордость, да и не получилось бы. Что-то внутри по-прежнему тянуло ее к тому самому, единственному. К тому, кого она, как казалось, любила. Или... это была не любовь? Может, только зависимость? Болезненная тяга, которая выедаёт изнутри и не дает дышать, но не отпускает?

Но еще сильнее, чем эта затхлая тоска, в ней укоренилось другое чувство — острое, выжигающее. Желание мстить своим обидчикам. И вот они стояли прямо перед ней. Счастливые, влюбленные. Смеялись, держась за руки, будто мир принадлежал только им. И, что хуже всего, он снова с ней. С Ярославой. С той, кого она теперь ненавидела еще сильнее.

Она не хотела верить, что Ярослава не только выжила, но и стала той самой Владиславой. Как это вообще возможно? Но теперь сомнений не было — перед ней проклятая Ярослава Черникова. Та, что разрушила все.

Это стало последней каплей. И сейчас, увидев их вместе, она приняла решение осуществить желаемое и навсегда разлучить влюбленных.

Без колебаний девушка за рулем резко нажала на педаль газа.

Игнат держал Яру за руку. Они уже почти перешли дорогу, и были в нескольких метрах от уютного ресторана, где их ждали родители. Внезапно тишину перекрестка прорезал визг шин.

Игнат резко обернулся и увидел машину, которая неслась прямо на них, не снижая скорости. На немногочисленной улице все случилось за секунды. Он успел только дернуть Яру за руку и оттолкнуть в сторону, а сам...

Раздался глухой удар, скрежет металла, затем вспышка боли в его глазах — и все. Капот машины задел его по касательной, прежде чем влететь в фонарный столб. Парень упал, и все вокруг для него схлопнулось в одну-единственную черную точку, сознание отключилось. Яра даже не сразу сообразила, что произошло. Она тоже упала, ударившись о тротуар, и разодрала колено, но это было неважно. Главное — Игнат. Он лежал без движения. Забыв о своей боли в ноге, она бросилась к любимому.

— Игнат! — ее голос сорвался в крик. — Игнат, пожалуйста, ответь...

Яра опустила на колени перед ним, не обращая внимание на боль и капельки крови, стекающие вниз по ноге.

— Помогите! — закричала она в толпу, которая уже начинала собираться.

Руки ее не слушались. Дрожащими пальцами она пыталась достать телефон, но они словно онемели. Паника душила. Она испугалась за Игната, боялась не успеть.

Кто-то из прохожих звонил в скорую, кто-то держал за плечи Яру, чтобы она не упала в обморок. Но девушка все смотрела на Игната, на его лицо и закрытые глаза.

Для Ярославы все происходило как в замедленной съемке. Она хотела положить голову Игната на свои колени, но не решилась, понимая, что при травмах любое движение может только навредить. Ее тело дрожало, глаза застилали слезы, и все, что она могла — осторожно гладить его по волосам и шептать сквозь слезы: «Только открой глаза. Только не оставляй меня...»

И он, словно поняв, что Ярослава находится на грани, вдруг зашевелился. Медленно, с трудом открыв глаза. Его взгляд метался: небо, лица, шум улицы — и Яра, рыдающая рядом. Память начала возвращаться урывками. В голове пронеслись картинки: вот они счастливые идут и смеются с Ясей, вот летящая на них машина, удар, боль пронзила висок, и Игнат снова потерял сознание.

Все это время они не видели, что за ними наблюдает хрупкая беззащитная девушка с ангельским выражением лица, но с душой демона. Она никогда никому и ничего не прощала. Те, кто общались с ней в последнее время, ловили себя на мысли, что от нее исходит пугающая угроза.

Это она нажала на газ, чтобы расправиться с теми, кого винила во всех своих бедах. От ненависти ее разум отключился. Чувства обострились, желание мести тоже. Все, чего она хотела — отомстить. Но в последний момент, будто очнувшись, резко вывернула руль в сторону. Машина задела Игната по касательной и с треском врезалась в фонарь. Подушка безопасности выстрелила ей в лицо. Девушка уткнулась в нее с криком, увидев краем глаза, как Игнат упал. Это повергло ее в шок. Она одновременно ненавидела его и желала. Желала, чтобы он был ее и только ее. Истерзанная душа рвалась на части. Она испугалась, что причинила Игнату тяжелые увечья, а может быть, даже убила. Внутри нее все кричало: «Что я надела?! Нет, Игнат! Нет! Только не ты!»

К ней подбежали какие-то люди. Вытащили из машины. Орали, ругались. Но ей было все равно. Глазами она смотрела только на парня, лежащего на асфальте. Она переживала за него и повторяла как заклинание: «Только не ты! Дыши, дыши!»

Подъехали скорая и полиция. Игната осмотрели и осторожно погрузили на носилки. Яся машинально отвечала на вопросы людей в форме. И тут она увидела виновницу аварии. Яра узнала ее. Это была Алекса. Та, из-за которой, ей пришлось пережить ад, испытать боль физическую и душевную, унижения, одиночество, страх и смерть. Первое желание было подойти, ударить, оттащить за волосы, а может даже убить. Внутри все кипело: «Это она! Опять она! Ей все мало!»

Взгляды девушек скрестились. Яра смотрела на Алексу с негодованием, решительностью и немым вопросом: «Ну, и чего ты добилась?»

Алекса посмотрела на Игната, а затем перевела глаза на Яру. Выражение ее лица резко поменялось. Теперь оно стало вызывающим, с издевкой. В нем читалось: «Ты опять, девка, вышла сухой из воды! Как же я тебя ненавижу!»

Игната погрузили в скорую и позвали Ярославу. Садясь в машину, она повернулась к Алексе и сказала:

— А знаешь, мне тебя жаль.

Все это время в ресторане Костя с Еленой терялись в догадках, почему их дети так и не пришли на встречу. Они звонили им, но телефоны обоих оказались недоступны. Тревога нарастала и лишь усилилась, когда раздался неожиданный звонок от знакомого полицейского, который сообщил о происшествии рядом с рестораном. Услышав фамилию Елецкий, Константин сразу понял, кто пострадал в аварии. А когда узнал, кто был за рулем, его лицо потемнело. Он и представить не мог, что несостоявшаяся невестка способна на такое, и переживал, что история может повториться.

— Я думал, что худшее уже позади... — только и смог сказать Костя, стремительно поднимаясь из-за стола и давая распоряжение охране.

Когда они прибыли в больницу, Яре уже обработали раны. Врачи настаивали, чтобы она уехала домой, отдохнула, но девушка отказалась. Она сидела в коридоре, не чувствуя времени, ловя каждое движение медиков и жадно всматриваясь в их лица.

Все, что ей было нужно — знать, что Игнат будет жить.

Константин вошел в коридор быстрым, решительным шагом. Убедившись, что с Ярославой все в порядке и коротко расспросив, что произошло, он вызвал главврача и потребовал, чтобы Игнат прошел полное обследование. Когда парня увозили в процедурную, он ненадолго пришел в себя, пытаясь что-то сказать, но его язык заплетался. Врачи сработали оперативно: вкололи обезболивающее, провели диагностику и вынесли вердикт — ушиб мягких тканей, легкое сотрясение. Ничего критичного, но на всякий случай оставили в больнице на несколько дней под наблюдением.

Яра зашла в палату украдкой, хотя и знала, что не положено. Игнат спал, темные волосы взъерошились, руки лежали поверх покрывала. Под действием укола дыхание было ровным, грудь спокойно поднималась и опускалась. Его лицо казалось слишком бледным, а тени под глазами — слишком резкими. Не в силах сдерживать слезы, Яра подошла к нему, присела на край кровати, осторожно коснулась его руки. Пальцы Игната дрогнули, будто он почувствовал, что она рядом. Яра наклонилась, едва касаясь губами его губ.

— Игнат... я с тобой, я тебя люблю, — прошептала она, глядя на него сквозь нахлынувшие слезы.

Постояв еще немного, ей пришлось уйти, в палату заглянула медсестра и сурово посмотрела на нее. Уже поздно вечером, когда все немного улеглось, медперсонал выпроводил посетителей из больницы. Вернувшись в особняк, Елена попросила Константина остаться с ними на ночь. Изнеможенные, они сидели в столовой втроем — пили чай, напряжение сегодняшнего дня не отпускало. Все тревожились за Игната, но вслух об этом не говорили.

Елена пыталась завести разговор на отвлеченные темы, рассказывала о работе фонда, о женщинах, которым удалось помочь. Костя молча слушал, и смотрел на нее. В его взгляде было все: и нежность, и благодарность, и любовь. Иногда он будто отстранялся, взгляд затуманивался, и становилось ясно, что его мысли унеслись куда-то далеко. Яра тоже молчала. Сидела рядом, слушала маму и думала: какая же она сильная. И как ей повезло с Костей, а ему — с ней. Затем мыслями она снова возвращалась к Игнату. Как он? Внутри поднималась волна боли и ярости. Как Алекса могла так поступить?..

Когда расходились спать, Елена обняла дочь, погладила по плечу и сказала:

— Не переживай. Все уляжется.

Яра кивнула, поцеловала маму в щеку и ушла в свою комнату. Но от пережитого сон не приходил. Она решила сходить за водой на кухню. В кабинете у Кости горел свет. Он с кем-то говорил по телефону. Его голос был холодным, резким и очень непривычным. Таким она его еще не слышала.

— Я бы мог поступить иначе, принять другие меры — говорил он. — Но не хочу. Пока. Но это только пока.

— Кем ты себя возомнил? — донеслось в ответ, глухо и раздраженно.

— Тем, кто не позволит прикасаться к моей семье. Ты понял? — Голос Константина стал еще резче. Наступила короткая пауза.

— Я понял... Раз ты дозвонился до меня, — глухо ответил мужской голос на другом конце телефона.

— Я пока не пускаю дело в ход, — Константин говорил жестко, без пауз, — но имей в виду, что подключу все ресурсы, а они у меня есть.

— Чего ты хочешь? — раздался ответ.

— Чтобы ты со своей семейкой держался подальше от моих родных, а особенно от сына, — его голос понизился, стал еще жестче. — И не забывай, кто отец у моей будущей невестки. Пусть и не по крови — но ты же знаешь, как он к ней относится. Даже тюрьма тебя не спасет.

— И что взамен? — Через несколько минут молчания послышалось в трубке. — Помогу с опытным адвокатом, — сухо бросил Костя и закончил разговор.

Яра замерла у двери, она поняла, с кем говорил Костя. Затем тихо отступила и растворилась в темноте. Не хотела, чтобы Костя узнал, что она слышала его разговор.

Вернувшись в комнату, Ярослава по-прежнему не могла уснуть и открыла дневник. Она снова начала вести его после возвращения домой:

«Последний год был для меня настоящим счастьем. Я словно птица, которую наконец-то выпустили из клетки. Радовалась небу, солнцу, разным мелочам и, кажется, снова научилась улыбаться. Но самое главное — я больше не боялась, ни за себя, ни за маму, ни за Игната.

Однако этот год для меня был не простым.

Я восстановилась в университете, прошла курс реабилитации. Словно заново вскрывала старые раны, не только на теле, но и в душе. Я старалась вернуть прежнюю себя. Мечтала изменить свое лицо, свою внешность, но, как оказалось, это было практически нереально. Побывав у одного, второго, третьего врача, я пришла в уныние, была на грани истерики. Все они в один голос утверждали — полная замена внешности невозможна. Превращая меня во Владу, врачи провели столько сложных операций, что теперь вернуться к прежнему лицу не получится. Я рисковала, не оставшись Владой, превратиться даже не в Яру, а в кого-то третьего. Такая перспектива казалась мне еще более устрашающей. Учитывая последствия, мама, Игнат, Стеша тоже настаивали на том, что ничего больше менять не стоит. Сначала я не соглашалась с ними, но они убедили меня не рисковать. Доводы Игната были самыми вескими.

— Как никто, я понимаю тебя. Соглашусь с любым твоим решением. Но подумай о своем здоровье. Мне не важно, какое у тебя лицо: Яси или Влады. — И, немного помолчав, добавил: — Я люблю тебя люблю.

Игнат не требовал от меня ничего, кроме того, чтобы я просто жила. И я решила — не буду больше возвращаться в прошлое.

Не стану жалеть о потерянных годах, боли, страхе и унижениях. Если нам с мамой удалось выбраться из того ада, то все должно быть не зря. Я обязана жить. Я разрешила себе любить и быть любимой. Просто не имею права поступать иначе, не могу позволить и

дальше разрушать себя изнутри своими сомнениями. Слишком долго не позволяла себе быть счастливой.

Я училась заново быть собой. Не просто существовать, а действительно жить. С жадностью набросилась на учебу, словно боялась, что у меня снова отнимут эту возможность. Сдавала экзамены, ходила на семинары, общалась с однокурсниками. В общем, жила по-настоящему.

В минуты, когда казалось, что я не выдержу, рядом был родной человек. Я чувствовала, как бережно он относится ко мне. Как боится причинить боль, как хочет быть опорой и доказать свою любовь. А доказывать мне и не нужно было. Я знала, что он раскаивается, корит себя за то, что не узнал меня. Но я его не винила. Мы снова были вместе. Только уже другими, более взрослыми, прошедшими трудные испытания.

Наши отношения развивались постепенно. Мы разговаривали долгими вечерами обо всем: о жизни, о прошлом, о нас. И о будущем тоже. Он слушал меня. Я слушала его. Мы полностью открывались друг другу, рассказывая, что нас тревожит и волнует.

И сегодня я окончательно поняла, как дорог мне Игнат. Я всегда хочу быть рядом: заботиться о нем. И если когда-нибудь я его потеряю... просто не смогу дышать. Потому что он — мое все».

Глава 56. Любить и быть любимой

Игнат быстро шел на поправку. Молодой, крепкий организм легко справлялся с последствиями аварии. Врачи уверяли, что ничего серьезного его здоровью не угрожает. Пара дней под наблюдением специалистов, и можно возвращаться к привычному ритму. Но Константин, зная напряженный график работы сына, настаивал, чтобы тот задержался в клинике еще немного, отдохнул и полностью восстановился. А чтобы Игната никто не беспокоил, все вопросы по управлению компанией решал сам вместе с помощником Игната, строго-настрого запретив всем тревожить парня.

Константин вообще стал другим с возвращением Ярославы и Елены. Казалось, что в нем возродилась жизнь, резкие черты лица сгладились, во взгляде появилась та самая мощь, которую Игнат помнил с детства. Ушла пугающая пустота в глазах. Теперь Игнат стал спокоен за отца. Но никто, кроме него, не знал, как дорого отцу давалась это внешнее спокойствие в последние годы. Только сын видел, что спасало его — бесконечная работа и желание обучить преемника всем тонкостям управления большой компании. Теперь, когда Елена и Ярослава находились рядом, он будто бы помолодел. Свою неумную энергию Константин направил на новое дело. Он помогал Елене создавать и развивать фонд помощи жертвам насилия.

Ранним утром отец навестил Игната в больнице.

— Как ты, сын? — улыбнулся он, но в голосе звучала обеспокоенность. — Сегодня с Еленой открываем новое отделение в Краснокаменке. Но если надо, я останусь.

— Все нормально, пап. Не переживай.

Игната радовало, что отец вернулся к жизни. А еще ему нравилась поддержка, которую Константин оказывал. После всех трагических событий они очень сблизились и научились проявлять заботу по отношению друг к другу.

— И еще, сын, — протянул Константин руку для рукопожатия, — ты молодец. Настоящий мужчина. Горжусь тобой. — Голос Кости звучал по-отцовски твердо. Он не хотел быть скупым на слова и по достоинству оценил поступок Игната.

— А как иначе, — сдержанно ответил Игнат, пожимая руку. Он знал, что отец уже давно считал его равным себе.

В день выписки с самого утра моросил мелкий затяжной дождь. Над городом нависало небо, низкое, тяжелое, серое. На улице похолодало. Ярослава, нервничая, ждала возвращения Игната из больницы. Она бесконечно проверяла телефон, выглядывала в окно, ловила каждый звук на подъездной дорожке.

Зная, что он скоро приедет, она все равно не могла усидеть на месте. Ей показалось, будто послышался знакомый гул двигателя. Не раздумывая, Яра выбежала из дома в легкой домашней одежде. Холодные капли дождя падали на девушку, ветер растрепал ее волосы. Она остановилась у калитки, вглядываясь в пустую дорогу. Машины не было. Только серое небо, влажный воздух и дождь, льющий без остановки. Повернувшись, она быстро вернулась в дом, поживаясь и вытирая лицо и мокрые волосы.

Ей было одиноко. Мама и Константин уехали по делам фонда и обещали вернуться не раньше, чем через пару дней. Но Яра была за них спокойна. Она видела, как им хорошо вместе. Оба обрели смысл жизни. Когда раздался дверной звонок, сердце Яры подпрыгнуло. Она сорвалась с места и кинулась к двери. На пороге стоял он — промокший, с каплями на ресницах, с взъерошенными от ветра волосами.

— Игнат, ты весь мокрый, быстрее раздевайся, — радостно сказала она и уже потянулась к его куртке, чтобы помочь, но он не отпустил ее, задержав в своих объятьях.

Игнат обхватил Яру. Молча. Крепко. И не хотел отпускать. Как будто подтверждал, что он здесь, вернулся и он ее. И только потом его губы коснулись ее губ, не спеша, нежно, с благодарностью.

Она не сопротивлялась, отвечала ему. Поцелуй затягивался, медленно становился глубже, горячее, опаснее, грозя перерасти в нечто большее. Их сердца отчаянно бились от любви, от желания, от понимания, как близко они были к тому, что могли вновь потерять друг друга.

Игнат остановился первым. Глубоко выдохнул и откровенно посмотрел ей в глаза.

— Прости, — прошептал он, — я очень скучал.

Девушка ничего не сказала, только прижалась крепче и сама поцеловала в ответ.

В кармане у Игната зазвонил телефон. Не отпуская девушку из своих объятий и продолжая ее целовать, он все же нащупал трубку и нехотя ответил:

— Да? — голос прозвучал хрипло и недовольно.

— Дружище, ты просто молоток! Как сам? — раздался в трубке бодрый голос Сержа. — Ты, я слышу, не доволен моим звонком? Что, я не вовремя?

— Ты мне немного помешал, — с усмешкой ответил Игнат. Только с другом он мог говорить так — без прикрас, с подколом.

— Извини, не знал, что ты занят. Но все же... ты опять спас Яру и смог спастись сам. Хорошо, что отделался малым. Ты реально в рубашке родился. Я восхищаюсь тобой, — уже серьезно добавил Серж.

— Все норм. Только приехал в отчий дом. Со мной Яся. Кстати, передает тебе привет, — сказал он, перехватывая ладонь девушки, выпорхнувшей из его объятий и накрывавшей ужин на двоих. Она стала заваривать свой любимый ягодный чай. Запах малины и мяты наполнял кухню.

Даже разговаривая с другом, Игнат не сводил с девушки зачарованного взгляда, следя за каждым ее движением.

— Привет, Серж, как ты? — Ярослава тут же присоединилась к разговору, весело взглянув на Игната.

— Привет, Яра! — Серж добродушно поздоровался с девушкой. — У нас все... просто отлично. Я нашел то, что давно искал, — в его голосе звенело довольство. — Мы со Стешей собираемся в круиз через пару дней.

— Стеша мне ничего не говорила об этом, — удивилась Ярослава.

— Потому что еще не знает. Тихо, это секрет, — Серж явно улыбался, что чувствовалось даже на расстоянии.

— Рад за тебя, — искренне отозвался Игнат. — Еще созвонимся. Ты мне скоро понадобишься, — загадочно проговорил он.

— Все, пока! Не буду мешать, — отозвался Серж и отключился.

На улице вечерело. Прохлада вползала в дом вместе с запахом мокрых листьев. За окнами все так же упорно стучал дождь, капли барабанили по карнизу. В гостиной царил мягкий полумрак. Верхний свет не включали, горели только бра на стенах. Яра развела огонь в камине. Сам Костя когда-то обучил ее этому искусству. Девушка достала пледы и, укутавшись, они сели рядом, поближе к огню. Камин потрескивал теплыми языками пламени.

Игнат бросил взгляд на журнальный столик — там лежала книга Милы Феникс.

— Это Стешина? — заинтересованно спросил он.

— Да. Она подарила мне. Я очень рада за Стешу. У нее, кстати, серьезное продвижение — и в творчестве, и в компании Сержа, — с гордостью проговорила девушка. — И, кажется, как мы сейчас узнали, в личной жизни тоже, — продолжила она, улыбаясь.

— И я рад за них, — утвердительно кивнул Игнат. — Они отличная пара. Очень подходят друг другу.

— Правда... От них искрит за километр. Может, они решатся на более серьезный шаг в своих отношениях?

— Как знать, — лукаво улыбнулся Игнат, поглядывая на Яру. На самом деле он уже давно знал, что Серж собирается сделать Стеше предложение во время круиза, но тот просил сохранять тайну. Игнат держал слово.

Близким людям было ясно, что эти влюбленные созданы друг для друга и по-другому быть просто не может. Серж расширил бизнес, выходил на новый уровень. Стеша писала истории, занималась созданием сценариев, по которым снимали кино. Яра искренне радовалась за подругу, гордилась ей и любовалась их парой, в отношениях которой была и страсть, и нежность, и настоящая дружба.

Согревшись объятиями, поцелуями и горячим чаем, Яра и Игнат сидели в полумраке гостиной, укутанные в пледы, и просто разговаривали обо всем на свете, о настоящем и планах на будущее. Им было трудно оторваться друг от друга. Они то целовались, то обнимались, будто не было этих долгих лет разлуки, и они вновь очутились в своей юности, как и прежде, наслаждаясь моментом.

— Послезавтра у меня вручение диплома, — тихо напомнила девушка, опустив голову ему на плечо.

— Волнуешься? — Игнат обнял крепче, прижимая к себе.

— Конечно. Обещай, что придешь.

— Обязательно, — он склонился к ее виску. — Как я могу пропустить такой день?

Девушка немного отстранилась и внимательно посмотрела на него.

— Может, тебе лучше прилечь? Ты устал. Нужно отдохнуть... — с волнением произнесла она.

— Только если со мной будешь ты, малышка. — Он наклонился и снова поцеловал, неторопливо, но уверенно. — Яся, — его голос стал серьезным, — то, что я к тебе чувствую... это уже не подростковая влюбленность и не юношеская безумная страсть, которая сносит голову. Это нечто большее, глубокое, неподвластное разуму чувство. То, что не объяснить словами. Но я и не буду пытаться. Просто хочу, чтобы ты сама поняла то, о чем я говорю. Не хочу быть голословным.

— А мне и не нужны слова, я и так все чувствую своим сердцем: ты надежный, искренний, я ощущаю твое крепкое плечо, я знаю, что ты всегда рядом и с тобой я в безопасности. — Она говорила так же честно, как и он.

В этот день их планам посмотреть фильм на проекторе так и не суждено было сбыться.

Игнат посадил меня к себе на колени, придерживая одной рукой, другой убрал выбившуюся прядь с моего лица. Я немного откинулась назад, позволяя ему коснуться губами моей шеи. Его дыхание обжигало кожу, но в какой-то момент он чуть отстранился и посмотрел в глаза:

— Яся... если мы сейчас не остановимся, не смогу удержаться.

Но я и не хотела останавливаться. Мое влечение к нему, к моему мальчику, только росло. Мои чувства, страсть, желания прорывались наружу, не спрашивая разрешения. Я прикрыла глаза, опустила ладонь чуть ниже его живота и как бы невзначай провела пальцами вниз по ткани джинсов.

— Яся... — Игнат перехватил мою руку, придерживая за запястье, но в его голосе не было упрека. Только дрожь. Только желание.

— Я совсем потеряла голову, — прошептала я, чувствуя, как щеки горят.

— А я давно ее уже потерял, — сказал он и коснулся губами моего запястья. — Как же мне нравится, как ты пахнешь... Я помнил этот аромат всегда.

Игнат, не отрывая взгляда от моих глаз, поднялся на ноги, продолжая держать меня на руках. Мы вновь одновременно потянулись друг к другу, и наш поцелуй вспыхнул с новой силой — глубокий, нетерпеливый, до дрожи в коленях. Я сжимала его плечи, цеплялась за него, как будто боялась отпустить хоть на мгновение. В каждом моем прикосновении читалась жажда быть с ним, принадлежать ему. И он чувствовал то же самое. Это было очевидно по тому, как крепко он прижимал меня к себе, как отвечал — так, будто мы были единственными, кто остался в целом мире.

Игнат понес меня вверх по лестнице, в спальню. Я плохо помнила, как мы поднимались. Все было в каком-то сладком ослепляющем тумане. Несколько раз мы останавливались. Игнат, не в силах одновременно страстно целоваться и нести, прижимал меня к стене, придерживая, чтобы не уронить. Он целовал меня так, что мне хотелось кричать — не от боли, нет, от счастья, от переполняющих эмоций, от этого невыносимого, яркого чувства, которое вырывалось наружу и захватывало все мое существо.

Уже перед входом в спальню он остановился. Я не выдержала, и сама начала целовать его лицо, шею, плечи, сдвинув ворот футболки.

— Какая ты горячая, малышка, — страстно произнес Игнат, заводя меня еще больше.

Я очнулась, только когда мы оказались на кровати. Мы оба были словно подростки — с бешено стучащими сердцами, растрепанными волосами, пьяные от прикосновений. Мы пытались снять друг с друга одежду, сбивались и снова целовались, пока наконец не остались совсем обнаженными в полумраке спальни. Но теперь я ничего не боялась и не скрывала своего тела.

Игнат навис надо мной, продолжая целовать — нежно, будто впервые, и в то же время с той яростью и неистовством, что появляются, когда так долго ждал. Каждое его прикосновение разжигало новый огонь внутри, порождало желание новых, еще более страстных, горячих, требовательных поцелуев. Я не могла насытиться ими. Внутри меня разгорался свет, готовый вспыхнуть пламенем. На какое-то мгновение Игнат остановился, жадно глядя на меня янтарными глазами, в которых отражался блеск моего огня. В его взгляде — вопрос. Но он уже знал ответ.

И я тоже знала.

— Я люблю тебя, — срывающимся голосом произнесла я и непослушными от волнения пальцами провела по его лицу, притягивая к себе, обнимая так крепко, как только могла.

— И я тебя люблю, — шептал он мне, целуя губы, лицо, глаза.

Его откровенные прикосновения сводили меня с ума. Я дарила Игнату свое сердце, все свою нежность, искреннюю, выстраданную любовь. Я тонула в нем, растворялась, не пытаясь спастись. Прижималась к нему всем телом и требовала от него того же. Жадно отвечая на его прикосновения, припадала к губам, разрешая ему все, что он хотел, и сама позволяла себе любые прикосновения и поцелуи. Его губы опускались все ниже, заставляя меня сдерживать крик. В какой-то момент я не смогла сдержаться и произнесла его имя, волна всепоглощающей любви накрыла меня с головой. А я продолжала наслаждаться его красивым телом, к которому припадала своими жаркими губами. Для нас не больше было запретов. Обнимая Игната за напряженные плечи, я слышала биение его сердца. Не контролируя себя, впивалась ногтями в его рельефные мышцы на спине. Движения Игната становились все более ритмичными, дыхание обрывистым, он вздрогнул, а потом склонился ко мне, шепча мое имя. Темные волосы упали на его лоб, глаза были затуманены, словно пьяные. Он лег на спину, а я все смотрела на него, не в силах отвести взгляд. Некоторое время мы молчали, потом Игнат сгреб меня в охапку и положил мою голову к себе на грудь, нежно целуя, глядя рукой по спине.

— Тебе было хорошо? — спросил он тихо.

— Да, — ответила я так же негромко, словно боясь разрушить гармонию момента.

— Спасибо, что поверила мне, — произнес Игнат.

Теперь я сама легонько поцеловала его, перевернувшись на бок, и крепко прижалась к нему всем телом. На душе было хорошо. Я полностью доверяла Игнату и наслаждалась его доверием.

Мы повзрослели, прошли испытания и хотели быть просто счастливыми. А еще я мечтала любить и быть любимой. И чтобы Игнат был рядом. Всегда.

Глава 57. Предложение

Вручение диплома было для меня настоящим событием. Я очень волновалась.

За этим днем стояло слишком многое — бессонные ночи, лекции, сессии, стажировки. И не только. За этим днем стояла я, выжившая, собранная из осколков, преодолевшая столько преград.

Я шла на красный диплом — потому что иначе не умела. Пройден еще один рубикон в моей жизни. Я доказала себе, что смогу и сделала это. Не сдалась. Вгрызалась в каждую тему, впитывала знания, как будто от этого зависело мое будущее. Возможно, так оно и было. Но если честно... такой настойчивой и упорной я стала не сразу.

После того, как все закончилось и я, наконец, получила свободу, мне не хотелось ничем заниматься. Столько душевных сил потратила, пока была пленницей Стаса и носила маску Влады. Я не могла ни с кем встречаться и никого не хотела видеть. Закрывалась в своей комнате и, укрывшись одеялом, просила, чтобы никто меня не беспокоил и не тревожил расспросами. И только благодаря близким — маме, Косте, друзьям и, конечно, Игнату — я смогла выбраться из депрессии и плена собственных страхов, терзающих меня.

К вручению диплома я готовилась как к первому свиданию. Наряд выбирала долго — в итоге надела платье из нежного сиреневого шелка, невесомое, как облако. Волосы убрала в аккуратную прическу и сделала легкий нюдовый макияж. А еще приколотла к платью ту самую брошь в виде бабочки — подарок Игната. Я аккуратно провела пальцами по ее гладким крыльям. Она напоминала мне о нем. О нас.

Я посмотрела в большое зеркало. В отражении была девушка, которую теперь я узнавала. Спокойная, целеустремленная, живая. Наконец-то, я смогла принять себя такой, какой стала.

— Какая ты у меня очаровательная и умная, Яся, — подошла ко мне мама и осторожно обняла. В ее глазах блеснули слезы.

— А ты у меня самая красивая мама на свете, — ответила я, погладив ее по волосам.

— Я горжусь тобой. Поздравляю тебя с окончанием обучения. Знаю, как тебе это было важно. С каким упорством ты добивалась цели, — шепнула она.

Потом мне позвонили Стеша и Серж с искренними поздравлениями. Мы обменялись парой слов, и я почувствовала, как в груди разливается тепло. Они мои люди. Всегда рядом. Пусть даже на расстоянии.

А перед самым выходом позвонил Игнат.

— Яся, поздравляю! — В его голосе было столько нежности и гордости, что у меня перехватило дыхание. — Ты молодец. Целую тебя. Волнуешься?

— Спасибо, — выдохнула я. — Знаешь... правда волнуюсь. Прямо до мурашек.

— Все будет хорошо. Не переживай. Совсем скоро увидимся, — пообещал он, кажется, эти слова прозвучали как-то по-особенному.

Мы попрощались, и я поехала в университет.

В главном корпусе царил праздничное волнение. Все были особенно нарядными. Парни — в белоснежных рубашках и строгих костюмах, девушки — в элегантных платьях, с прическами, блестящими глазами, и взволнованными лицами.

Церемония проходила в большом актовом зале, залитом солнечными лучами, проникающими через огромные окна. Паркетный пол сверкал, усиливая ощущение торжественности момента.

Просторная сцена с бархатным занавесом смотрелась торжественно. С обеих сторон ее украшали бело-золотые и ярко-розовые фонтаны из воздушных шаров, а под потолком висели золотые звездочки и сердечки, будто сама Вселенная решила поздравить нас с окончанием этого важного этапа. Все это великолепие захватывало дух. До начала официальной церемонии

все ждали в фойе, где располагалась фотозона в виде открытой книги, украшенная световыми лентами и живыми цветами. Она казалась сказочной и настраивала на праздничное настроение. Пройти мимо было невозможно. Мы фотографировались: поодиночке, группами, обнимались, смеялись, ловили момент. Приятное ощущение праздника не покидало меня, в душе появилось прекрасное чувство ожидания чего-то нового.

Студенты перешептывались: такого оформления никто не ожидал. Говорили, что один из меценатов пожертвовал крупную сумму специально для этого дня.

Наконец, нас пригласили в зал. Голоса студентов затихли. Ректор начал торжественную церемонию, затем слово взял декан. Он приглашал выпускников на сцену по очереди для вручения диплома. Настал мой черед.

Я поднялась на сцену, стараясь не волноваться слишком сильно. Сердце в груди билось быстро, но в то же время я ощущала безграничное счастье. Когда диплом оказался в моих руках, зазвучала красивая лирическая музыка. Раздался шквал аплодисментов. Конечно, и другим выпускникам аплодировали, но сейчас овации были особенно громкими, особенно горячими. Я растерянно огляделась, не сразу поняв, в чем дело.

И вдруг... Увидела его. Моего Игната. Он поднимался на сцену — элегантный, подтянутый, в темно-синем костюме и белоснежной рубашке. В руках он нес большой букет бело-алых роз.

Я немного растерялась. Зал продолжал аплодировать. У меня внутри все сжалось от волнения. Игнат подошел, обнял меня, поцеловал в щеку и поздравил с окончанием учебы. Я едва успевала дышать. Он что-то сказал — и тут же попросил:

— Закрой глаза.

Я подчинилась. Я слышала только шум в зале и чувствовала его присутствие — родное, любимое, желанное.

— Открывай, — шепнул он.

Я распахнула глаза — и увидела в его ладони фирменную голубую коробочку.

— Дай мне руку, — Игнат тепло улыбнулся, открыл коробочку и достал кольцо.

Я протянула ему руку — едва заметно дрожащую, а он надел кольцо на безымянный палец и, глядя прямо в глаза, произнес:

— Яся, мое сердце давно сделало выбор. Мы долго шли к этому дню. И вот он настал. Я люблю тебя. Мечтаю, чтобы ты была со мной навсегда. Я знаю, ты единственная, с кем я хочу разделить всю оставшуюся жизнь, — чувственно произнес Игнат. — Ярослава Черникова, ты выйдешь за меня?

Я не могла вымолвить ни слова. Просто смотрела в его янтарные глаза, полные любви, и пыталась справиться с нахлынувшими эмоциями. Потом, собралась и сказала:

— Я согласна, Игнат. Я тоже тебя люблю, — больше не смогла ничего произнести из-за нахлынувших слез и лишь крепко обняла его, прижавшись к груди моего любимого.

Он подхватил меня на руки и закружил, а потом, целуя в висок, прошептал: — Я так счастлив, малышка. Обещаю, ты никогда не пожалеешь об этом решении.

Я боялась, что все происходящее — сон. Что сейчас кто-то щелкнет пальцами и я проснусь. Но это была реальность. Такая яркая, настоящая, наполненная светом.

Свет софитов отражался в колечке — изящном, из белого золота, с крупным четырехгранным камнем в центре, окруженным россыпью мелких бриллиантов. Камушки, выложенные дорожкой по ободку, сияли, словно маленькие звезды.

Игнат снова обнял меня, осторожно, с особой нежностью, как будто боялся спугнуть этот момент. Его губы коснулись моих. Зал взорвался аплодисментами. Я уже ничего не слышала. Были только его дыхание, только его прикосновения.

Он взял меня под руку, подхватил букет, и мы вместе сошли со сцены в зал, где нас встречали мама, Костя, Стеша и Серж. Счастливая мама укладкой вытирала слезы. Родные по

очереди обнимали нас, поздравляли, говорили добрые слова. Я тоже расплакалась от радости и переполняющего меня счастья. Обнимая Стешу, я шепнула: —Почему не предупредила?

— Как могла? Это был секрет, — так же шепотом ответила она и подмигнула.

Наша любовь прошла все — боль, сомнения, испытания верностью, дружбой, преданностью. Мы выдержали. Мы вместе. Я верила — у нас с Игнатом все будет хорошо. Главное — не расплескать это хрупкое долгожданное счастье.

Он глядел на меня с такой нежностью, таким обожанием, будто я была главной его ценностью, центром его жизни. И я смотрела на него и чувствовала то же самое. Сейчас в наших глазах только вера, только надежда и бесконечная любовь. Мы любим — и это главное.

«Ты — моя», — говорили его глаза.

«Ты — мой», — повторяло мое сердце.

Эпилог

Аромат сирени, проникающий сквозь открытые окна, наполнял библиотеку сладостью воспоминаний. Этот запах стал для меня символом первой и настоящей любви. Я закончила работу над книгой и с замиранием сердца поставила точку. На титульном листе рукописи значилось мое имя — Ярослава Черникова. Без псевдонимов, без масок. Чужим именем меня больше никто не назовет.

История Зари, девушки-звезды, стала моей собственной. Трагедией. Победой. Перерождением. Я завершила ее, чтобы подарить своей героине то, что она заслуживала. То, что, наконец, я обрела сама — счастье.

Если вы помните, история Зари оборвалась на моменте, когда она начала общаться с принцем. Доброе сердце девушки пробудило в нем нечто большее, чем просто симпатию. Она напомнила ему любимую, и эта связь разрушила чары морока, удерживающие героиню. Но Заря добровольно покинула принца и вернулась к оборотню, похитившему ее мать. Принц же отправился на поиски девушки. Он не хотел опять потерять любимую.

Оборотень поставил Заре условие: убить принца, наследника Небесного города, с которым она была обручена с детства, чтобы спасти мать. Но Заря отказалась. Это стало началом финальной битвы. Оборотень решил оклеветать ее, выдав за убийцу возлюбленной принца, и в ярости произвел колдовской ритуал. Он хотел принести Зарю в жертву руками принца, отняв у того душу через убийство невинной. Тогда оборотень одним разом забрал бы души обоих возлюбленных. А с ними — и власть над Небесным городом.

Заря знала об этом. Знала и молчала — не по своей воле. Он отнял у нее голос, чтобы правда не прозвучала. Чтобы она не могла объяснить, не могла защититься. И когда принц, ослепленный ненавистью, пришел за ней, Заря не стала убегать. Она шагнула на встречу к нему первой. Обняла. И, выхватив у него из-за пояса кинжал, решила вонзить его себе в грудь. Она хотела остановить зло. Спасти любимого от мрака убийства. Уберечь от тьмы, в которую он почти шагнул.

Но когда лезвие коснулось ее кожи, свет звезды внутри оказался сильнее. Кинжал выскользнул из ее рук. Чары колдовства рухнули. Принц понял, что чуть не совершил ошибку, и вступил в бой с оборотнем.

Любовь и вера спасли Зарю. Свет звезды расколдовал ее и победил тьму.

Заря, девушка со светом в сердце, дочь Звездной девы, вознесла молитву к светилам, сиявшим в ночном небе. Она просила их помощи своему отцу, который ради семьи и народа отдал душу темным силам. И они откликнулись на ее зов. Их общая молитва сотворила чудо: свет проник в самое сердце мрака, черные силы отступили, перестав терзать его душу. Заря спасла своих родителей.

В ту ночь девушка поверила, что любовь сильнее даже самых темных сил.

Вместе с принцем она вернулась в Небесный город. Вскоре состоялось свадебное торжество. История завершилась счастливо, как и должно быть.

Игнат помогал мне работать над этой книгой. Принц был его любимым персонажем, в которого он вложил часть себя — силу, смелость, умение защищать и любить. А Стеша, как опытный автор, подсказывала, как лучше построить сюжет. Мы с ней часто встречались, как в добрые студенческие годы, читали друг другу написанное, делились идеями.

Отношения Стеши и Сержа стремительно развивались. Во время круиза по Средиземному морю Серж сделал ей предложение руки и сердца, что для Стеши не было неожиданно, она чувствовала приближение этого момента и с трепетом согласилась. Решение двух любящих людей соединить свои сердца и идти по жизни вместе было взвешенным и обдуман-ным.

Мы с Игнатом тоже определились. Нашу свадьбу назначили на начало осени, в первый месяц этого удивительного времени года. Церемонию запланировали провести в кругу самых близких людей в живописном особняке Елецких. Это будет в то время, когда природа начнет меняться, и все вокруг станет таким уютным и теплым, воздух — чистым и свежим, а солнце еще будет согревать. Весь мир заиграет яркими красками, чего мне так не хватало в последнее время.

После свадьбы мы планировали уехать к океану — туда, где впервые между нами вспыхнули чувства. Нам казалось, что именно там, в том самом месте, вода окончательно смоет с нас остатки боли, залечит душевные раны и подарит полное обновление. Сделает нас еще ближе. Еще роднее.

Больше мне ничего и не нужно было — только быть рядом с Игнатом. Делиться с ним жизнью. Дышать одним воздухом. И вместе расти, и становиться лучше, мудрее, делать что-то важное. То, что запомнится.

Игнат тем временем все больше брал на себя управление делами холдинга. Костя доверил ему значительную часть руководства, готовясь к передаче всего бизнеса. Игнат справлялся — не с легкостью, но с уверенностью. Он менялся, становясь не просто сильным, но и мудрым. Твердость характера, взвешенный подход к управлению, полное знание своего дела отличали Игната. Куда делся тот взбалмошный, вспыльчивый юноша? Я гордилась им и хотела, чтобы он тоже гордился мной.

Игнат с Костей во всем поддерживали друг друга и оставались очень близки. А вот с матерью было сложнее. Вначале Игнат избегал общения, хотя глубоко переживал произошедшее. Мы с ним много говорили о поступке Алины, о доверии, пытались вместе ее простить. Это помогло Игнату сделать шаги к сближению. Алина же вынесла хороший урок об отношениях близких людей, в которых нет места поиску выгоды и недоверию. Со временем разговоры Игната с матерью по телефону стали длиннее, а встречи теплее.

Костя с мамой теперь были вместе. В фонде, который Елена создала при его поддержке, всегда хватало работы — трудной, серьезной, требующей полной отдачи. И в первую очередь — моральной. Но Константин, как всегда, шел вперед с той самой энергией, что когда-то помогла ему выстроить бизнес с нуля. Он вкладывался в это дело всем сердцем.

Они сумели помочь сотням женщин, которые оказались в беде. Вместе они давали им шанс начать все с начала.

Я смотрела на них и не могла не удивляться. Мама изменилась. Стала другой. Живой, уверенной, будто расправила плечи после долгих лет боли и лишений.

Алекса Гордеева... Она окончательно ушла от родителей с их завышенными ожиданиями. От требований и от пустых упреков. Благодаря решению Кости и Игната не возбуждать уголовное дело ей удалось избежать наказания. Она изменила имидж, уехала за границу, училась жить заново — без притворства, без попыток быть удобной. Встретила мужчину — состоятельного европейца, — позволила ему полюбить себя. Возможно, именно с ним она сможет обрести то, что так долго искала. И, несмотря на мое отношение, я желала ей обрести счастье.

Я долгое время не знала, куда же отправилась Мэри. Как и не знала, где Марк. Каждый из них получил свободу. Вальзер не принял Мэри назад. Как оказалось, она нашла поддержку в Марке, и, кажется, между ними завязались отношения. Но была ли их связь серьезной? Покажет время. Марк все еще мечтал о своем бизнесе, и я верила, что его мечты однажды воплотятся.

Мы все искали свое место в этой жизни, свою правду. И, кажется, теперь у каждого из нас был шанс начать все с начала.

Что касается Вальзера... Сложно описать, что я чувствовала, когда рассказывала ему свою историю, всю ту правду, что долгое время пряталась за ложью и страхом. Большая часть была ему уже известна. В свою очередь, Вальзер рассказал, что прочитал мое письмо в тот

же день, как я его написала. Это он приходил в дом с красной крышей, чтобы защитить меня при необходимости, понимая, что я могу находиться в опасности. Он всегда незримо оберегал меня. И осознание его отцовской любви согревало.

После его выписки мы поехали к Виоле. О смерти Влады мы так и не решились ей сказать, тревожась за ее состояние. Но по выражению глаз Виолы, по затаенной в них тоске мне казалось, что она и так все понимала.

Мы побывали на могиле Влады. На памятнике изменили имя и фото, так же поступили и с памятником Оксаны. Я стояла перед надгробием с обещанием в сердце: «Влада, я никогда не забуду твою маму. Буду ее навещать. И к вам тоже приходиться буду». Это был мой долг перед ней, перед Оксаной. Их жизни оборвались из-за чужих преступлений, но память о них должна остаться светлой и долгой.

Вальзер изменился. Он отошел от криминального мира. С моего согласия официально признал меня своей дочерью. Все, что когда-то принадлежало Владе, переписал на мое настоящее имя — Ярослав Черникову. Такое решение значило больше, чем любые слова.

С Игнатом он продолжил совместные деловые проекты. За жизнь Вальзер прошел большой путь от человека с уголовным прошлым, «уважаемого» бизнесмена до мецената. Занявшись благотворительностью, спонсировал работу с трудными подростками, помогал создавать и поддерживать детско-юношеские спортивные секции, чтобы отвлечь молодых людей от улицы.

Игнат, мама, Вальзер и все остальные стали прототипами героев моей следующей книги. Их истории, переплетенные с моей, создали основу нового романа, где реальность и вымысел слились в единое целое. Пройдет время, и я начну забывать, где пролегает граница между действительностью и художественным вымыслом. Но одно останется неизменным: выбор. Запретить или разрешить себе любить? Я выбрала одно. Любить.